

Л.Р. Городецкий

**ДИНАМИЧЕСКАЯ
СЕМАНТИКА ТЕКСТА
И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА
ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА**

МОСКВА
2023

ББК 83.3 (о)9
87.3(о)
Г67

Городецкий Л. Р.

Динамическая семантика текста и языковая картина мира
Осипа Манделъштама. М.: Таргум, 2023. – 416 с.

ISBN ISBN: 978-5-9903304-0-5

Эта монография – попытка вывести семантику текста Осипа Манделъштама из холодной статики «пространства подтекста бесполого» в горячую динамику операторной семантики, совершенно не отказываясь при этом от интертекстных рассматриваний.

Предлагается новый метаязык для описания М-семантики, начиная с примарных определений. Новый подход включает, в частности, элементы «квантового дискурса» (связанные с идеологией Нильса Бора и копенгагенской школы), а также элементы «психолингвистического дискурса», связанные с результатами когнитивной психологии.

Изучаются системные механизмы «динамической операторной семантики», работающие в процессе порождения текста. Рассматривается «языковая картина мира» (ЯКМ) Манделъштама. Демонстрируется применение понятий и структур этого «бравого нового семантического мира» к пониманию ряда сложных мест в манделъштамовском тексте.

Автор книги – сотрудник Института востоковедения РАН. Им опубликованы несколько монографий и отдельных работ о лингвопоэтике и семантике текста О. Манделъштама.

По вопросам приобретения этого издания
обращайтесь по телефонам:
+7-903-1147959, +7-903-7934471

ISBN: 978-5-9903304-0-5

© Л. Городецкий, 2023

О г л а в л е н и е

Введение	5
Сокращения и условные обозначения	11
<i>Глава 1. Динамическая операторная семантика: основные объекты и дефиниции</i>	<i>13</i>
<i>Глава 2. Метафорика М-текста</i>	<i>23</i>
<i>Глава 3. Непрерывность семантического отображения (НСО-принцип). Применения НСО-принципа для анализа М-текста</i>	<i>43</i>
<i>Глава 4. СИ-операторы и их функции в М-тексте. Виды СИ-операторов</i>	<i>58</i>
<i>Глава 5. Межъязыковые интерференции (МИ)</i>	<i>65</i>
<i>Глава 6. Текст как динамическая система. Рекурсивная модель порождения М-текста. Рекурсивный бриколаж Мандельштама</i>	<i>81</i>
<i>Глава 7. Основные управляющие матрицы (установки) семантического процесса в М-тексте. Связь с Талмудом и с еврейским традиционным дискурсом</i>	<i>92</i>
<i>Глава 8. Языковая картина мира (ЯКМ) Мандельштама. Специфика языковой геометрии М-ЯКМ</i>	<i>154</i>
<i>Приложение 1. Корпус «межъязыковых интерференций» у Мандельштама. Иноязычные словоформы и слово- сочетания (эксплицитные и суггестируемые) в текстах Мандельштама, комментарии к ним</i>	<i>204</i>

<i>Приложение 2. Магия текста: текст Мандельштама vs радио-газетный советский новояз, он же язык «Ленина-[Троцкого]-Сталина», он же «ленинское-сталинское слово»</i>	325
<i>Приложение 3. Примеры семантического анализа текстов, в которых используются вышеизложенные техники: (I) «из гнезда упавший щегол» в поле столкновения цивилизаций: тексты 1922–1923 гг.; (II) «канцона»; (III) «довольно кукситься...»; (IV) «стансы (1935)»</i>	348
Библиография	403

Введение

От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

А. Пушкин

«Смысл» = цимес

*В. Путин*¹

Семантика – наука о «смыслах» текста². А как понимали выражение «смысл текста» в европейской науке 20 века?

Попытки дать определение «смысла» сводились, в сущности, к высказываниям типа: «Смысл фрагмента текста – это его внутреннее логическое значение (Bedeutung)». Или: «смысл (фрагмента) есть инвариант языковых перифраз»³.

Фактически, в подобных высказываниях «смысл» либо «определяется» с помощью некоей тавтологии/метафоры, либо остается какой-то плохо познаваемой «вещью в себе», и эта ситуация неудовлетворительна, потому что мешает эффективно «работать» с этим объектом⁴.

Достаточно очевидна необходимость создания «неклассического» метаязыка для описания семантики текста⁵.

¹ «...в этом весь смысл, цимес то есть» – из высказывания В. Путина на пресс-конференции в декабре 2020 г. Президент, как, наверное, и его спичрайтеры, применяет для определения «смысла» идишистскую метафорику.

² Здесь и далее слово «текст» обозначает, по умолчанию, именно **вербальный** текст.

³ Мельчук И. Курс общей морфологии: в 4 т. – Т. 1. – Москва – Вена, 1997. – С. 45.

⁴ И. Мельчук отмечает: «...для **семантического представления** [записи на формальном языке] лингвистика не располагает пока ни одним формальным языком» [Там же]. Приведём ещё замечательный пассаж из учебника М. Кронгауза «Семантика»: ««Основной вопрос, связанный со значением, звучит следующим образом: **“Что такое значение?” Он в полной мере относится к ряду вечных и, несмотря на многовековую историю, до сих пор не получил не только общепризнанного, но даже хотя бы достаточно ясного ответа. Более того, в рамках современной лингвистики в такой общей форме он по существу вообще не рассматривается**» [222, с. 53].

⁵ Эту ситуацию вполне уместно сравнить с ощущавшейся 100 лет назад не-

В этой работе на примере текстов Мандельштама аргументируется, что этот новый метаязык, этот «бравый новый семантический мир» должен включать элементы «квантового дискурса»⁶, современного «когнитивистского дискурса» и т.д.

Почему именно Мандельштам, ведь все эти рассуждения релевантны отнюдь не только для его идиолекта?

Дело в том, что дискурс Мандельштама⁷ – наиболее подходящий «полигон» для изучения ряда семантических механизмов, ибо у него многие системные семантические механизмы как бы «вылезают на поверхность»⁸.

Существенно еще и то, что Мандельштам (может быть, подражая Гёте) культивировал в себе «научное» отношение к семантике собственного текста (и к семантике вообще) и пытался понять и эксплицировать ее системные механизмы. Это очевидно в РД и «просвечивает» в ряде других его текстов.

* * *

Дискурс Мандельштама вполне специфичен: М-текст – это текст-вызов для читателя любой квалификации, текст-«догадайся-почему», текст-«задачник-огромных-корней»⁹.

Каждый квалифицированный читатель/исследователь пытается достичь «понимания» М-текста, создавая (и предлагая

обходимостью создания «неклассического» языка физики для описания квантовых явлений: при этом «новый язык» совершенно не отменял классическую механику Ньютона и т.д. Метафора избитая, но надёжная.

⁶ Хотя бы потому, что известное высказывание Н. Бора (о физике) в современной лингвистической интерпретации выглядит так: «вся система классической **семантики** [у Бора: «физики». – Л. Г.] <...> основана на предпосылке, что можно отделить **смыслы текстов** [у Бора: «поведение материальных объектов». – Л. Г.] от вопроса об их наблюдении», см. *Бор Н. Атомная физика и теория познания.* – М., 1961.

⁷ Уместно упомянуть в этом же контексте и тексты Вавилонского Талмуда, а также ряд текстов «авангарда», например, Хлебникова.

⁸ Здесь уместно применить любимую Мандельштамом архитектурную метафору: авангардная архитектура 1920–30-х гг. часто так же эксплицирует «системные службы» зданий, вынося их «на поверхность» и т. д.

⁹ Характерное восклицание С. Аверинцева: «...очевидно, что иррациональное начало в его поэзии не может быть сведено на нет никаким умственным истолкованием... Поэтому его стихи так заманчиво понимать и так трудно толковать» [95, с. 236].

окружающим) свою метафорику, свои системные *ключи* для «открывания» *установок/матриц* его семантического процесса и его *смыслов*¹⁰

Собственно, история изучения семантики Мандельштама и есть история создания таких *ключей*¹¹. Лингвисты, текстологи и литературоведы второй половины 20 века сделали множество замечательных наблюдений и расшифровок, а также высказали целый ряд релевантных гипотез, касающихся «истории генерации», «устройства» и «смыслов» множества больших и малых фрагментов текста авангарда вообще и М-текста, в частности.

В последнее время проясняется, что наиболее частые используемые исследователями методики (как то: подтекст, интертекст и т.д.) – это частные случаи подхода, который можно назвать: *метод семантических отображений*. Этот метод использует для дешифровки М-текста специфические (и при этом почти не изученные!) свойства отображений (одного в другое) соответствующих *семантических пространств* и актуализирует внутреннюю динамику М-текста, преодолевая излишнюю статику («холод пространства бесполого») интертекстного подхода и т. д.

В этой работе анализируются некоторые блоки **аппарата семантических отображений** (операторов), включающие, прежде всего:

¹⁰ При этом каждый использует те «ключи», которые ему «дозволяет» его собственная культурно-цивилизационная система. Ср. высказывание А. Пелипенко: «Мир познаваем настолько, насколько культурная система, в которой бытует сознание, позволяет...» [202, с. 28]. Отметим, например, что рутинное для «талмудической культуры» использование «игры слов-паронимов» в качестве инструмента изучения текста почти не приемлемо для *европейской* культурной системы и поэтому практически не применяется европейскими генераторами/реципиентами текста.

¹¹ О. Мандельштам, будучи главным мандельштамоведом 1930-х и пытаясь описать свой (и своего «идеального» читателя) способ чтения, говорил, что текст для читателя – это «холст на подрамнике». В 1935 г. в Воронеже Мандельштам записал: «Пастерн<ак> человек всепониманья; я человек **исключительного** понимания» [72, т. 3, с. 418] – т. е. понятен не всем читателям, а тем, у кого есть **ключи**. Представляется, что в этом высказывании, кроме прочего, манифестируется превалирующая настройка Мандельштама на дискретность мира в противопоставлении некоей непрерывности/континуальности мира Пастернака (и Гёте, которого Мандельштам далее в этом высказывании также называет «человек[ом] всепонимания»).

- рекурсивную модель генерирования М-текста;
- систему т. н. СИ-операторов, действующих (в рамках этой модели) на пространстве текста;
- использование принципа «непрерывности семантического отображения» (НСО-принцип).

Понимание этих системных семантических механизмов, в ряде случаев, позволяет определить¹² локальные «семантические спектры» М-текста и реконструировать процесс генерирования текста.

Как уже было сказано, похожие механизмы присутствуют, наверное, у любого значительного «генератора» текста, но у Мандельштама они более четко просматриваются, чем, например, у Пастернака, более наглядно геометризуются, что ли... Именно поэтому такой же «темный» текст Пастернака – «в глубине» менее «понятен»¹³, хотя часто и «пахнет Мандельштамом»¹⁴.

* * *

Одновременно, М-дискурс является *вызовом* по отношению к русской литературной традиции, которая постоянно воспроизводит библейскую ситуацию пророка с вложенным в него «углем пылающим», транслирующим слушателю непререкаемые и обязательные Слова и Образы.

В случае Мандельштама, генератор текста – это, если продолжить иудаистическую метафору – не пророк, но, скорее, талмудический Учитель, постоянно спорящий со всеми вокруг и ожидающий от слушателя не благоговейного внимания, но участия в обсуждении любой темы, участия в шизоидном полилоге, когда все говорят одновременно, и каждый пытается при этом услы-

¹² Точнее: построить «правдоподобные» семантические гипотезы относительно рассматриваемых объектов, т. е. гипотезы, верные с достаточно большой «вероятностью», причём понятие «вероятности» в этих рассуждениях также следует определить. «Ну и т.д.» – сказал бы здесь Хлебников.

¹³ На другом языке это можно сформулировать так: «семантический компонент» (в смысле модели «Смысл–Текст» И. Мельчука) у Мандельштама более прозрачен, чем, например, у Пастернака.

¹⁴ С Хлебниковым всё обстоит сложнее, но «взаимоотношения» текстов Хлебникова и Мандельштама (как, впрочем, и самих генераторов текста) – это совершенно поразительное явление, которое должно быть рассмотрено отдельно.

шать всех других: «и все хотят услышать всех...».

Для такого традиционного Учителя, Текст и его изучение/продолжение – это, собственно, и есть главный контент жизни¹⁵.

Точно так же для Мандельштама – и в этом, наверное, главная его экзистенциальная специфика – Текст и взаимодействие с Текстом суть жизнь¹⁶, а *смыслы* текста = *смыслы* жизни¹⁷. Мандельштам – *текстоцентрик par excellence*¹⁸.

Тем более поразительно, что внутри этой его текстоцентрической экзистенции присутствует стремление выйти из вербального смыслового пространства во внешний «инакомерный» *невербальный* мир, в котором Бог – не Слово, но Смысл¹⁹. Отметим, что «невербальный» мир для Мандельштама – это, прежде всего, фонический, аудиальный мир, мир музыки.

Повторим: Мандельштам, фактически, предъявляет читателю (и себе!) своеобразный «задачник» смыслов, поэтому для «квалифицированного» читателя М-текста естественно стремиться *решить* предъявляемые задачи, выйти из привычного пространства в «пространства инакомерные», «догадаться, почему», дешифровать, декодировать – можно назвать это как угодно, но главное – «искать и найти смысл»²⁰.

* * *

Поэтому любая работа по семантике М-текста *имеет смысл*, если она сколько-нибудь помогает решению конкретных за-

¹⁵ Ср. высказывание А. Штейнзальца: «Талмудический мудрец сказал: “Снова и снова листай ее, ибо в ней содержится все...” Цель изучения – само учение. <...> главн[ая] талмудическ[ая] установк[а] ... гласит: тот, кто погружается в текст, не должен преследовать никакой другой цели, кроме его изучения» [185, с. 9].

¹⁶ Ср. пассаж в ШВ: «Разночинцу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, – и биография готова».

¹⁷ Подробнее об этом см. [3], п. 1.2.3 и в этой работе в Главе 7.

¹⁸ К тому же он, в некотором смысле, фокусирует в своей экзистенции матрицы и установки принципиально *текстоцентричной* еврейской культурно-цивилизационной системы, см. подробно об этом в монографиях [3] и [200].

¹⁹ Ср. «Иль вырви мне язык – он мне не нужен» («К немецкой речи», 1932). Собственно, стремление к выходу из логоцентрического мира \leftrightarrow встроенное стремление остаться и реализоваться в этом же самом мире – есть главные «дополнительные по Бору» экзистенциальные «смыслы» Мандельштама.

²⁰ «Мы смысловики!» – известное высказывание Мандельштама.

дач, т. е. продвижению в расшифровке «тёмных мест», в реконструкции процесса порождения текста и т. п.

В настоящей работе эти **практические применения** обсуждаемых теоретических моделей в упорядоченном виде предъясняются в **Приложениях**, хотя отдельные примеры разбросаны по всей монографии.

В **главах 1–5** даётся рабочее определение «смысла» и рассматриваются семантические механизмы, работающие на «семантическом пространстве» дискурса Мандельштама: прежде всего, аппарат *семантических отображений* одних областей этого пространства в другие и т. п.

В **главе 6** рассматривается работа этих механизмов в рамках «рекурсивной модели порождения текста» Мандельштама.

В **главе 7** обсуждаются специфические для Мандельштама матрицы/установки, работающие на пространстве «семантической материи». Здесь же (а также в Главе 8) рассматривается интереснейший феномен «системной близости» М-семантики и семантики «еврейского традиционного (талмудического) дискурса (ЕТД)».

В **главе 8** предъясняется ЯКМ Мандельштама – это концепты, ключевые идеи, концептуальные метафоры и т. п., – *точки семантического пространства* Мандельштама или «сгустки семантической материи», как сказал бы сам Мандельштам. Делается попытка метафорического описания *геометрии* этого пространства.

Существенно, что все главы широко используют материал **межъязыковых интерференций** в М-тексте, собранный в **Приложении 1**. Этот материал является значительным расширением соответствующего Приложения в монографии [3]: *Городецкий Л. Квантовые смыслы...*, М., 2012.

Сокращения и условные обозначения

ант.	антоним и оператор создания «противоположного смысла»
акр.	акроним и процесс создания акронима
АПУ	«антропный принцип участия» в космологии
асс.	ассоциация, ассоциативный
БО	«боевая организация» эсеров
де-акр.	«де-акронимизация» слова (процесс, обратный акр.)
ВТ	Вавилонский Талмуд
ДПБ	имеющий отношение к феномену «дополнительности по Бору». Например, ДПБ-ситуация, ДПБ-феномен и т. п.
ЕМ	«Египетская марка»
ЕТД	еврейский традиционный дискурс
ЕЦ	«еврейская цивилизация»
КЦС	культурно-цивилизационная система
КОМЕТА	«концептуальная метафора»
ЛИР	«Литература и революция» (1923), книга Л. Троцкого.
М	Мандельштам
М-дискурс	дискурс Мандельштама
М-семантика	специфическая семантика текста Мандельштама, «смыслы» его текста
М-текст	текст Мандельштама
М-ЯКМ	ЯКМ Мандельштама
мет.	консонантная и/или вокалическая метатеза
МИ	межъязыковая (иноязычная) интерференция
НСО	феномен «непрерывности семантического отображения»
ом., омон.	омоним
омогр.	«графическая + фоническая» связь словоформ
омоф.	омофон
ПА	«Путешествие в Армению»

пар.	пароним
подт.	подтекст
Р-ЯКМ –	«стандартная» русская ЯКМ
РД	«Разговор о Данте»
РЦ	«русская цивилизация»
син.	синоним
СИ-оператор	см. Гл. 4.
ЧП	«Четвертая проза»
ШВ	«Шум времени»
эквиконс.	«эквиконсонанты» (слова с совпадающими наборами согласных) и соответствующий СИ-оператор
ЯКМ	«языковая картина мира»
—————	
Arab	‘арабизм / относящийся к арабскому / арабский язык’
Arm	то же для армянского языка
Fr	то же для французского языка
G	то же для немецкого языка с диалектами
Gr	то же для греческого языка’
It	то же для итальянского языка
Lat	то же для латинского языка
R	то же для русского языка
Ukr	то же для украинского языка
Y, Yd	то же для идиша
YL, YP	то же для литовского и польского диалектов идиша

Глава 1

Динамическая операторная семантика: основные объекты и дефиниции

Слово – Психея. Живое слово не обозначает предмета, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещьность, милое тело.

О. Мандельштам

Мандельштам в РД фактически предлагает воспринимать семантику текста как специфическую динамическую систему, описываемую с помощью динамической метафористики: «непрерывное превращение материально-поэтического субстрата», «силовой поток», «стремящаяся между смыслами и смыывающая их материя», «дифференцирующий порыв» и т. п.

Собственно, вся эта монография посвящена попыткам понять работу этой динамической системы. Но прежде всего необходимо достаточно конструктивно определить, **что есть «СМЫСЛ» (семантика) текста?**

Начнем упрощать рассмотрение, чтобы можно было двигаться дальше. Следуя некоторым идеям Ю. Лотмана¹ и самого Мандельштама, сначала определим **смысл (семантику) данного М-текста как объединение «расшифровок» (упрощающих вербальных описаний)² этого текста всеми квалифицированными³ читателями, включая самого Мандельштама (как**

¹ Ср. высказывание Ю. Лотмана о том, что такое текст: «современная точка зрения опирается на представление о тексте как пересечении точек зрения создателя текста и аудитории» [188, с. 179]. Заметим, что «точки зрения» Мандельштама на свои тексты, т. е. его «состояния сознания» как реципиента своих же текстов, частично зафиксированы в его метатекстах: прежде всего, в РД.

² Корпус подобного рода описаний должен, в частности, включать *вероятностно-оценочные* высказывания типа: «здесь с большой вероятностью имеет место подтекст...», «здесь с вероятностью 0,75 имеет место иноязычная интерференция...» и т. п.

³ «Квалифицированный читатель» (для «случая Мандельштама») – это читатель, понимающий, что М-текст – это не «заумь» в смысле Крученых, но ЗА-УМ-Ь в смысле Хлебникова (т. е. «выход» за «обычное» семантическое про-

реципиента собственного текста).

Проще говоря, смысл текста – это то, что видят и слышат в нем те читатели, которые стремятся видеть и слышать.

Несколько обобщив, можно пытаться определить смысл (семантику) текста как **объединение мгновенных состояний сознания квалифицированных реципиентов (включая самого генератора) в процессе восприятия текста**⁴.

Так определяемый смысл текста – это нечто вроде коллективного греческого *семиозиса*, или коллективного еврейского *мидраша* (см. об этом в Главе 7).

Можно пытаться приблизиться к этому объекту⁵, но ясно,

странство). Таковой читатель, совершает направленное медитативное усилие (в еврейских традиционных терминах это называется *кавана*), чтобы понять «смысл»: «я понять тебя хочу, смысла я в тебе ищу». Если употребить физическую метафорику, такой реципиент **стремится** «настроиться на резонанс» с рассматриваемым текстом.

⁴ Но тогда нужно описать, что такое «мгновенное состояние сознания», и это неизбежно заводит в «метафизическое болото». Ср. похожее определение «смысла» (но в гораздо более общем философско-культурологическом контексте), предлагаемое А. Пелипенко: «**Смысл** – дискретное психическое состояние, содержащее ценностно переживаемую денотацию, выраженную в кодах» [202, с. 432]. В другом месте он пишет: «Общее определение таково: смысл есть дискретное психическое состояние, выраженное в кодах и транслируемое в сферу социальной коммуникации... Смысл – дискретный импульс особого рода интенциональности [= *кавана!* – Л. Г.], испускаемый (излучаемый) человеческим сознанием». См. <http://7iskusstv.com/2011/Nomer3/Pelipenko1.php>.

⁵ Например, можно в обсуждаемом чудовищно огромном семантическом пространстве выделить статистические *точки плотности* (они же – *фокусы интенциональных векторов* на диалекте культурологов) и считать искомым *смыслом* (суперсмыслом) **результат установления между этими точками взаимосоответствия** (это, в сущности, «талмудический» подход). Другими словами: «суперсмысл» есть одновременное («взрывное») осознание неким «супермозгом» ДПП-ситуации присутствия нескольких «взаимоисключающих смыслов»: например, «непрерывной» геометрической метафоры и дискретного вербального описания, или противоречащих друг другу вербальных описаний и т. п. Интересно сравнить этот подход с текстуальными ситуациями, о которых говорит К. Леви-Стросс: «японская письменность использует одновременно два кода... Смысл текста не проистекает из какого-то одного или другого кода, поскольку никакой из них по отдельности не позволит устранить неопределенности: **смысл есть результат приведения их во взаимосоответствие**. Это несколько сходно с тем, что наблюдается в мифах, за исключением того, что задействуемые коды там более многочисленны» [цит. по 197, с. 275].

что для конкретных рассмотрений это «слишком сложный» конструкт.

Поэтому попытаемся еще более упростить определение «смысла».

1.1. Основное определение 1.

«Смысл» вербального текста A – это оператор (отображение) $S: A \rightarrow B$ или пара: $(S: A \rightarrow B) + (S: B \rightarrow A)$, где B – некий вербальный текст (в частности, A и B могут состоять из одного слова). A и B могут совпадать, т. е. текст может отображаться сам в себя, создавая этим некий новый «смысл».

Отметим, что в разных метаязыках оператор S может называться «метафорой», «подтекстом» и т. п.

«Операторный» подход к семантике текста (дискурса), в сущности, неявно содержится в различных высказываниях самого М⁶.

Представляется уместным здесь же привести красивый пример «операторного» подхода к пониманию «смысла» в Вавилонском Талмуде (ВТ): дело в том, что корни М-семантики уходят в «семантическую идеологию» ВТ⁷:

⁶ Например, А. Ахматова в «Листках» и в зап. книжках сообщает о мандельштамовской «теории знакомства слов»: «Осип <...> начал проповедовать систему “знакомства слов”. Он так и говорил: “Надо знакомить слова друг с другом”, цит. по [72, т. 3, с. 447]. Но ведь наш оператор S: (слово, фрагмент текста) \rightarrow (слово, фрагмент текста) и есть настоящее «знакомство слов (текстов)»! Сюда же относится талмудическая семантическая техника «**СТОЛКНОВЕНИЯ СЛОВ**» (*неккеш*), см. Гл. 7, п. 7.3.3.

Уместно здесь привести сообщение Н. Мандельштам [9, с. 216]: «На улице [видимо, в районе Нащокинского, зимой 1933/34 г. – Л. Г.] мы останавливались со Столпнером, переводчиком Гегеля, который убеждал О.М., что он мыслит не словами...». Столпнер, скорее всего, хотел сказать, что Мандельштам «мыслит **связями между «словами», «отображениями»: (фрагмент \rightarrow фрагмент) и т. п.** Философ Б. Столпнер имел традиционное «талмудическое» образование, изучал каббалу, занимался, в частности, Гегелем и Кассирером. Он, по-видимому, уловил корреляции между техниками «операторной семантики» в ВТ (точнее, в ЕТД) и в М-текстах, см. подробнее в Главе 7.

⁷ Через «еврейский традиционный дискурс» (ЕТД), см. подробнее в Главе 7, к материалу которой, фактически, относится этот пример.

⁸«Возразил ему Рабба сын Уллы: какой смысл (утверждения), что эти “малые из мелкого рогатого скота” – это Персия?¹⁰ (Наверное, ты скажешь: “ибо написано (Дан. 8, 20): “двурогий баран, которого ты видел – цари Мадея и Параса”. Но (лучше) скажи (представь, что это) Греция, ибо написано (Дан. 8, 21): “а козёл – это царь Греции”»¹¹.

* * *

Основные ограничения:

Немедленно возникает необходимость как-то сузить незримое множество операторов S, чтобы проводить какие-то релевантные рассуждения.

(А) Будем рассматривать только **«реально существующие смыслы»**, т. е. операторы S, фиксируемые нашими «приборами»¹².

Тем самым, в дальнейших рассуждениях будут участвовать только те «смыслы» текста А, «реальное существование» которых в какой-то момент зафиксировано сознанием генератора или реципиента этого текста.

Более точно: мы будем рассматривать как **«реальные смыслы»** только пары: **отображение S + его фиксация несколькими (более одного!) «приборами»** (т. е. «внутреннее ощущение» нескольких реципиентов¹³ текста, что S имеет место)¹⁴.

⁸ ВТ, трактат Йома, лист 10-а.

⁹ Упоминаемые у пророка Иеремии в стихе Иер. 49, 20.

¹⁰ Вопрос Раббы: «какой смысл утверждения» (арам. *май-машма-де...*) – означает, на самом деле: «в какой **более понятный текст отображается** это утверждение», т. е. какая, тем самым, **текстуальная метафора** его разъясняет/подкрепляет?

¹¹ Ведь «козёл» – тоже «мелкий рогатый скот»!

¹² Наш главный «прибор» в этой ситуации – это наш **мозг**, при том, что его когнитивное устройство мы практически не знаем!

¹³ Это множество может включать и генератора текста.

¹⁴ Это «ощущение» (его еще можно назвать «осознанной ассоциацией») может артикулироваться очень разными способами, как то: «здесь просвечивает текст В», «здесь отсылка к тексту В», «здесь что-то похожее на В», «здесь какая-то связь с В» и т. п. В большом числе случаев (но не всегда!) «ощущение», что наш прибор (мозг) действительно наблюдает «реальное отображение», возникает, когда «сознание» фиксирует присутствие в А **двух** (минимум!) словоформ

Применяя неизбежный здесь фрагмент «квантовой метафорики», так определённый «реальный смысл» можно было бы назвать «**принципиально наблюдаемым** текстуальным оператором (отображением)».

В. Гейзенберг говорит¹⁵: «“принципиально наблюдаемым” является только такой объект, который может наблюдаться (актуально или потенциально, прямо или косвенно) $n > 2$ независимыми способами». Гейзенберг сформулировал т. н. «принцип наблюдаемости»: «**объективным** существованием обладают только “принципиально наблюдаемые объекты”».

(Б) Еще одно ограничение попытаемся определить сначала «интуитивно»: мы будем отождествлять (считать эквивалентными, «равными», «когерентными») два «реальных смысла» $S1: A \rightarrow B$ и $S2: A \rightarrow C$, если соответствующие отображения как бы «непрерывно перетягиваются» друг в друга¹⁶.

Более строго: $S1: A \rightarrow B$ и $S2: A \rightarrow C$ эквивалентны, если существует отображение $S3: B \rightarrow C$, делающее «коммутативной диаграммой» треугольник отображений $S1, S2$ и $S3$ ¹⁷.

Отметим, что при таком определении эквивалентности, неэквивалентные (не-когерентные) «смыслы» одного и того же фрагмента текста являются «дополнительными» в смысле «дополнительности по Бору»¹⁸.

и их «**сильных паронимов**» в В: эта ситуация и служит тогда «триггером» «реального» отображения $A \rightarrow B$.

¹⁵ См. Гейзенберг В. Физика и философия. М., 1963.

¹⁶ О «непрерывности» семантических операторов см. подробнее в Гл. 3.

¹⁷ Отметим, что данное множество «эквивалентных» отображений – это, в сущности, некий «когерентный смысловой пучок» в смысле Марра и Мандельштама. «Когерентность пучка» – это еще одна математическая метафора, применяемая в попытке (следуя Мандельштаму в РД) «геометризовать» семантические рассуждения.

¹⁸ Напомним замечательную «популяризаторскую для гуманитариев» дефиницию Н. Бора (в докладе «Философия естествознания и культуры народов»): «В атомной физике слово *дополнительность* употребляют, чтобы охарактеризовать связь между данными, которые получены при разных условиях опыта и могут быть **наглядно** истолкованы [то есть для каждого из них есть свой «истолковывающий» текстовый оператор S. – Л. Г.] лишь на основе **взаимно исключяющих** друг друга представлений. Употребляя теперь это слово в том же при-

Пример.

Рассмотрим фрагмент А: «ЕСТЬ БЛУД ТРУДА».

Здесь немедленно фиксируются 3 отображения:

S1: $A \rightarrow$ (стандартное «словарное» описание концепта «блуд»).

S2: $A \rightarrow$ нем. Blut 'кровь' \rightarrow русск. «кровь».

S3: $A \rightarrow$ зап.-русс. РУДА 'кровь' \rightarrow русск. «кровь».

«Смыслы» S3 и S2 здесь, очевидно, «эквивалентны», а S1 им не «эквивалентен». Имеем, в результате, 2 **различных** «дополнительных по Бору» «смысла» этого фрагмента. Это, разумеется, не означает, что нет других «смыслов» – например, существует очень интересное «реальное» отображение этого фрагмента в фрагмент «Какой-нибудь изобразитель... чернила и крови смеситель» («Квартира»): просто указанные 2 не-когерентных «смысла» **наиболее «вероятны»**¹⁹.

В заключение введём еще один существенный для дальнейших рассмотрений объект: назовем **семантическим (смысловым) спектром** PS(A) данного фрагмента текста А набор (вектор) релевантных «семантических (смысловых) состояний» А, т. е. набор достаточно вероятных для текста А и взаимно некогерентных «реальных» ОПЕРАТОРОВ S: $A \rightarrow B$ с соответствующими вероятностями PS1, PS2 и т. д.²⁰

* * *

Из определений следует, что изучение семантики М-текста – это, в сущности, изучение видов и системных свойств операторов S и системных психолингвистических установок (матриц),

мерно смысле, мы поистине можем сказать, что разные человеческие культуры **дополнительны** друг к другу». В нашем контексте, «**взаимоисключающих**» означает: *не перетягивающихся непрерывно* одно в другое, т. е. отсутствует *коммутативный треугольник* операторов. Или еще можно сказать так: **взаимоисключающие** представления – это те, которые нельзя **одновременно осознать**, нельзя совместить в *сознании*. См. ниже определение **протосмысла** и соответствующие «квантовые» рассуждения.

¹⁹ Нужно, конечно, определить, что значит здесь выражение «вероятность существования отображения». Скорее всего, это следует понимать как результат серии простых психолингвистических экспериментов. Мы попытаемся описать их «методику» в другом месте.

²⁰ Напомним, что еще нужно адекватно определить эти «вероятности», способ их вычисления и т. д.

работающих при «взаимодействии» автора/реципиента с М-текстом и с операторами S.

Укажем сразу некоторые основные виды и системные свойства операторов S, обсуждаемые в этой работе:

В Главе 2 обсуждается метафорика М-текста, связанная с основной массой операторов S.

В Главе 3 вводится понятие «семантической непрерывности отображения» и обсуждается это **фундаментальное свойство** отображений S.

В Главе 4 изучается основная группа операторов S, работающая в процессе порождения текста (см. Главу 6). Это т. н. СИ-операторы.

В Главе 5 изучается группа операторов S^{21} , обслуживающая ситуацию межъязыковой интерференции – массовый феномен в М-тексте.

В Главе 6 строится т. н. *рекурсивная модель* порождения М-текста (= порождения **новых** смыслов в М-тексте), включающая все виды семантических операторов S.

В Главе 7 изучается система психолингвистических установок (матриц) в М-дискурсе и ее связь с установками еврейского традиционного дискурса (ЕТД), уходящего корнями в текст Вавилонского Талмуда (ВТ).

В Главе 8 делается попытка описания «языковой картины мира» Мандельштама (М-ЯКМ).

1.2. Необходимость «квантового дискурса».

Дант может быть понят **лишь**
при помощи теории квант.

О. Мандельштам (РД, наброски)

Отметим снова, что наиболее продуктивным способом изучения операторов S (как и вообще М-семантики) является применение **метафорики** квантовой теории. Причина в том, что ряд важнейших свойств системы смыслопорождения М-текста может быть адекватно понят именно с применением квантово-

²¹ Пересекающаяся, разумеется, с группой СИ-операторов.

механических «рабочих метафор»²².

Другими словами, квантовая теория, точнее, *квантовый курс*, дает эффективный набор метафор (= набор отмычек) для понимания ряда глубинных динамических системных процессов в М-тексте.

Самой первой таковой метафорой является само введенное выше определение «смысла текста» через понятие «оператора».

Расширим эту метафору:

Основное определение 2:

Назовем **протосмыслом** (или **глубинным смыслом**) фрагмента текста некий «квантовый объект» PS^{23} , который подвергается наблюдению («измерению») с помощью некоего прибора (мозга генератора / реципиента текста). Тогда вышерассмотренные «реальные» операторы-смыслы S есть конкретные «физические» результаты этих «наблюдений»²⁴.

Н. Бор говорил об этой ситуации, что «нахождение словесного эквивалента той или иной мысли [т. е. формулировка конкретного «смысла» текста, она же – оператор отображения в другой вербальный текст. – Л. Г.], **аналогично** действию измерения на квантовый объект», меняющему (деформирующему, «редуцирующему», «убивающему») этот объект²⁵.

Вот как другой физик сжато формулирует «когнитивную» суть «анalogии Бора»: «он [Бор] сравнил процесс измерения в квантовой системе с **воздействием целенаправленной воли, своей или чужой, на человеческое сознание**. Каждый раз, ког-

²² О понятии «рабочая метафора» см. Главу 2. Поразительно интересно, что необходимость применения квантовой метафоры понимал сам поэт, см. эпиграф: это высказывание, как и всё в РД, относится, прежде всего, к тексту самого Мандельштама.

²³ Этот объект еще называют «мысль», «представление» и т. п.

²⁴ Ср. высказывание Мандельштама (РД, глава 2): «Любое слово [фрагмент текста. – Л. Г.] является пучком, и **смысл** [наши операторы S . – Л. Г.] торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку».

²⁵ Об этом же феномене Шопенгауэр: «Мысль умирает в момент, когда воплощается в слова»; Тютчев: «Мысль изреченная есть ложь». Ведь «воплощающие мысль» слова в этой ситуации есть результат действия оператора S : (текст \rightarrow текст), то есть результат (процесса) наблюдения (сопряженный с вмешательством наблюдателя), когда адекватно фиксируется лишь **ОДНА «физическая величина (= один реальный смысл!)»**.

да мысль остановлена на каком-нибудь предмете [т. е. **сознание фиксирует присутствие смыслового оператора S**, в наших обозначениях. – Л. Г.], ее дальнейший ход коренным образом изменяется»²⁶.

Подробнее о релевантности квантовой метафорики в наших рассуждениях будет говориться ниже, при анализе различных семантических техник Мандельштама.

Отметим здесь же, что «операторная семантика», основанная на «основных определениях 1 и 2», замечательно согласуется:

- во-первых, с пониманием М-текста как «динамической системы, изучающей саму себя»²⁷;
- во-вторых, с «антропным принципом участия» (АПУ) Уилера (J. Wheeler): «observers are necessary to bring the Universe into being»²⁸. Физик А. Линде говорит: «без введения наблюдателя вселенная оказывается мертвой и не эволюционирующей со временем. Это показывает необычно важную роль, играемую понятием наблюдателя в квантовой космологии»²⁹. Джон Уилер подчеркнул сложность ситуации, заменив слово *наблюдатель* на *участник* и введя понятие *вселенной, наблюдающей саму себя*»³⁰.

В нашем «бравом новом семантическом мире» АПУ утверждает, что «пространство звучащего супертекста» (= вариант «вселенной» Уилера) становится «реальным» (имеющим **смысл!**) лишь при участии разумного наблюдателя. Ибо именно «наблюдатель» (в нашем контексте – автор / реципиент метафоры,

²⁶ См. [14, с. 205]. Отметим здесь же интереснейший частный случай «протосмысла» – знаменитый оруэлловский double-think, см. об этом подробнее в Приложении 2, п. 3.2.4.

²⁷ См. начало Главы 6.

²⁸ «Наблюдатели необходимы для приведения Вселенной в состояние бытия».

²⁹ Вот еще одно сюда относящееся высказывание из «квантового дискурса»: «Каждый классический мир представляет собой лишь одну “классическую проекцию” квантового мира. **Эти различные проекции создаются сознанием наблюдателя**, тогда как сам квантовый мир существует независимо от какого бы то ни было наблюдателя» [113, с. 424].

³⁰ Ср. эту замечательную формулу Уилера с рассмотрением глобального М-текста как динамической системы, *изучающей саму себя*, см. начало Главы 6.

предъявитель «смысла») осуществляет т. н. «редукцию квантового объекта», при которой множество **возможных** состояний объекта коллапсирует в одно, **реальное**. В наших рассмотренных это означает, что нет какого-то «смысла», существующего отдельно, **независимо от всех** разумных наблюдателей.

С «антропным принципом» хорошо согласуется и семантическая идеология «талмудического дискурса», и это отнюдь не случайная параллель, см. подробнее в Главе 7³¹.

³¹ Отметим, что Вяч. Вс. Иванов говорит об антропном принципе в общем контексте развития семиотических систем, см. [198, с. 402–403].

Глава 2

Метафорика М-текста

Я сравниваю – значит, я живу, – мог бы сказать Дант. Он был Декартом метафоры. Ибо для нашего сознания (а где взять другое?) только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение.

О. Мандельштам¹

Мандельштам мыслит «тропическим разумом».

Б. Успенский²

Из всех теоретических троп тропа Бора³ была самой значительной.

П. Капица

2.1. Общее понимание метафоры⁴.

Определение. Метафора – это семантический оператор (отображение) $A \rightarrow B$, под воздействием которого «семантические пространства» объектов A и B отображаются (например, «вкладываются») друг в друга. Простым языком это выражается, обычно, так: « A похоже на B », « A – это как B », «гештальт A можно рассматривать как часть гештальта B » и т. п.⁵

¹ Наброски к «Разговору о Данте», см. [72, т. 3, с. 406].

² «Тропический разум» – выражение Стефана Яворского, цитируемое Б. Успенским в его «классической» работе по метафорике Мандельштама [102, с. 299].

³ В данном случае – это «идеология дополнительности» и в целом «квантовый дискурс», в котором Мандельштам почувствовал что-то необходимое и близкое для своего мировоззрения.

⁴ В последней главе РД Мандельштам говорит об определениях метафоры: «На прямой вопрос, что такое дантовская метафора, я бы ответил – не знаю, потому что определить метафору можно только метафорически, – и это научно обосновываемо».

⁵ Известные «метафорологи» Лакофф и Джонсон пишут: «Суть метафоры – это понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [190, с. 27].

Легко видеть, что любой «реальный смысл» М-текста в нашем понимании (см. п. 1.1, Основное определение 1) есть **метафора** *par excellence*⁶. Перефразируя известное высказывание Мандельштама, можно сказать, что М-текст «гудит метафорой».

Пример 1: «И Гамлет, мысливший пугливыми шагами». Здесь $A =$ «мыслительный процесс Гамлета», $B =$ «описание “циклического” процесса ходьбы, при котором идущий постоянно (испуганно?) оборачивается. Текст Мандельштама эксплицитно заявляет здесь, что A принадлежит B , что немедленно порождает блестящую метафору.

Пример 2: Любой **подтекст есть вид (ситуационной) метафоры**. В самом деле, если в какой-то точке текста X «просвечивает» другой текст Y , то это означает, что семантическое пространство A окрестности этой точки отображается в «семантическое пространство» B этого другого текста. Возникает семантический оператор $A \rightarrow B$ из вышеприведенного определения. В результате, A (т. е. исходная окрестность точки в X) начинает описываться (пониматься) в «терминах» B (т. е. семантического пространства, связанного с Y).

Например, в строке Мандельштама «Мне на плечи кидается век-волкодав», в подтексте – отрывок из мандельштамовской же «Феодосии», описывающий казачьего сотника (см. Приложение 3). В результате вся строка метафорически описывается в «реалиях» этого отрывка из «Феодосии». В частности, «век-волкодав», «кидающийся на плечи» становится «буркой», накидывающейся на плечи сотника, автор же становится самим сотником, для которого эта бурка совсем не опасна, а даже, наоборот, дружественно тепла, как **шуба**. Правда, автору «Волка» этот вид шубы не нужен, ему нужна «жаркая шуба сибирских степей» и т. д.

2.2. «Рабочая метафора».

Наиболее важная (и для самого Мандельштама, и для реципиента его текста) группа «смысловых» операторов S – это

⁶ Ведь наши операторы $S: A \rightarrow B$, кроме непосредственного отображения текстов, индуцируют отображение «семантического пространства», связанного с фрагментом A (т. е. «сущность одного вида» в вышеприведенной формуле Лаккоффа и Джонсона), в «семантическое пространство», связанное с фрагментом B («сущность другого вида»), и наоборот.

т. н. «рабочие метафоры» (их иногда называют «когнитивные метафоры»).

Определение. «Рабочая метафора» – это «пара»: (оператор S: текст A → текст B) + (интенция⁷ генератора/реципиента: с помощью S «более лучше» понять исходный текст A)⁸.

Удачная «рабочая метафора» – это, фактически, то ментальное событие, которое в когнитивной психологии называется «инсайтом»⁹, ведущим к решению некоей (семантической) задачи¹⁰. Поэтому изучение техник генерации «рабочей метафоры» в М-дискурсе – это, в сущности, изучение М-эвристики¹¹, т. е. системных для Мандельштама техник «(само)наведения на инсайт». Ведь инсайт – в своей «когнитивной» глубине – это отображение семантических пространств, установление релевантной связи между ними!

Простейшей эвристической техникой здесь является, разумеется, создание отображения S: A → B с помощью нахождения **набора «слов-триггеров»** в фрагменте A, которые при отображении S переходят в идентичные или «сильно паронимичные» слова в B, см. описание «принципа НСО» в Главе 3.

Заметим, наконец, что «инсайт» – это точка «катастрофы» гладкого семантического процесса, точка «семантического взры-

⁷ Ментальное усилие; в традиционных терминах ЕЦ – *кавана*.

⁸ Ср. попытку определения «смысла» у А. Пелипенко (см. Главу 1): «Общее определение таково: «Смысл – дискретный импульс особого рода интенциональности, испускаемый (излучаемый) человеческим сознанием. Своей смысловой природой интенциональность человеческого сознания отличается от всех прочих видов интенциональности как в живой, так и в неживой природе...», см. <http://7iskusstv.com/2011/Nomer3/Pelipenko1.php>

⁹ **Инсайт** (англ. *insight*) – внезапное понимание, догадка, прозрение, **неожиданный прорыв** к пониманию поставленной проблемы и к нахождению пути ее решения.

¹⁰ Фактически об этом же феномене говорит П. Рикёр: «Обратимся к стратегии порождения такого простого метафорического выражения как оксюморон (живая смерть, ясная тьма и т. п.), где **буквальный смысл содержит загадку, а метафорический – ее решение...** При этом метафорический смысл как таковой – это не сама семантическая коллизия, а некоторое новое согласование, возникающее в ответ на вызов», см. [219, с. 438].

¹¹ Эвристика = действия, способы **самонаведения** на инсайтное решение проблемы.

ва». Поэтому, установка на «инсайт»¹² – это частный случай общей установки М-семантики на «взрыв», см. Главу 7.

2.3. Различные «метафорики» = группы рабочих метафор («смысловые ключи»).

Использование различных метафорик (для понимания установок и смыслов М-текста) было в неявном виде предложено самим Мандельштамом. Фактически, в виде сорока страниц своего «Разговора о Данте» (1933) Мандельштам оставил нам собственные *ключи* к своей семантике¹³.

Как ответвление *метафорной* методики естественно рассматривать *интертекстный* подход, где на первый план выдвигается «ситуационная метафора» – например, т. н. *подтекст*, с помощью которого исходный текст можно пытаться дешифровать¹⁴. Разработка и успешное применение т. н. подтекстного (интертекстного) ключа связаны, прежде всего, с именами К. Тарановского и О. Ронена.

Важным видом метафорного ключа, предложенным самим Мандельштамом в РД, является применение математической и естественно-научной метафорики, см. об этом в п. 2.5.3.

Интересным феноменом является получивший распространение *мидрашный* подход, т. е. отношение к М-тексту, с одной стороны, и к его изучению, с другой стороны, как к процессу *мидраширования*.

¹² Эта установка на «каузирование инсайта» у реципиента текста и у себя самого выходит на поверхность в ряде «догадайся, почему» М-текстов, типа «Дайте Тютчеву стрекозу» и т. п.

¹³ По-видимому, первым по-настоящему понял это Ю. Левин, который проложил путь к адекватному пониманию *авто-мета-семантики* Мандельштама в своих пионерских «Заметках к “Разговору о Данте”», опубликованных в 1973 г. Перефразируя Мандельштама, можно сказать, что после 1973 года – т. е. после публикации «Заметок» и создания (приблизительно тогда же) известной «статьи пяти» [82] с заметным участием Ю. Левина – все тексты по несущим конструкциям семантики Мандельштама «звучали уже по-другому». Отметим здесь же, что В. Топоров, один из авторов «статьи пяти», по-видимому, первым начал серьезно (пытаясь уйти от давления европейской «каламбурной» традиции) рассматривать феномен *межъязыковой интерференции* (в частности, у Мандельштама), см. его замечательную работу об анаграммах (1987). В другой работе он, фактически, вплотную подошел к рассмотрению СИ-операторов [213, с. 229], см. подробнее Главы 4 и 6.

¹⁴ См. об этом выше в п. 2.1, Пример 2.

Идеология и техника *мидраша* существенны для изучения М-текста, и это совершенно не случайно – чтобы в этом убедиться, достаточно просмотреть Главу 7. Разобравшись в изложенной там *мидрашной* методике, легко увидеть, что она содержит упомянутые метафорные *ключи*.

Вообще, Мандельштам мощно манипулирует читателем (и исследователем), как бы заставляя их облачиться в традиционный еврейский лапсердак, задать вопрос: *heyhe-damé*¹⁵ и заняться главным делом традиционного иудея – мидрашом, мидрашом, мидрашом¹⁶... Интересно сравнить это с наблюдением Леви-Стросса, который, занимаясь мифологиями, заметил за собой «мифологичность» мышления.

В работе «Квантовые смыслы...» широко применяется (я бы даже сказал, пропагандируется) *интерференционный* ключ к М-тексту, т. е. выявление иноязычных семантических «вбросов» в текст – явных и неявных (суггестируемых) – и их использование для лучшего понимания *скрытых* смыслов М-текста. В этой монографии см. об этом же Главу 5.

Подчеркнем, что интерференционный ключ – так же, как и интертекстный, является, в сущности, ответвлением *мидрашного* (= операторного) подхода к пониманию смыслов Мандельштама.

2.4. Подробнее о специфике М-метафорики.

2.4.1. Несколько общих замечаний.

Прежде всего, важно понять, что для Мандельштама метафора не есть произвольное украшательство, но, скорее, ситуационно обусловленный механизм (аппарат) для создания нового смысла¹⁷ и «наглядной» **передачи информации**. Нетри-

¹⁵ Арам. «на что это похоже?» – стандартное талмудическое выражение, инициирующее блок метафорических (в широком смысле) рассмотрений.

¹⁶ *мидраш* (др.-евр.) = ‘изучение смыслов текста’. Текст типа *мидраш* «требуется» от реципиента, чтобы и «расшифровка» этого текста была мидрашом! Интересно здесь, прежде всего, то, что многие исследователи, занимаясь, как им представляется, «дешифровкой» М-текста, не подозревают, что они в своем дискурсе о смыслах очередного М-текста «говорят прозой» самого настоящего (при этом, высокоуровневого) мидраширования сакрального текста.

¹⁷ Ср. высказывание Д. Лакоффа и М. Джонисона: «Мы считаем метафору необходимой для человеческого понимания и рассматриваем ее как **механизм** создания новых значений и новой реальности» [190, с. 218].

виальность здесь в том, что происходит, прежде всего, передача информации самому себе, т. е. «разбор», попытка «понять», «осознать» нечто¹⁸.

Это «аппаратное средство» глубоко зашито в устройстве сознания Мандельштама¹⁹. Вот что он сам об этом говорит в РД:

«Предлагаемые примерные определения меньше всего имеют в виду метафорическую отсебятину. Тут происходит борьба за представимость целого, за наглядность мыслимого. Лишь при помощи метафоры можно найти конкретный знак для формообразующего инстинкта <...>. Дантовские сравнения никогда не бывают описательны, то есть чисто изобразительны. Они всегда преследуют конкретную задачу дать **внутренний образ структуры**, или тяги»²⁰.

Это замечание Мандельштама сообщает нам, кроме прочего, важнейшую информацию о драйве его метафорики к «геометричности». Подробнее об этом – ниже в п. 2.5.3.

2.4.2. Установка на «взрыв» и характерная энергетичность М-метафорики.

Если метафора для Мандельштама – технический способ увеличения, «максимизации» информации, передаваемой тек-

¹⁸ В этом смысле, метафорика Мандельштама глубоко «мифологична». См. п. 8.4.1. Б. Успенский пишет в статье «Анатомия метафоры у Мандельштама»: «...возникает новое семантическое пространство, нечто подобное имеет место в мифологическом тексте, где нарушаются привычные, нейтральные семантические связи <...> метафора Мандельштама выступает как средство филологического познания мира» [102, с. 292, 330].

¹⁹ Б. Успенский пишет об этом же: «Одна из особенностей поэзии Мандельштама состоит именно в том, что метафора здесь выступает не только как поэтический образ, но интимно связана с самим содержанием стихотворения». Далее в этой же работе Б. Успенского: «...метафорическая образность для Мандельштама – это **способ мышления**, а не способ выражения некоторого содержания» [102, с. 293, 299]. Мне все же представляется, что мандельштамовская метафора *per se* – это еще и носитель релевантного смысла (это представление отражено в нашем определении «смысла» в п. 1.1). Сравним это с «геометрическими» моделями («картинками» = метафорами) в математике и в физике. Они часто позволяют понять/увидеть нечто, с первого взгляда не очевидное: разве можно эти «картинки» считать лишенными содержания и всего лишь «способом мышления» соответствующего математика?

²⁰ РД, гл. 3.

стом, то понятна общая установка М-текста на «взрыв»: ведь в точке «взрыва» информация резко, скачкообразно возрастает²¹.

Например, метафора, организуемая СИ-оператором (подробно см. в Главе 4), является, разумеется, разновидностью «семантического взрыва». Если применить кино-метафорику, то это резкий *slip*, например, *blow-up*, «взрывающий» гладкое развитие кино-нарратива, которое Мандельштам презрительно называл «ленточным глистом».

В этом же информационно-взрывном контексте следует отметить характерные для М-текста **неожиданные** сообщения (сигнализации) о предстоящей метафоре²². Мандельштам говорит об этой информационной функции в цитированном выше пассаже из РД:

«...целая до сих пор не созданная наука о **спонтанном** психофизиологическом воздействии слова на собеседника, на окружающих и на самого говорящего, а также **средства**, которыми он [Дант] передает **порыв** к говорению, т. е. **сигнализирует** светом **внезапное** желание высказаться»²³.

Отметим, наконец, мощную «энергетическую насыщенность» метафорики Мандельштама. Он говорит в РД о метафорике Данта (и о своей):

«...дантовские многочисленные, многопарусные и **кинетически раскаленные сравнения** до сих пор сохраняют прелесть никому не сказанного»²⁴.

Если суммировать ориентацию метафоры Мандельштама на неожиданность, нестандартность, новизну, «взрывную

²¹ Об «установке» М-текста на «взрыв» см. подробно в Главе 7, п. 7.2.2 (б).

²² Часто эти сообщения – функция метонимии, организуемой СИ-оператором, см. Главу 4.

²³ Там же.

²⁴ РД, гл. 9. Здесь, кроме прочего, просвечивает отсылка к технике информационно-насыщенных талмудических метафор типа *гезера-шава*, см. Главу 7. Вряд ли Мандельштам знал этот ВТ-термин, но сама техника была ему знакома по набору семантических техник ЕТД. Это утверждение требует подробной аргументации, которая будет проведена в другом месте.

информативность»²⁵ и т. п., то можно назвать М-метафорику «метафорикой взрыва», см. подробнее в Главе 7.

2.4.3. Не менее важно, что метафора для Мандельштама – это еще и техническое средство для интенсификации коммуникации с «миром», т. е. с читателем и с мировым Текстом, иначе говоря, для повышения уровня интертекстуальности, «склеивающей» тексты различных пластов времени. В РД он говорит об этой «установке на анахронизацию»²⁶:

«... мне кажется, что метафора Данта обозначает **стояние времени**. Ее корешок не в словечке “как”, но в слове “когда”. Его “quando” звучит как “come”. Овидиев гул ему ближе, чем французское красноречие Вергилия. Снова и снова я обращаюсь к читателю и прошу его нечто себе “представить”, то есть обращаюсь к **аналогии**, ставящей себе единственную цель – восполнить недостаточность нашей определительной системы»²⁷.

При этом метафора Мандельштама не детерминируется «логикой здравого смысла»²⁸. Она, повторим, носит принципиально неожиданный, взрывной характер. Он говорит об этом в РД:

«Сила дантовского сравнения – как это ни странно – прямо пропорциональна возможности без него обойтись. Оно никогда не диктуется нищенской логической необходимостью»²⁹.

2.5. Некоторые выделенные группы «рабочих метафор», характерных для текста Мандельштама и/или полезных при анализе М-текста. Соответствующие техники организации метафоры.

2.5.1. Техники, связанные с использованием т. н. «иностраных интерференций» (МИ), см. подробно в Главе 5.

2.5.2. Техники, связанные с использованием т. н. «СИ-операторов», см. подробно в Главе 4.

²⁵ Напомним его высказывание в РД, гл. 11: «Сравнения суть членораздельные **порывы**».

²⁶ Отметим, что установка на «анахронизацию» крайне характерна для ВТ-дискурса, см. Главу 7.

²⁷ Там же, гл. 11.

²⁸ «К каузальной причинности он [Дант] брезглив». Там же, гл. 11.

²⁹ Там же, гл. 3.

2.5.3. «Рабочие метафоры», относящиеся к математической и естественно-научной метафорике, необходимость их применения для анализа М-текста.

«Динамический» подход к описанию семантики стиха пока удастся только в виде импрессионистических набросков **метафорического** характера.

Ю. Левин³⁰

Зачем, вообще, нужна «научная» метафорика при попытках понять М-текст? Дж. Лакофф, «Главный Метафоролог», дает общий ответ на этот вопрос: «метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или, по природе своей, неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей»³¹.

Но в «случае Мандельштама» другой ответ представляется более релевантным.

Перефразируя Пушкина, можно сказать, что, пытаясь понять текст поэта, нужно стараться применять те инструменты (в частности, ту **метафорику**), на которые указывает сам поэт. Мандельштам же в своей *ars poetica* (РД) сам указал будущим своим исследователям предпочтительную для него метафорику:

«Будущее дантовского комментария принадлежит **естественным наукам**, когда они для этого достаточно изошрятся и разовьют свое **образное мышление**»³².

Сюда же относится его замечательное высказывание в набросках к РД о «теории квант», вынесенное у нас в эпиграф к п. 1.2 Главы 1.

А вот мета-метафоры в РД, прямо указывающие на то, что М-метафорика, в значительной степени, «физико-геометрична»:

«Если б мы научились слышать Данта, <...> мы бы нечаянно окунулись в **силовой поток**, именуемый то композицией – как целое, то в частности своей – **метафорой**...»³³.

³⁰ В статье 1973 г. о семантике Мандельштама [187, с. 31].

³¹ Цит. по [190, с. 10].

³² РД, гл. 4.

³³ РД, гл. 2.

«Он [Дант] был Декартом метафоры. Ибо для нашего сознания (а где взять другое?) только через метафору раскрывается материя»³⁴.

Заметим, что именно Декарт (вместе с Ньютоном и Лейбницем) ввел геометрическую метафорику в европейский научный и мифологический дискурс нового времени. Поэтому сам Мандельштам (с его **неевклидовой** ЯКМ, см. Главу 8) может быть (разумеется, вместе с В. Хлебниковым!) назван Лобачевским метафоры в художественном тексте XX века³⁵.

РД, вообще, представляет собой как бы самоучитель для мандельштамоведов, составленный самим Мандельштамом, в котором автор излагает методику изучения своего текста, приводит примеры, обучает технике, к которой относится и необходимая для применения метафорика. Автор РД, на самом деле, мощно манипулирует читателем, «вкладывая» в него «нужную» себе метафорику для лучшего понимания себя же.

Если в РД это манипулирование – эксплицитно, то в других М-текстах этот результат достигается «суггестивными» техниками.

Совершенно неудивительно поэтому, что исследователи и критики часто начинают при изучении Мандельштама «интуитивно» пользоваться метафорикой, «навязанной» им разными способами самим Мандельштамом.

2.5.3.1. Математическая метафорика.

Мандельштам в РД запустил в научный оборот математическую метафорику для описания своих семантических установок/матриц³⁶.

³⁴ <Вокруг «Разговора о Данте»>, см. эпиграф к этой главе.

³⁵ См. п. 8.3.1. Ср. высказывание В. Набокова о тексте Гоголя (в котором, как и в ряде других пассажей Набокова, можно сделать замену: Гоголь → Мандельштам): «Проза Пушкина трехмерна; проза Гоголя, по меньшей мере, четырехмерна. Его можно сравнить с его современником математиком Лобачевским, который взорвал Евклидов мир и открыл сто лет назад многие теории, позднее разработанные Эйнштейном» («Nikolai Gogol»).

³⁶ Ср. высказывание современного математика о попытках понять «текст» мироздания: «математика – это прототекст, существование которого только постулируется, но который, тем не менее, лежит в основе тех его искаженных [«глухой недоразвиток»! – Л. Г.] и фрагментарных копий, с которыми мы обре-

Приведем несколько сюда относящихся высказываний.

Б. Успенский, анализируя метафорику Мандельштама, сам применяет математическую «мета-метафорику»: «...нам предлагается метафорический образ, а затем – **расшифровка** этого образа. Он [Мандельштам] **ставит** перед нами **задачу**, и сам под-сказывает ее **решение**»³⁷.

Композитор А. Лурье писал в мемуарах: «Как память **строит форму** в музыке, так история **строила форму** в поэзии Мандельштама: в ней – **музыка чисел и образов**, как у Платона и пифагорейцев, находящаяся вне всякого личного переживания или чувства»³⁸.

Поэт В. Зданевич сказал в выступлении на батумском вечере Мандельштама (1920), что «...поэтическая концепция Мандельштама уподобляется **геометрическим построениям**, абстрактность которых также совпадает с содержанием»³⁹ его поэзии»⁴⁰.

В свою очередь, К. Мочульский в критической статье назвал Мандельштама «гениальным **геометром** жизни»⁴¹.

Похоже, что эти высказывания отражают некоторую общую рецептивную ситуацию, при этом «задачи», о которых говорит Успенский, в своей концептуальной части – «геометрические», т. е. относящиеся к «построению форм» в пространстве, к устройству метафорически конструируемого «пространства» мандельштамовского текста и **движений** (передвижений, отображений, переносов = *метафор!*) в этом пространстве.

Напомним непосредственно сюда относящееся высказывание Мандельштама о своем (и Данта) тексте:

«...происходит борьба за представимость целого, за наглядность мыслимого. Лишь при помощи метафоры можно найти

чены иметь дело» [215, с. 16]. Этот пассаж выглядит цитатой из РД или другого натурфилософского М-текста.

³⁷ [102, с. 311].

³⁸ [59, с. 279].

³⁹ Отметим, что Зданевич здесь, фактически, эксплицитно отождествляет семантику и «скрытую геометрию» текста Мандельштама.

⁴⁰ Цит. по [180, с. 511]. Это, на самом деле, цитата из **пересказа** выступления В. Зданевича в «отчете» о вечере (газета «Батумская жизнь», 18.09.1920). Но пересказ, по-видимому, принадлежит самому Зданевичу, потому что «отчет» в газете подписан инициалами В. З.

⁴¹ Рецензия на ШВ (1925 г.).

конкретный знак для **формообразующего инстинкта**⁴² <...>. Дантовские сравнения никогда не бывают описательны, то есть чисто изобразительны. Они всегда преследуют конкретную задачу дать **внутренний образ структуры**, или тяги»⁴³.

Выше уже отмечалось, что концепт «информации» у Мандельштама тесно связан с геометрией. Дело в том, что «формообразующий инстинкт» в вышеприведенном пассаже – не что иное как «информационный драйв», стремление к порождению/получению информации. Это убедительно демонстрирует семантика латинского *informo*, которое изначально имело четкий «векторный» смысл: ‘намеренно, направленно создавать формы’⁴⁴.

Тем самым, «конкретный знак для формообразующего инстинкта» в РД означает в переводе на «обычный» язык: «геометрический образ (геометрическая метафора), помогающий создать (понять, передать и т. п.) информацию о рассматриваемом объекте».

Эти геометрические метафоры создаются в своем сознании исследователем или просто квалифицированным читателем не с помощью математических рассуждений, использующих «стандартную» логику, но (по Бергсону!)⁴⁵ с помощью **интуиции**.

С их помощью исследователь/читатель пытается влезть во внутренний мир генератора текста, то есть сделать то, что Мандельштам сам делает в РД, анализируя Данта и заодно себя самого⁴⁶.

⁴² Это выражение явно заимствовано Мандельштамом у Бергсона: см. ниже цитату из «Творческой эволюции», применяющую понятие «инстинкт».

⁴³ РД, гл. 3 [II, с. 225]. Геометрическая мета-метафорика для мандельштамовской ТЯГИ – это «вектор», «векторное поле», «касательное пространство», «дифференциал» и т. п.

⁴⁴ Представляется, что Мандельштам понимал понятие информации именно в изначальном смысле латинского *informo*. Вот полный семантический спектр *informo*: ‘1. Придавать вид, форму, формировать, создавать, делать, образовывать, лепить, устраивать, организовывать. 2. Обучать, воспитывать. 3. Строить, составлять. 4. Мыслить, воображать’.

⁴⁵ Бергсон, рассматривая более общую ситуацию, говорит (это его высказывание было, несомненно, известно Мандельштаму): «Внутри же самой жизни нас могла бы ввести *интуиция* – то есть инстинкт, ставший бескорыстным, **осознающим самого себя**, способным размышлять о своем предмете и расширять его бесконечно» [81, с. 185].

⁴⁶ Уместно и крайне существенно здесь отметить, что так же действует в своих «текстологических» работах П. Флоренский, см. ниже.

Вот пример того, как Мандельштам метафоризирует интуитивно ощущаемую им **многомерность и неевклидовость** своего текста (точнее, семантического пространства М-текста), а также необходимость изучения его геометрии:

«К Данту еще никто не подходил с геологическим молотком, чтобы **дознаться до кристаллического строения его породы** <...>. Поэзия, завидуя кристаллографии, кусай ногти в гневе и бессилии! Ведь признано же, что математические комбинации, необходимые для кристаллообразования, **невыводимы из пространства трех измерений**. Тебе же отказывают в элементарном уважении, которым пользуется любой кусок горного хрусталя!»⁴⁷

Картинку ЯКМ Мандельштама, получающуюся с помощью геометрической метафорики, я пытаюсь передать в Главе 8 настоящей работы.

Подобные бергсоновские «интуитивные» геометрические метафоры называются Мандельштамом «ростками» познания, «глухими недоразвитками, тянущимися понять...»:

И тянется глухой недоразвиток
Как бы дорогой, согнутою в рог,
Понять пространства внутренний избыток
И лепестка и купола залог.

Отметим, что современные исследователи метафоры Д. Лакофф и М. Джонсон считают, что геометрическая метафорика, вообще, естественна для процесса осмысления текста человеческим мозгом. Они пишут:

«Так как существует связь между речью и временем, а время метафорически концептуализируется в терминах пространства, для человека естественно осмыслять язык [и, тем самым, текст. – Л. Г.] в терминах пространства. Наша система письма еще больше закрепляет такой способ концептуализации. Когда мы записываем предложение, нам еще проще концептуализовать его как пространственный объект со словами, расположенными в линейной последовательности»⁴⁸.

⁴⁷ РД, Главы 5–6.

⁴⁸ [190, с. 157].

Все же у Мандельштама была какая-то сверхзадача для применения (и пропаганды применения) геометрической метафоричности. Мне представляется, что эта задача связана с его попытками осознать **ДПБ-связь** между континуальностью (непрерывностью) «сознания» и дискретностью (разрывностью, в пределе переходящей во «взрыв») вербального текста, пытающегося выразить это сознание. В этом случае, геометрические картинки есть попытка «увидеть» («зрением напитать») эту континуальность сознания, они отражают, выражают и способствуют «осознанию» континуальности сознания, невыразимой вербально и т. д.

Удачно, на мой взгляд, формулирует эту ДПБ-ситуацию в общем случае израильский натурфилософ Э. Бормашенко:

«Глубокая аналогия между измерением и человеческой речью была подмечена Давидом Бомом. Процесс нашего мышления, по-видимому, непрерывен, но преобразование непрерывной мысли в слова подобно скачку, происходящему при **квантовомеханическом** измерении.

Потери при таком скачке неизбежны. Именно в этом смысле можно толковать тютчевский *Silentium*: *Мысль изреченная есть ложь. Взрывая, возмутишь ключи.*

Речь разбивает мышление, размечая пространство мысли, подобно тому, как ньютоновские линейки расчерчивают физическое пространство, превращая во вместилище наличных вещей. И, по-видимому, речь делает для нас непостижимыми явления сознания, по природе своей, континуального (М. Мамардашвили). Платой за язык служит затемненность, непроницаемость актов сознания, подобно тому, как платою за измерение является наша неосведомленность в истинном состоянии физической системы»⁴⁹.

В Главе 8 предлагаются некоторые «локальные» геометрические реконструкции М-семантики, «сопряженные» с феноменами М-текста и с метатекстами-указаниями самого Мандельштама. Одна из таких моделей реализует идею о «метафоричности» семантического М-пространства неориентируемым

⁴⁹ См. <http://www.7iskusstv.com/2010/Nomer12/Bormashenko1.php>

односторонним многообразием типа листа Мёбиуса (бутылки Клейна). Эта идея получает неожиданного сторонника в лице П. Флоренского, которого, кажется, собственно М-текст никогда не интересовал.

В своей замечательной работе «Мнимости в геометрии» (1922) Флоренский аргументирует «мёбиусность» геометрии мира⁵⁰ Данта в «Божественной комедии» (см. п. 8.3.1). Эта работа была, скорее всего, известна Мандельштаму, которого, наоборот, всегда интересовали работы Флоренского, а также всё, связанное с Дантом.

Исключительно интересно здесь принципиальное различие объектов метафоризации. Флоренский «изучает» геометрию физического, непосредственно наблюдаемого мира «Божественной комедии». Мандельштам же, с помощью той же метафорики «изучает» именно **текст** «Божественной комедии»⁵¹, т. е. свой собственный текст. Следует отметить и работу характерной для Мандельштама установки на **перформативность** генерируемого текста, реализующуюся здесь в «авто-изучении».

2.5.3.2. «Физическая» метафорика.

(А) Вот пример физической рабочей метафоры, позволяющей лучше понять текст (метатекст) М: представляется, что его принцип «обратимости поэтической материи» (РД) удачно метафоризируется как *закон сохранения семантической энергии*, или, немного конкретнее: *закон сохранения семантической информации, количества смысла* и т. п.».

(Б) Система образов и метафор, связанных с квантовой теорией, бесспорно, присутствовала в сознании Мандельштама (т. е. в М-ЯКМ), см. п. 1.2. Поэтому выявление рефлексов этой системы в его текстах и применение «квантовой» метафорики поможет прояснить ряд «темных смыслов» в М-текстах.

Какие же это рефлексы?

⁵⁰ Более точно: «**односторонность** поверхности» мира.

⁵¹ В этом, как мне представляется, проявляется резкое несовпадение, «перпендикулярность» культурно-цивилизационных субстратов. Флоренский в своей ЯКМ «фокусирует» установки (матрицы) **иконической** «православной системы», в то время как Мандельштам является таким же фокусом для **текстуальной** «еврейской системы». Это требует отдельного рассмотрения.

Конечно, прежде всего, «дополнительность по Бору» (ДПБ). Этот по-настоящему революционный комплекс идей был вербально оформлен Н. Бором в 1927 г. и к моменту написания РД был широко известен в узких кругах европейской интеллектуальной элиты, в частности, в среде московских ученых-естественников, с которыми общался М⁵².

Совершенно очевидно, что ДПБ-идеология мощно резонировала с «еврейской» установкой (матрицей) на «оксюморонность» (см. Главу 7), с детства присутствовавшей в сознании Мандельштама. Представляется, что этот «идейный резонанс» и вызвал у поэта уверенность, что именно данная (совершенно безумная для начала 1930-х гг.) физическая теория способна объяснить другим и ему самому устройство его текста⁵³.

Именно феномен ДПБ-эффектов актуализирует высказывание М: «Дант может быть понят лишь при помощи теории квант»⁵⁴.

⁵² Интересно, что Бор приехал в Москву и выступил в Политехе с публичной лекцией в мае 1934 г. Успел ли Мандельштам до ареста его послушать?

⁵³ Существенно, что взгляды Мандельштама (как и, разумеется, Н. Бора!) на применение квантовой метафоры «в гуманитарном дискурсе» со временем не устарели, но, скорее, актуализировались. Вот высказывание современного философа-культуролога: «Экскурсы в квантовую физику, биологию, нейрофизиологию и другие не гуманитарные области делаются <...> единственно с целью нахождения точек опоры для выхода за пределы культуры как анализируемой системы. (Ни в каком ином смысле мы из культуры выйти не можем). Ведь если культура – звено в цепи глобальной эволюции систем, то постичь её основы можно лишь выйдя мыслью за её пределы. И только здесь, в области наук, изучающих иные (соседние) системы, удаётся нащупать основания, опираясь на которые представляется возможным избавиться от собственно культурологических, метафизических и иных стереотипов: телеологизма, историоцентризма и т. п. <...> “Физическим” носителем культуры выступает ментальная сфера человеческого индивидуума, а структурной единицей – производимый ею СМЫСЛ. <...> **Аналогия кванта и смысла – не только метафора.** Если квант приобретает вид дискретной частицы, только попадая в поле измерения и под действием сознания наблюдателя, то и смысл, существуя изначально в виде интенции, направленности, лишь под воздействием психической концентрации (в пределе – рефлексии) обретает относительно статичные, дискретные формы в семантике, когда континуальный поток возможных смысловых осуществлений “притормаживается” и замыкается в границах значения, превращаясь, тем самым, в относительно автономную дискретную структуру». См. *Пелипенко А.* Культура в контексте глобальной эволюции, <http://7iskusstv.com/nomer.php?srce=9>.

⁵⁴ Рассматривая вышеупомянутую геометрическую метафору из Главы 8,

Приведем еще рефлексy идеологии «теории квант» в РД.

Отрицание детерминированности квантовых процессов в пользу их вероятностной интерпретации Мандельштам метафоризирует следующим неожиданным образом:

«... в авторитете или, точнее, в авторитарности [= детерминированности. – Л. Г.] мы видим лишь застрахованность от ошибок и совсем не разбираемся в той грандиозной музыке доверчивости, доверия, тончайших, как альпийская радуга, нюансах **вероятности** и уверованья, которыми распоряжается Дант»⁵⁵.

Известную квантовую ситуацию «вмешательства измерительного прибора» в состояние измеряемого объекта Мандельштам метафорически проецирует в поэзию:

«В поэзии все есть мера, и все исходит от меры и вращается вокруг нее и ради нее, измерители есть орудия особого свойства, несущие особую **активную функцию**. Здесь дрожащая компасная стрелка не только потакает магнитной буре, но и **сама ее делает**»⁵⁶.

2.5.3.3. Психологическая (психолингвистическая, нейрофизиологическая и т. п.) метафорика.

...мир пригласил на ритуфель
О. Мандельштам

Для лучшего понимания М-текста во многих местах явно полезен целый ряд «психологических» метафор, типа *шизофрения*, *ана-эффект* (в гештальтпсихологии), *гештальт-нарушения*, *квантовая психология*, *кинестетика*, *ритуфель* и т. п.

Мандельштам в РД и некоторых других текстах фактически диктует нам применение такого рода метафорики в ряде высказываний типа:

«Научное описание дантовской “Комедии”, взятой как течение, как поток, неизбежно приняло бы вид трактата о ме-

можно сказать, что на листе Мебиуса / бутылке Клейна актуализируется ориентационный (= смысловой) ДПБ-эффект.

⁵⁵ РД, гл. 6.

⁵⁶ РД, гл. 2.

таморфозах и стремилось бы проникать в множественные **состояния поэтической материи**, подобно тому как врач, ставящий диагноз, прислушивается к множественному единству организма. Литературная критика подошла бы к методу **живой медицины**»⁵⁷.

«Цифры сами по себе замечательно **выпуклы** <...>. Научная формула должна претвориться в **дышащее** слово...»⁵⁸.

Похоже, что «психологическая» метафорика хорошо обслуживает центральные для М-текста события «взрыва» и структурные ситуации СИ-оператора, организующего межъязыковую интерференцию:

(А) *Шизофрения*. Что это такое в физиологическом смысле, похоже, толком не понимает никто. Однако, применение «шизофренической» метафорики к М-тексту, кажется, помогает что-то понять в «причинах» феномена «взрыва», бифуркации семантического процесса в М-тексте, в «причинах» присутствия системы СИ-операторов и, шире, в «причинах» частотности феноменов мультистабильности, ДПБ-феноменов (квантовых феноменов) в психике Мандельштама и в семантике М-текста. Неизбежно и крайне поучительно здесь сравнение с психикой Хлебникова, в частности, харьковский диагноз 1919 г.⁵⁹

(Б) *Гештальт-катастрофы (ага-эффект и т. п.)*.

Здесь имеются в виду «катастрофы» процесса распознавания образа: например, известные в гештальтпсихологии ситуации «мигания образа объекта». Это соответствует эффекту «мигания» смысла, ведущему к феномену «бистабильности» и ДПБ-ситуации в сознании реципиента М-текста.

Некоторые применения «теории катастроф» в гештальтпсихологии⁶⁰ рассматривают процессы восприятия изображения, теряющие «гладкость» в некоторой «особой» точке. Легко уви-

⁵⁷ РД, конец 2-й главы.

⁵⁸ «Г. Санников. Восток» (1935). Здесь просматривается явная *кинестетичность* мандельштамовских «числовых представлений». Общая *кинестетичность* М-текста подробно исследуется в [212].

⁵⁹ См. подробнее об этом в [3, с. 90].

⁶⁰ См. например: [211, с. 527].

деть, что подобные «гештальт-катастрофы» соответствуют геометрической метафоре «семантического цикла слова» на листе Мёбиуса (бутылке Клейна), см. Главу 8.

(В) *Ритурнель* (повторяющееся – «циклическое» – заклинание).

Интересно сравнить геометрическую метафорику *слова-цикла* в семантическом пространстве с психолингвистическим дискурсом, использующим понятие *ритурнели*, см. Главу 8, параграф о «мифологичности» ЯКМ Мандельштама.

(Г) *Квантовая психология*. Соответствующая метафорика удобно описывает кластер ДПБ-явлений, столь характерных для психики Мандельштама и для психолингвистики М-текста⁶¹.

«Квантово-психологическая» метафорика необычайно полезна прежде всего тем, что позволяет, кажется, лучше понять феномен «семантического взрыва (катастрофы)», если описать его в ДПБ-терминах.

В рамках этого описания два взаимоисключающих «смысла» (= семантических оператора, соответствующих определению «смысла», данному в п. 1.1) становятся «дополнительными» и создают ДПБ-ситуацию. Момент «осознания» этой ситуации (т. е. **одновременное** присутствие этих смыслов в сознании) и есть в этой интерпретации момент локального «взрыва» (семантической бифуркации).

Общая психофизиологическая установка Мандельштама на ДПБ-ситуацию здесь реализуется так: семантический «взрыв» есть геометрическая (физическая) динамическая метафора предельной **дискретности**, а когерентность – это «дополнительная» к дискретности континуальность.

В психофизиологическом (заметим, совершенно не исследованном) ракурсе обсуждаемый феномен взрыва есть, по видимому, эффект мгновенного присутствия «в сознании» двух дополнительных по Бору (ДПБ) смыслов, продуцирующих «инсайт»⁶², «момент истины», момент максимизации (воз-

⁶¹ Подробно «квантово-психологический дискурс» см. например, в книге Уилсон Р. Квантовая психология. Киев: Янус, 1998.

⁶² См. п. 2.2.

растания до бесконечности) информации и минимизации (до нуля) энтропии.

2.5.4. Концептуальные метафоры.

Определение. Константные метафоры, устойчивым образом воздействующие на понятийную систему «генератора (и реципиента) речи», устойчиво влияющие на формирование «ключевых», «центральных» и т. п. понятий, будем называть «концептуальными».

Пример. ПОЭЗИЯ – ЭТО ВЗРЫВ (взрыв семантический, временной, экзистенциальный и т. п.); ПОЭЗИЯ – ЭТО ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ АРТИЛЛЕРИИ⁶³.

Очевидно, что эти две «связанные» метафоры:

- (а) присутствуют в «языковом сознании» Мандельштама: чтобы в этом убедиться, достаточно просмотреть подборку его высказываний в п. 7.1.1;
- (б) воздействуют на семантические пространства всех понятий, связанных с концептами «текст» и «поэзия», а это для Мандельштама существенная часть его системы «экзистенциально» базовых концептов.

Ясно, что **концептуальные метафоры** «манипулятивны» по своей сути; они воздействуют на создание «языковой картины мира» человека и, тем самым, являются частью ее «генома». Поэтому их рассмотрение для «случая Мандельштама» отнесено в Главу 8, где представлена его ЯКМ, см. п. 8.5.1.

⁶³ Интересно, что в [190] стандартным примером «концептуальной метафоры» в европейской культуре является высказывание: СПОР – ЭТО ВОЙНА. Для Мандельштама, объяснявшегося в любви к советскому новоязу («я люблю их язык...», см. Приложение 2), наверное, более содержательной была бы оксюморонная метафора оруэлловского типа: МИР – ЭТО ВОЙНА.

Глава 3

Непрерывность семантического отображения (НСО-принцип). Применения НСО-принципа для анализа М-текста

Одно из основных системных свойств «реальных» семантических «операторов смысла»¹ S (введенных в Главе 1) – это т. н. «непрерывность семантического отображения», или «НСО-принцип»². Удобнее всего описывать этот психолингвистический эффект³ с помощью математической метафоры:

3.1. Определение. НСО-принцип можно сформулировать так⁴:

Пусть имеет место «реальное» отображение $S: A \rightarrow B$ одного М-текста A в другой М-текст B ⁵. Тогда это отображение является «непрерывным»; «непрерывность» отображения понимается так: «близкая» окрестность точки a (в A) отображается в «близкую» окрестность точки $S(a)$ в B ⁶. Кроме того, при «реальном»

¹ Напомним, что «семантическим отображением» мы называем отображение текстов $S: A \rightarrow B$, каким-то образом зафиксированное «прибором», т. е. мозгом («сознанием») генератора / реципиента текста.

² Его еще можно называть «принципом непрерывности (когерентности) смысла». Северо-американские когнитивисты, на языке своего племени, наверное, назвали бы этот феномен **semantic-mapping-coherence-principle**.

³ Мы здесь, фактически, постулируем существование «эффекта НСО», а доказательство его существования должно быть проведено, видимо, средствами когнитивистики. Дело в том, что НСО-принцип можно рассматривать как обобщение эффекта «семантической преднастройки» (semantic-priming-effect) в когнитивной психологии. Аргументация этого утверждения и эксперименты, демонстрирующие существование этого эффекта, будут приведены в другом месте.

⁴ Здесь ко всем утверждениям необходимо добавлять мантру: «с большой вероятностью». А как эту «вероятность» вычислять (или хотя бы «качественно» определять), еще нужно разбираться.

⁵ Напомним (Глава 1), что выражение «имеет место реальное отображение» означает, что главный «прибор» (мозг) слушателя / читателя исходного текста **фиксирует** это отображение с ненулевой вероятностью.

⁶ «Близость» пока что понимается интуитивно, хотя можно попытаться ввести, например, локальную метрику в пространстве текста и т. п.

S, «сильно паронимичные»⁷ элементы (слова) в A и B связываются этим отображением, то есть «отображаются» друг в друга (с большой вероятностью)⁸.

3.2. Феномен «перетягивания семантического поля» (семантическая непрерывность)⁹ оператора $S: A \rightarrow B$.

При «реальном» отображении S, семантика (множество «реальных» смыслов) текста B – с большой вероятностью «перетягивается» (отображается) в семантику (множество «реальных» смыслов) текста A¹⁰.

Более формально: при «реальном» отображении $S: A \rightarrow B$ любой «смысл» B (т. е. некое «реальное отображение»: $S_b: B \rightarrow$ (текст C)) «перетягивается» в «реальное отображение» A в C, т. е. порождает некое отображение: $S_a: A \rightarrow$ (текст C), причем имеет место **коммутативная** диаграмма трёх «реальных» отображений: S, S_a , S_b (рис. 1).

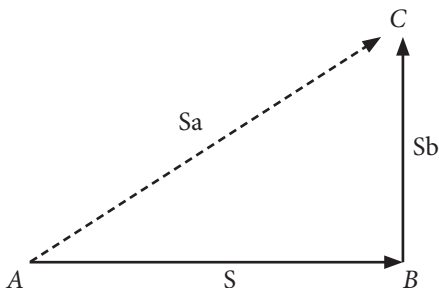

Рис. 1

⁷ Т. е. сильно схожие фонически. В частности, обладающие идентичным (пусть переставленным) консонантным составом и т. п.

⁸ Отметим, что эти элементы служат, обычно, **триггерами**, инициирующими (фиксирующими в «сознании») отображение S.

⁹ Мы здесь рассматриваем лишь тексты, порожденные **одним** генератором: среди таковых M-тексты предоставляют множество удобных примеров работы «принципа НСО».

¹⁰ Дж. Лакофф и М. Джонсон, фиксируя подобные явления в английской семантике, пишут: «Если значение формы A влияет на значение формы B, то, чем БЛИЖЕ форма A к форме B, тем СИЛЬНЕЕ будет влияние значения A на значение B» [190, с. 159–160]. Конечно, следовало бы дать определения «близости», «небольшой окрестности текстуальной точки», уточнить смысл выражения

Важно сразу отметить совпадение НСО-принципа с идеологией некоторых семантических техник в талмудических текстах¹¹.

Отметим также, что об этой семантической технике Мандельштама, похоже, говорит С. Рудаков в письме из Воронежа (1935): «А то, что, может быть, в “Данте” есть, чем живы лучшие вещи 1930–35 года его, ... – это связь не *словарная*, а *смысловая*. Т. е. не локальность (т. е. совпадение темы и подобранных слов и образов), не единство словарных источников (архаизмы там, или слова античные, и еще что) – а повторяемость, усиление, собирание, нагнетание, группировки элементов, говорящих об одном. Яснее это трудно рассказать»¹².

Приведем простейший (при этом крайне полезный «на практике») частный случай работы НСО-принципа: если есть «реальное» отображение оператора $S: A \rightarrow B$ и три «близко» находящиеся элемента a, b, c фрагмента A , и отображение S переводит элементы a и c в «близкие» «образы» $S(a)$ и $S(c)$, то где-то «близко» **с большой вероятностью** находится и $S(b)$:

$$S: (a,b,c) \rightarrow S(a), \mathbf{S(b)??}, S(c)$$

* * *

Приведем примеры использования НСО-техники «на практике» для улучшения понимания М-текстов.

Замечание: в данном контексте «улучшение понимания» – это построение т. н. «**правдоподобных семантических гипотез**»¹³.

«с большой вероятностью» и т. п. Мы пока что опираемся на **интуитивное** понимание и для улучшения понимания применяем математическую метафорику.

¹¹ См. Гл. 7, п. 7.3.3 (а), где описывается применение этой техники при анализе талмудического текста: принцип *гезера-шава* («равное решение», «принцип талмудической аналогии»). Там же разбираются примеры.

¹² Цит. по [210, с. 105].

¹³ Т. е. семантических утверждений, верных с какой-то достаточно большой вероятностью.

3.2.1. В тексте мандельштамовского перевода с немецкого (1926) стихотворения Рене Шикеле «Телохранители» есть две строки: «В звездах прозрачно зеркало морское, // И клонит плод бесстыдство золотое».

Рассмотрим «отображение» S этих строк (фрагмент А) в две строки (фрагмент В) из стихотворения «Я молю как жалости и милости...» (1937): «Наклони свою шею, безбожница, // С золотыми глазами козы».

При этом отображении, очевидно, имеют место «триггеры»: КЛОНИТ → НАКЛОНИ; ЗОЛОТОЕ → ЗОЛОТЫМИ.

Кроме того: В ЗВЕЗДАХ ПРОЗРАЧНО ЗЕРКАЛО → «в звёздах (= глазах¹⁴) небо козье» (1 января 1924) → ГЛАЗАМИ КОЗЫ

НСО-принцип «предсказывает», что при этом отображении, «образ» слова БЕССТЫДСТВО из фрагмента А:

(а) должен, с большой вероятностью, оказаться (в фрагменте В) где-то «в близкой окрестности» слов НАКЛОНИ и ЗОЛОТЫМИ («непрерывность» отображения);

(б) должен, с большой вероятностью, оказаться «актором ситуации» в фрагменте В – ведь слово БЕССТЫДСТВО является «актором ситуации» в фрагменте А: «и клонит плод БЕССТЫДСТВО» (семантическая непрерывность, «перетягивание» семантического пространства).

И действительно, между словами НАКЛОНИ и ЗОЛОТЫМИ находится слово БЕЗБОЖНИЦА, которое является «актором ситуации» в фрагменте В: «наклони свою шею, БЕЗБОЖНИЦА».

Вывод (**правдоподобная семантическая гипотеза**): БЕЗБОЖНИЦА в фрагменте В «с большой вероятностью» имеет смысл «бесстыдница».

Аргументация релевантности этой гипотезы: если увидеть, что при ближайшем рассмотрении БЕЗБОЖНИЦА оказывается «квазиомофоном» частотного идишского [bezbušnitse] =

¹⁴ Ср. в рецензии Мандельштама (1935) «Г. Санников. Восток»: «Запоем пил из звёздных рюмок». Очевидно, что здесь нем. Glas 'рюмка' ←→ (пар.) русск. «глаз». Еще одно подкрепление: в фрагменте мандельштамовского перевода из Важи Пшавелы (1923): «И прозрачны козы пастбища, // Из гранитной крепости выбиты» [72, т. 2, с. 93] в «прозрачных козых пастбищах» просвечивают «козы глаза» и т. д.

‘бесстыдница’¹⁵, то слова «с большой вероятностью» в нашем выводе следует заменить словами «со 100-процентной вероятностью»!

3.2.2. Применим НСО-технику к **локальной реконструкции семантики** в (обычно вызывающей недоумение) последней строке антисталинской «Эпиграммы» Мандельштама: «И широкая грудь осетина».

(А) В восьмистишии Мандельштама начала 1934 г. есть строки:

«В земной коре юродствуют породы, // И, как руда¹⁶, из груди рвется стон».

Рассмотрим отображение последней строки в строку из «Эпиграммы»: «И широкая грудь осетина».

При этом отображении:

ГРУДИ → ГРУДЬ;

СТОН →¹⁷ ОСЕТИН.

НСО-принцип «предсказывает», что где-то «в близкой окрестности» слов ГРУДЬ ОСЕТИНА с большой вероятностью должен оказаться «образ» слова РУДА («кровь»), т. е. нечто «кровоавое». Поскольку в этой близкой окрестности находится только слово ШИРОКАЯ, то становится достаточно ясно, что оно является шифрующей, маскирующей заменой слова **кровоавая** (или **окровоавленная**), которое здесь на самом деле **должно** стоять.

¹⁵ Заметим для «подкрепления» этого рассмотрения, что семантическая связь безбожный ↔ бесстыдный встречается в ПА, гл. «Москва»: «капустные бомбы, нагроможденные в **безбожном** изобилии», «я восхищался **безбожным** горением маков. Яркие до хирургической боли, какие-то лже-котильонные знаки, большие, слишком большие... на противных волосатых стеблях». А в нескольких местах мандельштамовского перевода из Важи Пшавелы слова со смыслом «безбожник» и «стыд» находятся в непосредственной близости: «Или в Бога ты не веруешь! Стыд мне застит сердце милое... ты побойся Бога, Апшина. Брат, зачем тебе мой черный стыд...», «Узнаю тебя, безбожника... Видно, ты, хвастун бессовестный... Видно, в Бога ты не веруешь» [72, т. 2, с. 93 и 95].

¹⁶ Очевидно, что здесь РУДА = «кровь», как в зап.-русском (В. Даль), украинском и т. д.

¹⁷ Это действие стандартного для Мандельштама СИ-оператора «эквиконсонантизма», переводящий (отображающий друг в друга) слова с одинаковым консонантным составом, см. п. 4.1.4.

Т. е. рассматриваемая строка в «Эпиграмме» маскирует строку: «И кровавая грудь осетина», или, эквивалентно, «грудь кровавого осетина».

Одним из аргументов релевантности сделанной нами семантической реконструкции является то, что полученный вариант хорошо соответствует квалификации Сталина как «кровавого осетина»: это распространенное в начале 30-х гг. определение приписывалось Г. Зиновьеву¹⁸.

(Б) Рассмотрим теперь строку в стихотворении М. Цветаевой «Большевик» (1921): «**Широкой** доброте разбойной // Смеясь – вверяю **грудь**».

Рассмотрим «отображение» этой строки в строку «Эпиграммы»: «И широкая грудь осетина».

Снова применим НСО-технику:

ШИРОКОЙ → ШИРОКАЯ

ГРУДЬ → ГРУДЬ

РАЗБОЙНОЙ (доброте) → ОСЕТИНА

Здесь НСО-техника показывает, что при этом отображении слово ОСЕТИНА с **большой вероятностью** должно оказаться семантически близким к слову РАЗБОЙНОЙ (которое в него отображается).

Т. е. становится ясно, что слово ОСЕТИНА в строке в «Эпиграмме» с большой вероятностью принадлежит семантическому пространству «разбойника». Тем самым, строка «И широкая грудь осетина» маскирует строку «И широкая грудь разбойника».

Релевантность этой семантической операции демонстрируется тем, что полученный вариант хорошо соответствует квалификации Сталина как «свирепого дикаря»: это известное в начале 1930-х определение¹⁹ принадлежало, по сообщениям современников, Л. Каменеву.

3.2.3. В стих. «Мне кажется, мы говорить должны...» (1935). Рассмотрим строку: «**ЧТО ЛЕНИНСКОЕ-СТАЛИНСКОЕ СЛОВО – ВОЗДУШНО-ОКЕАНСКАЯ ПОДКОВА**».

¹⁸ Об этом упоминает, например, Д. Волкогонов в книге «Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина», М., 1989. Кн. I, ч. 2. С. 75.

¹⁹ Может быть, следует уточнить: подобные характеристики Сталина были распространены, прежде всего, среди (бывших и настоящих) сторонников Троцкого.

Рассмотрим отображение: (ЛЕНИНСКОЕ-СТАЛИНСКОЕ СЛОВО) → СССР → ²⁰«три **подковы** + буква Р [ЭР]» → (ВОЗДУШНО-ОКЕАНСКАЯ ПОДКОВА).

Применение НСО позволяет сформулировать **правдоподобную семантическую гипотезу**: при этом отображении, с большой вероятностью, «буква Р [ЭР]» ←→ ВОЗДУШНО-ОКЕАНСКАЯ.

Релевантность этой гипотезы подтверждается тем, что [ЭР] – это фоника нем. и фр. слов AIR ‘воздух, вид, песня, ария’.

3.2.4. Кто такой «бог Нахтигаль» в стихотворении «К немецкой речи» (1933)?

Рассмотрим строку известного стих. Г. Гейне: «Im Anfang war die Nachtigall» (В начале был соловей) и ее «вероятное» отображение в известную первую строку Евангелия от Иоанна: (**Im Anfang war die Nachtigall**) ←→ (В начале было слово, и слово было Бог).

Применение НСО позволяет сформулировать **правдоподобную семантическую гипотезу**: в рассматриваемой строке Nachtigall = «слово», а Бог-Nachtigall = «Бог-слово».

Релевантность этой гипотезы подтверждается паронимической связью:

(Бог) Nachtigall → русск. (Бог-) «соловей» → (пар.) (Бог-) «слово», (Бог-) «слава» → (асс.) «Бог Славы» = «Бог Слова».

3.2.5. О семантике строки «Так лежи, молодеи и лежи, бесконечно прямясь» (Стихи памяти Андрея Белого, 1934).

Рассмотрим отображение этой строки в строку «КРЫЛА И СМЕРТИ УРАВНЕНИЕ (стих. «А небо будущим беременно», 1923)²¹. При этом отображении:

²⁰ «Слово» СССР этой стрелкой как бы переводится из «текстовой моды» в «символьную/графическую»! Ср. в «Эпиграмме» о «словах-указах» Сталина: «Как **подковы** куёт за указом **указ**».

²¹ С первого взгляда не ясно, как обосновать «реальное» существование этого отображения. Но, если посмотреть на первую строку рассматриваемого стиха («Голубые глаза и горячая лобная кость»), то ГОРЯЧАЯ (= горящая = белая!) ЛОБНАЯ КОСТЬ явно «выводит» на фрагмент: И **ЛОПАСТЬЮ ПРОПЕЛЛЕР** ЛОСНИТСЯ КАК **КОСТЬ ТОЧЁНАЯ**... А далее, по тексту, этот ПРОПЕЛЛЕР (= БЕЛАЯ ГОРЯЩАЯ КОСТЬ = ЛОБ БЕЛОГО) и есть КРЫЛА И СМЕРТИ УРАВНЕНИЕ!

(первое слово) ЛЕЖИ → СМЕРТИ;
 ПРЯМЯСЬ (= выпрямляясь = равняясь, ср. нем. sich richten)
 → УРАВНЕНИЕ.

Применение НСО позволяет сформулировать **правдоподобную семантическую гипотезу**: при рассматриваемом отображении, (второе слово) ЛЕЖИ → КРЫЛА.

Т. е. «образ» второго ЛЕЖИ «связан» с «полётом», что приводит к гипотезе о том, что здесь **изначально** должно было стоять слово ЛЕТИ!

Релевантность этой семантической реконструкции подтверждается соседней строкой «Каково тебе **там в пустоте**²²...», а также присутствием машинописного варианта (1934) обсуждаемого стихотворения со словом ЛЕТИ²³.

3.2.6²⁴. О семантике строфы стих. «Канцона» (1931): «Я покину край гипербореев, // Чтобы зреньем напитать судьбы развязку, // Я скажу *села* начальнику евреев // За его малиновую ласку».

3.2.6.1. Странное слово «села» – его семантический спектр²⁵ весьма широк²⁶.

Рассмотрим «реальное отображение» этой строфы «Канцонны» в следующий фрагмент «Шума времени»:

«Где-нибудь в Иль-де-Франсе: виноградные бочки, белые до-
 роги, тополя, винодел с дочками уехал к бабушке в Руан. Вернул-
 ся – все «**scellé**», прессы и чаны **опечатаны**, на дверях и погреб-
 бах – сургуч. Управляющий пытался утаить от акциза несколько

²² Достаточно очевидно отсылка к фрагменту стих. Маяковского («На смерть Есенина», 1925): «**Пустота... Летите**, в звёзды врезываясь». Отметим, что **с тем же семантическим результатом** можно рассмотреть отображение фрагмента «и лежи, бесконечно прямясь... в пустоте» в этот фрагмент текста Маяковского, с «перетягиванием» семантики «**прямого полёта в бесконечности**» в семантику фрагмента «лежи, бесконечно прямясь».

²³ Впервые на это указала М. Спивак в докладе на семинаре Мандельштамовского общества.

²⁴ Материал п. 6 частично был опубликован в [88, с. 122]. Более подробный анализ «Канцонны» см. Приложение 3, часть III.

²⁵ Т. е. «протосмысл», см. Гл. I.

²⁶ См. [88, с. 122].

ведер молодого вина. Его накрыли. Семья разорена. Огромный штраф, – и в результате суровые законы Франции подарили мне воспитательницу»²⁷.

При этом отображении слово СЕЛА переходит (по принципу НСО) в свой сильный пароним: фр. **scellé** [селé].

Тогда, опять же по НСО, семантика фр. **scellé** ‘опечатано, запечатано’ перетягивается в семантику СЕЛА в рассматриваемой строфе «Канцоны», и получается смысл: **«я скажу: “запечатано, кончено, покончено (с неким этапом судьбы)”»**.

Для подкрепления полученной «правдоподобной гипотезы», рассмотрим суженное «реальное отображение» типа «межъязыковая интерференция»²⁸:

СЕЛА → нем. *séla*²⁹ ‘кончено! договорились!’, фр. *scéllât* ‘да будет запечатано (= закончено, договорено и т. п.)’. Эта семантика «перетягивается» в семантику слова СЕЛА и подтверждает установленный выше смысл всей строки: «я хочу **покончить** с прошлой жизнью, начать какую-то новую жизнь»³⁰, **«окончательно договориться»**, «выяснить отношения» с «начальником евреев», т. е. со Сталиным³¹.

²⁷ «Реальность» этого отображения аргументируется набором триггеров: «сильной» паронимией слов СЕЛА и **scellé** [селé], а также общей семантикой «перемены места» в результате некоей «катастрофы», «излома судьбы».

²⁸ Рассмотрено в монографии [88, с. 122].

²⁹ Этимология этого немецкого слова неясна: скорее всего, это заимствование из идиша, восходящее к ивритскому СЕЛА (סֵלָא). Это слово, реальный смысл которого в тексте Библии неясен, служит, в частности, маркером конца некоторых фрагментов текста (и всего текста) в псалмах Давида.

³⁰ Ср. в письме Мандельштама к отцу, написанном одновременно с «Канцоной» (середина мая 1931 г.): «кто не в ладах со своей современностью, кто прячется от нее, тот и людям ничего не даст, и не найдет мира с самим собой. Старого больше нет [= СЕЛА, кончено! – Л. Г.], и ты это понял так поздно и так хорошо. Вчерашнего дня больше нет, а есть только очень древнее и будущее» [15, с. 140]. Стремление «расстаться со старым» = «покинуть край гипербореев (= Петербург)» присутствует у Мандельштама уже давно: ср. зачёркнутая фраза в анкете (ноябрь 1928 г.): «Я всегда ощущал “старый мир” как нечто законченное и обреченное», см. [207, т. 3, с. 718].

³¹ Аргументацию присутствия здесь именно Сталина см. [88, с. 122–123]. На самом деле, кроме образа Сталина здесь просвечивает и образ царя Давида-

3.2.6.2. Рассмотрим отображение исходной строфы стих. «Канцона» в фрагмент главки ПА «Французы»: «А еще вам кланяется синий **еврей** Пикассо и серо-малиновые бульвары Писсарро, текущие как колеса огромной лотереи, с коробочками кэбов, вскинувших удочки бичей, и **лоскутьями** разбрызганного мозга на киосках и каштанах».

«Реальность» этого отображения аргументируется не только очевидными «триггерами»: ЕВРЕЙ → ЕВРЕЕВ; МАЛИНОВЫЕ → МАЛИНОВУЮ, но и общей для «Канцоны» и «Французов» семантикой «зрения», «обозревания», «ощупывания глазом» и т. п.

Ясно, что при этом отображении, слово ЛАСКУ (с очень большой вероятностью) переходит в свой «сильный» пароним: ЛОСКУТЬЯМИ, и применение НСО «перетягивает» в слово ЛАСКУ семантику слова ЛОСКУТЬЯМИ.

Вывод: «малиновая ласка» в «Канцоне» имеет смысл: «малиновый лоскут, лоскуток, лента» и т. п.

Релевантность этой семантической реконструкции подтверждается, в частности, «идиш-смыслом»³² слова ЛАСКУ: У[ласка] = 'нашивка, ластовица, вставка в рубашку подмышкой, gusset'³³.

3.2.7. Задача идентификации загадочного персонажа в строках стихотворения «Сохрани мою речь навсегда...» (1931).

«И за это, **отец** мой, мой **друг** и **помощник** мой грубый, // Я – непризнанный **брат**, отщепенец в **народной** семье, // Обещаю **построить** такие **дремучие срубы**...».

Рассмотрим отображение этого фрагмента в «Оду» о Сталине, точнее, в объединение нескольких ее фрагментов:

...И в **дружбе** мудрых глаз найду для **близнеца**,
Какого, не скажу, то выраженье, близясь

псалмопевца, и образ Н. Евреинова (аргументация этого будет рассмотрена в другом месте).

³² Точнее, одним из У-смыслов этого слова.

³³ «Дерево смыслов», которое здесь вырастает, очень интересно, но здесь недостаточно места для соответствующего анализа.

К которому, к нему, — вдруг узнаешь **отца**
И задыхаешься, почуяв мира близость.

...Художник, **береги и охраняй бойца:**
В рост окружи его **сырым и синим бором**
Вниманья влажного. Не огорчить **отца**
Недобрым образом иль мыслей недобором,
Художник, **помоги** тому, кто весь с тобой,
Кто мыслит, чувствует и **строит**.
Не я и не другой — ему **народ** родной...

...Художник, **береги и охраняй бойца:**
Лес человечества за ним поёт, **густея...**

«Реальность» этого отображения подтверждается «триггерами»,
находящимися в «малой окрестности»:

ОТЕЦ ↔ ОТЦА
ДРУГ ↔ ДРУЖБЕ
БРАТ ↔ БЛИЗНЕЦА
СОХРАНИ ↔ БЕРЕГИ И ОХРАНЯЙ
ПОМОЩНИК ↔ ПОМОГИ
ПОСТРОИТЬ ↔ СТРОИТ
ДРЕМУЧИЕ СРУБЫ ↔ СЫРЫМ БОРОМ, ЛЕС... ГУСТЕЯ
НАРОДНОЙ ↔ НАРОД
В ЛЕСУ ↔ ЛЕС

При этом отображении, по НСО, семантика фрагмента «И
в дружбе...» (прежде всего, её главный элемент – образ Стали-
на) «перетягивается» в семантику фрагмента «И за это...», т. е.
в образ Сталина, что и решает поставленную семантическую
задачу³⁴.

³⁴ Впервые на связь «Сохрани мою речь...» с «Одой» и вообще с «образом Сталина» в стихах Мандельштама 1937 г. указал Н. Вайман. Мы здесь лишь продемонстрировали возможность относительно чёткого доказательства этого утверждения с помощью техники НСО.

3.2.8. Рассмотрим фрагмент стихотворения «Какая роскошь...»:

...И в лабиринте ВЛАЖНОГО РАСПЕВА
Такая ДУШНАЯ СТРЕКОЧЕТ МГЛА,
КАК будто в гости ВОДЯНАЯ ДЕВА
К ЧАСОВ-ЩИКУ подземному пришла...

и его отображение в фрагмент стихотворения Пастернака «Марбург»:

...Одних это все ослепляло. Другим –
Той ТЬМОЮ казалась, что глаз хоть выколи.
Копались цыплята в кустах георгин,
Сверчки и СТРЕКОЗЫ, КАК ЧАСИКИ, ТИКАЛИ.

...ТУМАН ЭТОТ...
...ЭТОТ ВИХРЬ ДУХОТЫ...

Отсюда, по НСО, отображением переводятся друг в друга акторы ситуации, производящие «звук часов»: в первом фрагменте это МГЛА → ВОДЯНАЯ ДЕВА, во втором фрагменте – СТРЕКОЗЫ; поэтому в ЯКМ Мандельштама ВОДЯНАЯ ДЕВА ↔ СТРЕКОЗА.

Этот вывод подтверждается крайне вероятной для текста Мандельштама немецко-русской «интерференцией»: стрекоза → Wasserjungfer ‘водяная девушка’ → «водяная дева».

Попутно отметим, что установленное здесь соответствие в ЯКМ Мандельштама (ВОДЯНАЯ ДЕВА ↔ СТРЕКОЗА) проясняет появление образа «стрекозы» в его стихотворении «Дайте Тютчеву стрекозу...» (1932), см. Приложение 1.

3.2.9. «Век-волкодав», кидающийся на плечи автора в известном стихотворении – не враг, а, скорее, не очень желанный друг!

Докажем это с помощью НСО. Рассмотрим фрагмент «Феодосии»:

«В прекрасное тело его впились клещи тюрьмы и казармы, по улицам ходили **циклопы в черных бурках, сотники**, гвардейцы разбитой армии, с фуражки до подошв заряженные **лисьим** электричеством здоровья и молодости. На иных людей возможность безнаказанного **убийства** действует, как свежая нарзанная ванна».

И его отображение в стихотворение «За гремучую доblesть...». Триггерами этого отображения являются:

чёрная бурка → шуба
лисьим → песцы
убьёт → убийства
сотники → сотня → век = Hundert → Hund ‘собака’ → век-волкодав

Отсюда, по НСО: КИДАЕТСЯ ↔ накидывается, как согревающая, даже «жаркая» БУРКА на плечи, т. е. исходный «волкодав» – это отнюдь не враждебное существо, что и т. д.

3.2.10. Рассмотрим последнюю строфу Стансов (1935):

...Как «Слово о Полку», **струна моя туга**,
И в голосе **моем** после удушья
Звучит земля – **последнее** оружие –
Сухая влажность черноземных **га!**
(апрель-май 1935)

И его отображение в строфу стихотворения Длигача³⁵:

Я вижу: в миллионы **га**
Расчерчена страна.
Я в **песне** познаю врага –
Его **последняя струна** –
Еще **туга**.

³⁵ Стихотворение «В деревне», напечатанное в «Новом мире» № 2 за 1935 год. Впервые сопоставил эти два текста Д. Лахути, см. [199, с. 142–144].

Триггерами этого отображения являются: СТРУНА → СТРУНА; ТУГА → ТУГА; ГА → ГА; МОЯ → Я; ПОСЛЕДНЕЕ → ПОСЛЕДНЯЯ, СЛОВО (о Полку) → ПЕСНЕ.

Отсюда, по НСО, вывод: автор первого текста как бы берет на себя семантику «врага» из второго текста, признает, что он «враг», (бывший) террорист, ведь «земля (= Terra) – последнее оружие» и т. д.

3.2.11. Рассмотрим фрагмент ЕМ:

«**Лорелея** вареных раков, играющая на **гребенке** с недостающими зубьями; **река...**»

и отображение его во фрагмент «Стансов» (1935):

«И что лиловым **гребнем Лорелеи** садовник и палач наполнил свой досуг».

Тогда, очевидно: ГРЕБЁНКА → ГРЕБНЕМ; ЛОРЕЛЕЯ → ЛОРЕЛЕИ, и «ситуация реки» (Фонтанки) перетягивается в «ситуацию реки» во втором фрагменте, и эта река, конечно, Кама – хотя бы потому, что ГРЕБЕНЬ (который видит автор) → (пар.) нем. Камт ‘гребёнка’ → (пар.) Кама и т. д.

См. подробнее статью «Россия, Кама, Лорелея» в Приложении 3.

3.2.12. Рассмотрим стих. «Кувшин» (21 марта 1937 г.):

Длинной жажды должник виноватый,
Мудрый сводник вина и **воды**, –
На боках твоих пляшут козлята
И под **музыку** зреют плоды.
Флейты свищут, клевещут и злятся,
Что **беда** на твоём ободу
Чёрно-красном – и некому взяться
За тебя, чтоб поправить **беду**.

И его отображение в строфу стих. «Какая роскошь...» (осень 1930):

Какая роскошь в нищенском селенье –
Волосная **музыка воды!**

Что это? пряжа? звук? Предупреждение?

Чур-чур меня! Далёко ль до **беды!**

Триггерами этого отображения являются:

ВОДЫ → ВОДЫ, ЧУР-ЧУР (= арм. джур 'вода')

МУЗЫКУ → МУЗЫКА

БЕДА, БЕДУ → БЕДЫ

Отсюда, по НСО, из второго текста в первый перетягивается **семантика тревоги** (сообщаемая музыкой), ощущения опасности. Эти ощущения конкретизируются в предчувствие надвигающейся глобальной войны с «немецким фашизмом» (= всеобщей БЕДЫ), суггестируемое немецко-идиш-русской интерференцией:

КУВШИН → Krug 'кувшин' = Y[krig] 'кувшин, **война**' → суггестируемый смысл: «ощущение **надвигающейся войны** = БЕДЫ!».

Здесь же отметим, что ОБОД = круг, окружность, обвод, межа, **граница** (В. Даль); смысл: «всё на грани войны = **беды**». Кроме того, достаточно очевидно, с кем будет эта глобальная война: КРАСНО-ЧЁРНОМ суггестирует стандартную цветовую гамму нацистских знамён на цветных фотографиях: **черная** свастика в белом круге на широком **красном** фоне. Да и «злые» флейты – характерный компонент немецкой военной музыки.

3.2.13. Рассмотрим отображение фрагмента из ЧП во фрагмент из цикла «Армения»:

Я ЛЮБЛЮ ИХ [Сталин, Ленин] ЯЗЫК, ЭТО МОЙ ЯЗЫК
←→ КАК ЛЮБ МНЕ ЯЗЫК ТВОЙ ЗЛОВЕЩИЙ, ТВОИ МОЛОДЫЕ ГРОБА, ГДЕ БУКВЫ – КУЗНЕЧНЫЕ КЛЕЩИ И КАЖДОЕ СЛОВО – СКОБА.

Из применения НСО следует³⁶ (с большой вероятностью), что СКОБА ←→ **КОБА** (= Сталин).

³⁶ См. подробную аргументацию в Приложении 2 и в монографии [88, с. 101].

Глава 4

СИ-операторы и их функции в М-тексте. Виды СИ-операторов

Наиболее частотные техники генерирования М-текста (в рамках «рекурсивной модели», см. Глава 6), доставляются аппаратом т. н. **СИ-операторов** (они же СИ-функции), включающим аппарат «иноязычных интерференций», о которых см. Главу 5.

Этот же аппарат доставляет главное «рутинное» техническое средство реализации установки на «семантический сдвиг», на «семантику катастрофы/взрыва» в тексте Мандельштама, см. Главу 7.

Этот же аппарат выполняет в динамическом процессе генерации/модификации текста функцию локальной деструкции/перестройки «старого» семантического пространства, см. п. 4.2.

4.1. Определение и виды СИ-операторов.

СИ-функция («суггестивно-импликативная» функция, она же СИ-оператор) – это оператор S , «переводящий» (отображающий) «фрагмент X » уже порожденного текста во «фрагмент $S(X)$ » порождаемого в данный момент «продолжения» исходного текста, определенным образом суггестируемый и имплицуемый аргументом X .

В качестве аргументов X могут выступать не только фрагменты текста, но и «смыслы», т. е. оператор S может являться и лексической, и семантической функцией.

Выражение «определенным образом» означает, что суггестирование может происходить самыми различными ассоциативными путями, которые, вообще говоря, невозможно проследить. Однако замечательная (может быть, уникальная) особенность текстов Мандельштама состоит в том, что «семантический спектр» его ассоциаций в целых сериях случаев «просвечивает», и его можно пытаться реконструировать.

Важно отметить, что, поскольку СИ-оператор, очевидно – частный случай «реального смысла»¹, к нему применим

¹ Т. е. «реального» семантического отображения, см. Глава 1, п. 1.1.

«принцип непрерывности семантического отображения» (НСО-принцип), см. Главу 3.

Рассмотрим подробнее конкретные виды СИ-операторов, работающих в М-тексте.

4.1.1. СИ-оператор омофонии и омонимии.

Пример²: «И свои-то мне губы не любы, // И убийство на том же корню».

Здесь СИ-оператор из слова ГУБЫ в первой строке извлекает основу (ГУБ), переходит к «омофонической» основе слова «ГУБ-ить» и порождает смысл «убийства» и само слово УБИЙСТВО в следующей (т. е. порождаемой в этот момент) строке. Здесь еще замечательно, что автор завершает вторую строку локальной «экспликацией» своего текстуального механизма: ...НА ТОМ ЖЕ КОРНЮ.

4.1.2. СИ-оператор паронимии.

Пример³: «Хозяин моей новой квартиры, молодой белокурый **юриисконсульт**, врывается по вечерам к себе домой, схватывал с вешалки резиновое пальто и ночью улетал на **юнкерсе**...».

Здесь СИ-оператор из слова ЮРИСКОНС-УЛЬТ в начале предложения генерирует паронимичное (для этого слова) сочетание УЛЕТ-АЛ НА ЮНКЕРСЕ в конце предложения.

4.1.3. СИ-оператор идиоматики. Он обслуживает ситуацию, когда во фрагменте X «просвечивает» некая устойчивая идиома. Из этой идиомы СИ-оператор генерирует некий новый фрагмент и/или некий новый «смысл» в порождаемом тексте⁴.

Пример 1. См. ниже п. 4.1.6, Пример 2.

Пример 2 (Эпиграмма). БАБАЧИТ → (пар.) «табачит» →

² Стих. «Флейты греческой...» (1937).

³ Этот отрывок из набросков <Вокруг «Путешествия в Армению»> рассматривается также в п. 6.3 – пример (в).

⁴ П. Успенский и В. Файнберг в монографии [200] подробно рассматривают и классифицируют этот способ генерирования «смысла» в М-тексте, при этом только на «русском» материале, почему-то игнорируя интересные случаи работы этого оператора в ситуации интерференции «иноязычной» идиомы.

(пар.) ⁵«passer → tabac, что значит: “бей до крови”» → смысл: «сильно избивает своих “тонкошеих вождей”».

4.1.4. СИ-оператор омографии. Здесь «аргумент» X – это графика (часть графики) некой словоформы, а «значение» СИ(X) – это некая новая словоформа, фонически связанная с X.

Пример⁶: «...могу набедокурить на рысистой дорожке беговой».

Здесь СИ-оператор из слова БЕГОВОЙ **в конце** предложения создает по ассоциации слово «бега». Далее СИ-оператор омографии обрабатывает французский эквивалент этого слова – courses – и порождает из отрезка латинской графики этой словоформы – RSES – фонически связанное с ним слово РЫСИСТОЙ, модифицируя уже **порожденный** текст.

Пример⁷: «Бог Нахтигаль, дай мне судьбу Пилада» → (вар.) «Бог Нахтигаль, дай мне твои рулады».

Здесь СИ-оператор из слова ПИЛАДА создает по ассоциации его «греко-латинскую» графику Pylad-es. Далее СИ-оператор омографии перерабатывает Pylad в смешанную русско-латинскую графику и порождает словоформу РУЛАДЫ, модифицируя уже **порожденную** строку.

4.1.5. СИ-оператор «консонантной паронимии» (эквиконсонантизма). Перестановки консонант.

Пример⁸: «Москва подобрела: город [был] чудный, подробный, дробный...».

Здесь СИ-оператор из слова ПОДОбРЕЛА в начале предложения выбирает консонантный состав (ДБР) и порождает «эквиконсонантные» ПОДРОБ-Ный, ДРОБ-Ный в дальнейшем тексте.

⁵ Фрагмент из стих. Маяковского «О красотах архитектуры» (1928), содержащий франц. идиому passer → tabac = сильно избивать.

⁶ Стих. «Довольно кукситься...» (1931). Подробнее см. в Приложениях 1 и 3.

⁷ Стих. «К немецкой речи» (1932): варианты.

⁸ Также из <Вокруг «Путешествия в Армению»>, рассматривается в 6.3 – пример (б).

4.1.6. СИ-оператор создания симультанного противоположно-го смысла («оксюморонизатор»). Частный случай: СИ-оператор «отрицания» («НЕ»-оператор)⁹.

Пример 1: «эта широкая и сытая улица **барского труда** давала все то же движенье...»¹⁰.

Здесь БАРСКОГО ТРУДА – оксюморон, являющийся результатом работы рассматриваемого оператора, правда с не полностью ясным исходным аргументом: «рабского труда» или «братского труда» и т. п. Вот формализованная запись реконструкции процесса порождения этого отрезка текста (подробнее см. Приложение):

ШИРОКАЯ → breit ‘широкий’ → (эквиконс.) Arbeit ‘труд’ → ТРУДА;

breit, Arbeit → (пар.) «брат-ский» → (консон. метатеза = оператор оксюморонизации) БАР-СКОГО.

Пример 2: «Любишь – не любишь, поймешь – не поймешь...».

Здесь «НЕ»-оператор из слов ЛЮБИШЬ, ПОЙМЕШЬ в начале строки создает их «отрицания»: НЕ ЛЮБИШЬ, НЕ ПОЙМАЕШЬ. Этим достигается «оксюморонизация» семантики фрагмента.

Пример 3: «Где к зловещему дегтю подмешан желток». Здесь «НЕ»-оператор «переворачивает актанты» в стандартной идиоме «в бочке меда ложка дегтя», но присутствие «исходной» метафоры все равно ощущается реципиентом текста, и тем самым создается симультанный противоположный смысл, т. е. оксюморон¹¹.

4.1.7. СИ-операторы, разрушающие («взрывающие») «нормальные» узус, семантику, синтаксис и т. д.¹². Частные случаи: СИ-оператор, резко меняющий «общепринятую» семантику

⁹ Этот частный случай (без рассмотрения механизмов типа СИ-оператора) и ряд соответствующих примеров рассмотрел Ю. Левин в замечательной работе 1973 г. «О соотношении между семантикой поэтического текста и внетекстовой реальностью» [187, с. 51–75].

¹⁰ <Вокруг ПА>, глава «Французы».

¹¹ Этот пример рассмотрел Ю. Левин, см. [187, с. 20].

¹² Установку М-текста на «разрушение модального узуса», на «выход за рамки здравого смысла» и т. п. впервые рассмотрел Ю. Левин в указанной работе «О соотношении...» [187, с. 64–66].

лексемы; СИ-оператор «хирургии» на слове (замена основы/корня); СИ-оператор, разрушающий согласование глагольных времен.

Пример: «Двурушник я, с двойной душой...».

Здесь на основе слова ДВУРУШНИК работает СИ-оператор замены основы/корня. Подробнее см. в Приложении 3, «Грифельная ода».

Пример: «Он слышит вечно шум, когда взревели реки...».

Здесь СИ-оператор при генерировании текста рассогласовывает время глагола ВЗРЕВЕЛИ и СЛЫШИТ и этим осуществляет локальный семантический взрыв, то, что Ю. Левин называет «выход за рамки здравого смысла...», приводящий к «радикальной перестройке привычных отношений языка и действительности»¹³.

4.1.8. Одна из наиболее важных «стандартных» серий СИ-операторов – это операторы «межъязыковой интерференции» (МИ), пользующиеся «языком-посредником», т. е. те, в которых генерирование СИ(Х) осуществляется путем использования «образа» (отражения) Х в некотором промежуточном вербальном языке, чаще всего, в немецком. При этом непосредственный механизм СИ-оператора (паронимия, омофония, эквиконсонантизм и т. д.), рассмотренный в п. 4.1.1 – 4.1.6, остается неизменным. Эти т. н. «иноязычные» СИ-операторы (или МИ-операторы) подробно рассматриваются в Главе 5.

4.1.9. СИ-оператор метонимии. Например, оператор «переназывания» объекта.

Пример¹⁴: Я → ТЫ; ЛЕНИНГРАД → ПЕТЕРБУРГ в стих. «Ленинград».

4.1.10. Суперпозиция СИ-операторов. СИ-оператор часто можно рассматривать как суперпозицию (последовательное выпол-

¹³ См. [187, с. 64–65] и Главу 7 (об «установке на взрыв»).

¹⁴ Технику «переназывания объекта» и этот пример впервые рассмотрел Ю. Левин в работе 1970 г., см. [187, с. 24].

нение) оператора метонимии и «непосредственного» оператора порождения метафоры¹⁵.

4.2. Роль СИ-операторов в процессе модификации семантики текста.

Обратим внимание на то, что СИ-операторы в М-тексте выполняют ряд работ по локальной деструкции «старого» семантического пространства и/или локальному «вбросу» «нового», «чужого» семантического пространства. Вот список этих работ.

4.2.1. Техника «ресемантизации» русских лексем. «Ресемантизация ситуации» с помощью замены «общепринятой» в данной текстуальной ситуации лексемы (например, предиката) на «нестандартную». Это можно назвать техникой «взятия не той рукой», впервые отмеченной у Мандельштама Н. Берковским¹⁶.

Пример¹⁷. В стих. «Золотистого меда струя из бутылки стекла» в контексте Пенелопы вместо «нормального» «ткала» (рядом стоит «прялка») употребляется неожиданное «вышивала», что меняет (взрывает) картинку ситуации.

4.2.2. Техника «семантической контрастизации», т. е. вклеивание рядом с данным словом (строкой, отрезком текста и т. д.) «далековатого», т. е., попросту говоря, с первого взгляда, непонятно, откуда взявшегося, слова (строки, отрезка текста и т. д.).

Пример¹⁸. «Я слово позабыл, что я хотел сказать. // Слепая ласточка в чертог теней вернется».

4.2.3. Упомянутая выше техника метонимии: напр. «переназывание объекта», «переуказание» пространственного положения объекта и т. п.

Пример. «Я на лестнице черной живу...», в то время как в реальности поэт живет в квартире и т. д.¹⁹.

¹⁵ Впервые этот «гибрид метафоры и метонимии» в «языке акмеистов» отметил О. Ронен. Подробнее об этом интересном феномене (с примерами) см. [3, с. 120–121].

¹⁶ В статье 1929 г., см. [167].

¹⁷ Этот пример рассматривается Ю. Левиным в [187, с. 81].

¹⁸ [187, с. 94–95].

¹⁹ Там же, с. 24.

4.2.4. Намеренное нарушение норм лексической сочетаемости и т. п.

Пример²⁰. «Мастерица виноватых взоров, // Маленьких держательница плеч».

Здесь ВЗОРОВ = СИ (МАСТЕРИЦА). При этом «мастерица» «плохо» сочетается с генитивом слова «взоры». Точно так же (но не из-за генитива!) «не нормально» сочетание «держательницы» и «плеч», и это бросается в уши²¹.

²⁰ Там же, с. 43.

²¹ Отметим, что во всплывшем в 1978 г. (из недр архива М. Петровых) автографе этого стихотворения здесь вместо «плеч» мы видим слово «встреч»!

Глава 5

Межъязыковые интерференции (МИ)

Поэт, сказавший *Не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть – // Ведь все равно ты не сумеешь стекла зубами укусить...* потому и сказал это, что не мог не пытаться *стекла зубами укусить...*

В. Топоров¹

Феномен массовых межъязыковых интерференций – крайне существенный системный компонент «семантики Мандельштама»². Этот феномен, «как чечевица», фокусирует многие релевантные для М-семантики процессы. Поэтому, несмотря на то что формально МИ можно рассматривать как часть системы СИ-операторов (см. Главу 4), это явление должно быть выделено в отдельное рассмотрение.

5.1. Прежде всего, необходимая дефиниция:

Межъязыковая (иноязычная) интерференция (МИ) – это суггестирование (или эксплицитный вброс) в тексте иноязычного слова (лексемы, сочетания, отрезка текста и т. п.), которое своим семантическим полем вторгается в языковое сознание реципиента текста (читателя, слушателя и т. п.) и модифицирует семантику текста (точнее, восприятие текста реципиентом)³.

Понятно, что этот «неожиданный» вброс – частный случай «семантического взрыва/катастрофы», см. Главу 7.

¹ Топоров В. Анаграммирование чужезычного слова [213, с. 232].

² Видимо, первым начал упорядоченно рассматривать феномен МИ (в частности, у Мандельштама) В. Топоров в работе об анаграммах (1987), см. об этом в [3, п. 1.1]. Он пишет: «В русской поэзии анаграммирование чужезычного слова или, скорее, **соотнесение некоторых звуковых элементов переводящего слова с аналогичным комплексом в переводимом слове** берет начало, видимо, в случаях каламбурного характера...» [213, с. 229].

³ Здесь еще важно иметь в виду (в особенности, для случая Мандельштама), что таковым реципиентом может быть сам автор текста – например, в процессе рекурсивного генерирования текста, см. Главу 6.

Например, в высказывании «есть блуд труда, и он у нас в крови» русское «блуд» суггестирует свой немецкий омофон Blut 'кровь', в результате чего семантическое поле «крови» вторгается в семантический ареал слов «блуд» и «труд», и это «взрывает» (резко модифицирует) весь смысл «первой части» высказывания⁴.

В данном случае, произошедший «семантический взрыв» (математик бы сказал: «семантическая бифуркация») эксплицируется (выводится на поверхность) в конце фразы: «...и он у нас в **крови**», но это совершенно не обязательно, и в массе других случаев подобная экспликация в текстах Мандельштама не имеет места.

Естественно возникает вопрос: а если читатель не владеет соответствующим языком-посредником? Кто, вообще, адресат подобных «пасхалок», подобных *interlingual messages*?

Предлагаемый ответ: **сам автор**, который таким способом локально изменяет собственную ЯКМ, меняет свою «языковую кожу» («чужая речь мне будет оболочкой»), делая это как бы независимо от читателя. Но читатель/слушатель при этом все равно подвергается суггестивному воздействию ЯКМ автора, часто даже в усиленном режиме. Мне вообще представляется, что подобное «психологическое манипулирование» реципиентом и есть (может быть, не всегда осознаваемая) цель Мандельштама как генератора текста⁵.

* * *

Верные, четкие мысли
Прозрачная, строгая ткань...
Острые листья исчисли –
Словами играть перестань.

О. Мандельштам (1910)

Здесь я хочу подчеркнуть принципиальное отличие феномена МИ у **Мандельштама** от т. н. «игры слов»: то, что для «стан-

⁴ Еще ряд примеров приводится в Главе 7.

⁵ Несколько подробнее о манипулятивности М-текста см. в Приложении 2, п. 3.

дартного» европейского (включая русское) языкового сознания является «играми слов», «каламбурами»⁶, Wortspiele, jeux de mots и т. п., для Мандельштама есть совершенно рутинная техника генерирования «новых смыслов», в которой использование «межъязыковых интерференций» является лишь одним (хотя очень существенным) из элементов⁷. Эта «рутинность» сильнейшим образом сближает М-тексты и «традиционный» еврейский дискурс, см. подробнее в Главе 7, п. 7.3.

5.2. Статистика случаев межъязыковой интерференции.

Общая статистика. Всего выявлено около 650 «германизмов» в текстах Мандельштама⁸. Из них 62–65% с вероятностью 50% могли бы быть идишизмами, т. е. являются когнатами соответствующих Y-слов или конструкций. «Чистых» идишизмов – не более 50 случаев.

Но «германские» интерференции – это просто наиболее массовый случай. Вообще, у Мандельштама «работают» в качестве языков-посредников при МИ все сколько-нибудь известные ему языки: французский (около 80 случаев), итальянский, латинский, польский, украинский, греческий, армянский, даже арабский. Почти все известные мне примеры МИ (всего около 800 случаев) содержатся в Приложении 1.

См. более подробно об аппарате межъязыковых интерференций в п. 5.4.

5.3. Реконструкция причин появления поразительного феномена – столь массовой межъязыковой интерференции в текстах Мандельштама – требует рассмотрения более широкого контекста. Вопрос о причинах какого-то «физического» явления часто звучит неуместно, но все же нельзя просто уйти

⁶ В русском дискурсе эти «игры» воспринимаются как желание «выпендриться», что вызывает, вообще говоря, негативную реакцию, см. примеры таковой реакции на дискурс Мандельштама в Главе 7, п. 7.3.2 (и). Отсюда «цивилизационно-принятые» русские извинения типа: «простите мне невольный каламбур», «простите за тавтологию», «простите за однокоренные слова» и т. п.

⁷ Б. Успенский пишет об этом феномене: «Если в обычном случае смысл порождает текст, то здесь, напротив, текст порождает смысл» [102, с. 299].

⁸ Все они приводятся в Приложении 1.

от вопроса, откуда это у Мандельштама, и почему именно у него?

Гипотеза о воздействии в детстве традиционного еврейского дискурса в доме родителей (см. подробнее в п. 7.3.4) позволяет многое понять, но представляется недостаточной.

Здесь мы приводим набор соответствующих причин/факторов **в качестве гипотез** в конспектном виде, не вдаваясь в (вообще говоря, необходимое) обсуждение ряда дефиниций и утверждений.

(а) Культурно-цивилизационная сверхзадача. «Встроенная» медиативность, интерфейсность Мандельштама⁹.

Установка на «переключку» между культурами, на «перенос пылицы» одной культуры на «цветы» другой. «... поэты говорят на языке всех времен, всех культур <...> говорящий не знает языка, на котором говорит. Он говорит на совершенно неизвестном языке. И всем и ему кажется, что он говорит по-гречески или по-халдейски»¹⁰.

В этом контексте использование «межъязыковых» омонимов, омофонов, паронимов и консонантных «пакетов информации», ассоциаций и суггестий является для Мандельштама техническим способом и инструментом для межкультурной и межъязыковой (прежде всего, русско-немецко-идишской) «переключки».

(б) Специфическая «динамическая семантика» → лексико-семантическая динамичность, установка на сдвинутость, размытость смысла, «семантический импрессионизм». Характерное проявление этой ориентации – в постоянных попытках «ухода из нашей речи» (семантики) в другую «речь», обычно в «германский» (немецко-идишский) дискурс¹¹.

⁹ Характерная для еврейской культурно-цивилизационной системы, фокусом управляющих матриц которой Мандельштам является, см. об этом монографию [200] и в этой работе – в Главе 7, п. 7.3.

¹⁰ *Мандельштам О. Слово и культура // Собр. соч. в 4 т. Сост. П. Нерлер и др. М., 1993–1997. Т. 1. С. 211.*

¹¹ Точнее, в парадигму «межъязыковой интерференции», в рамках которой связи с «германским» дискурсом у Мандельштама наиболее массивны.

- (в) «Двойничество», общая установка на оксюморонность, одна из «управляющих матриц» Мандельштама (см. Главу 7, п. 7.2.3), проявляется в оксюморонности лексико-семантической. В частности, межъязыковая омонимия и омофония доставляет пример такой «оксюморонности»: **два** взаимоисключающих слова/смысла в одном слове¹² продуцируют странную «мигающую» семантику этого слова. В. Топоров в работе 1991 г. говорит об этом явлении в психике и текстах Мандельштама: «авторефлексивность возвращает нас к проблеме “**двойничества**” в широком ее понимании: **два объекта в одном месте ...**»¹³.
- (г) Шизоидность психики Мандельштама. Гештальт-нарушения. Шизоидный билингвизм. Здесь вполне уместно сравнение с психикой В. Хлебникова, личность и творчество которого оказали исключительно сильное воздействие на Мандельштама¹⁴.

Скорее к Мандельштаму применим диагноз, поставленный Хлебникову харьковскими психиатрами в 1919 г.: шизофренические нарушения, расщепление, амбивалентность, **наклонность удерживать в сознании полярно-противоположные содержания**¹⁵. Ср. высказывание Мандельштама о Виллоне (и о себе!) в ранней статье: «Лирический поэт, по природе своей, – двуполое существо, способное к бесчисленным **расщеплениям во имя внутреннего диалога**»¹⁶.

¹² Ср. идиш-поговорку в конце п. 7.3.2 (д).

¹³ «О “психофизиологическом” компоненте поэзии Мандельштама» [98, с. 434].

¹⁴ См. об этом еще ниже в п. 5.3 (д).

¹⁵ В. Анфимов, главный врач психиатрической лечебницы «Сабурова дача» под Харьковом, изучавший психику Хлебникова (в конце 1919 г.), вспоминал позднее: «Для меня не было сомнений, что в В. Хлебникове разворачиваются нарушения нормы так называемого **шизофренического круга**, в виде **расщепления** – дисгармонии нервно-психических процессов. За это говорило <...> **альтернативность мышления – возможность сочетания двух противоположных понятий...**», цит. по [193, с. 219].

¹⁶ *Мандельштам О. Франсуа Виллон (1910) // Собр. соч. в 4 т. Сост. П. Нерлер и др. М., 1993–1997. Т. 1. С. 173.*

В этой связи вполне естественно, что Н. Я. Мандельштам, много наблюдавшая «творческий процесс» Мандельштама, пишет в мемуарах: «Мне кажется, что для поэта слуховые галлюцинации являются чем-то вроде профессионального заболевания»¹⁷.

(д) По-видимому, Мандельштам подвергся в рассматриваемом аспекте мощному внешнему идеологическому воздействию со стороны сначала Анненского (влияние которого на себя подчеркивал сам М), а затем Хлебникова и Белого.

Ср. С. Маковский об И. Анненском: «Больше, чем кто-либо из русских поэтов, он любил неологизмы и галлицизмы. <...> Сочетаниями иностранных заимствований и народных оборотов он особенно дорожил, и это характерно для всего склада его личности, пронизанной средиземноморской культурой и вместе такой до предела русской! <...> Анненский всегда на земле и всегда где-то в иной духовной действительности, и это ДВОЕРЕЧИЕ придает произносимым словам как бы новый смысл: они насыщаются смыслом всего, что угадывается сквозь них, за ними»¹⁸.

Ф. Степун писал об А. Белом в мемуарах 1950-х гг.: «Эта явная раскосость его взора, связанная с ДВУПЛАННОСТЬЮ сознания, поражала меня всегда <...>. Своей ширококрылой ассоциацией он в полете речи связывает во все новые парадоксы самые, казалось бы, несвязуемые друг с другом мысли¹⁹. Логика речи все чаще форсируется фонетикой: человек провозглашается челом века, истина – одновременно и истиной (по Платону) и [ie]стиной по Марксу) <...> минутами смысл речи почти исчезает. Но <...> Белый ни на минуту не теряет <...> изумительного дара своего высшего словотворчества»²⁰.

С воздействием В. Хлебникова, для которого поэтический язык должен был быть «странным», «чужим», резонировали собственные психические особенности Мандельштама (см. пункт «Г»).

¹⁷ [9, с. 64].

¹⁸ [59, с. 112–113].

¹⁹ Ср. высказывание Б. Эйхенбаума в работе конца 1922 г.: «...символисты выделяют именно метафору, “отмечая ее из всех изобразительных средств языка” (А. Белый) – как способ сближения далеких смысловых рядов» [191, с. 30].

²⁰ [59, с. 199].

Ср. высказывание Хлебникова: «Слова особенно сильны, когда они имеют два смысла, когда они живые глаза для тайны и через слюду обыденного смысла просвечивает второй смысл...»²¹.

Ср. также пассажи Хлебникова в «Досках судьбы»:

«Слово особенно звучит, когда через него просвечивает иной “второй смысл”, когда оно стекло для смутной, закрываемой им тайны, спрятанной за ним; тогда через слюду обыденного смысла светится второй и темной избой смотрится в окно слов. <...> Такие сельские окошки на бревнах человеческой речи бывают нередко. И в них первый видимый смысл – просто спокойный седок страшной силы второго смысла. Это речь дважды разумная, двоякоумная=двуумная. Обыденный смысл лишь одежда для тайного»²².

5.4. Аппарат межъязыковых интерференций подробнее.

5.4.1. «Иноязычные» СИ-операторы как часть аппарата МИ.

При рассмотрении СИ-операторов в Главе 4 мы уже говорили (см. п. 4.1.7), что одним из «стандартных» серийных СИ-операторов является такой, в котором при генерировании «значения» СИ(X), т. е. «образа» СИ-оператора, используется «образ» (отражение) X в некотором промежуточном языке.

Имеется в виду следующая генеративная цепочка: русское «слово» или «смысл» X (уже участвующее в тексте) отображается (т. е. порождает свой образ, например, свой «перевод» или свой пароним) в некий язык-посредник, затем этот образ, в свою очередь, порождает новое русское «слово» (отрезок текста или «смысл») СИ(X), непосредственно участвующее в тексте, обычно в «близкой окрестности» исходного «аргумента» X.

Например, в мандельштамовской строке «Есть блуд труда, и он у нас в крови», – ранее порожденное слово БЛУД (= X) отображается в свой немецкий омофон Blut ‘кровь’, и далее русское «значение» этого германского омофона порождает отрезок текста СИ(X) = В КРОВИ.

«Языками-посредниками» в СИ-функциях Мандельштама могут являться самые различные европейские языки. Но следует

²¹ «Из записных книжек» [194, с. 269].

²² [99, с. 40–41].

отметить, что в подавляющем большинстве случаев языком-посредником для СИ-функций в тексте Мандельштама является германский в широком смысле, т. е. немецкий с диалектизмами + идиш.

5.4.2. **Набор СИ-операторов**, участвующих в работе аппарата МИ, выглядит так: это, прежде всего, операторы, рассмотренные в Главе 4 в п. 4.1.2–4.1.6, но пользующиеся «языком-посредником», т. е. обслуживающие ситуации межъязыковых связей следующих типов:

(а) омофонии

(б) омонимии

(в) омографии

(г) паронимии

(д) эквипонсонантизма (отслеживание совпадения наборов консонант в словоформах)

(е) особой СИ-функцией, обслуживающей межъязыковые интерференции, является замена стандартного русского «значения» некоей общей лексической функции на «иноязычное», например, «германизированное».

Пример функции (е): замена значения лексической функции $\text{Magn}(X)$ ²³ в «Канцоне» в строках:

Две лишь краски в мире не поблекли:
В желтой – зависть, в красной – нетерпенье.

В стандартном русском узусе Magn (зависть) = «черная». В тексте же стихотворения происходит замена значения «черный»

²³ Определение. В лексической функции $\text{Magn}(X)$ аргумент X – это ситуация, действие и т. п., «значение» функции – это лексема, фразеологизм и т. п., описывающие «усиление, акцентуацию» этой ситуации, действия и т. п. Например, если X = ‘разбить, сломать’, то $\text{Magn}(X)$ = ‘разбить вдребезги’, если X = ‘зависть’, то $\text{Magn}(X)$ = ‘черная зависть’ и т. д. А. Мельчук еще называет этот объект (который он же в свое время и придумал): «стандартный, клишированный **интенсификатор**», см. [153, с. 59].

на «желтый» под воздействием стандартного немецкого узуса: *der gelbe Neid* ‘желтая зависть’, т. е.: *Magn* (зависть) = «черная» → *der gelbe Neid* ‘желтая зависть’ → В ЖЕЛТОЙ – ЗАВИСТЬ.

Еще один интересный пример функции (е) у М: вложение в русскую лексему «грубый» усилительного смысла (т. е. смысла функции *Magn*) ее «германских» паронимов *grob/groblich*²⁴. В стих. «Когда удар с ударами встречается...» (1910): «ГРУБО остановится» = *Magn* (остановится)²⁵. Здесь русский пароним немецкого значения функции *Magn* подменяет слово «резко», являющееся «нормальным» значением этой функции в стандартном русском узусе.

5.4.3. «Иноязычный монитор».

Иноязычные интерференции, прежде всего, «германизмы» (германо-идишизмы) в М-текстах – явление настолько массовое, что возникает ощущение присутствия «в голове Мандельштама» некоего постоянно работающего механизма, который мы назовем «иноязычным монитором»²⁶.

Иноязычный монитор в тексте Мандельштама – это процесс отслеживания в порождаемом тексте русско-иноязычных связей и модификации на их основе уже созданного и создаваемого текста.

Этот «монитор-переводчик», линейно продвигаясь вдоль уже созданного текста, отслеживает возможные ситуации русско-иноязычной омофонии, омонимии, паронимии, эквиконсонантизма и т. д. и генерирует (с помощью соответствующих СИ-операторов) их проекции «вперед и назад» в создаваемый текст.

Перифразируя высказывание Мандельштама о Хлебникове в статье «Буря и натиск»²⁷, можно было бы назвать этот процесс «идиотическим синхронным переводчиком».

²⁴ Вот примеры усилит. смысла слов *grob/groblich*: *es ist grob kalt* ‘ужасно холодно’; *sich groblich irren* ‘жестоко (грубо!) ошибаться’.

²⁵ См. Приложение 1.

²⁶ Это явление ранее рассматривалось нами в работе [97] и в монографии [200]. Напомним, что «германизмы» в М-текстах (т. е. результаты работы иноязычного монитора) собраны в Приложении 1.

²⁷ «Какой-то идиотический Эйнштейн, не умеющий различить, что ближе – железнодорожный мост или “Слово о полку Игореве”».

Это явление, возможно, уникально²⁸, и дело здесь, похоже, не столько в использовании техники параномазии и других релевантных технических приемов, сколько в какой-то скрытой сверхзадаче и других неявных факторах, см. попытку реконструкции в п. 5.3.

Интересно, что **иноязычный монитор** работает, по-видимому, в большинстве текстов Мандельштама, но может «включаться» на одном отрезке текста и «выключаться» на другом.

Иногда **иноязычный монитор** «вылезает на поверхность», как например, в 16-й главке «Четвертой прозы», где в текст «потока сознания» вдруг врывается «идиотический синхронный переводчик»: «Ходят армяне из города Эривани с зелеными крашеными селедками. Ich bin arm – я беден».

Вот еще интересный пример, в котором Мандельштам сам намеренно «выводит на печать» из своего сознания вмешательство «иноязычного монитора»:

«И Пармская могила Стендаля для определенного разряда читателей воняет тухлым прованским маслом [На днях я пере-

²⁸ Отдельные манифестации этого явления фиксируются у Пастернака и у некоторых других поэтов. Например, В. Хазан, исследователь творчества Довида Кнута, описывает (анализируя кнотовское стихотворение «Молчу в тишине») феномен, который в нашей терминологии можно было бы назвать «фонетическим французским монитором» у Кнута: «...оба потока “фонетических ассоциаций” – русских и французских – встречаются, переплетаются, образуя причудливые билингвистические узоры. Создается впечатление, что Кнут пишет текст как бы одновременно на двух языках <...> текстовые элементы структурируются как бы из двух языков, один из которых является, условно говоря, “основным”, “актуальным”, полностью подчиняющим себе план выражения (на нем пишется стихотворение), а другой – “подтекстным”, существующим только как потенциальный план содержания и институцированным в виде виртуальной реальности. В целом, этот способ письма живо напоминает перекодировку “своего” и “чужого” слова в потоке того, что принято называть бахтинским термином “двуликой” речи (заметим, что мы говорим о просодической стороне текста, и, стало быть, упомянутые перекодировки касаются, прежде всего, его фонетического строя)» [148, с. 26]. Но примеры русско-французских «фонетических филиаций», приводимые Хазаном, крайне скудны и, на наш взгляд, недостаточно обоснованы даже для одного рассмотренного стихотворения. Поэтому идея о присутствии «французского монитора» у Кнута остается пока интересной гипотезой. Заметим, что в феномене «германского монитора» у Мандельштама принципиально важна именно **массовость** его проявлений, временами кажущаяся даже демонстративной.

чел [Пармский монастырь] монахиню Стендаля и готов приписать запах тухлого прованского масла из парижских театральных ресторанов]»²⁹.

Здесь Stendhal \leftrightarrow Stank 'вонь' + döl 'растительного масла'. Заметим попутно, что здесь имеет место замечательная контаминация действия «французского» и «германского» (немецкий, идиш) мониторов. Явная неуместность в этом насквозь «французском» контексте «германского» монитора показывает, что он (германский монитор), по-видимому, постоянно работал «в оперативной памяти» Мандельштама.

5.4.4. Технические приемы использования **иноязычного монитора** и иноязычных СИ-операторов в порождающей семантике М-текста³⁰.

5.4.4.1. Лексема через свой **иноязычный** эквивалент выходит на расширенное множество синонимов, омонимов, вообще, расширяет свой семантический ареал.

Пример. Слово «нежный» получает «право» на использование широкого семантического спектра немецкого fein 'мелкий, изящный, деликатный, нежный, прекрасный, хитрый, умный', становясь, в зависимости от своего желания («Слово – Психея!»), любой частью этого спектра, и наоборот. Поэтому «мелкий дождик» может стать «нежным дождиком» («Когда Психея-жизнь...»), «в нежной сутолке» означает «в деликатной сутолке», «народец мелкий» может означать «народец умный», а «самый нежный ум» («Мне жалко, что теперь зима...») может быть «самым хитрым умом» и т. д.

5.4.4.2. Словосочетание достигает результата 5.4.4.1, проектируясь в немецкое (идиш) объединенное «сложное слово» и «выкачивая» из него измененную семантику.

²⁹ Мандельштам О. <Вокруг ПА>. Глава «Читая Палласа».

³⁰ На самом деле, весь материал параграфа 5.4.4 описывается в терминах системы СИ-операторов (п. 5.4.2) и, тем самым, как бы «избыточен». Но мне представляется интересным непосредственно увидеть «наглядную картинку» процесса межъязыковой семантической интерференции.

Примеры:

- «сонные казни»³¹ приобретают в результате этой процедуры нестандартную семантику немецкого Traumstrafen = ‘воображаемые (напр. в сновидении) казни’;
- точно так же в строке «Сонным обзором я жизнь воскрешаю»³² имеется в виду не сонное состояние «обозревателя», а обзор, являющийся как бы видением, галлюцинацией, т. е. нечто вроде немецкого Traumübersicht.

5.4.4.3. Лексема достигает результата 5.4.4.1, но не через «полное тело» своего иноязычного эквивалента, а через использование его консонантного костяка – генерируются связи с русскими словоформами с тем же (может быть, переставленным) консонантным составом.

Эта техника³³ продуцирует странные, на первый взгляд, связи: «Часто пишется казнь, а читается правильно – песнь»³⁴.

Пример. В стих. «Голубые глаза...» (1934) слово «казнь» через свой консонантный набор [k/g-z-n] связывается с немецко-идишским Gesang [gezank] = ‘песня, стих’, и с итальянским canzone ‘песня’, что и имплицитно русское слово «песнь», см. подробнее Приложение 1.

5.4.4.4. Изначально работает сквозной набор консонант (возникающий, чаще всего, из какой-то русской или иноязычной словоформы), генерируя русско-иноязычные связи и смыслы – «поэтическую речь живит блуждающий многосмысленный корень»³⁵. Эта техника параллельна рассмотренному еще О. Роненом в работе 1973 г. приему анаграммирования ключевого слова в тексте М³⁶.

Пример. Набор консонант (PRSTN) в «Грифельной Оде» генерирует слова «кремень» (через Feuerstein = ‘кремень’), «старая

³¹ «Разговор о Данте», гл. 2.

³² Вариант к стих. «Нет, не мигрень...».

³³ Работающая, разумеется, в обоих направлениях: как от исходной немецкой словоформы, так и от исходной русской словоформы.

³⁴ Стих. «Голубые глаза и горячая лобная кость...» (1934).

³⁵ *Мандельштам О.* Статья «Заметки о поэзии».

³⁶ [29, с. 244].

песня», «перстень» и далее через весь текст.

5.4.4.5. Мандельштам часто использует устойчивые ассоциативные ряды, порождаемые русско-иноязычными связями, как стандартные ассоциативные блоки.

Примеры таких стандартных блоков:

(1) шум-пена-музыка, (2) хлеб-плоть-слово, (3) дремучий-густой-поэтический, (4) шелест-хмель, (5) глаз-стекло-стакан-рюмка, (6) кровь-цвет и т. д.

5.4.4.6. Мандельштам использует скрытые иноязычные словоформы для придания дискурсу (или усилению) эффекта разговорности, спонтанности, эмоционального контакта с «собеседником», для получения того, что в гештальт-психологии называют *aha-effect*³⁷. Этим эффектам способствует «структурная неожиданность», изолированность, исключенность этих слов из синтаксиса фразы, их врезание как бы в скобках в тело фразы³⁸.

Сюда же типологически относится направленная «макаронизация» текста для достижения определенного стиливого эффекта.

Простейший пример такой макаронизации: «Это есть художник Альтман, // Очень старый человек ...»³⁹.

5.4.4.7. Скрытые иноязычные словоформы используются Мандельштамом для «прозаизации» дискурса, для получения в тексте эффектов, которые он в статье «Буря и натиск» (1923) квалифицирует как свойства прозы: «Проза асимметрична <...>; настоящая проза – разноречивой, разлад, многоголосие, контрапункт; ...».

³⁷ См. об этом также в п. 2.5.3.3.

³⁸ Интересно, что приблизительно о том же (использование грамматически изолированных элементов, «тенденция к диалогичности», «направленность на контакт с собеседником») говорит Л. Найдич, анализируя стиль Пауля Целана, немецко-еврейского поэта, переведившего Мандельштама на немецкий и во многом себя с ним отождествлявшего [6, с. 197].

³⁹ [72, т. 2, с. 84]. Это шуточное стих. 1920-х гг. По свидетельству мемуаристов, Мандельштам читал его вслух, демонстрируя «немецкий акцент».

5.4.5. Специфика «германского монитора»: германизмы в текстах Мандельштама. Статистика, классификация, вид, пересечение с идишем.

5.4.5.1. Общая статистика. Напомним, что всего выявлено около 650 «германизмов» в текстах Мандельштама⁴⁰. Из них 62–65 % могли бы быть идишизмами, т. е. являются когнатами соответствующих Y-слов или конструкций.

5.4.5.2. Характеристики немецкого языка Мандельштама.

Произношение. В «германских» суггестиях в М-текстах явно проступают некоторые черты южнонемецких (+ рейнский) диалектов.

В частности,

(а) сибилантное произношение графемы ch = [š], проявляющееся в немецких суггестиях у Мандельштама, характерно для диалекта Рейнской области, к которой относится Гейдельберг⁴¹;

(б) стяжение дифтонга [au] → [a]. Это черта южнонемецких диалектов⁴². Возможно также влияние идиша отца («польского» диалекта Y?).

Примеры стяжения дифтонга:

«Сусальным золотом горят...», 1908: «В кустах ('куст' = Strauch [štrax]) игрушечные волки глазами СТРАШными глядят».

«Два трамвая», 1925: «сонный ('сон' = Traum [tram]) трамвай».

«Сегодня можно снять декалькомани...», 1931: «И Фауста бес [fasta-bes, для сохранения размера] – сухой и молодежавый...».

«Фаэтонщик», 1931: «Карабахе (→ raubgierig [rabkierix] 'хищный'), в ХИЩНОМ городе Шуше».

«10 января 1934»: «У конькобежца в пламень (Flamme) голубой, – / Морозный пух (Flaum [flam] 'пух') в железной крутят тяге...».

«Стихи о неизвестном солдате» (вариант), 1937: «В глубине черномраморной устрицы // Аустерлица [asterlitsa, для сохранения размера] погас огонек».

⁴⁰ Все они приводятся в Приложении 1.

⁴¹ См. [92, с. 56].

⁴² Например, баварского, см. [96, с. 100].

5.4.5.3. Соотношение немецкого и идиша в дискурсе М.

Из данных п. 5.4.5.1 следует, что большинство G-суггестий конкурируют с Y-суггестиями, причем плотность конкуренции выше в первые годы творчества Мандельштама. Это – аргумент в пользу того, что «коренной, внутренний» немецкий Мандельштама был немецким его отца, т. е. немецко-идишским *суржиком*. При этом «идиш» в случае самого поэта являлся смесью литовско-курляндского (мать – из Вильны, отец – из Жагор на границе Литвы и Курляндии) и польского диалектов.

В устах же отца Мандельштама, по-видимому, часто звучал «германизированный» (т. е. с повышенной плотностью немецкой лексики) идиш.

Поэтому в сознании поэта многие Y-слова контаминировались с соответствующими немецкими, и для отделения идишизмов от «германизмов» у Мандельштама требуются иногда достаточно тонкие рассмотрения, иногда же просто не хватает информации.

Обычно при этом возникает один из двух случаев:

Ситуация 1. Оба конкурента – фонетически различные (иногда почти не различные) «германские» когнаты.

Пример: в стих. «В огромном омуте прозрачно и темно...» (1910).

В стр. «Соскучившись по милом иле, // То – как соломинка, минуя глубину...» «ил» связывается с «соломинкой» фонетически через *Schlamm* = Y[šlam] = 'ил'.

Но *Schlamm* и Y[šlam] фонетически почти идентичны, и при отсутствии какой-либо дополнительной информации, окончательный выбор невозможен.

Ситуация 2. Y-конкурент осложнен гебраизмом.

Пример: в стих. «Фаэтонщик» (1931).

В стр. «Там, в Нагорном Карабахе, // В хищном городе Шуше...» в подтексте слова «Карабах» происходит контаминация немецкого *raubgierig* 'хищный' и идишизмов YL [reub-хауе] 'хищник', Y [royb-хауеše] 'хищный', где основа [хауе] 'зверь' – гебраизм.

Без дополнительной информации этих конкурентов невозможно развести.

5.4.6. Специфика «французского монитора»: галлицизмы в текстах Мандельштама. Статистика и примеры.

«Французский монитор», т. е. отслеживание и обработка в генерируемом М-тексте возможных франко-русских омонимических, паронимических и т. п. связей, – «включается», в отличие от «германского монитора», нечасто.

Можно попытаться описать специфику текстов, на которых он «работает». Представляется, что это, прежде всего, тексты, в которых выявляются (проявляются) отношения автора с окружающим обществом, общественным устройством, государством и т. п. Т. е. нечто вроде «гражданской лирики». Вероятно, такие свои тексты подразумевал Мандельштам, говоря (в начале 1930-х): «Сейчас стихи должны быть гражданскими».

Если эта гипотеза верна, то «включение» французского монитора здесь отражает тот факт, что поэт вполне находится в русле российской традиции соотнесения своей собственной «общественной» парадигмы с французской → «французские» ассоциации и т. д.

Яркими примерами «гражданских» М-текстов, в которых мощно работает «французский монитор», являются «Египетская марка» (1927) и стихотворение «Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем!..» (1931)⁴³.

По грубой оценке, неявных галлицизмов у Мандельштама на порядок меньше, чем германизмов, т. е. приблизительно 70–80 случаев.

⁴³ См. подробнее [3], п. 3.4, а также здесь Приложение 1: входы с пометой Fr.

Глава 6

Текст как динамическая система. Рекурсивная модель порождения М-текста. Рекурсивный бриколаж Мандельштама

6.1. М-текст как динамическая система.

Du mouvement avant toute chose!

P. Verlaine

Следует подчеркнуть, что «рекурсивный механизм» генерирования М-текста, рассматриваемый ниже, является системной манифестацией, «выведением на поверхность» некоего глубинного феномена, который можно пытаться сформулировать так:

М-текст¹ есть динамическая система, «изучающая» саму себя² и в процессе этого «изучения» развивающаяся³.

Это тот системный динамический феномен, о котором Ю. Лотман говорил (в более общей ситуации): «...текст есть не реализация некоторого языка, а **генератор** языков. <...> Текст ориентирован на генерирование новой информации (**смысл не дается, а вырабатывается**)⁴. В этом случае господствует тен-

¹ Точнее, «пара»: «физический» текст + «восприятие» этого текста реципиентом/генератором.

² «Изучающая», например, способом авто-расширения, т. е. создавая автокомментарий и включая его в себя. Технически авто-расширение обычно реализуется при помощи метафорики, применяемой «генератором/реципиентом текста», в частности, при помощи систем СИ-операторов, МИ-операторов и т. п. Ср. «антропный принцип участия» в космологии (АПУ), см. в конце Гл. 1. См. также Гл. 7.

³ Замечательный пример «изучающего авто-расширения» – это создание **текста РД** и включение его в глобальный М-текст. Ср. высказывание на сопряжённую тему математика Ю. Манина: «...свертывание смысла достигается не за счет сокращения каких-то деталей, а за счет того, что **полное выражение смысла предполагает функционирование текста как процесса**. В этом пафос острых наблюдений О. Мандельштама над “Божественной комедией”, терцины которой работали в европейской культуре с неизбежностью триплетов геной ДНК» [209, с. 26].

⁴ Вырабатывается, в случае Мандельштама, неким «коллективным» семиозисом = мидрашом, см. Главу 7.

денция к усложнению отношений между способами кодировки субтекстов. В предельном случае это – текст на заумном языке. <...> Кроме функций передачи информации и порождения новых языков, текст выступает также как устройство, на вход которого подаются прежде циркулировавшие в культуре тексты, которые, пересекая его внутренние кодовые границы, трансформируются в *новые сообщения*. Текст **генерирует** новые тексты, следовательно, можно сформулировать парадокс: исторически тексту должен предшествовать текст⁵. <...> Изолированный текст – научная фикция, возможная лишь в качестве эвристической условности. <...> Все сказанное превращает текст любого уровня в динамическую и порождающую все здание культуры систему»⁶.

6.2. Что такое «рекурсивная модель» М-текста?

Изучавшиеся выше основные группы семантических операторов⁷, участников процесса порождения М-текста – СИ-операторов (Глава 4) и МИ-операторов (Глава 5) – дают возможность достаточно наглядно сформулировать концепцию «рекурсивной модели порождения М-текста».

«Рекурсивный» способ порождения текста⁸ состоит в том, что некий элемент⁹ уже созданного текста «интерпретируется»

⁵ Заметим, что, с еврейской традиционной точки зрения, здесь никакого парадокса нет – это просто естественное устройство мира, см. п. 7.3. Заметим также, что взгляд Ю. Лотмана на ТЕКСТ самым удивительным образом совпадает с **традиционным еврейским!**

⁶ [209, с. 104–105].

⁷ Т. е. «реальных смыслов» в определениях Главы 1.

⁸ В Главе 7, п. 7.3.3 (Семантическая техника *мидраша*) рассматривается реализация этого же механизма в еврейском традиционном дискурсе (ЕТД).

⁹ Часто (но не всегда!) это последний вновь созданный элемент текста. Этим элементом чаще всего является некоторое слово, но может быть, например, и строка. Напомним неодобрительное описание С. Рудаковым в письме (1935) рекурсивной техники генерирования текста у Мандельштама: «Он и стихи и все делает “строчками”, а они лепятся друг к другу, это не архитектоника», цит. по [210, С. 91].

Более благожелательно об этом же механизме линейного ассоциативного генерирования текста говорил В. Шкловский в статье «Путь к сетке» (1933): «Стихи писал Осип Эмильевич Мандельштам строками. <...> Он был прекрасным ПОЭТОМ СТРОКИ. Он держался ПОЛУУСЛЫШАННЫМИ звучными назва-

при помощи стандартных семантических техник (толковательных приемов) и/или каких-то «внешних» ассоциаций и соображений, использующих уже порожденный до этого текст. Далее к этому элементу текста «присоединяются» все релевантные выводы и толкования, которые были сделаны, – они используются для работы со следующим элементом текста на следующем шаге и т. д.

Легко видеть, что в результате получается «рекурсивное дерево текста», которое значительно шире, чем «записанный» мандельштамовский текст.

Вот метафорическое описание самим Мандельштамом во 2-й главе «Разговора о Данте» подобного способа порождения текста: «...одна за другой деталь отрывается от вещи, уходит от нее, выпархивает, отщепляется от системы, уходит в свое функциональное пространство».

Приведем аналогичную метафору из 4-й главы РД: «...представьте себе самолет..., – который на полном ходу конструирует и спускает другую машину. Эта летательная машина, так же точно, будучи поглощена собственным ходом, все же успевает собрать и выпустить еще третью. Для точности моего наводящего и вспомогательного сравнения, я прибавлю, что сборка и спуск этих выбрасываемых во время полета... новых машин является не добавочной и посторонней функцией летящего аэроплана, но составляет необходимейшую принадлежность и часть самого полета и обуславливает его возможность».

В Воронеже Мандельштам пытается в разговоре с С. Рудаковым описать ему эту *мидрашную*¹⁰ технику порождения текста, технику «выжимания» уже порожденного слова:

ниями, соединяя их. Стихи рассыпались, собирались вновь» (Литерат. Критик. – № 5. – 1933. – С. 113).

Интересно в этом контексте наблюдение Н. Я. Мандельштам: «В любом стихотворении О.М. выделяется строка, которая пришла первой <...>. Выделив ее – если она, конечно, не исчезла, выпав из окончательного текста, что тоже бывает, – можно восстановить почти весь ход работы» [9, с. 186]. В другой работе она пишет о процессе генерации М-текста: «бродячая строчка, тема, слово, придя, никогда уже не уходит, но ищет полного воплощения хотя бы через много лет» [218, с. 333].

¹⁰ Точнее, близкую к технике «еврейского традиционного дискурса», см. Главу 7.

«Сказал “Я лежу”, сказал “в земле” – развивай тему “лежу”, “земля” – только в этом поэзия. Сказал реальное, перекрой более реальным, то – реальнейшим, потом сверхреальным. Каждый зародыш (росток) должен обрастать своим словарем, обзаводиться своим запасом, идя в путь, перекрывая одно движение другим. Будь форма, ритм... все недостаточно, если нет этого. Этого правила не понимали некоторые акмеисты, их последыши, вся петербургская поэзия, вся официальная советская поэзия»¹¹.

6.3. Примеры работы «рекурсивной модели».

В набросках к «Путешествию в Армению» эта «рекурсивная текстуальная мастерская» выходит на поверхность и предельно эксплицируется. Вот ряд примеров из набросков <Вокруг «Путешествия в Армению»>¹²:

(а) «Армянские мальчики и юноши, коротконогие, усатые, с широчайшими плечами борцов. Они шли какой-то вздрагивающей, *берцовой* походкой...».

Ясно, что здесь слово «**борцов**» в первом предложении «порождает» слово «**берцов-ой**» во втором.

(б) «Москва подобрела: город [был] чудный, подробный, дробный, с множественным и сложным [зрением], как [глаза у комнатной мухи] мушиного глаза зрением».

Видно, как здесь автор, говоря его же словами, обращенными к С. Рудакову (см. выше), «развивает росток» слова «**подобрела**» в начале предложения и порождает в продолжении фразы определение «**подробный**», потом «перекрывает» его определением «**дробный**», а затем, используя изменившуюся семантику основы (ДОБР → ДРОБ) перекрывает ранее созданный образ «подобревшей» Москвы еще более «реальной» метафорой Москвы как «мушиного глаза».

(в) «Хозяин моей новой квартиры, молодой белокурый **юрисконсульт**, врывался по вечерам к себе домой, схватывал с вешалки резиновое пальто и ночью улетал на **юнкерсе**...».

¹¹ Письмо С. Рудакова цит. по [210, с. 61]. Н. Мандельштам вспоминает: «Если стихотворение не отстает, говорил О.М., значит <...> осталась плодотворная почка, от которой тянется **новый росток**; иначе говоря, работа не завершена» [9, с. 65].

¹² Главы «Москва» и «Сухум».

Здесь видно, как автор «развивает росток» слова ЮРИСКОНС-УЛЬТ в начале фразы, развёртывая это слово в целое «паронимическое» ему предложение УЛЕТ-АЛ НА ЮНКЕРСЕ в продолжении высказывания.

(г) «Как и всегда бывает в дороге, в центре внимания моего встал человек, приглянувшийся просто так – на здоровье...».

Здесь сочетание ПРОСТО ТАК в первой части высказывания «паронимически» отображается в «германизм» *prosit* = ‘стандартный тост типа «на/за здоровье!»’ и генерирует в качестве продолжения текста «перевод» этого «германизма», т. е. сочетание НА ЗДОРОВЬЕ.

(д) (ПА, Глава «Французы»): «...**БЫЧЬЮ** силу ему [зрению] придаёт, так что глаза наливаются **КРОВЬЮ**¹³. Уж мне эти **КОВРовые ШАХ-МАТы** и одалиски! **ШАХские** прихоти **ПАРИЖСкого МЭТра!**»

Здесь, в частности, ШАХ-МАТ → (асс.) **Персия** → (эквиконс.) **Paris** → ПАРИЖСКОГО МЭТРА

(е) Приведем теперь пример работы рекурсивного порождающего механизма в **поэтическом** тексте Мандельштама. Рассмотрим строки стих. «Чернозем» (1935):

- (1) И все-таки, земля – проруха и **обух**.
- (2) Не умолить ее, как в **ноги ей** ни **бухай**:
- (3) **Гниющей флейтою** настраживает слух,
- (4) Кларнетом утренним зазябливает **ухо...**

Можно показать¹⁴, как «уже сформированные» строки (1) и (2) порождают образ «гниющей флейты» в (еще не созданной) строке (3). О-БУХ, БУХ-АЙ → (пар.) Buch (=Y[bux]) ‘книга’ → «книга» → (асс.) «земли пустотелую книгу», «книгой звонких глин», «книжной землей», «гниющей книгой» [I, с. 165] → ГНИЮЩЕЙ ФЛЕЙТОЮ.

¹³ В начале главки актуализируется стандартная для М-текста связь «глаза» ↔ «рюмки, сосуды» (см. Приложение 1), и эта связь по рекурсивной модели суггерирует картинку НАЛИВАНИЯ рюмки с БЫЧЬЕЙ КРОВЬЮ и выпивания ее для приобретения СИЛЫ.

¹⁴ См. Главу 7, п. 7.1.1 (Пример 2).

Одновременно ударное У-ХА в первых двух строках генерирует образ «слуха» в строке (3). Затем «уже созданные» три первые строки порождают образы в строке (4): ФЛЕЙТА → КЛАР-НЕТ, (СЛУХ, У-ХА) → УХО.

(ж) Отметим важный частный случай работы рекурсивного механизма: когда следующий сгенерированный отрезок текста выступает как комментарий (разъяснение) к предыдущему отрезку¹⁵. Этот феномен был рассмотрен Б. Успенским на примере двух строк из стих. «Квартира» (1933):

Квартира тиха как бумага –
Пустая, без всяких затей...

Б. Успенский пишет: «... **расшифровка** этого образа [тиха как бумага] дается в **непосредственно следующей** за ним строке (*пустая, без всяких затей*). Таким образом, здесь как бы подсказывается то слово [пуста], которое стоит за метафорическим употреблением. При этом обнажается структура тропа – **порождающая модель** метафорического употребления. Кажется, что этот прием – мы могли бы назвать его приемом “обнажения метафоры” – особенно характерен для позднего Мандельштама» [102, с. 309].

Примеры (а) – (ж) относятся к тексту «позднего» Мандельштама. Чтобы показать, что «рекурсивная» техника порождения текста проходит через ВСЁ творчество поэта, приведем простейший пример из его раннего стихотворения:

(з) «Полон музыки, Музы и муки // Жизни тающей сладостный плач!»¹⁶

Видно, как здесь автор «развивает росток» слова МУЗЫКИ в начале предложения, разбивая его на слоги и порождая из них в непосредственном продолжении фразы слова МУЗЫ И МУКИ.

¹⁵ Т. е. в терминах ЕТД, работает как эксплицированный *мидраш* (= ‘изучение’, см. п. 7.1.1 и 7.3.3) этого предыдущего отрезка.

¹⁶ «Дождик ласковый, мелкий и тонкий...» (1911) [72, т. 1, с. 66]

Примеры (а) – (з), в общем, достаточно просты, если не очевидны. Приведем теперь пример ситуации «тёмного места» в М-тексте, в которой рассмотрение рекурсивной модели позволяет построить релевантную «правдоподобную гипотезу» для расшифровки этого тёмного места.

(и) Стих. «Еще далеко мне до патриарха...» (1931). Рассмотрим строки:

...И страусовы перья арматуры
В начале стройки **ленинских домов.**

Вхожу в вертепы чудные музеев,
Где пучатся кашеевы Рембрандты,
Достигнув блеска кордованской кожи,
Дивлюсь рогатым митрам Тициана
И Тинторетто **пестрому** дивлюсь
За тысячу крикливых попугаев.

Среди прочих недоумений: что это за «ленинские дома»? Почему Тинторетто «пёстрый»? – вроде бы он не более пёстр, чем другие итальянские мастера XVI века. А главное, при чём тут попугаи, которых у Тинторетто вообще нет, тем более целой тысячи?¹⁷

Применим технику реконструкции по «рекурсивной модели».

Вот получающаяся релевантная гипотеза порождения строки с «ленинскими домами»:

АРМАТУРА → (пар.) фр. *armature* ‘муз. ключевые знаки: «фа» и «соль», ставящиеся всегда **в начале нотной строки**’ → (асс.) «в начале строки» → (пар.) В НАЧАЛЕ СТРОЙКИ. Кроме того, «строка» → фр. *la ligne* = нем. *die Linie* ‘строка’ → (пар.) **ЛЕНИН-СКИХ**. В результате генерируется В НАЧАЛЕ СТРОЙКИ **ЛЕНИНСКИХ...**

¹⁷ О. Лекманов попытался объяснить этих попугаев присутствием **одного** попугая у шута на картине Веронезе. На мой взгляд, это неубедительно. Веронезе, конечно, имеет некоторое отношение к Тинторетто – вроде, одно время даже дружил с ним, но попугай у Веронезе одинок, меланхоличен и кричать совсем не собирается: в общем, совсем не тот попугай.

Далее, уже порожденная лексема ЛЕНИН-[ский] «тянет» за собой ДОМОВ, потому что ДОМОВ – это здесь «гробов»¹⁸, и, тем самым, начинает просвечивать картинка строительства (конец 1929 г.?) последнего варианта Мавзолея («ленинского дома-гроба»), с соответствующими прутьями арматуры для заливки бетона и т. д.

Эти прутья вместе с «домовинами/гробами» ретроспективно порождают «страусовы перья» в начале строки: ибо в ряде мест в традицию похорон входило украшение углов катафалка пучками **страусовых перьев**¹⁹, – это закольцовывает и завершает реконструкцию процесса порождения рассматриваемой строки.

А вот «правдоподобная гипотеза» порождения строки с «крикливыми попугаями»: Tintoretto ‘ит. маленький **красильщик**’ (прозвище) → Robusti (настоящее имя) → (квази-эквиконс. RBST/RPST) ПЁСТР-ому → (асс. + пар.) «пиастры, пиастры!» – известный всем крик попугая из известного всем и Мандельштаму с детства стивенсоновского «Острова сокровищ» → (асс.) «деньги, покупка ЗА некую плату» → ЗА ТЫСЯЧУ КРИКЛИВЫХ ПОПУГАЕВ.

«Смысл» здесь получается тот, что автор «расплачивается» за «чудо» посещения музеев «пиастрами = крикливыми попугаями» своего детства²⁰. К слову, Тинторетто был известным «бессеребрянником» (в отличие от Сильвера – серебро! – персонажа «Острова сокровищ», на плече у которого как раз и сидел попугай, кричавший: «пиастры!») и часто брал ничтожную плату («гривенник серебряный») за работы, требовавшие огромного труда...

¹⁸ ДОМОВ-ина, ДОМОВ-ище, ДОМОВ-ье = ‘гроб’ (В. Даль).

¹⁹ Т. е. «траурных, похоронных» перьев. Ср. у Блока: «И шляпа с траурными перьями...».

²⁰ Заметим, что рассматриваемые строки (и вообще, текст этого стихотворения) суггестируют атмосферу, образы и, видимо, какую-то лексику мандельштамовского детства/отрочества: детская музыкальная тема – музыкальные «ключевые знаки» (armature), «страусовы перья» → композиторы **Штраусы**, те же «страусовы перья» на катафалках и на шляпах дам («И шляпа с траурными перьями»), «вертепы», «кашей» из русских сказок, «кордованская кожа» (из кабинета отца?), глаголы «пучатся», «дивлюсь», «играют», «разыгаться», «пущусь [вар.: «наймусь»] на побегушки» (на «побегушки» нанимаются мальчики) и т. п.

6.4. Бриколаж Мандельштама.

...красота – не прихоть полубога,
а хищный глазомер простого столяра
О. Мандельштам

Интересно, что феномен т. н. бриколажа (bricolage), рассмотренный Леви-Строссом в работе «Первобытное мышление» как системный компонент «мифологического» мышления, полностью соответствует системным принципам генерирования М-текста²¹. Посмотрим подробнее:

6.4.1. Bricolage²², по Леви-Строссу – это метафора свободного от «целевой функции» «первобытного» мышления, неупорядоченного свободно-ассоциативного мышления, не подчиненного строгой цели.

Леви-Стросс пишет о таком типе «мифологизированного» мыслительного процесса в книге «Неприрученная мысль»: «Интенция мысли определяется рекомбинацией на манер калейдоскопа [т. е. «рандомно»! – Л. Г.] образов-символов, сформировавшихся в результате прошлой деятельности».

В. Иванов, обсуждая эти конструкты Леви-Стросса, пишет: «основной принцип, названный Леви-Строссом бриколажем, <...> проявляется в том, что первобытный человек объединяет в одну сложную цепь ассоциаций самые разнородные знаки. Мы видим в этом открытии еще одну существенную параллель с работами крупнейшего психолога Л. С. Выготского: <...> предположение Выготского о комплексном характере первобытного мышления, оперирующего ассоциациями, не находящими логического обоснования, оказывается чрезвычайно близким к идее бриколажа у Леви-Строса. Новейшая нейропсихология и нейролингвистика ви-

²¹ Как и еврейского традиционного текста: например, типа *мидраш*, см. п. 7.3 и 8.4.1.

²² Фр. bricolage – «название действия» от bricoler = ‘заниматься какими-то поделками, браться за любую **случайную** работу, мастерить что-то **без четкой цели**; действовать окольными путями; играть рикошетом от борта в бильярде и т. п.’

дят подобные черты в том характере семантических ассоциаций, которым правое (недоминантное по речи) полушарие отличается от доминантного левого. <...> Леви-Строс упоминает бриколаж, совершаемый сном. Сновидения можно отнести к характерным проявлениям правополушарного построения ассоциаций. В связи с их истолкованием Леви-Строс возвращается к намеченному уже в “Структурной антропологии” сравнению мифологического сознания с психоанализом. Леви-Строс отмечает сходство в темах, рассматриваемых в психоанализе и в мифах <...>. По Леви-Стросу, психоанализ исследует в одном человеке то, что этнология изучает на материале культуры целого общества. Раскрытие подобной идеи применительно к психиатрии можно видеть в яркой статье, где мышление шизофреника сопоставляется с американскими индейскими мифами...»²³.

6.4.2. Рекурсивный bricolage у Мандельштама.

М пишет в РД: «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну точку».

В «статье пяти» авторы, обсуждая это высказывание, фактически, вместе с Мандельштамом указывают на явление бриколажа в М-тексте, **реализующееся системой СИ-операторов**: «Можно добавить, что и звуковая сторона слова “торчит в разные стороны” и повсюду ищет себе родства. <...> Один и тот же элемент может насыщаться разными смыслами, функциями, приобретать способность к **окаzionaliальным** склеиваниям <...>. **Неопределенность и возможность разных выборов <...> живая непредсказуемость**» [82, с. 287].

В Главе 7 (в конце п. 7.1.1) при обсуждении феномена установки М-текста на «семантику взрыва», указывается, что в каждой «точке взрыва» существует набор возможных СИ-операторов, применение которых «здесь и сейчас» обладает ненулевой вероятностью. Этот же феномен (в более общей ситуации) рассматривает Ю. Лотман в [188], когда говорит о «равновероятности» выходов из точки «взрыва»: СИ-операторы и являются теми самыми «выходами» из особой точки.

²³ [197, с. 218–219].

Тем самым, очевидно, что система СИ-операторов как компонент «рекурсивной модели» порождения М-текста может интерпретироваться как рекурсивный *bricolage*, специфический для М-текста²⁴.

Сам Мандельштам однажды метафоризировал свой бриколаж так: «в ремесле словесном я ценю только дикое мясо, сумасшедший нарост» (ЧП, Глава 5).

В заключение, забегая вперед, подчеркнем, что корни мандельштамовского бриколажа (шире – общей «мифологичности» его текста) лежат в *мидрашном* геноме М-текста, т. е. уходят в глубину еврейской дискурсивной традиции (ЕТД), см. об этом подробнее в Главе 7.

²⁴ А словоформы, служащие «аргументами» для СИ-функций/операторов – это и есть подручные заготовки у левистроссовского мастера-дикаря, создающего «дикое мясо (= левистроссовское: “La Pensée Sauvage”!), сумасшедший нарост»!

Глава 7

Основные управляющие матрицы (установки) семантического процесса в М-тексте. Связь с Талмудом и с еврейским традиционным дискурсом

Предметом науки о Данте станет, как
я надеюсь, изучение соподчиненности
порыва и текста.

О. Мандельштам

С некоторой общей точки зрения, текст Мандельштама представляет собой динамическую информационную систему¹ (**смысловую** машину), построенную на двух главных принципах: сохранение «имеющейся» информации (= смыслов) и ее приумножение, т. е. генерирование новой информации (= новых смыслов).

То же самое – другими, чуть более конкретными, словами: **главным организующим принципом** семантики текста Мандельштама является **ориентация на** сохранение и умножение «смысла»: «мы – смысловики», говорил он.

Эта главная «управляющая матрица» является «квантовой», ибо содержит два «дополнительных по Бору» компонента: установку на «взрыв» (→ умножение инфо)² и установку на семантическую *когерентность*, или «непрерывность» (→ сохранение инфо)³. Эти две примарные (порождающие) установки под-

¹ См. к этому п. 6.1.

² Установка на семантический «взрыв» эквивалентна установке на максимизацию информации = СМЫСЛА, потому что «точка взрыва» есть точка резкого, предельного возрастания инфо, см. ниже.

³ Об этих двух («дополнительных») компонентах своей семантики сам Мандельштам иносказательно говорит в очерке «Литературная Москва» (1922): «**Изобретенье** [= умножение инфо. – Л. Г.] и **воспоминание** [= сохранение инфо. – Л. Г.] идут в поэзии **рука об руку**, вспомнить – значит тоже изобрести, вспоминающий – тот же изобретатель. Коренная болезнь литературного вкуса Москвы – забвенье этой **двойной правды**. Москва специализировалась на изобретеньи во что бы то ни стало. **Поэзия дышит и ртом и носом, и воспоминанием и изобретением**».

робно рассматриваются ниже в п. 7.1. Их деривативы рассматриваются в п. 7.2.

7.1. Примарные⁴ «установки» М-семантики, специфичные для нее.

Подчеркнем, что здесь и в п. 7.2 мы будем говорить о специфических «установках» семантики Мандельштама, резко отличающих ее не только от «стандартной» русской семантики, но и от «смыслового устройства» почти любого русского поэтического текста⁵.

7.1.1. **Примарная установка на семантический «взрыв»**, другими словами – на семантическую «катастрофу», «бифуркацию»⁶ в **каждой** точке «семантического пространства» текста⁷.

Взрывая, возмутишь ключи.

Ф. Тютчев

Определение «семантического взрыва» дадим ниже в этом параграфе, а пока что будем считать это выражение **интуитивно** (по Бергсону) понимаемой геометрической метафорой. Эта

⁴ «Примарный» – удобное обозначение для какого-то «первичного, основного» объекта, **порождающего** другие (производные, «деривативные» и т. п.) объекты. Можно здесь применить выражение «**основная доминанта**» из работы Б. Эйхенбаума о поэтике Ахматовой (1923): «...мне было важно прежде всего установить ту основную доминанту, которая определяет собой целый ряд фактов ее стиля» [191, с. 63]

⁵ К исключениям относится, прежде всего, текст В. Хлебникова и, может быть, вообще, «текст авангарда» – ведь установка Мандельштама на «взрыв», рассматриваемая ниже, является одним из «патентов» русского авангарда. Мы здесь оставляем рассмотрение этой интереснейшей темы за кадром. Заметим только, что главное отличие Мандельштама от других авангардистов – в постоянной и сознательной «**смысловой ориентированности**» текста («мы – смысловики»), часто напоминающей установки ЕТД, см. п. 7.3.

⁶ Причины немедленного и необходимого появления в этом обсуждении математических терминов (точнее, математической метафорики) типа «катастрофа», «бифуркация» и т. п. – анализируются, в частности, в п. 2.5.3.1.

⁷ Подчеркнем, что речь идет именно об **установке** на бифуркацию, ведь **реальный** семантический взрыв происходит, разумеется, далеко не во всех (хотя и во многих) точках текста.

семантическая и экзистенциально-психологическая⁸ установка Мандельштама является специфической для него⁹ и «примарной» в том смысле, что почти все остальные установки (матрицы) либо «стремятся» к ней как к своему «пределу», как 7.2 (а) и 7.2 (б), либо вытекают из нее, как 7.2 (в).

Доминантной установкой на «взрыв» Мандельштам в значительной степени обязан оказавшему на него мощное идеологи-

⁸ Т. е. отражающая «катастрофальность» сознания (ощущение имманентной **неустойчивости** существования), постоянную ориентацию на «катастрофическое» изменение течения жизни автора текста. Ср. его высказывание о смерти (архетипе катастрофы) Скрябина в статье <Скрябин и христианство> (1915): «она [творческая жизнь] будет свободно вытекать из своей причины – смерти, располагаясь вокруг нее, как вокруг своего солнца <...> **умереть значит вспомнить, вспомнить значит умереть...** Вспомнить во что бы то ни стало! Побороть забвение – хотя бы это стоило смерти: вот девиз Скрябина, вот героическое устремление его искусства!» Ср. также историю с «эпиграммой» на Сталина, которая является (кроме всего прочего!) «запланированным взрывом» ненавистной Мандельштаму «пастернаковской» квартирно-дачной стабильности («барской лжи, толкотни в гардероб» и т. п.). Эта психологическая установка есть, на самом деле, экзистенциальное «мандельштамовское ВСЁ». Мы не имеем возможности здесь останавливаться на этой крайне интересной теме. См. чуть подробнее в монографии «Текст и мир...», п. 2.2.3. Существенно, что некоторые современники, а потом и исследователи, описывая дискурсивное поведение Мандельштама, используют «метафорику катастрофы». Например, П. Калецкий говорит о поэте в письме из Воронежа (1935): «**взрывающийся, как бомба**, при мельчайшем споре», цит. по [196, с. 72]. А. Жолковский в работе 1970-х гг. формулирует «глубинную тему» поэзии Мандельштама как «самочувствие, в котором преобладают... **неустойчивость**, неуверенность в себе, личное ('слабое', 'теплое', 'родное') начало, нечто "неправильное", **пульсирующее...**» [84, с. 60]. Но раньше «других, идущих по живому следу» эту тему своей внутренней, глубинной «склонности к взрыву» сформулировал сам Мандельштам, сказавший про себя и про Данта во 2-й главе РД: «Лапидарность его не что иное как продукт **огромной внутренней неуравновешенности**».

⁹ С. Аверинцев замечательно сказал об этом же в своем тексте 1987 г.: «Что во всем этом отличает Мандельштама от всесветного типа поэта нашего столетия, так это **острое напряжение между началом смысла и "темнотами"**. Это не беспроблемный симбиоз, в котором эксцессы рассудочности мирно уживаются с эксцессами антиинтеллектуализма. Это действительно противоречие, которое «остается глубоким, как есть», – и должно таким оставаться в любой интерпретации <...>. Но тягой контраста и конфликта в стихотворение втягивается катарсис» [95, с. 236]. «Острое напряжение», о котором говорит Аверинцев – это состояние «предвзрыва», и оно «разрешается» катарсисом, или взрывом, – или «**порывом**», в терминологии РД, см. ниже.

ческое воздействие французскому философу А. Бергсону¹⁰. Достаточно упомянуть центральный «взрывной» бергсоновский концепт *élan vital* 'жизненный **порыв**', из которого Мандельштам взял понятие *élan*¹¹, часто применяемое им в РД (в русском варианте¹² – **«порыв»**) в более широких, чем у Бергсона, рамках.

Все же представляется, что Бергсону Мандельштам «обязан», в основном, «вербализацией» обсуждаемой установки, каким-то ее эксплицированием.

Более глубокая причина, по-видимому, заключается в воздействии на Мандельштама (как и на Бергсона!) в детстве устройства еврейского традиционного дискурса, вообще, матриц еврейской культурно-цивилизационной системы¹³.

Подробно об этом см. п. 7.3. Здесь я только отмечу одно из главных проявлений сходства М-текста и еврейского *мидраша*, состоящее в том, что семантика текста Мандельштама (прежде всего, в его **собственном** понимании) не «отражает реальность», она ее создает¹⁴, и созданный текст как бы «изучает» сам себя¹⁵.

¹⁰ Мы не имеем здесь возможности подробно останавливаться на этой важной и малоизученной теме (см. небольшое обсуждение в п. 7.3). Отметим лишь, что работа Бергсона "L'évolution créatrice", содержащая, в частности, концептуализацию «взрыва», вышла в Париже и сразу приобрела популярность в 1907 г., как раз в окрестности приезда Мандельштама в Париж, где он, скорее всего, слушал лекции Бергсона (хотя известно, что он отнюдь не злоупотреблял слушанием лекций). Ниже «мимоходом» отмечаются некоторые конкретные «точки воздействия» идеологии Бергсона на Мандельштама.

¹¹ = 'порыв, прыжок, порывистое движение и т. д.'

¹² Русский перевод «Творческой эволюции» А. Бергсона был опубликован, в частности, в первом томе 5-томного собрания Бергсона (СПб., 1913–1914). В этом переводе бергсоновское понятие *élan* передается именно русским словом «порыв».

¹³ См. об этом в п. 7.3. и в первых двух главах монографии [3].

¹⁴ Ср. высказывание Мандельштама о «тексте движений» актера Михоэльса (наброски к очерку <Михоэльс>: «он **создает предметы**... когда ему вздумается. Не мешайте ему – это его право».

¹⁵ Ср. в 4-й главе РД: «...мы взглянем на это звено дантовского труда как на непрерывное превращение материально-поэтического субстрата, сохраняющего свое единство и **стремящегося проникнуть внутрь себя самого**». Это «само-проникновение» = «само-изучение» и есть то, что в еврейской культуре называется *мидраш*, а в греческой – *семиозис* (см. ниже у Лотмана). Об «автоизучении» см. также п. 6.1.

В этой общей ситуации, **«взрыв»** (семантическая катастрофа) – **лучший технический способ «изучения»**, потому что он заведомо порождает нетривиальную информацию¹⁶ – например, полностью неожиданную метафору и т. п. Взрыв создает некую «новую реальность текста», позволяющую «более лучше» понять «старую реальность текста» и т. д. Обо всём этом – несколько подробнее ниже.

Нельзя не упомянуть в этом рассмотрении и очевидное сильное воздействие на Мандельштама «катастрофальности» сознания и экзистенции Лермонтова¹⁷, про которого Мандельштам в одном стихотворении сообщает: «...над нами волен Лермонтов, **м-учитель наш**», а в другом месте говорит: «И за Лермонтова Михаила // Я отдам тебе строгий отчет, // Как сутулого **учит могила** // И воздушная **яма влечет**» («Солдат», 1937).

Все же ощущается, что констатация этих влияний недостаточна для ответа на вопрос: почему у Мандельштама доминирует в качестве матрицы-установки именно «взрыв»?

«Интуитивный» ответ на этот вопрос состоит, видимо, в том, что Мандельштам использует локальную «катастрофу» как техническое средство, как своеобразный «носитель» для выхода, для прорыва куда-то, в какое-то **более информативное** пограничное запредельное пространство («И я выхожу из пространства...»)¹⁸.

Вот что пишет о подобной психолингвистической технике Ю. Лотман, рассматривая значительно более общую ситуацию: «...создаются возможности **прорыва** в запредельное простран-

¹⁶ Мандельштам прямо говорит об этом своеобразном семиозисе во 2-й главе РД: «Зернистые примеси и лавовые прожилки указывают на единый сдвиг, или **катастрофу, как на общий источник формообразования**». Здесь «формообразование» надо, разумеется, понимать как ИН-ФОРМО-образование: напомним, что концепт «информации» для Мандельштама **геометричен** (в точности, как у Бергсона).

¹⁷ Отметим, что Ю. Лотман в работе «Культура и взрыв» вводит понятие «люди взрыва» (противопоставленное тургеневскому термину «постепеновцы») и относит к ним, в частности, Лермонтова [188, с. 21].

¹⁸ Ю. Левин говорит, что при разрушении Мандельштамом «модального узуса» и «здорового смысла» текста, им «преследуется цель передачи особого – лежащего вне доступной осмыслению сферы – модуса существования высшей реальности» [187, с. 64].

ство. Эту функцию также выполняют моменты **взрыва**, которые могут создавать как бы **окна** в семиотическом пласте. Таким образом, мир семиозиса¹⁹ не замкнут фатальным образом в себе: он образует сложную структуру, которая все время “играет” с внележащим ему пространством²⁰, то втягивая его в себя, то выбрасывая в него свои уже использованные и потерявшие семиотическую активность элементы»²¹.

Как можно увидеть/услышать проявления «идеологии взрыва» у Мандельштама?

Прежде всего, отметим, что на присутствие в языковом сознании Мандельштама «установки на взрыв», на «взрывное семантическое **событие**» указывают многочисленные упоминания (эксплицитные и «иносказательные»²²) взрыва/катастрофы а также частотное употребление в его дискурсе²³ слов, однокоренных или паронимичных со словом «взрыв»: **взрывает, взорваться, порыв, разрыв, ворвется, врывается, отрывается, нарывается, нарывал, напарывается, рву, вырванный, разорванный.**

Психолингвистический феномен «взрывного узуса» проходит через всю жизнь поэта, вплоть до гибели на «пересылке»²⁴.

¹⁹ Семиозис – процесс интерпретации знака, порождение значения (смысла) знака. В частности, это процесс интерпретации знаком (текстом) самого себя. Повторим, что в этом понимании, семиозис – часть текстуальной техники *мидраша* и, соответственно, техники порождения текста Мандельштама, см. п. 7.3.

²⁰ Ср. мандельштамовское: «Играет пространство спросонок – // Не знавшее люльки дитя».

²¹ *Лотман Ю.* Культура и взрыв. М., 1992. С. 42–43. По совершенно непонятной причине Лотман нигде не говорит о дискурсе Мандельштама как о замечательном примере актуализации «семантики взрыва». А ведь этот пример явно напрашивается. Я могу объяснить эту странность лишь тем, что Ю. Лотман, диктуя эту свою (последнюю?) работу, как бы отложил мандельштамовские рассуждения «на потом», – и не успел, к великому сожалению.

²² Например, употребление определения «спонтанный» для передачи «взрывной» ситуации.

²³ Прежде всего, в его метадискурсе о **своей** речи, о **своем** тексте, о **собственной** поэзии и т. д. Или – что для него то же самое – о речи Данта (в РД).

²⁴ Д. Злотинский писал в письме И. Эренбургу о встречах с Мандельштамом осенью 1938 г. на владивостокской «пересылке»: «И он – в водосточной кана-

К семантическому пространству «взрыва-разрыва» относятся и частые у Мандельштама при обсуждении своего текста²⁵ военные (артиллерийские) идиомы: «орудия»²⁶, «орудийность», «пороховой погреб», «тембр канонады», «разряжается пачками», «исполнение приказа», «приказ орудийной сигнализации»²⁷, «информационные сводки с поля военных действий», «борьба», «звукоробуствует симфония войны», «победа» и т. п.

Особенно и демонстративно часто возникает семантическое пространство «взрыва = порыва» в «автокомментарии» Мандельштама к собственной семантике, который он поместил в прозрачную оболочку «Разговора о Данте» (1933).

Но резко бросается в глаза и обилие «катастрофально-взрывных» семантических ситуаций в «Стихах о неизвестном солдате» (1937).

Вот хронологически упорядоченная подборка соответствующих пассажей в текстах Мандельштама (необходимые ссылки и комментарии – в сносках):

«Поэзия – плуг, **взрывающий** время. <...> Она воспринимается как то, что должно быть, а не как то, что уже было»²⁸;

ве – читал нам (по памяти, конечно) свои стихи, написанные в последние годы и, видимо, никогда не издававшиеся. Помню – об одном стихотворении, особенно понравившемся нам, он сказал: “Стихи периода воронежской ссылки. Это – ПРОРЫВ... Куда-то ПРОРЫВ...” [9, с. 428]. Здесь «просвечивает» слово **порыв** (élan), фонетически неточно идентифицированное Злотинским. Скорее всего, Мандельштам пытался объяснить солагерникам (как за три года до этого С. Рудакову в Воронеже) основной принцип своей семантики – установку на «взрыв» – и употреблял при этом важнейший для себя в этом контексте еще со времени работы над РД термин **порыв**.

²⁵ И не только своего, но и такого «чужого» текста, который становится своим, который Мандельштам как бы «осваивает» → «усваивает» → «присваивает». Вот его характерное высказывание о такого рода «своих-чужих» текстах: «Наша классика – это пороховой погреб...» («Яхонтов», 1927).

²⁶ У мандельштамовского «орудия» – разумеется, «мигающий» двойной смысл: (а) артиллерийский, (б) инструментальный.

²⁷ Ср.: «...современное кино с его метаморфозой ленточного глиста оборачивается злейшей пародией на **орудийность поэтической речи**, потому что кадры движутся в нем без **борьбы** и только сменяют друг друга» (РД, гл. 1).

²⁸ Статья «Слово и культура» (1921).

«слово... есть плоть деятельная, разрешающаяся в **событии**²⁹... русский язык есть волнуемое море **событий**»³⁰;

«Тематическое развитие поэзии Блока шло <...> к революции как высшему музыкальному напряжению и **катастрофической** сущности культуры. Душевный строй поэта располагает к **катастрофе**. <...> Поэтическая культура возникает из стремления предотвратить **катастрофу**, поставить ее в зависимость от центрального солнца всей системы, будь то любовь, о которой сказал Дант, или музыка...»³¹;

«Раскидать бы за стогом стог // Шапку воздуха, что томит,
// **Распороть, разорвать** мешок, // В котором тмин зашит»³²;

«Земля гудит метафорой, // И легкие двуколки // В броской упряжке густых от натуги птичьих стай // **Разрываются на части**»³³;

«Смыкание и размыкание лирического тока дает впечатление быстрого перегорания и **сильного эмоционального разряда**»³⁴;

«Не случайно Яхонтов и его режиссер Владимирский облюбовали Гоголя и Достоевского, у которых больше всего вкуса к **событию**, происшествию. Игра Яхонтова вся проникнута тре-

²⁹ А. Ахматова вспоминает в «Листках из дневника»: «... он [Мандельштам] утверждал, что стихи пишутся только как результат **сильных потрясений**, как радостных, так и трагических» [72, т. 1, с. 21].

³⁰ Ст. «Слово и культура».

³¹ Ст. «А. Блок. (7 августа 21 г. – 7 августа 22 г.)» в журнале «Россия» № 1 (август 1922). Это период самого интенсивного поиска «культурной идентичности» у Мандельштама. Конечно, здесь – «катастрофа», прежде всего, мировая, вселенская, но утверждение о расположенности «душевного строя» поэта к «катастрофе» – это, в не меньшей степени, про самого Мандельштама, чем про Блока.

³² Это стих. «Я не знаю, с каких пор...», один из программных текстов 1922 года. «Мешок с тмином», который предполагается «взрывным» образом ликвидировать – совершенно не простой. Он позднее возникает во 2-й главе РД в качестве «туманного звукового мешка», на дно которого Дант «упрячивает» «свою скульптуру». Далее, в 4-й главе РД, Мандельштам говорит о «жажде полета» и «голоде по **рассеченному пространству**», которое, заметим, в его ЯКМ эквивалентно «**разорванному** (лексика взрыва!) воздуху» из стих. «Концерт на вокзале» (1921). Тем самым, «мешок с тмином» – это нетривиальная метафора компактного неевклидова пространства, в котором Мандельштам пребывает, и из которого он стремится **вырваться, разрывая** его. О «неевклидовости» мандельштамовской геометрии см. в п. 2.5.3.1 и 8.3.1.

³³ Стих. «Нашедшему подкову» (1923).

³⁴ Ст. «Буря и натиск» (1923). Это говорится, вроде бы, о поэзии Асеева.

вогой и ожиданием **катастрофы**, предчувствием **события** и **грозы**³⁵. Наша классика – это **пороховой погреб**, который еще не **взорвался**³⁶;

«Пожары и книги – это хорошо. Мы еще поглядим – почитаем»³⁷;

«Он подходил к разведенным мостам, напоминающим о том, что все должно **оборваться**, что пустота и зияние – великолепный **товар** <...> накапливаются **таборы** извозчиков и пешеходов на той и другой стороне, как два враждебных племени или поколения, поспорившие о торцовой **книге** в каменном переплете с **вырванной** серединой»³⁸;

«...романтическая поэтика предполагает **взрыв**, **неожиданность**, ищет эффекта³⁹, **непредусмотренной** акустики <...> романтическая поэзия утверждает **поэтику неожиданности**»⁴⁰;

«Дошло до того, что в ремесле словесном я ценю только дикое мясо, только **сумасшедший нарост**: И до самой кости ранено // Все ущелье стоном сокола, – вот что мне надо»⁴¹;

«**Разрыв** – богатство. Надо его сохранить»⁴²;

³⁵ Н. Мандельштам пишет в своих мемуарах: «...у О.М. было два ряда явлений – у него был как бы положительный ряд и отрицательный. К положительному ряду относятся: **гроза**, **событие**, кристаллообразование... Он применял эти понятия к истории, к искусству и даже к становлению человеческого характера. Отрицательный ряд – все виды механического движения: бег часовой стрелки, развитие, прогресс» [9, с. 238]. Ср.: «...в основе композиции решительно всех песен “Inferno” лежит **движение грозы**», <Вокруг «Разговора о Данте»> (1933), [72, т. 3, с. 403].

³⁶ Статья «Яхонтов» (1927).

³⁷ ЕМ, гл. 7. Эти строки показывают «катастрофальность» концептов «книги» и «чтения» у М.

³⁸ ЕМ, гл. 8. Город для Мандельштама – это книга, текст, и разведение мостов – это разрыв синтаксиса в тексте, имплицитный семантическую «катастрофу».

³⁹ Ср. **aha-effect** в гештальтпсихологии. См. об этом ниже в этом параграфе и подробнее в п. 2.5.3.3.

⁴⁰ Статья «Заметки о Шенье» (1922).

⁴¹ «Четвертая проза», гл. 5 (начало 1930). См. ниже (в примечании к пассажиру из ПА) о «взрывном» смысле концептов «роста» и «растения» в представлениях Мандельштама. Ср. «ранено... стоном сокола» со строкой из «Восьмистишия» (начало 1934): «И как руда из груди **рвется** стон».

⁴² Из письма к Н. Мандельштам (весна 1930).

«Я на лестнице черной живу, и в висок // Ударяет мне **вырванный с мясом звонок**»⁴³;

«...процесс **узнавания**, увенчанный **победой** усилия памяти, удивительно схож с феноменом **роста**. И там и здесь – **росток**...»⁴⁴;

«Книга в работе <...> еще не продукт читательской энергии, но уже **разлом** биографии читателя; еще не находка, но уже добыча. Кусок слоистого шпата. Наша память, наш опыт с его провалами, тропы и метафоры наших чувственных ассоциаций достаются ей в обладание бесконтрольное и хищное. И до чего разнообразны ее **военные** уловки и хитрости ее хозяйничанья. Демон чтения **вырвался** из глубин **культуры-опустошительницы**. <...> прочесть книгу можно только припоминая⁴⁵. <...> Действительность носит сплошной характер. Соответствующая ей проза <...> всегда образует **прерывистый ряд**. <...> Таким образом, прозаический рассказ не что иное, как **прерывистый** знак непрерывного. <...> непрерывность и сплошность нуждаются все в новых и в новых **толчках-определителях**. <...> Смысловые словарные частицы, разбегающиеся по местам»⁴⁶;

«Энергия доказательства **разряжается “квантами”, пачками**. Периоды накопления и отдачи...»⁴⁷;

⁴³ «Ленинград» (декабрь 1930).

⁴⁴ ПА, гл. «Москва». Концепт «узнавания = вспоминания» связывается в представлениях Мандельштама с концептами «роста» и «растения» и вместе с ними приобретает «взрывной» смысл. См. ниже сноску к слову «растительные» в пассаже из РД.

⁴⁵ А «**вспомнить значит умереть**» – писал Мандельштам в цитированной выше статье «Скрябин и христианство» (1915).

⁴⁶ «Вокруг ПА». Гл. «Читая Палласа». В этих отрывочных записях манифестируется «катастрофальность» отношений Мандельштама с текстом, как бы зашита в сознании. Книга для него – «разлом биографии». Отношения его с текстом (своим и не своим!) подчеркнута «интерактивны» – это война/борьба, нападение/оборона, резкое креативное взаимовлияние. «Смысловые частицы» текста «разбегаются по местам», очевидно, после некоего взрыва-толчка-определителя. Термин «определитель» наводит на гипотезу о знакомстве Мандельштама (от ассириолога В. Шилейко?) с ассириологическим понятием «детерминатив». Знаки детерминативов в клинописном тексте выполняли, в частности, функцию дополнительной «дискретизации» сплошного клинописного текста в восприятии читателя.

⁴⁷ «Вокруг ПА». Гл. «Литературный стиль Дарвина».

«Он сказал: **природа вся в разломах**»⁴⁸;

«...**разрыв** папства как исторической формации здесь предусмотрен и разыгран...»⁴⁹;

«...не кто иной, как Пушкин, воспринял от итальянцев **взрывчатость и неожиданность** гармонии»⁵⁰;

«...целый взвод Гаргантюа твердит **взрывчатую азбуку**»⁵¹;

«Таким образом, пропорция Рим – Флоренция могла служить **порывообразующим толчком**, в результате которого появился “Inferno”»⁵²;

«...ощущаемое нами изменение самих орудий поэтической речи, возникающих на ходу в ее **порыве**»⁵³;

«Искусство речи именно искажает наше лицо, **взрывает** его покой, нарушает его маску...»⁵⁴;

«Каждое слово спешит **взорваться**, слететь с губ, уйти, очистить место другим»⁵⁵;

«Вся песнь построена на нескольких глагольных выпадах, дерзко **выпрыгивающих** из текста. Здесь разворачивается как бы **фехтовальная** таблица спряжений...»⁵⁶;

⁴⁸ Ст. «Ламарк» (1932). «Разломы» относятся, скорее, к «теории **катастроф**» Кювье, которая, очевидно, упоминалась при обсуждении с биологами ламаркистской и прочих теорий эволюции.

⁴⁹ Здесь Мандельштам говорит об «орудийной казни», которой Дант «предал» «узурпаторов папского престола» и тем способствовал «разрыву папства». <Вокруг «Разговора о Данте»> (1933) [72, т. 3, с. 400].

⁵⁰ Там же. Заметим, что «взрывчатость гармонии» – очевидный оксюморон, отражающий «дополнительность по Бору» двух примарных установок Мандельштама (см. выше): (а) «взрывчатость» \leftrightarrow установка на «взрыв» \leftrightarrow «дискретность» процесса порождения «смысла» (ср. «зияния», «я мыслю опущенными звеньями») и (б) «гармония» \leftrightarrow установка на семантическую «когерентность» \leftrightarrow «континуальность» процесса сохранения «смысла» \leftrightarrow «геометричность» метафорики (см. п. 2.5.3.1).

⁵¹ Там же, с. 406.

⁵² Там же, с. 407.

⁵³ «Разговор о Данте», гл. 1.

⁵⁴ Там же, гл. 1.

⁵⁵ Там же. Это сказано как бы об итальянском языке.

⁵⁶ Там же, гл. 2. Здесь слово ВЫ-ПРЫГ-ИВАЮЩИХ через немецкую, французскую и итальянскую семантическую связь springen (sprengen), sauter, saltare = '**прыгать, взрываться**' суггестирует ситуацию «взрыва», в которой глагол «взрывает» гладкое развитие семантического процесса. Здесь же слова ВЫПАД и ФЕХТОВАЛЬНАЯ отсылают к «фехтовальщику» Ламарку с его «разломами» и т. д.

«...мы не **выбрасываем из себя** готового смысла – это был бы **семантический выкидыш**, – но переживаем своеобразный цикл. <...> Поэзия тем и отличается от автоматической речи, что **будит нас и встряхивает** на середине слова»⁵⁷;

«...композиция складывается не в результате накопления частных, а вследствие того, что одна за другой деталь **отрывается** от вещи, уходит от нее, выпархивает, **отщепляется** от системы, уходит в свое функциональное пространство <...>. Развитие образа⁵⁸ только условно может быть названо развитием. И в самом деле, представьте себе самолет..., – который на полном ходу конструирует и спускает другую машину. Эта летательная машина, так же точно, будучи поглощена собственным ходом, все же успевает собрать и выпустить еще третью»⁵⁹;

«Таким образом, вещь возникает как целокупность в результате единого дифференцирующего **порыва**, которым она **пронизана**. Ни одну минуту она не остается похожей на себя самое. Если бы физик, **разложивший атомное ядро...**»⁶⁰;

«Затем, как мощная туба, **врывается** прошедшее в вопросе Фаринаты»⁶¹;

«...сюда **врывается** соколиная охота»⁶²;

«Дант **нарывается, напарывается** на нежелательную встречу...»⁶³;

⁵⁷ Там же, гл. 2.

⁵⁸ Здесь Мандельштам говорит о «взрывной» (точнее: «бифуркационной») эволюции образа в своем тексте. В подтексте здесь явно известная Мандельштаму «артиллерийская» метафорика А. Бергсона, описывающая эволюцию жизни вообще (но ведь для Мандельштама текст и есть жизнь!): «Эволюционное движение было бы чем-то простым, и мы легко могли бы определить его направление, если бы жизнь описывала одну-единственную траекторию, подобно ядру, пущенному из пушки. Но мы имеем дело с **гранатой, внезапно разорвавшейся на части**; части эти, сами представлявшие собой нечто вроде **гранат, разорвались на новые части**, которые вновь должны были раскалываться, и так далее...» [81, с. 119]. Отметим, что в статье «О природе слова» Мандельштам с презрением говорит о «дурной бесконечности [гладкой = «невзрывной»] эволюционной теории» и о ее «вульгарном прихвостне – теории прогресса».

⁵⁹ РД, гл. 2, 4.

⁶⁰ Там же, гл. 2.

⁶¹ Там же, гл. 2.

⁶² Там же, гл. 4.

⁶³ Там же, гл. 2.

«Структура дантовского монолога, построенного на органической регистровке, может быть хорошо понята при помощи аналогии с горными породами... Зернистые примеси и лавовые прожилки указывают на **единый сдвиг, или катастрофу, как на общий источник формообразования**»⁶⁴;

«Дант по природе своей **колебатель смысла и нарушитель целостности образа**»⁶⁵;

«...на **изрытой и всколебленной** смысловой поверхности»⁶⁶;

«И мнимое **рву** постоянство и самосознание причин»⁶⁷;

«Огромная **взрывчатая сила** Книги Бытия – идея **спонтанного** генезиса – со всех сторон наступала...»⁶⁸;

«Щипки, причмокивания и **губные взрывы** не прекращаются ни на одну секунду. <...> Лед дает **фонетический взрыв** и рассыпается на имена Дуная и Дона. Холодообразующая тяга тридцать второй песни произошла от внедрения **физики** в моральную идею»⁶⁹;

«Страшно подумать, что ослепительные **взрывы** современной **физики**⁷⁰ и кинетики были использованы за шестьсот лет до того, как прозвучал их **гром**, и нету слов, чтобы заклеить постыдное к ним равнодушие печальных наборщиков готового смысла. <...> Каждый раз, когда метафора поднимает до членораздельного **порыва** растительные⁷¹ краски бытия, я с благодар-

⁶⁴ Там же, гл. 2.

⁶⁵ Там же, гл. 5.

⁶⁶ Там же, гл. 6.

⁶⁷ «Восьмистишие» № 11. Смысл: «**взрываю постоянство и причинность**».

⁶⁸ «Разговор о Данте», гл. 6. Ср. у А. Бергсона в его «артиллерийском» дискурсе об эволюции жизни (бытия): «...**взрывчатая сила**, которую **жизнь** несет в себе и которая порождается неустойчивым равновесием тенденций» [81, с. 119].

⁶⁹ Там же, гл. 8. Это как бы о «звуковом колорите» одной из песен Данта.

⁷⁰ Заметим, что эта *физическая* метафора 1933 г. хорошо коррелирует с *психологической* метафорой 1913 г. (надпись, сделанная Мандельштамом на издании «Камня»): «Анне Ахматовой – **вспышки сознания** [= «ослепительные взрывы» сознания. – Л. Г.] в беспамятстве дней». Мы видим, что Мандельштам и в 1910-е, и в 1930-е годы применяет *метафорику взрыва* для комментирования *смыслов* своего текста.

⁷¹ Здесь слово РАСТИТЕЛЬНЫЕ совершенно не случайно соседствует с ПОРЫВОМ. Дело в том, что в ЯКМ Мандельштама концепт «растения» – это часть расширенного концептуального пространства взрыва/катастрофы. Ср. в ПА: «**Растение** – это...посланник живой **грозы, перманентно бушующей в миро-**

ностью вспоминаю Данта. Мы описываем как раз то, чего нельзя описать, то есть остановленный текст природы, и разучились описывать то единственное, что по структуре своей поддается поэтическому изображению, то есть **порывы**, намеренья и амплитудные колебания»⁷²;

«Его **порывы** к краскам скорее могут быть названы текстильными **порывами**, нежели алфавитными. <...> Текстиль у Данта – **высшее напряжение** материальной природы...»⁷³;

«Дантовские песни суть партитуры особого химического оркестра, в котором для внешнего уха наиболее различимы сравнения, тождественные с **порывами**...»⁷⁴;

«...формула дантовского **порыва**, взятого одновременно и как полет и как нечто готовое. Сравнения суть членораздельные **порывы** <...>. Готовая вещь есть не что иное, как каллиграфический продукт, неизбежно остающийся в результате исполнительского **порыва** <...>. Говоря о Данте, правильнее иметь в виду **порывообразование**, а не формообразование – текстильные, парусные, школярские, метеорологические, инженерийные, муниципальные, культурно-ремесленные и прочие **порывы**, список которых можно продолжить до бесконечности <...>. Это закон <...> поэтической материи, существующей только в **исполни-**

здании, – в одинаковой степени сродни и камню и **молнии**. Растение в мире – это **событие**, **происшествие**, **стрела**, а не скучное бородатое развитие!» В набросках к РД Мандельштам описывает процесс **созревания** как процесс подготовки «взрыва» (= **грозы**): «...в основе композиции решительно всех песен “Inferno” лежит **движение грозы**, **созревающей** как метеорологическое явление, и все вопросы и ответы вращаются, по существу, вокруг единственного: стеречь, быть или не быть грозе» [72, т. 3, с. 403]. Ранее, в «Грифельной оде» (1923): «Плод **нарывал**. **Зрел виноград**». Позднее, в «10 января 1934»: «И **созревающий** и тянущийся весь, – // Доколе не **сорвусь**, разыгрываю в лицах...». А. Бергсон, концептуальному влиянию которого, как выше указывалось, подвергся Мандельштам, также метафоризировал эмбриональный процесс как «взрывной»: «...акт организации имеет скорее характер **взрыва**: на старте ему нужно как можно меньше места, минимум материи, словно организующие силы нехотя вступают в пространство. Сперматозоид, приводящий в движение процесс эволюции эмбриональной жизни, – одна из мельчайших клеток организации, к тому же незначительная его часть является реально действующей» [81, с. 115].

⁷² Там же, гл. 9.

⁷³ Там же, гл. 10.

⁷⁴ Там же, гл. 7.

тельском порыве. <...> Предметом науки о Данте станет, как я надеюсь, изучение **соподчиненности порыва и текста**⁷⁵;

«Давнишнего страха струя // **Ворвется в халтурные стены...**»⁷⁶;

«Я стою у твердого **порога...**»⁷⁷;

«...естественная живая проза не терпит однообразия <...>. Партийная мысль должна быть не изложена, а продолжена в поэтическом **порыве**»⁷⁸.

В сфере «невербальных языков» точным проявлением мандельштамовской установки на семантический «взрыв» является его подчеркнутое внимание к музыкальному тексту Скрябина с характерными **диссонирующими аккордами**⁷⁹, к **«разрыво-**

⁷⁵ Там же, гл. 11.

⁷⁶ Стих. «Квартира» (ноябрь 1933). Я беру на себя смелость утверждать, что у слова ХАЛТУРНЫЕ в этой строке, прямо по «Доскам судьбы» Хлебникова (см. п. 5.3), «первый видимый смысл» (качество стен в новой квартире) – это «просто спокойный седок страшной силы второго смысла». Добавим: страшный **взрывной силы** второго смысла, потому что второй смысл этого слова – это аллюзия на Степана **Халтурина**, организовавшего в 1880 г. мощный и смертоносный **взрыв** в Зимнем дворце. Мандельштам в момент создания «Квартиры» готовит собственный теракт «против тирана» («Эпиграмма»), который «взорвет», кроме прочего, процесс его собственной экзистенции, и образ Халтурина для него в этот период вполне актуален, см. об этом подробнее в монографии [3], п. 3.5.

⁷⁷ Здесь текст «Мастерицы» (начало 1934) очень точно передает внутреннее состояние «пред-взрыва», ожидания «катастрофы». Приблизительно в это же время М. Бахтин, развивая свою теорию «хронотопа», пишет, что «**хронотоп порога**» проникнут «высокой эмоционально-ценностной интенсивностью», «он может сочетаться и с мотивом встречи [«держательница **встреч!**» – Л. Г.], но наиболее существенное его восполнение — это хронотоп **кризиса и жизненного перелома**».

⁷⁸ «Г. Санников. Восток» [72, т. 3, с. 274–275]. Мандельштам в этом пассаже говорит о том, что простая «фактическая» информация должна в поэтическом тексте перерабатываться в процессе «взрыва», приводящего к резкому увеличению информации.

⁷⁹ Дело не только в «аккордах». Музыка Скрябина **в целом**, по-видимому, передавала своим слушателям «психофизиологическое» сообщение о некоем надвигающемся «взрыве», «катастрофе» и т. п. Говоря о Скрябине, Мандельштам пользуется лексикой «взрыва/катастрофы»: «**разрыв**», «**сирена**» и т. п. Ср. высказывание современного культуролога А. Пензенского: «у Скрябина – музыка **разрушения**».

опасному» звучанию флейты или скрипки⁸⁰, к всевозможным явлениям **резонанса** (в частности, психологического) в контексте исполнения музыки, к **взрывному** языку движений «иудаистического актера» Михоэlsa⁸¹ и, разумеется, к **катастрофальному** языку живописи Ван-Гога и Писсарро (на самом деле, к «языку» импрессионистов вообще):

«**Разрыв** Скрябина с голосом, его великое увлечение **сиреной** пианизма знаменует утрату христианского ощущения личности...»⁸²;

«Звучание уже дано в партитуре симфонии, в **спонтанном** **сговоре исполнителей**, в многолюдстве зала и в устройстве музыкальных **орудий**»⁸³;

«...образ, создаваемый иудаистическим актером, бьется о рамки спектакля, **взрывает** его оформление»⁸⁴;

«И я начинал понимать, <...> что цвет не что иное, как чувство **старта**, окрашенное дистанцией...»⁸⁵;

«Его холсты, на которых размазана яичница **катастрофы**...»⁸⁶;

⁸⁰ Ср. обращение к скрипачке: «Играй же на **разрыв** аорты...» в стих. «За Паганини длиннопалым...» (1935). Здесь, конечно, отсылка к известной «взрывной», «**рвущей** струны» манере игры Паганини. Ср. также применение к описанию звучания/поведения флейты «взрывного» набора согласных В(Б)ЗР и «взрывной» основы **ров/рыв**: «Неизваянная, без отчета, // **Зрела**, маялась, шла **через рвы**» («Флейты греческой тэта и йота»). Напомним, что в «Грифельной оде» (1923), Мандельштам описывал процесс **созревания** как процесс подготовки «взрыва»: «Плод **нарывал**. **Зрел** виноград».

⁸¹ Мандельштам не любил театр, но «взрывные сцены» привлекали его у Михоэlsa, и, напротив, их (в его понимании) отсутствие, видимо, резко отталкивало его в драматургии Чехова.

⁸² Ст. <Скрябин и христианство> [72, т. 1, с. 204].

⁸³ ПА, гл. «Вокруг натуралистов».

⁸⁴ Ст. <К очерку «Михоэльс»> (1926). Взрыв о-формления, очевидно, приводит к **формо**-образованию, к созданию новой ин-**формации**. Конечно, здесь определение «иудаистический» (а не, скажем, «еврейский») совершенно не случайно, см. монографию «Текст и мир...» и в этой работе п. 7.3.

⁸⁵ Наброски к очерку «Французы» (1931). Это пример стремления Мандельштама нащупать «взрывчатый» язык движений и описать его, на этот раз, в контексте живописи импрессионизма.

⁸⁶ Ст. «Французы» (1931). Это говорится о желтом цвете у Ван-Гога.

«...бульвары Писсарро, текущие как колеса огромной лотереи с <...> **лоскутьями разбрызганного мозга** на киосках и каштанах»⁸⁷;

«Художник нам изобразил // Глубокий **обморок** сирени
И красок звучные ступени // На холст, как **стружья**, положил.
Он понял масла густоту – // Его **запекшееся** лето
Лиловым мозгом разогрето, // Расширенное в духоту»⁸⁸.

Дефиниция и примеры. Что, собственно, есть «семантический взрыв/катастрофа»?

Определим этот феномен как **неожиданный для реципиента текста** (читателя и/или самого автора⁸⁹ и т. п.) «**вброс** в данной точке (отрезке) текста некоего изначально «**чужеродного**», «**конфликтного**» **семантического пространства**⁹⁰.

Этот вброс «семантического конфликта» взрывает «гладкое» течение рецепции семантики текста (другими словами, нарушает «гладкость» развития семантического **гештальта**) и резко изменяет состояние реципиента⁹¹, вызывая в результате то, что в

⁸⁷ Там же. Это, по-видимому, о лиловом цвете у Писсарро.

⁸⁸ Стих. «Импрессионизм» (май 1932). Лексика суггестирует ситуацию типа последствий взрыва или попытки самоубийства («выбить мозги...»), как и в предыдущем фрагменте и т. п.

⁸⁹ Ведущего в этот момент «шизофренический» диалог с самим собой. Ср. пассаж о Виллоне и о себе из ранней статьи «Франсуа Виллон» (1910): «Лирический поэт, по природе своей, – двуполое существо, способное к бесчисленным **расщеплениям во имя внутреннего диалога**... этот «лирический **гермафродитизм**»...».

⁹⁰ Это пространство на когнитивистском диалекте называют «структурой знания»: «фреймом», «гештальтом», «сценарием» и т. п. А. Баранов пишет в предисловии к [190]: «Знания, реализующиеся во фреймах и сценариях, представляют собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром – как с миром объектов, так и с социумом».

⁹¹ Мандельштам говорит об этом «взрывном» воздействии текста на реципиента в пассаже из 9-й главы РД: «Изумительна его [Данта] «рефлексология речи» – целая до сих пор не созданная наука о **спонтанном** психофизиологическом воздействии слова на собеседника, на окружающих и на самого говорящего, а также средства, которыми он передает **порыв** к говорению, т. е. сигнализирует светом **внезапное** желание высказаться».

гештальтпсихологии называется аha-effect⁹², и/или некую сильную эмоцию и т. п.⁹³

Пример 1. Может быть, наиболее показателен совсем простой пример «направленного взрыва». В стихотворении «Христиан Клейст» (1932) рассмотрим строки о немецком офицере-стихотворце:

Он в бой сошел и умер так же складно,
Как пел **рябину** с кружкой мозельвейна.

Здесь слово РЯБИНУ возникает, конечно, по «паронимической ассоциации» с немецким словом REBEN ‘лозы, виноград’, участвующим в авторском эпиграфе к этому стихотворению (цитаты из Э. Клейста): «Und es wird der Saft der Reben...». При этом появление «рябины» взрывает «немецкое» семантическое пространство текста и совершенно неожиданно «вставляет», «врезает», «вбрасывает» в текст «русское» семантическое пространство⁹⁴.

Пример 2. Стих. «Чернозем» (1935). Рассмотрим строки:

И все-таки, земля – проруха и **обух**.
Не умолить ее, как в **ноги ей** ни **бухай**:
Гниющей флейтою настраживает слух...

Здесь просвечивающий «германизм» [БУХ] (Buch ‘книга’) неожиданно «врезает» в текст семантическое пространство «кни-

⁹² См. подробнее об этом п. 2.5.3.3.

⁹³ Здесь напрашивается (в стиле Мандельштама) музыкальная метафора: **семантический «взрыв»** ← → «диссонирующий аккорд» (см. выше о внимании Мандельштама к текстам Скрябина), неожиданно вводящий изначально совершенно чуждую «тему».

⁹⁴ Ср. у Цветаевой в стих. «Тоска по родине! Давно...» (1934): «Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст, // И всё – равно, и всё – едино. // Но если по дороге – куст // Встаёт, особенно – **рябина**...». Зачем этот «взрыв» понадобился именно в этой точке текста Мандельштаму – это интересный вопрос, выходящий за рамки наших рассмотрений. Заметим лишь, что сквозь образ **немецкого** офицера-поэта в этом стихотворении (и особенно в «близнечном» стих. «К немецкой речи») явственно проступает образ **русского** офицера-стихотворца – Н. Гумилева.

ги» вообще, и (пере)гнивной-пустотелой-земли-флейты-книги из стих. 11 и 12 «армянского цикла», в частности.

Запишем чуть более формально возникающие здесь связи:

О-БУХ, БУХ-АЙ → (пар.) Buch 'книга' → «книга» → (асс.) «земли **пустотелую** книгу», «Над книгой **звонких** глин, над книжной землей, // Над **гнивной книгой...**» → ГНИЮЩЕЙ ФЛЕЙТОЮ.

В этой же строке сочетание НОГИ ЕЙ дает дополнительную «взрывную врезку» семантического поля «гноя», доставляемую метатезой и паронимией: НОГИ ЕЙ → «гниой» → ГНИЮЩЕЙ.

Пример 3. Стих. «Увы, растаяла свеча...» (1932). Рассмотрим строки:

И нет рассказчика для жен
В **порочных** длинных платьях,
Что проводили дни, как сон,
В пленительных занятиях.

Здесь фоника слова ПОРОЧНЫХ суггерирует его пароним БАРОЧНЫХ и неожиданно «врезает» в текст семантическое пространство концепта «барокко». Это пространство содержит «гештальт» «текста барокко» с характерной идеологемой «жизни во сне» («сна жизни»), отраженной в 3-й строке стихотворения⁹⁵. Но сразу же за этим (вторая семантическая бифуркация!) имеет место франко-немецкая интерференция barock = «вычурный», дающая второй и более содержательный смысл определениям ПОРОЧНЫХ ДЛИННЫХ. Запишем чуть более формально возникающие здесь связи:

ПОРОЧНЫХ → (пар.) барочных → (пар.) barock⁹⁶ 'причудливый, вычурный, странный' → (второй) смысл: «в причудливых, вычурных, странных платьях».

ПОРОЧНЫХ → (пар.) барочных → «барокко» → (асс.) ДНИ КАК СОН.

⁹⁵ Эта распространенная формула барокко отражена, например, в названии известной пьесы П. Кальдерона: «Жизнь есть сон».

⁹⁶ Здесь равновероятен галлицизм baroque (из которого, на самом деле, происходит нем. barock) с тем же семантическим спектром.

Этот пример показывает процесс роста «дерева бифуркаций» с нетривиальным описывающим этот процесс графом.

Пример 4. Стих. «Ленинград» (1930). Рассмотрим 6-ю строфу:

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок.

Здесь семантика «катастрофы» гладкого экзистенциального процесса («живу...») передается не только использованием слова «вырванный», относящегося к «лексике взрыва», но и другими инструментами. Ю. Левин, разбирая «Ленинград», говорит: «Отметим присущий этому стихотворению контрапункт зрительных, слуховых, вкусовых и тактильных (именно, болевых) ощущений <...>. Особенно характерна в этом отношении VI-я строфа <...>, – дающая **массированный удар** по рецепторам с преобладающим ощущением боли»⁹⁷.

Отметим, что приведенные примеры показывают, что технически семантические «катастрофы» в М-тексте организуются, в основном, т. н. СИ-операторами (см. Главу 4). При этом в каждой точке взрыва существует набор возможных СИ-операторов, применение которых «здесь и сейчас» обладает ненулевой вероятностью.

Повторим, что феномен «семантики взрыва» мощно связан с установками на динамику текста и на информативность текста, см. об этом подробнее в п. 7.2.1 и 7.2.2.

7.1.2. Вторая примарная матрица. В п. 7.1.1 мы рассмотрели примарную «установку на взрыв». Второй независимой примарной⁹⁸ установкой семантики М-текста является установка

⁹⁷ Ю. Левин, см. [187, с. 22–23]. Отметим «военно-артиллерийскую» лексику Левина: «массированный удар». Это замечательный пример суггестивного (я бы даже сказал, манипуляционного) воздействия текста Мандельштама (в данном случае, текста РД, пристально изучавшегося Левиным) на исследователя.

⁹⁸ При этом крайне важной для оформления структуры М-текста («формообразования», сказал бы Мандельштам).

на общую семантическую *когерентность* («связанность», «непрерывность»).

Принцип когерентности/непрерывности семантики М-текста есть проявление общей ориентированности на **сохранение** информации, о чем говорилось в начале этой главы.

Напомним, что в «информационном» контексте эта установка (вторая примарная матрица) является «дополнительной по Бору» к «установке на взрыв» (к первой примарной матрице), рассмотренной в п. 7.1.1.

Заметим, что Мандельштам, применяя «физическую» метафорику, называет в РД подобную матрицу сохранения «законом обратимости поэтической материи». Под «поэтической материей» Мандельштам в РД, по-видимому, имеет в виду нечто вроде «семантической энергии» текста. И эта материя/энергия (удобно ее интерпретировать как количество семантической информации, количество «смысла») **сохраняется** при трансформациях исходного текста.

Вот соответствующие пассажи из РД:

«Вместо того, чтобы пересказывать так называемое содержание, мы взглянем на это звено дантовского труда как на **непрерывное превращение материально-поэтического субстрата, сохраняющего свое единство** <...>. Образное мышление у Данта, так же как во всякой истинной поэзии, осуществляется при помощи свойства поэтической материи, которое я предлагаю назвать обращаемостью или обратимостью»⁹⁹;

«Дант выбран темой настоящего разговора <...> потому что он самый большой и неоспоримый хозяин **обратимой и обращаемой поэтической материи**»¹⁰⁰.

Отметим, что важнейшим **деривативом** от **второй примарной матрицы** является установка на «непрерывность семантического отображения» (НСО-принцип), см. Главу 3.

⁹⁹ РД, конец гл. 4.

¹⁰⁰ РД, конец гл. 6.

7.2. Деривативные (производные от примарных) «установки» М-семантики, специфичные для нее.

К высям просвета какого
Уходит твой лиственный шум, –
Темное дерево слова...

О. Мандельштам (1910)

Попытаемся теперь получить некий «физический» результат, т. е. полезную для понимания М-текста проекцию приведенных выше (в п. 7.1) «метафизических» рассматриваний.

Некоторые из рассмотренных ниже свойств упоминаются здесь бегло лишь «для полноты списка» и разбираются более подробно в других местах работы. Тем самым, этот параграф является отчасти «диспетчерским»: здесь предъясняется список указанных «установок» и указывается, куда надо идти за более подробными рассмотрениями. Необходимо также отметить, что «семантические пространства» нижеследующих п. 7.2.1 – 7.2.8 могут достаточно объемно «пересекаться».

7.2.1. Принципиальная установка на **повышенную динамичность** текста, на «динамизацию» текста¹⁰¹. Этот феномен, как уже отмечалось выше, связан с установкой на взрыв/катастрофу (п. 7.1.1), точнее, имеет ее своим пределом, потому что, метафорически выражаясь, «взрыв» есть движение с «бесконечным» ускорением.

Примеры текстов Мандельштама, в которых эксплицитно заявляется психологическая «установка» на динамику, движение, перемещение:

«Бродяга¹⁰² – я люблю движенье», сказал он о себе еще в 1912 г. в стихотворении «Шарманка».

¹⁰¹ См. к этому п. 6.1. «Установка» Мандельштама на динамику уже давно отмечалась и анализировалась рядом исследователей. Например, С. Шиндин в статье 1996 г. говорит об идее «активной, динамической нестабильности, характеризующей мандельштамовский мир в целом и проявляющейся в самых разнообразных смысловых сферах» [31, с. 353].

¹⁰² Ср. более позднее высказывание Ахматовой о Мандельштаме (в материалах П. Лукницкого): «Это был человек с душой БРОДЯГИ в самом высоком смысле этого слова, что и доказала его биография. Его вечно тянул к себе юг,

О себе же в стих. «Автопортрет»: «В закрытыи глаз, в покое рук – // Тайник движенья непочатыи. // Так вот кому летать и петь // <...> Чтоб прирожденную неловкость // Врожденным ритмом одолеть!» (1914).

Э. Герштейн в своих мемуарах сообщает, что Мандельштам был недоволен статичностью просмотренного фильма «Потомок Чингис-хана»: «Он объяснял недовольно: кинематографу нужно ДВИЖЕНИЕ, а не статика»¹⁰³ (1929 ?).

В РД: «Произнося “солнце”, мы совершаем как бы огромное ПУТЕШЕСТВИЕ <...> говорить – значит всегда находиться В ДОРОГЕ» (1933).

«Надо всегда путешествовать, а не только в Армению и в Таджикистан», – в письме к М. Шагинян¹⁰⁴ (1933).

«Жизнь – это ДВИЖЕНИЕ, событие – его нельзя описать. <...> поэзия понимается <...> как отказ от твердых форм значения за счет углубления роли сочетаний. Здесь куча частных. Программа: все это В ДВИЖЕНЬЕ. О нем, О ДВИЖЕНЬЕ, написан “Дант”», – в разговоре с С. Рудаковым¹⁰⁵ (1935).

В очерке о Михоэлсе Мандельштам пытается передать «иудейскую динамику движения», говоря о театре «иудейского актера» Михоэлса: «...сила еврейства в том, что оно выработало и пронесло через столетия ощущение формы и ДВИЖЕНИЯ, обладающее всеми чертами моды, непреходящей, тысячелетней». «Вся сила юдаизма, весь ритм отвлеченной пляшущей мысли, вся гордость пляски <...> уходит в дрожание рук, в вибрацию мыслящих пальцев, одухотворенных, как членораздельная речь»¹⁰⁶. В черновых набросках: «...это пляска мыслящего тела, которой учит нас Михоэльс»,

море, новые места» [57, с. 85]. Ср. также (пусть несколько обиженно-раздраженное) высказывание Тициана Табидзе о пребывании Мандельштама в Грузии (1921) в заметках 1922 г.: «...этот голодный БРОДЯГА, Агасфер, пользовался случаем и попрошайничал», цит. по [94, с. 91].

¹⁰³ [8, с. 17]. Л. Панова по близкому поводу пронизательно отмечает, что некоторые стихотворения Мандельштама «построены не по принципу “статической” живописи, а по принципу “движущейся” живописи, которой и является кинематограф в самых лучших своих проявлениях» [142, с. 216].

¹⁰⁴ Цит. по [64, с. 287].

¹⁰⁵ В письме С. Рудакова, цит. по [8, с. 130–131].

¹⁰⁶ Ст. <Михоэльс> (1926).

«...трудный и славный путь от иудейской созерцательности <...> к раскованной мудрой пляске...».

Там же Мандельштам говорит об искусстве Михоэlsa: «... тогда стираются границы национального и начинается ХАОС трагического искусства. <...> еврейскому <нрзб> из Москвы мелькает тень Еврипида».

Здесь дело в том, что для Мандельштама «хаос» не есть статический антином греческого «порядка-космоса», но динамический маркер трагического процесса и его результата, например, процесса и результата разрушения. Например, в ШВ «иудейский хаос» = «иудейские развалины»¹⁰⁷.

Замечательная иллюстрация к способу понимания Мандельштамом взаимодействия управляющих матриц «информационности» (см. ниже п. 7.2.2) и «динамичности» – это высказывание¹⁰⁸ в разговоре о стихотворении «Вы помните, как бегуны...», приводимое в комментарии Н. Мандельштам: «о старике, который бежит быстрее, потому что он больше знает»¹⁰⁹.

Еще один пример стремления Мандельштама нащупать «язык движения» и описать его, мы встречаем в набросках к очерку «Французы», на этот раз в контексте живописи: «И я начинал понимать, <...> что цвет не что иное, как чувство старта, окрашенное дистанцией...».

В «Канцоне» Мандельштам сказал о красном цвете, связанном для него в этом тексте с еврейством («малиновая ласка на-

¹⁰⁷ Ср. рассмотрение В. Топоровым пары: «порядок vs. беспорядок» Хаоса. В своей работе о концепте «движения» он рассматривает оксюморон «беспорядок vs. порядок первозданного Хаоса». Если вместо «Хаос» подставить известное выражение Осипа Мандельштама «хаос иудейский», мы получим дискурс выдающегося русского ученого об «оксюморонности» еврейской культурно-цивилизационной системы: «В ходе творения Творец преодолел Хаос <...>. Тем не менее, было бы ошибкой вывести из этой полной противоположности исходного и обретенного состояний заключение об абсолютном отвержении хаотической стихии Творцом. <...> И «**беспорядок**» Хаоса – его **порядок**, хотя и совсем непохожий на порядок космологически организованной Вселенной, <...> порядок, поскольку в нем <...> потенция движения, «иррационального», отрицательно ориентированного «анти-движения»...» [77, с. 17]. Ср. здесь геометрическую метафору движения («анти-движения») по неориентируемому «листу Мёбиуса».

¹⁰⁸ По-видимому, скрытая цитата из Мандельштама. Ср. в РД: «В дантовском понимании учитель моложе ученика, потому что «бежит быстрее»».

¹⁰⁹ См. [2, с. 421].

чальника евреев»), что «в красной [краске] – нетерпенье» (перед стартом, который есть **взрыв!**).

7.2.2. Установка на **максимальную «информативность»** текста.

Этот феномен, как уже отмечалось выше, связан с установкой на взрыв/катастрофу (см. п. 7.1.1), точнее, имеет ситуацию «взрыва» своим пределом¹¹⁰. Дело здесь в том, что в точке семантического «взрыва» резко и скачкообразно возрастает (стремится к своему пределу, т. е. к «бесконечности») «информативность» текста.

Ю. Лотман пишет фактически про эту связь, описывая некоторую общую ситуацию: «Будущее¹¹¹ предстает как пространство возможных состояний. <...> Настоящее – это вспышка еще не развернувшегося смыслового пространства. Оно содержит в себе потенциально все возможности будущих путей развития. Важно подчеркнуть, что выбор одного из них не определяется ни законами причинности, ни вероятностью – в момент взрыва эти механизмы полностью отключаются. Выбор будущего реализуется как случайность. Поэтому он обладает очень высокой степенью **информативности**. Одновременно момент выбора есть и отсечение тех путей, которым суждено остаться лишь потенциально возможными, и момент, когда законы причинно-следственных связей вновь вступают в свою силу.

Момент взрыва – одновременно место **резкого возрастания информативности** всей системы. Кривая развития¹¹² перескакивает здесь на совершенно новый, непредсказуемый и более сложный путь. Доминирующим элементом, который возникает в итоге взрыва и определяет будущее движение, может стать любой элемент из системы или даже элемент из другой системы¹¹³, случайно втянутый взрывом в переплетение возможностей бу-

¹¹⁰ Как и установка на динамику (п. 7.2.1).

¹¹¹ В нашем контексте, «будущее» Лотмана – это «будущее» текста в «рекурсивной модели порождения» (см. Главу 3), рассматриваемое **из данной точки текста**.

¹¹² В наших рассмотрениях – это «кривая развития (движения)» текста.

¹¹³ У Мандельштама этой другой системой чаще всего служит другой «вербальный» язык.

дущего движения. Однако на следующем этапе он уже создает предсказуемую цепочку событий» [188, с. 28–29].

Интересно, что Лотман в этом пассаже широко пользуется геометрической метафорикой: пространство, путь, кривая. Это представляется неслучайным: по-видимому, сам концепт «взрыва» суггестирует в «сознании» некую систему геометрических представлений. У Мандельштама, кроме этого «общечеловеческого» свойства, еще и сам концепт «информации» тесно связан с геометрией, см. подробнее в п. 2.5.

Отметим, что реальная информативность текста являлась для Мандельштама экзистенциально важным принципом.

В 1933 г. он писал о тексте Данта и своем собственном: «... читая песни Данта, мы получаем как бы **информационные сводки** с поля военных действий»¹¹⁴.

В 1934 г. он сказал (о Белом и о себе): «Прямизна нашей речи не только пугач для детей – // Не бумажные дести, а **вести** спасают людей» [вариант: «нужны для людей»].

Рефлексы этой жизненно важной установки можно найти в ЯКМ Мандельштама. Замечательный пример – это явное предпочтение в его «геометрии мира» «сильно-информативно-го» концепта «кривизны» «слабо-информативному» концепту «прямызны»¹¹⁵.

Рефлексом «установки на информативность» является, разумеется, и специфичная для Мандельштама «мультилингвистичность» дискурса, т. е. его ориентация на использование всех доступных ему языков (включая невербальные: например, «язык музыки»), ориентация на «межъязыковую интерференцию», на использование разноязычных смыслов в высказывании и т. д. См. об этом подробнее в п. 7.3 (и).

Несколько подробнее о мандельштамовской «установке на информативность» см. в п. 7.3 (д).

¹¹⁴ «Разговор о Данте», гл. 2.

¹¹⁵ Разбор этого яркого случая см. в Главе 8, п. 8.6, концептная пара *прямой vs. кривой.

7.2.3. Установка на «оксюморонизацию» текста, на частотное введение в текст т. н. «оксюморонных ситуаций», т. е. установка на **одновременное** присутствие, соединение и взаимодействие взаимоисключающих противоположностей, на «парадоксальность», на «двойничество», двойственность, «шизоидность», «дополнительность» в смысле Бора¹¹⁶ и т. п.

Этот феномен является частным случаем примарной установки на «семантический взрыв» (см. п. 7.1.1). Дело в том, что «оксюморонная ситуация» – это семантический «взрыв» *par excellence*¹¹⁷, это точка неожиданного нарушения (прерывания) «гладкого» процесса восприятия текста реципиентом. Это, если применить математическую метафору, есть вхождение процесса рецепции в «особую точку», в «черную дыру», направление выхода из которой совершенно непредсказуемо¹¹⁸.

¹¹⁶ «Квантово-механические» вербализации, аллюзии и метафоры в этом контексте – это, похоже, глубинно-обусловленная необходимость при попытке понять «странный мир» текста и «сознания» Мандельштама. Необычайно интересно, что Мандельштам это понимал. Уже упоминалось, что в черновых набросках к РД он заявил про Данта (и, конечно, про себя): «Дант может быть понят лишь при помощи теории квант» [72, т. 3, с. 402]. Отметим, что Ю. Левин (по-видимому, не зная этого высказывания М) очень близко подошел к «квантовому ДПБ-описанию» в работе 1970-х гг., говоря о разрушении «модального узуса» и «здорового смысла» в М-тексте: «Для здорового смысла предмет есть – или его нет, он сомнителен – или достоверен, желателен – или нежелателен и т. д. Эта-то определенность способа существования и разрушается <...> уже на самом поверхностном (непосредственно обращенном к действительности) уровне возникает семантическая открытость, двойственность, дизъюнктивность, причем попытки замкнуть построение, внести определенность, например, выбрав один из членов дизъюнкции, **неправильно разрушают смысл**» [187, с. 64–65].

¹¹⁷ Ю. Лотман пишет о более общей ситуации «динамического процесса в культуре»: «...состояние взрыва характеризуется моментом отождествления всех противоположностей. Различное предстает как одно и то же. Это делает возможным неожиданные перескоки в совершенно иные, непредсказуемые структуры организации. Невозможное делается возможным. Этот момент переживается как выключенный из времени...» [188, с. 245].

¹¹⁸ Отметим важное свойство М-текста: «оксюморонная ситуация» в тексте индуцирует «оксюморонное состояние» у реципиента (читателя, слушателя), независимо от количества предыдущих «рецепций» этого текста. Ю. Лотман анализирует подобное явление на примере театрального зрителя, «который второй раз смотрит пьесу: с одной стороны, он знает, чем она кончится, и непредсказуемого в ее сюжете для него нет. Пьеса для него находится как бы в прошедшем времени, из которого он извлекает знание сюжета. Но одновременно как зри-

Присутствие этой матрицы, разумеется, было зафиксировано исследователями. Еще в статье «пяти авторов» (середина 1970-х) отмечалось, что для поэтики Мандельштама характерно «подчеркивание смыслового единства мира путем проведения через *весь* текст <...> смысловых сочетаний, построенных по принципу логического противоречия (оксюмороны, амбивалентные антитезы и т. п.), что приобретает масштабы **глобального принципа, организующего мировоззрение**. Возникающий при этом комплекс имеет, как правило, характер “неслиянной нераздельности”. В нем одновременно сосуществуют противоположные смыслы...»¹¹⁹.

«Пять авторов» говорят здесь почему-то только о поэтическом тексте, в то время как рассматриваемый феномен имеет место и в прозе Мандельштама и, вообще, во всем его дискурсе и даже поведении.

Конечно, имеет место некое встроенное общечеловеческое «двойничество»¹²⁰. Но дело в том, что у Мандельштама (и, вообще, в «еврейской» парадигме) это явление проявляется необычно мощно и вполне осознанно-программно¹²¹.

Вот высказывания самого поэта, подтверждающие этот «глобальный принцип»¹²², организующий мировоззрение:

В статье «Франсуа Виллон» (1910) Мандельштам пишет¹²³:

тель, глядящий на сцену, он находится в настоящем времени и заново переживает **чувство неизвестности**, свое якобы “незнание” того, чем пьеса кончится. Эти **взаимоисключающие переживания парадоксально сливаются в некое одновременное чувство**» [188, с. 196].

¹¹⁹ [82, с. 297].

¹²⁰ Например, Г. Зиммель говорит: «В глубине нашей души кроется, очевидно, некий дуализм, который, не позволяя нам воспринимать картину мира как неразрывное единство, постоянно разлагает ее на целый ряд противоположностей», цит. по [77, с. 78].

¹²¹ С. Аверинцев писал об этом феномене в 1987 г.: «Мандельштам всегда искал **противоречий**, так сказать, **большой мощности**: они были **источником энергии** для его стихов» [95, с. 235]. Заметим, что здесь Аверинцев использует энергетическую (даже **взрывотехническую!**) метафорику.

¹²² В монографии [3, гл. 1] делается попытка рассмотреть этот «принцип» как одну из организующих «установок» («примарных матриц») диаспоральной еврейской цивилизации. См. еще об этом явлении в п. 7.3 в подразделе о просвещении в тексте Мандельштама **мидрашной техники *saḡu-nehor***.

¹²³ Как обычно (точнее, это станет для него отныне обычным) подставляя себя на место «объекта наблюдения», т. е., проще говоря, пишет о себе.

«Он сумел соединить **в одном лице** истца и ответчика. <...> Лирический поэт, по природе своей, – двуполое существо, способное к бесчисленным расщеплениям во имя внутреннего диалога. Ни в ком так ярко не сказался этот “лирический гермафродитизм”, как в Виллоне».

В тексте <Литературный стиль Дарвина> (1932?) Мандельштам формулирует нечто вроде теоретической базы для этой своей психологической, поведенческой и творческой установки: «Я имею в виду закон **ГЕТЕРОГЕННОСТИ**, который побуждает художника соединять в один ряд по возможности **РАЗНОКАЧЕСТВЕННЫЕ** звуки, **РАЗНОПРИРОДНЫЕ** понятия и **ОТЧУЖДЕННЫЕ** друг от друга образы. <...> В поисках различных опорных точек он [Дарвин] создает настоящие **ГЕТЕРОГЕННЫЕ** ряды, т. е. группирует несхожее, **КОНТРАСТИРУЮЩЕЕ**, различно окрашенное».

К этому же контексту относится и «оксюморонное» высказывание Мандельштама в статье «О природе слова» (1922) о (русском) языке, «который **одновременно** и скороход и черепаха».

Даже в высказывании Мандельштама об идише проявилась эта установка на оксюморонность: «лишь потом я слышался этой певучей речи... с резкими ударами на полутонах» («Шум времени»).

По свидетельству Н. Мандельштам, выражение из «Риторики» М. Ломоносова «сопряжение далековатых идей» «было очень ценимо Мандельштамом»¹²⁴.

Следует заметить, что оксюморонность/«шизоидность» ашкеназской культурно-цивилизационной парадигмы резонировала с собственной шизоидностью Мандельштама, продуцируя совершенно неожиданные (часто неприемлемые) для окружающих поведенческие и творческие результаты.

Масса «оксюморонных» ситуаций присутствует в текстах и в устном дискурсе Мандельштама:

(1910) «незвучный хор» («Слух чуткий парус напрягает...»),

(1911) «в одном ощущении вся жестокость, вся кротость» («Дождик ласковый...») [34, с. 717],

(1914) «в покое рук – тайник движенья» («Автопортрет»),

¹²⁴ [9, с. 417].

- (1919) «добрая свирепость» («В хрустальном омуте какая крутизна...»),
- (1920) «В сухой реке пустой челнок плывет», «А на губах, как черный лед, горит» («Ласточка»),
- (1920) «горячий снег» («Чуть мерцает прозрачная сцена»),
- (1920) «крови сухая возня» («За то, что я руки твои не сумел удержать...»),
- (1922) «в убогой роскоши» (очерк «Шуба»),
- (1922) «нет **старта**¹²⁵, куда нужно скорее других доскакать» («О природе слова»),
- (1923) «зрячий взгляд слепого» («Нюэн-Ай-Как», очерк),
- (1923) «зубов молочных ряд на деснах старческих» («Париж»),
- (1923) «печь, пышущая льдом» (ШВ, гл. «В не по чину...»),
- (1926) «очаровательно нелепый пешеход», «парадоксальный театр», «грустный восторг», «мудрое беснование», «страдальческий восторг» (<Михоэльс> и наброски)¹²⁶,
- (1927) «вкус отвращения, доведенного до восторга» (ЕМ),
- (1928) «Иногда несчастные бывают очень счастливыми» (в разговоре с Э. Герштейн [8, с. 10]),
- (1930) «Какая роскошь в нищенском селеньи» («Армения», 10),
- (1931) «робко приосанюсь», «и не живу, и все-таки живу» («Еще далеко мне до патриарха...»),
- (1931) «сухая <...> вода» («Отрывки из уничтоженных стихов»),
- (1931) «совестный деготь труда»¹²⁷ («Сохрани мою речь...»),
- (1931–32) «Его усталость была лишь скрытой формой энергии» (<Вокруг «Путешествия в Армению»>, гл. «Сухум»),
- (1934) «прямызна речей, запутанных, как честные зигзаги» («10 января...»),
- (1935) «безокружное в окружности», «**Черноречивое** молчание» («Чернозем»),

¹²⁵ Типичная для Мандельштама «оксюморонная» метатеза противоположных смыслов: «старт» ↔ «финиш». М. Гаспаров в своем комментарии называет этот случай «**характерной** обмолвкой» [34, с. 515]. Заметим, что эта же «обмолвка» повторяется через 10 лет в набросках <Вокруг «Путешествия в Армению»>, гл. «Севан»: «Казалось, он **прорвал тесемку старта**».

¹²⁶ [72, т. 2, с. 448, 558–559]

¹²⁷ Совесть в М-тексте связана с белым цветом («белеет совесть...»), а деготь – архетипически черен.

(1935) «сухая влажность» («Стансы»),
 (1936) «снегом пышущий» («Эта область в темноводье...»),
 (1937) «складки бурного покоя» («Улыбнись, ягненок гнев-
 ный...») и т. д.¹²⁸

7.2.4. Отдельно отметим важный частный случай феномена **оксюморонизации**, обсуждавшегося в п. 7.2.3. Это установка на выход в «запредельную для языка реальность»¹²⁹, в мир «за пределами» языка («И я выхожу из пространства...»), на котором пишется текст, т. е. «обычного» русского языка.

«Вывод» в поэзии нужно понимать буквально – как закономерный по своей тяге и случайный по своей структуре **выход за пределы** всего сказанного»¹³⁰.

Неизбежным следствием этой установки на «выход в объемлющее семантическое пространство» является отказ от одного, пусть даже совершенного, языка («Мне хочется уйти из нашей речи...»)»¹³¹. Отсюда постоянное «вшивание» Мандельштамом

¹²⁸ Сюда же, видимо, нужно отнести присутствующие у Мандельштама стихотворные «двойчатки», т. е. варианты (например, концовки) с противоположными и дополнительными смыслами. М. Гаспаров, комментируя концовки стихотворения (1914) «Природа – тот же Рим...» и его варианта «Когда держался Рим в союзе с естеством...», отмечает: «Такие “двойчатки” с равноправными противоположными вариантами будут потом встречаться у ОМ все чаще» [34, с. 747].

¹²⁹ Выражение Ю. Лотмана, см. [188, с. 9].

¹³⁰ <Вокруг «Разговора о Данте»> (1933) [72, т. 3, с. 406].

¹³¹ Ю. Лотман, трансформируя некоторые идеи И. Канта, описывает общую соответствующую ситуацию: «Одним из центральных вопросов окажется вопрос перевода мира содержания системы (ее внутренней реальности) на внележащую, запредельную для языка реальность. Следствием будут два частных вопроса: 1. **Необходимость более чем одного (минимально двух) языков** для отражения запредельной реальности; 2. **Неизбежность** того, чтобы пространство реальности не охватывалось ни одним языком в отдельности, а только их совокупностью. Представление о возможности одного идеального языка как оптимального механизма для выражения реальности является иллюзией. Минимальной работающей структурой является наличие двух языков и их неспособность, каждого в отдельности, охватить внешний мир. Сама эта неспособность есть **не недостаток, а условие существования**, ибо именно она диктует необходимость *другого* (другой личности, другого языка, другой культуры). Представление об оптимальности модели с одним предельно совершенным языком заменяется образом структуры с минимально двумя, а фактически с открытым

других языков в ткань его русской речи, т. е. постоянное порождение «межъязыковых интерференций»¹³².

Вот как Ю. Лотман описывает общую оксюморонную ситуацию межъязыковой интерференции: «внешний мир, на который культура глядит как на хаос, на самом деле тоже организован <...> соответственно правилам какого-то неизвестного данной культуре языка. В момент, когда тексты этого **внешнего языка** оказываются втянутыми в пространство культуры, происходит **взрыв**. С этой точки зрения взрыв можно истолковать как **момент столкновения чуждых друг другу языков**: усваивающего и усвояемого. Возникает взрывное пространство – пучок непредсказуемостей»¹³³.

При этом у Мандельштама «в дело» идут все сколько-нибудь знакомые ему языки, причем не только «вербальные», но и любые известные ему семиотические системы, например, «музыкальный язык», т. е. язык музыкальной метафорики, вплоть до использования метафор, связанных с нотной графикой: «... поэты говорят на языке всех времен, всех культур <...> Синтетический поэт современности <...>. В нем поют идеи, научные системы, государственные теории»¹³⁴.

Сам Мандельштам так говорит о феномене межъязыковой интерференции: «Так в поэзии разрушаются грани национального, и стихия одного языка перекликается с другой через головы пространства и времени, ибо все языки связаны братским союзом <...> братски родственны и по-домашнему аукаются»¹³⁵.

7.2.5. Интенсивная установка на интертекстуальность.

Неожиданная «врезка», суггестия в «своем» тексте семантического пространства «чужого» текста, «соединение несоединимого», является частным случаем «семантической катастрофы». В частности, происходит резкое нарушение гладкого темпорального процесса, т. е. проще говоря, у реципиента текста наруша-

списком разных языков, взаимно необходимых друг другу в силу неспособности каждого в отдельности выразить мир» [188, с. 9–10].

¹³² См. об этом несколько подробнее в п. 7.3 и в Главе 6.

¹³³ [188, с. 209].

¹³⁴ Статья «Слово и культура» (1921).

¹³⁵ Статья «Заметки о Шенье» (1915).

ется «нормальное» развитие восприятия времени. Об этом типе «семантического взрыва» Мандельштам пишет в РД:

«**Соединив несоединимое**, Дант изменил структуру времени, а может быть, и наоборот: вынужден был пойти на глоссолалию фактов, на синхронизм разорванных веками событий, имен и преданий именно потому, что слышал обертона времени»¹³⁶.

Психологической основой установки на интертекстуальность является уже упоминавшееся выше характерное отношение Мандельштама к миру как к единому тексту, к тому же исходящему из одной точки¹³⁷. Этот супертекст включает (в идеале) все комментарии на самого себя¹³⁸.

С этим же феноменом связана принципиальная **«нелинейность, многомерность»** текста Мандельштама¹³⁹. В этом же поле – усиливающаяся с течением времени установка Мандельштама на коммуникативность, на процесс коммуникации¹⁴⁰ и вытекающая отсюда установка на **«диалогичность → полилогичность»** текста.

Эта установка на «обмен текстами» эксплицитно заявляется в «программных» текстах Мандельштама, начиная с самого раннего периода:

(1908) В непринужденности ТВОРЯЩЕГО ОБМЕНА
Суровость Тютчева – с ребячеством Верлена –
Скажите – кто бы мог искусно сочетать,
Соединению придав свою печать?

¹³⁶ «Разговор о Данте» (1933). Понятно, что в «РД» Мандельштам говорит больше о себе, чем о Данте.

¹³⁷ Ср. внедряемое в еврейской традиции представление о происхождении всего мира из буквы **א** – первой буквы текста Пятикнижия.

¹³⁸ Все это, разумеется, отражает влияние на Мандельштама еврейского «традиционного» дискурса, см. подробнее ниже. «Рабочей моделью» упомянутого «супертекста» является в рамках еврейской традиции текст Талмуда и текст «Устной Торы», не обязательно полностью фиксированный письменно, но постоянно расширяющийся, модифицирующийся и, в потенциале, «содержащий всё».

¹³⁹ См. об этом несколько подробнее ниже в п. 7.3.2 (е).

¹⁴⁰ Ю. Левин писал в работе «Тридцатые годы» о семантике позднего Мандельштама: «ранний М. ориентирован на *предмет* (будь то референт или сам текст), в то время как поздний – на *процесс*» [187, с. 127].

В массовой интертекстуальности творчества, в связывании между собой текстов, относящихся к разным временным и культурным пластам, в ориентации на включение **всех** текстов в некий единый текст – причина «понижения профиля» автора-творца текста в восприятии Мандельштама¹⁴¹.

В этом также глубинная причина того, что все созданное самим Мандельштамом можно рассматривать как единый текст, включающий автокомментарий¹⁴².

Ср. высказывание Мандельштама в РД о тексте Данте и, как обычно, о своем собственном тексте: «...комментарий (разъяснительный) – неотъемлемая структурная часть самой “Комедии”».

И. Семенко в 1968 г. писала об «интертекстуальных» свойствах прозы М: «Фрагментарная запись – основа мандельштамовской прозы. <...> Отказ Мандельштама-прозаика от принципа “сплошного” повествования входил в систему его эстетических воззрений...»¹⁴³.

Г. Струве еще в середине 1960-х в критической статье-предисловии к собранию Мандельштама говорил о технике стандартных семантических блоков для генерирования интертекстуальности у Мандельштама: «...в зрелых стихах Мандельштама встречаются в самых неожиданных сочетаниях, в самом непредвиденном контексте некоторые излюбленные слова-образы – “ласточки”, “звезды”, “соль”. Это и есть те слова-Психеи, о которых он говорит, что они блуждают свободно вокруг вещи, как душа вокруг брошенного, но не забытого тела. Эти блуждающие, упорно возвращающиеся слова играют роль своего рода сигнальных звоночков, через них не связанные как будто одно с другим стихотворения друг с другом перекликаются»¹⁴⁴.

Еще раз повторим, что за всеми этими феноменами стоит удивительная похожесть устройства текста у Мандельштама на устройство талмудического и, вообще, традиционного еврейского текста. Подробнее см. в п. 7.3.

¹⁴¹ Подробнее см. в п. 1.2.3 (в).

¹⁴² О «единстве» текста Мандельштама говорилось еще в «работе пяти» [82].

¹⁴³ Цит. по [51, т. 3, с. 369].

¹⁴⁴ [51, т. 1, с. LVIII].

7.2.6. Резко **повышенная метафоричность** текста.

Через пророков изъяснялся Я
подобьями...

Осия 12, 10

Принципиальная установка на метафоризацию. Неожиданная, «провокативная» метафора («соединение несоединимого») является, разумеется, частным случаем «семантического взрыва» (см. начало п. 7.1.1). Ж. Дюбуа говорит: «Метафора... **“взрывает”** реальность, вызывает **шок**, высвечивая противоречивые стороны объекта»¹⁴⁵. Именно в этой установке на «взрыв семантической логичности», на «культурный шок» – главное «идеологическое» своеобразие метафорической системы Мандельштама¹⁴⁶. Вот «программные» для этого контекста высказывания Мандельштама:

«**Воздух дрожит** от сравнений <...> **Земля гудит** метафорой»¹⁴⁷,

«Сравнения – суть членораздельные **порывы**»¹⁴⁸,

«***Соединив несоединимое**, Дант изменил структуру времени...»¹⁴⁹.

Подробнее об этой важнейшей для Мандельштама установке см. в п. 7.3 (б) и 2.5.

7.2.7. **Повышенная частотность и рутинность «игры слов»**, которая для Мандельштама является совсем не «игрой», а стандартной (установочной) семантической техникой¹⁵⁰.

¹⁴⁵ Дюбуа Ж. и др. Общая риторика. М., 1986. С. 202. Цит. по [189, с. 30].

¹⁴⁶ Разумеется, это не относится к «забыванию готовых [метафорических] гвоздей», ненавидимому Мандельштамом.

¹⁴⁷ Стих. «Нашедшему подкову» (1923).

¹⁴⁸ «Разговор о Данте», гл. 11.

¹⁴⁹ «Разговор о Данте», гл. 11. Напомним, что в «РД» Мандельштам говорит больше о себе, чем о Данте.

¹⁵⁰ Точнее, техникой генерации метафор. Ср. известное высказывание Л. Витгенштейна: «Языковые игры выступают как метод концептуального прояснения: скрытое в статике языка выявляется в его действии, динамике».

С этим феноменом связана **ориентация на полисемантичесность** отдельных слов, сочетаний и целых блоков текста. В этом же ряду феноменов стоит имеющая место у Мандельштама **установка на «ресемантизацию»** русских лексем: «Скучен мне понятный наш язык!»¹⁵¹, «Я люблю непонятный язык!»¹⁵².

Подробнее об «игре слов» и о «ресемантизации» в М-тексте см. в п. 7.3.2 (к), 8.5.3 и 8.7.

7.2.8. Установка на **«разрушение»** синтаксиса», на **«отказ»** от синтаксиса.

Вот высказывания Мандельштама из РД:

«Нет синтаксиса – есть **намагниченный порыв**»¹⁵³. Другими словами, это направленный **взрыв**.

«Другими словами – нас путает синтаксис»¹⁵⁴.

Подробнее об этой установке см. в п. 7.2.3 (л).

7.2.9¹⁵⁵. Еще одной матрицей в М-семантике, требующей отдельного рассмотрения, является установка на «отрицание нормальной русской семантики» и на **расхождение со «стандартной» русской «языковой картиной мира»** (Р-ЯКМ), вообще, со стандартной русской семантикой¹⁵⁶.

Имеет место резкое и осознанно-намеренное расхождение и даже противоположность в ряде «ключевых» концептов «стандартной» русской ЯКМ и ЯКМ Мандельштама. Это проявляется, в частности, в несовпадении ряда ключевых «культурных скриптов» Мандельштама со «стандартными» русскими скрип-

¹⁵¹ «Ни о чём не нужно говорить...» (1909).

¹⁵² (1911), [34, с. 717].

¹⁵³ «Разговор о Данте», гл. 10.

¹⁵⁴ Там же, гл. 11.

¹⁵⁵ Эту семантическую установку Мандельштама впервые подробно рассмотрел Ю. Левин в работе 1973 г., называя этот феномен «апофатичностью», а поэтику Мандельштама – «негационной» [187, с. 55–64]. Ю. Левин, в частности, говорит: «они [негативные построения. – Л.Г.], как и рассмотренные ранее приемы, служат средством **разрушения модального узуса. Цель такого разрушения – в выходе за рамки здравого смысла** в подходе к способу существования предметов, событий, ситуаций» [187, с. 64].

¹⁵⁶ При этом в процессе генерирования текста частотно используется «НЕ-оператор», см. п. 4.1.5.

тами. Можно сказать, что имеет место сознательный уход Мандельштама от «стандартной» русской ЯКМ¹⁵⁷.

Эту психолингвистическую матрицу, необходимо приводящую к своеобразной катастрофе (бифуркации) «гладкого процесса» взаимодействия с окружающей культурно-цивилизационной средой, также удобно рассматривать как дериватив от общей установки на «взрыв». См. об этом феномене подробнее в Главе 8.

7.3. Рефлексы семантических установок «еврейского традиционного дискурса»¹⁵⁸ (ЕТД) в М-тексте¹⁵⁹.

...странным шопотом Талмуда...

*В. Розанов*¹⁶⁰

7.3.1. **Основной тезис:** текст Мандельштама часто совершенно удивительным образом напоминает традиционный еврейский

¹⁵⁷ О попытках такого рода «ухода» см. статью: *Городецкий Л.* «Двурушник я...» // Вопросы литературы. – 2009. – № 5 (основной текст статьи воспроизводится в монографии [3], п. 3.2).

¹⁵⁸ Здесь имеются в виду прежде всего Вавилонский Талмуд, Мидраш, идиш-дискурс и т. п.

¹⁵⁹ Этот параграф был опубликован (с не существенными отличиями) как отдельная работа в Вестнике Пермского университета (ПГУ), 2010, № 4. Но отдельные «куски» содержались в монографии [200] (2008).

¹⁶⁰ *Розанов В.* Магическая страница у Гоголя // Весы. – 1909. – № 8. С. 37.

текст, т. е. Талмуд¹⁶¹, или Мидраш¹⁶², или Каббалу¹⁶³, или тради-

¹⁶¹ Определения «талмудист», «талмудический» и т. п. начали применяться к самому Мандельштаму и его тексту давно. Интересно, что еще его соученик по Тенишевскому училищу Борис Синани называл Мандельштама «оратором-талмудистом», по-видимому, имея в виду какие-то особенности его дискурса [150, с. 34]. М. Эпштейн в эссе конца 1980-х также называет Мандельштама «талмудистом», сравнивая его с Пастернаком, которого Эпштейн квалифицирует как «хасида». Эпштейн пишет одновременно о тексте Мандельштама и Пастернака: «Речь отчуждена от языка — словно бы проступает в ней другой язык, подлежащий многозначной, хитроумной расшифровке. Чтобы разгадать эту систему отсылки, переносов, аллюзий, сквозящую иным, еще не прочитанным текстом, каждый читатель поневоле становится **талмудистом** и каббалистом». Эпштейн указывает на принципиальную интертекстуальность дискурса Мандельштама, на его ориентацию на комментарий. Он говорит, что Мандельштам «...стал **величайшим талмудистом** именно на светском поприще, превратив поэзию в своеобразную **талмудическую дисциплину**, кропотливое и законопослушное истолкование знаков мировой культуры. Культура выступает как священная книга, требующая все новых добросовестных комментариев и расшифровок» [149]. О некоторых «талмудических» особенностях текста Мандельштама упоминает и Н. Поллак в монографии [133]. Л. Видгоф в статье «О “чертежнике пустыни” Мандельштама» подчеркивает совпадение некоторых представлений Мандельштама о «слове» с идеями Талмуда и книги *Zohar* [143, с. 412]. Однако, приводя подобные (безусловно, верные) общеидеологические характеристики, существенного конкретного анализа влияния «еврейского традиционного текста» на текст Мандельштама эти авторы не делают.

¹⁶² О. Ронен в статье «Осип Мандельштам» (1986) пишет о «древней толковательской деятельности – **талмудической традиции гетто, исподволь определившей отношение поэта** и к слову, и к вселенскому своду мировой поэзии», цит. по [2, с. 502]. Однако, *что* значит «исподволь» и *как* воздействовала «толковательская традиция» на отношение Мандельштама к слову, Ронен не говорит.

¹⁶³ С. Гехт в газетной критической статье («Вечерняя Москва», 16 марта 1933 г.) так высказался о «Путешествии в Армению»: «...ясность покинула последнюю прозу Мандельштама, в иных местах она **звучит каббалистически**. Выдрана арматура, скрепляющая бетон его художественного здания. <...> борются в нем поэт-современник и поэт-**книжник** [снова «традиционный» еврейский термин. – Л. Г.]». Вообще, Гехт был первый (если не считать высказывания Синани в школьном журнале), кто в печати эксплицитно обратил внимание на еврейские традиционные корни дискурса Мандельштама. Но следует отметить, что еще раньше Н. Берковский в замечательной критической работе «О прозе Мандельштама» (1929) описывает свойства текста Мандельштама так, что характеристика «талмудический» проступает между строк: «... Мандельштам с умыслом именуется вещи невпопад, **берет их “не той рукою”** [это выражение из «субботного» контекста – прямая аллюзия на еврейские традиционные корни! – Л. Г.], вместо “постижений” у Мандельштама остроумная словесная игра

ционный идиш-дискурс. Это выражается, прежде всего, в системном совпадении некоторых принципов «генерирования» текста. При этом Мандельштам «идеологически совпадает» с традиционными еврейскими авторами в своем отношении к концепту и реальности «Текста»¹⁶⁴.

7.3.2. Основные «идеологические» точки пересечения (совпадающие установки).

Рассмотрим подробнее точки совпадения «идеологии текста», установок, связанных с текстом, структуры текста: (а) у Мандельштама и (б) в той сложной культурно-цивилизационной системе, которую можно условно назвать «еврейской диаспоральной (постбиблейской, талмудической и т. п.) цивилизацией»¹⁶⁵.

Все нижеприводимые феномены «семантически ориентированы», т. е. непосредственно воздействуют на порождаемый «смысл текста» Мандельштама.

(а) Мир как текст.

Следует подчеркнуть, что характерное для еврейской «традиционной системы» отношение к миру как к единому тексту, отношение к порождению собственного текста (а также к чтению и интертекстуальной интерпретации читаемого текста) как к экзистенциально главному средству¹⁶⁶ познания мира, главному средству для ориентации в мире, для манипулирования

<...> из «широкого» факта готовится аббревиатура, стиснутый в малом пространстве отвар специфического. <...> Мандельштам работает в литературе, как на монетном дворе. Он подходит к грудам вещей и дает им в словах «денежный эквивалент», приводит материальные ценности, громоздкие, занимающие площадь, к удобной монетной аббревиатуре», цит. по [167, с. 155 и далее].

¹⁶⁴ См. к этому, в частности, Главу 8.

¹⁶⁵ В монографии [200] в двух первых главах аргументируется, что Мандельштам экзистенциально является неким «фокусом» основных установок (матриц) «еврейской цивилизации». В частности (но эта частность крайне важна), это проявляется в его отношениях с «Текстом».

¹⁶⁶ При этом самому «надежному» средству. Ср. высказывание Мандельштама о книге в тексте «Вокруг натуралистов»: «Из всего материального, из всех физических тел книга – предмет, внушающий человеку наибольшее доверие».

окружающим миром¹⁶⁷, и даже для управления собственным поведением¹⁶⁸, – в высшей степени характерная черта личности Мандельштама¹⁶⁹.

Е. Таборисская в работе 1990 г. определила это явление так: «...у Мандельштама – первенство словесного образа, подчиняющего себе реальные явления и их пропорции» [71, с. 518]. Сравним близкое по смыслу высказывание М. Бубера¹⁷⁰: «у евреев недостаточно развито отношение к бытию».

Интересно видеть, как Мандельштам пытается соединить это свое традиционно «иудаистическое» восприятие мира как текста, исходящего из одной точки, с новейшими (для начала 1930-х гг.) идеями физики:

«**Окончательное** дотошное описание материи упирается в световой эффект... Идеальное описание [материи] свелось бы к **одной-единственной пан-фразе**, в которой сказалось бы **все бытие**»¹⁷¹.

Ср. внедряемое еврейской традицией представление о происхождении всего мира из буквы **א** (*бет*) – первой буквы текста книги **Бытия** (*Берешит*), из которой «выходит» бегущая спра-

¹⁶⁷ Ср. присутствующее в еврейской мистической традиции (*каббале*) стремление к *тиккун ha'олам* (совершенствованию мира) с помощью языка, т. е. посредством управления аппаратом порождения текста. Вот соответствующее вполне «каббалистическое» высказывание Мандельштама – в Воронеже в разговоре с С. Рудаковым: «Подлинная поэзия **перестраивает жизнь**, и ее бояться», цит. по [210, с. 68].

¹⁶⁸ Например, **главная** акция в ситуации «измены жене» для Мандельштама – это создание **текста**, обращенного к другой женщине. Н. Мандельштам пишет в своих мемуарах: «...он [Мандельштам] болезненно переживал всякое стихотворение, обращенное к другой женщине, считая их несравненно большей изменой, чем все другое» [159, с. 152]. Губительная ситуация «измены родине», актуализированная в СССР к началу 1930-х гг., точно так же связывается у Мандельштама, прежде всего, с чтением (губами) или созданием **текстов** на «чужих наречиях»: «не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть», «получишь уксусную губку ты для изменнических губ», «себя губя... мне хочется уйти из нашей речи» и т. п. Отчасти – это преломление у Мандельштама традиционной русской «цивилизационной» установки на подозрительное отношение к текстам на «чужих наречиях».

¹⁶⁹ Как и всей диаспоральной «еврейской цивилизации», см. монографию [200], п. 1.1, 1.5.0 и 1.5.1.

¹⁷⁰ Известный еврейский философ первой половины XX века.

¹⁷¹ <Вокруг «Путешествия в Армению»> (1931–32).

ва налево строка («пан-фраза!»), описывающая «все бытие». В стих. «К немецкой речи» (1932) Мандельштам вводит образ этой строки: он пишет, акцентируя графему и звук Б: «Я **бук**-вой был, был виноградной **строчкой**, я **книгой** [Buch] был...».

Еще раз отметим, что текст книги Бытия в этой системе представлений, есть текст, «описывающий мир» и при этом сам являющийся этим миром (Текст = Мир). Тем самым, это есть автореферентный перформативный текст *par excellence*. В то же время, этот текст воспринимается как архетип еврейского традиционного текста и, тем самым, программирует повышенную перформативность всех такого рода текстов.

Эта традиционная система отношений Мир \leftrightarrow Текст мощно резонировала с «внутренними» представлениями Мандельштама, что нашло выражение в его собственной установке на текстуальную перформативность. Несколько подробнее об этом см. ниже в п. 7.3.2 (м).

(б) Принципиальная метафоричность. Использование метафоры как способа изучения «Мира-Текста».

Разумеется, любой поэт в той или иной степени является генератором метафор¹⁷². Но в случае Мандельштама это осознанно и принципиально делается «главной установкой» при попытках осознать происходящее в мире и при порождении любого (не только стихотворного) текста¹⁷³.

В программном тексте «Нашедший подкову» (1923) Мандельштам пишет: «Воздух дрожит от сравнений... Земля гудит метафорой».

¹⁷² При этом литераторы определенного склада как бы «не ориентированы» на метафору. Вот что писал Б. Эйхенбаум в работе 1922/23 г. о поэтике Ахматовой: «Недаром Ахматова **избегает** метафор – они уведат нас от слова к представлению и тем самым нарушают равновесие, делаая стих ненужным. Развитие метафоры неизменно разлагает стих как таковой и приводит его к прозе» [191, с. 109].

¹⁷³ Б. Успенский в статье «Анатомия метафоры у Мандельштама» пишет: «метафора Мандельштама выступает как средство филологического познания мира» [102, с. 330]. Сам Мандельштам пишет в РД, что поэзия не пересказывает и не «отображает» природу, но «**разыгрыва[ет]** природу при помощи орудийных средств...».

В набросках к РД (1933) Мандельштам подчеркивает, что эта установка имеет для него важнейшее, экзистенциальное значение:

«Я сравниваю, значит я живу – мог бы сказать Дант. Он был Декартом метафоры. Ибо для нашего сознания (а где взять другое?) только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть – сравнение»¹⁷⁴.

Это полностью накладывается на соответствующую «метафоризирующую» установку еврейского «традиционного» дискурса¹⁷⁵ – как «талмудического»¹⁷⁶, так и идиш-дискурса¹⁷⁷. См. ниже «технику порождения метафоры» в п. 7.3.3 о «технике мидраша».

Несколько заостряя, можно сформулировать нечто вроде «мета-метафоры»: **метафорика Мандельштама – это мидраш на свой собственный текст, «авто-мидраш»**¹⁷⁸.

(в) Установка на интертекстуальность.

Очевидную (отмеченную многими исследователями) резкую ориентацию Мандельштама на интертекстуальность следует, по-видимому, рассматривать как частное проявление общей «еврейской матрицы медиативности» в жизненном поведении Мандельштама¹⁷⁹.

Характерную для Мандельштама полифонию текста («семантический контрапункт», «расщепленное сознание» генера-

¹⁷⁴ <Вокруг «Разговора о Данте»> (1933) [72, т. 3, с. 406].

¹⁷⁵ Эта установка имеет древние библейские корни, ср. в Библии: «через пророков говорю Я притчами» (Книга пророка Осии 12, 11). Т. е. Творец говорит «ситуационными подобиями», «ситуационными метафорами»: здесь в библейском тексте используется ивритский глагол *адамме* = 'делаю подобным, сравниваю'. Напомним пассаж Мандельштама в «Подкове»: «Воздух дрожит от сравнений... Земля гудит метафорой».

¹⁷⁶ Ср. одно из самых частотных «структурирующих» выражений «талмудического» дискурса: *le-ma ha-davar dome?* = «на что эта вещь (ситуация) **похожа?**».

¹⁷⁷ О гипертрофированной метафоричности идиш-дискурса см., например, книгу: *Wex M. Born to Kvetch*, N.Y., 2005.

¹⁷⁸ Яркая (к тому же, важная для наших рассматриваемых) иллюстрация – это аппарат иноязычных интерференций в М-тексте, см. Главу 5.

¹⁷⁹ См. [200], п. 2.1.3.

тора текста и т. п.) удобно рассматривать как частное проявление этой общей установки на интертекстуальность: связывание, склеивание множества текстов в один и т. д. Всё это совершенно рутинные свойства «традиционного» еврейского текста, от Талмуда до идиш-дискурса.

Одно из «практических» проявлений специфической гипертрофированной интертекстуальности у Мандельштама – это частотное цитирование различных авторов (разумеется, без указания авторства)¹⁸⁰. Мандельштам относится ко всему корпусу текстов мировой литературы как к «своему хозяйству»¹⁸¹.

О. Ронен в упоминавшейся статье «Осип Мандельштам» (1986) пишет об этом: «Боги – предмет его размышлений – оказываются сродни домашним божкам, **поэтам прошлых эпох**, которых “позволено” ввести в собственные стихи следующим уникальным способом: посредством **превращения цитаты в чисто поэтический прием**, в нечто вроде дистанцированной рифмы»¹⁸².

Это можно сравнить – и сравнение будет совершенно не случайным – с известным «хозяйственным» отношением Баха к ми-

¹⁸⁰ Н. Мандельштам вспоминает: «Он [М] сам говорил, что “подражает” всем, даже Бенедикту Лившицу» [159, с. 198]. В статье «Слово и культура» Мандельштам пишет: «глубокая радость повторения охватывает его [поэта], «поэт не боится повторений» [II, с. 170]. Следует отметить, что в этом намеренном «понижении профиля» автора и в «радости повторения» (это буквально *иудаистическое* выражение: «радость Мишны», ивр. *мишна* = ‘повторение’) – одна из основных точек сближения Мандельштама и еврейской текстуальной традиции.

¹⁸¹ Ср. высказывание А. Калецкого, воронежского знакомого Мандельштама о нем в письме 1935 г.: «Очень умный, путаный человечек <...>, говорящий **о стихах, как о своем хозяйстве**», цит. по [210, с. 41]. Не случайно даже С. Рудаков, маленький воронежский Сальери, всерьез встревожен тем, что Мандельштам может присвоить какие-то его, рудаковские, поэтические образы, строки и т. п. [там же, с. 55]. Он же описывает в более позднем письме совместное с Мандельштамом чтение Данта и то, как Мандельштам приватизирует текст Данта: «Главное же – близость его “толкования” его стихам. Это похоже в филологическом смысле на отсебятину, но очень своеобразную, глубочайшую – если понять, присмотреться» [там же, с. 133].

¹⁸² Цит. по [2, с. 512]. Ронен далее цитирует известную «программную» строфу из стих. «Есть целомудренные чары...» (1909): «Иных богов не надо славить: // Они как равные с тобой! // И, осторожную рукой, // Позволено их переставить».

ровой музыке. Но у Мандельштама идеологический «корень» обсуждаемого феномена – в специфике отношения еврейской «текстуальной традиции» к авторству.

Процитируем (с указанием авторства!) высказывание об этом феномене современного исследователя традиционных еврейских текстов: «...здесь¹⁸³ правило “не забудь указать на источник информации” соблюдалось куда менее строго. **Современного понятия авторского права** тогда не существовало, и знаток Торы, услышавший от своего коллеги интересный комментарий, красивую притчу или хлесткую поговорку, мог повторять их, когда выдавался подходящий случай, не считая нужным сообщать, из чьих рук он все это получил или извиняться за “плагиат”. По словам мудрецов Талмуда, Тора была дана еврейскому народу в пустыне: как пустыня – “ничейная земля”, так и Тора не имеет определенного владельца – она принадлежит каждому, кто хочет ее изучать»¹⁸⁴.

Все это как будто написано о Мандельштаме¹⁸⁵, только Тора для него – это мировое пространство Текста, что-то вроде «мирового текстуального хронотопа»¹⁸⁶, что опять же вполне хорошо коррелирует с еврейским традиционным мировоззрением, см. пункт (а).

¹⁸³ Имеется в виду Агада – часть Талмуда.

¹⁸⁴ Шинан А. Мир аггадической литературы. Иерусалим, 1990. С. 168.

¹⁸⁵ Который уже в раннем стихотворении сказал: «Я забыл ненужное “я”» («Отчего душа так певуча», 1911).

¹⁸⁶ В особенности чудовищным, с точки зрения европейски образованных «блюстителей авторских прав», выглядело «свободное» отношение Мандельштама к этим правам в переводческой сфере. В статье «О переводах» (1929) Мандельштам даже подводит нечто вроде идеологической базы под «не совсем корректное» обращение с чужим текстом. Он призывает переводчиков: «Никто нам не мешает **бороться** [! – Л. Г.] с автором самой книги, как это делают с кадрами в кино: автор примечаний **вгрызается** в текст, становится **участником** действия <...>. Откуда такая робость, товарищи? Раз мы взяли книгу в работу, то можем **повернуть ее** так, как нам потребуется». Именно в этой традиционной «еврейской» идеологии свободы манипулирования «чужим» текстом – глубинная причина претензий к Мандельштаму со стороны А. Г. Горнфельда, чьи «авторско-финансовые» права и чувства были жестоко задеты Мандельштамом в ситуации с переводом «Уленшпигеля». Для респектабельного русского (независимо от своего этнического происхождения) интеллигента Горнфельда вся эта традиционная еврейская «интертекстуальность» Мандельштама являлась сплошным безобразием и хулиганством.

(г) Комментарий для Мандельштама важнее комментируемого.

Вот характерное для этого контекста высказывание Мандельштама в ЕМ: «Уничтожайте рукопись, но сохраняйте то, что вы начертали сбоку...». Это высказывание «оксюморонно», потому что, в понимании Мандельштама (и в соответствии с традиционной установкой «еврейской цивилизации») ¹⁸⁷, маргиналии способствуют **сохранению** ядерного текста ¹⁸⁸.

Фактически об этом же Мандельштам говорит в «Разговоре о Данте»: «...сохранность черновика – закон сохранения энергетики произведения». Ср. еще высказывание Мандельштама в РД о тексте Данте (и, конечно, свой собственный): «...комментарий (разъяснительный) – неотъемлемая структурная часть самой “Комедии”».

(д) Установка на «информативность» текста, на «инновацию», на повышенную плотность информации в М-тексте. Массовость и рутинность «сверток» и сокращений в М-текстах.

Установка на постоянную модификацию, на «контролируемое обновление» «супертекста Мира» соответствует психологической установке еврейской традиции на постоянный и повсеместный (т. е. «хронотопический») *хиддуш* ¹⁸⁹. Установка еврейской традиции на «инновацию» ранее рассматривалась исследователями ¹⁹⁰.

Крайне существенная точка совпадения мандельштамовской и «талмудической» техник свертывания – это **виртуальная включенность в каждую свертку локального алгоритма развертывания**, другими словами, локального алгоритма динамического порождения текста. В этом смысле и М-текст и

¹⁸⁷ См. подробнее в монографии [200], п. 1.5.2.

¹⁸⁸ Об этом писала Н. Поллак: «The present port's work is just such a marginal commentary to the work of the past and what is written in the margins preserves what lies in the center» [133, с. 9].

¹⁸⁹ ивр. = 'обновление, новизна, инновация'.

¹⁹⁰ См. напр. [160]. См. также в монографии [200], п. 6.5.10 высказывания о тексте Мандельштама критика Н. Берковского и др. О соответствующем частотном феномене в традиционных еврейских текстах см. там же, п. 1.5.3.

еврейский традиционный текст представляют собой динамическую систему *par excellence*, в которой, по формулировке Ю. Лотмана, «текст есть не реализация некоторого языка, а **генератор языков**»¹⁹¹.

Наиболее частотный для Манделъштама способ создания сверток – это **ресемантизация** (полисемантизация) слова в тексте, т. е. намеренная «загрузка» его различными, часто изначально не связанными, смыслами.

Например, полисемантизация через межъязыковую омофонию, когда «блуд» означает одновременно и ‘блуд’ и ‘кровь’ (Blut) и т. п.

Сюда же можно отнести технику «ресемантизации ситуации» с помощью замены «общепринятой» в данной текстуальной ситуации лексемы (например, предиката) на «нестандартную». Это можно назвать техникой «взятия не той рукой», впервые отмеченной у Манделъштама Н. Берковским¹⁹².

Пример¹⁹³. В стих. «Золотистого меда струя из бутылки текла» в контексте Пенелопы вместо «нормального» «ткала» (рядом стоит «прялка») употребляется неожиданное «вышивала», что резко меняет картинку ситуации (точнее, меняет ее семантический спектр).

Еще один способ полисемантизации – это разрушение конвенционального синтаксиса, позволяющее сокращать целый ряд связок, соединителей, разделителей и т. п., платя за это повышенной «криптограммностью» текста.

Одновременно все это – традиционные техники еврейского *мидраша*. Напомним характерную для еврейского традиционного дискурса «языковую» идиш-поговорку, описывающую это явление: *a kluger farsteyt fun eyn vort tsvey*, ‘умный понимает (создает в своем восприятии) из одного слова – два’ [58, с. 17].

¹⁹¹ См. к этому [209, с. 104] и начало нашей Главы 6.

¹⁹² В статье 1929 г., см. [167].

¹⁹³ Этот пример рассматривается Ю. Левиным в [187, с. 81].

(е) Принципиальная «нелинейность, многомерность» текста Мандельштама.

М-текст «плотно» пронизан ссылками и аллюзиями¹⁹⁴ на другие тексты и на себя самого.

Как и в случае традиционного еврейского текста, полная «развертка» текста Мандельштама принципиальным образом представляет собой не линейную, но многомерную структуру – «мало в нем было **линейного**...».

Это свойство М-текста хорошо иллюстрируется, например, следующим поразительным «нелинейным» феноменом «строчечного письма»: во многих стихах Мандельштама ряд строк можно переставить без заметного разрыва семантической ткани.

Вот пассаж в РД (гл. I), иллюстрирующий **многомерное восприятие** Мандельштамом текста: «поэтическая речь есть ковровая ткань, имеющая множество текстильных основ, отличающихся друг от друга только **в исполнительской окраске**... Она прочнейший **ковер**, сотканный из влаги, – ковер, в котором струи... не смешиваются..., но пребывают разноцветны – в жгутах, фигурах, орнаментах, но только не в узорах, ибо узор есть тот же пересказ. ... Орнамент строфичен, узор строчковат».

Тем самым, текст для Мандельштама – это «многомерный» орнамент, это (как в телевизоре) развертка, динамически создающая из линейного «строчковатого» ряда бегущего луча иллюзию плоскостного «строфического» изображения.

Важно, что эта же телевизионная метафорика относительно адекватно описывает и динамическую структуру страницы Талмуда: развертка одномерного сканирующего текст луча на двумерную (многомерную) плоскость с помощью **интертекста**.

Еще пассаж из РД (гл. 2): «...композиция¹⁹⁵ складывается не в результате накопления¹⁹⁶ частных деталей, а вследствие того, что одна за другой деталь отрывается от вещи, уходит от нее, выпархивает, отщепляется от системы, уходит в свое функциональное пространство, или **измерение**, но каждый раз в строго

¹⁹⁴ Часто межъязыковыми, см. Главу 5.

¹⁹⁵ Т. е. **структура** текста – Данте и своего собственного.

¹⁹⁶ Т. е. «линейного» процесса нанизывания деталей.

узаконенный срок и при условии достаточно зрелой для этого и единственной ситуации».

Этот же процесс спонтанного, «нелинейного» роста своего текста Мандельштам описывает в 5-й главке ЧП: «Дошло до того, что в ремесле словесном я ценю только дикое мясо, только сумасшедший нарост».

Сравним это с высказыванием современного исследователя об Агаде¹⁹⁷: «В Агаде же на такое четкое направление развития указать нельзя, в ней скорее имеет место спонтанный рост, не подчиненный каким-либо определенным правилам. Правила эти не всегда удается выявить даже внутри конкретной агадической темы... Почти никогда мы не встретим в Агаде сложной, создававшейся десятилетиями, а то и столетиями структуры...»¹⁹⁸.

(ж) Повышенная коммуникативность М-текста. «Диалогичность → полилогичность» текста Мандельштама.

Просматривается установка М-текста на повышенную коммуникативность¹⁹⁹. Этот феномен очень хорошо соответствует известной установке талмудического текста на коммуникацию.

Важным частным проявлением этого феномена является установка на «диалог» текста (т. е. читаемого) с читателем, на «соучастие» читателя в процессе формирования «читаемого».

Этот феномен²⁰⁰, который можно рассматривать как проявление общей полифоничности (см. пункт про общую интертекстуальность), относится как к собственным текстам Мандельштама («Читателя! советчика! врача! На лестнице колючей разговора б!»)²⁰¹, так и к его восприятию «чужих» текстов. В «Путешествии в Армению» Мандельштам пишет о «физиологии чтения», явно подразумевая установку на активное «соучастие»: «Книга, ут-

¹⁹⁷ Агада – часть Мидраша и, вообще, еврейского «традиционного» текста, во многих отношениях «близкая» дискурсу Мандельштама.

¹⁹⁸ Шинан А. Мир агадической литературы. Иерусалим, 1990. С. 172.

¹⁹⁹ Этот феномен впервые изучался Ю. Левиным в работах 70-х гг. См. напр. [71, с. 412–413].

²⁰⁰ Полностью совпадающий с одной из установок «традиционного» еврейского дискурса, см. [200], п. 1.5.5.

²⁰¹ «Куда мне деться в этом январе» (Воронеж, 1937). Ср. еще в очерке «Яхонтов» (1927): «... живой читатель, **равноправный** с автором, **спорящий** с ним, **несогласный**, борющийся».

вержденная на читательском пюпитре, уподобляется холсту, натянутому на подрамник»²⁰².

Более того, можно утверждать, что в случае Мандельштама имеет место²⁰³ оксюморонная ситуация активного взаимодействия (диалога) автора, «генератора текста», с «генерируемым текстом»: порождаемый «автором» текст «воздействует» на автора, изменяет его, «строит» его²⁰⁴. Это полностью соответствует отношениям «генератора» с «генерируемым» текстом в еврейской традиции.

(з) Связанный с установкой на полилог феномен осознанной и подчеркнутой ориентации Мандельштама на устный дискурс, на аудиальность²⁰⁵ в противопоставлении с визуальностью:

«У меня нет рукописей, нет записных книжек, нет архива. У меня нет почерка, потому что я никогда не пишу. Я один в России работаю с голоса...»²⁰⁶;

«Мы только с голоса пойдем...» («Грифельная ода»);

«певица... **окидывает голосом** [вместо «окидывает взглядом!» – Л. Г.] географическую карту, меряет океан его металлическим тембром, проверяет неопытный пульс машин пироскафа руладами и тремоло» («Египетская марка»);

«...теплый свет, излучаемый **устным поучением**, ясная дидактика дружеской беседы намного превосходит вразумляющее и поучающее действие книг»²⁰⁷.

²⁰² ПА. Этот смысл отметила в своей монографии Н. Поллак: «The comparison of the reader to the painter suggests the reader's active role in determining what is read. This reader is another hypostasis of the poet who proceeds by quotation; his relation to the poet is like the poet's relation to the voices of the past» [133, с. 5].

²⁰³ В полном соответствии с системой установок «еврейской цивилизации», см. [200], п. 1.5.5.

²⁰⁴ В. Топоров рассматривает эту ситуацию для случая Мандельштама в работе «О «психофизиологическом» компоненте поэзии Мандельштама» [98, с. 428–445].

²⁰⁵ Установка на аудиальность связана, как мне представляется, с установками на повышенную «ассоциативность», «перформативность» и «манипулятивность» М-текста, см. п. 7.3.2 (а) и 7.3.2 (м). Этот феномен требует отдельного рассмотрения, в частности, методами «когнитивистской психологии». В глубине же он связан с характерной для ЕЦ установкой на аудиальность, см. ниже.

²⁰⁶ «Четвертая проза», гл. 6.

²⁰⁷ ПА, гл. «Москва».

Еврейская «талмудическая» традиция «устного поучения» (изучения т. н. «Устной Торы») и традиционный идиш-дискурс точно так же ориентированы, скорее, на полилогическое «одно-временное говорение» (синхронные вопросы и ответы)²⁰⁸, чем на «письмо», несмотря на канонический текст Библии и на массу текстов, которые евреи за 2000 лет написали.

Это является, кроме прочего, проявлением «фольклорности» постбиблейской еврейской цивилизации, ее изначальной ориентации на живую речь, на воспроизведение текстов по памяти. В Вавилонском Талмуде (тр. Гиттин) встречаются запреты на письменную фиксацию текстов «устной традиции». Иерусалимский Талмуд (тр. Шаббат) предостерегает, что «всякий, кто записывает Аггаду, лишается доли в будущем мире».

Эта, условно выражаясь, «устная, фольклорная» составляющая присутствовала (и с течением времени усиливалась) у Мандельштама²⁰⁹.

(и) Установка Мандельштама на «мультилингвистичность» дискурса, на «межъязыковую интерференцию», на игру разноразличных смыслов в высказывании.

²⁰⁸ Об известной структуре талмудических рассуждений, построенных на вопросах (часто эллиптических) и ответах, см., например, известную работу Н. Переферковича «Талмуд: его история и содержание», п. 60. Ср. также высказывание р. Штайнзальца, крупнейшего современного знатока Талмуда: «... во всех талмудических дебатах главную роль играет вопрошающее сомнение. В определенном смысле, весь Талмуд построен как вопросы и ответы, и даже там, где вопрос не поставлен прямо, он составляет скрытый фон любого утверждения... Не случайно Талмуд содержит так много вопросительных слов... Талмуд различает тончайшие оттенки вопросов... Любой вопрос разрешен и желателен, и чем больше вопросов, тем лучше. Сомневаться не только разрешается, но считается необходимым. На этом построен сам Талмуд, на этом же построено и его изучение. ... Талмуд, возможно, единственная священная книга во всей мировой культуре, которая разрешает и даже призывает сомневаться в **любом** своем утверждении» [185, с. 12–13]. Ср. также высказывание Мандельштама об идиш-дискурсе: «...потом я наслушался этой [идиш] певучей, **всегда удивленной** и разочарованной, **вопросительной речи** с резкими ударениями на полтонах» (ШВ, глава «Хаос иудейский»). Нельзя не вспомнить здесь и диалог «двух евреев» в конце мандельштамовской «Четвертой прозы», один из которых **все спрашивает** и спрашивает», а другой «все крутит и крутит».

²⁰⁹ См. об этом еще в Приложении 2.

Об этом говорится в Главе 5, масса примеров собрана в Приложении 1. Этот феномен полностью соответствует еврейской талмудической текстуальной традиции и традиционному идиш-дискурсу.

Вот характерный пример хасидской притчи, пересказываемой Бубером. В этой притче еврейский духовный лидер Бааль-Шем-Тов разъясняет ученикам кажущееся им невероятным сообщение Талмуда: «Пришел Гавриил и научил Иосифа семи-десяти языкам»:

«Начал Бааль-Шем-Тов произносить поучение, но оно, казалось, совсем не имело отношения к вопросу <...>. И тут случилась удивительная вещь, какой никто не слыхивал. Внимая словам учителя, ударил рабби Гершон из Полонного по столу²¹⁰ и воскликнул: “Турецкий!”, а через некоторое время: “Татарский!”, а еще мгновенье спустя: “Греческий!”, и так называл язык за языком. Постепенно его товарищи поняли: в словах поучения, говоривших, казалось бы, совсем о других вещах, он услышал и узнал исток и суть каждого языка...»²¹¹.

Рабби Гершон в этом рассказе слышит чужую речь в идиш-речи, и это вполне «рабочий» принцип еврейской традиции – слышать и «узнавать» чужую речь в **своем родном** дискурсе и таким путем слышать и понимать больше.

Макс Вайнрайх в своей классической «Истории идиша» с удивлением отмечает **системную** ориентацию носителей идиша на мгновенный анализ диафоном, на мгновенную **перекодировку** из одного диалекта в другой, т. е. на одновременное слышание в своем диалекте чужого диалекта. Вайнрайх пишет: «Surprisingly not only the linguist is adept at this, a certain awareness of systems exists also among the naïve Y speakers»²¹².

(к) Повышенная частотность и даже рутинность «игры слов», ориентация на полисемантическую отдельных слов, сочетаний и целых блоков текста Мандельштама.

Многочисленные примеры см. в Приложении. Интересно свидетельство С. Рудакова (в письме 1935 г.) о постоянном при-

²¹⁰ аha-effect в гештальтпсихологии!

²¹¹ Бубер М. Хасидские рассказы [69, с. 103].

²¹² См. [78, с. 16].

сутствии «игры слов» в речи Мандельштама, которое Рудакова раздражает: «Он [т. е. Мандельштам в разговоре о Хлебникове. – Л. Г.] снова залился звонким лаем. Я говорю: “Так говорить о стихах *не полагается*”. Он: “Стихи вообще *положены* быть не должны, они должны жить” (это **любимый его, звуковой – не всегда даже корневой – путь афоризации**)»²¹³.

По-видимому, такую же «афоризацию» = «игру слов» у Мандельштама неодобрительно отмечает П. Калецкий в письме из Воронежа (1935): «Иной раз его замечание – это чистый клад, над которым надо сидеть и сидеть, иной раз **остроумный афоризм**, которым прикрывается все же бессодержательность»²¹⁴.

Еще один пример подобной «игры» в устном дискурсе Мандельштама просвечивает в том месте мемуаров Н. Мандельштам, где она передает разговор о недавно написанном (февраль 1937) стихотворении «Еще он помнит башмаков износ...»: «“Ты и в **Тифлис** съездил”, – сказала я, вспомнив стихи о Тифлисе. “Вынужденное путешествие, – ответил О.М. – Туда меня затащила **нечистая сила**”»²¹⁵. Н. Мандельштам не отмечает (или не замечает) достаточно прозрачную «фоническую игру» в шутовском ответе Мандельштама: ТИФЛИС → (пар.) Teufel ‘нем. сатана’ → НЕЧИСТАЯ СИЛА.

Что касается еврейской традиции, то т. н. «игра слов» является **крайне характерной**, сразу бросающейся в глаза, чертой галмудических текстов и идиш-дискурса. Об этом феномене замечательно сказал М. Wex в своей книге об идише и «идишистской цивилизации»: «... half the religion is based on puns, and people wonder why Jews are so funny»²¹⁶.

Еврейские анекдоты, поговорки в значительной степени построены на каламбурах и игре слов. Пуризмшипи частотным образом «продуцируют» комизм из игры слов²¹⁷.

²¹³ Цит. по [210, с. 142].

²¹⁴ Письмо П. Калецкого от 17 января 1935 г. цит. по [196, с. 72]. Интересно, что Калецкий употребляет для неодобрительной характеристики рассматриваемой особенности дискурса Мандельштама то же слово «афоризм → афоризация», что и Рудаков, и это совершенно не случайно.

²¹⁵ [9, с. 192].

²¹⁶ Wex M. Born to Kvetch. N. Y., 2006. С. 82.

²¹⁷ Часто из «межъязыковой» игры слов (напр. иврит ↔ идиш). См. об этом, напр.: Davidson I. The History of Purim Parody // The Purim Anthology / Ed. by P. Goodman. Philadelphia, 1973. С. 330–355.

Но гораздо интереснее здесь, что такой, казалось бы, принципиально сухой, совсем не склонный к шуткам и карнавальности, технический **цивилизационный** текст, как *Киццур Шульхан-Арух* р. Ш. Ганцфрида использует «игру слов» не как «игру», а как вполне рутинный инструмент для передачи информации.

Уже в первой главе этого «технического» текста читаем, например, рекомендацию к тематике занятий после полуночи: «Лучше всего изучение порции Мишны, и этим приобретаешь душу, т. к. буквенный²¹⁸ состав слов *мишна* и *нешама* [душа] одинаков»²¹⁹.

(л) Частотность синтаксических нарушений.

В текстах Мандельштама наблюдается усиливающаяся ориентация на разрушение, «выворачивание» стандартного синтаксиса, даже на полный «отказ» от синтаксиса. Характерные высказывания Мандельштама в РД²²⁰:

«Нет синтаксиса – есть намагниченный порыв...», «...нас путает синтаксис. Все именительные падежи следует заменить указующими направлением дательными. <...> Здесь все вывернуто: существительное является целью, а не подлежащим фразы».

Вот простейший пример намеренного разрушения синтаксиса у Мандельштама: в стихотворении «Адмиралтейство» (1913) в строфе «Ладья воздушная и мачта-недотрога, // Служа линейкою преемникам Петра, // Он учит: красота – не прихоть полубога...» – полное синтаксическое рассогласование всех трех строк²²¹. Среди синтаксических «нарушений» в текстах Мандельштама (в особенности, в 1930-х гг.) исследователи отмечают частотное несогласование грамматического времени в глаголах²²².

²¹⁸ И, главное, **консонантный** состав.

²¹⁹ [137, с. 9].

²²⁰ Про текст Данте и, как обычно, про свой собственный текст.

²²¹ Этот пример приводится в [142, с. 444] Л. Пановой, которая считает, что «десинтаксизация» здесь служит для «синхронизации Петра Великого, его пре-емников и нас, живущих сейчас».

²²² Л. Панова отмечает у Мандельштама «безразличие к тому, каким временем обозначить действие». Она называет его «аграмматическим поэтом» [142, с. 475–476]. Эта характеристика (совершенно не случайно) отсылает к смешному, на первый взгляд, высказыванию И. Бабеля, в большей степени, чем Мандельштам, подвергнувшегося в юности воздействию традиционного еврейского

Статья «пяти авторов» очень точно описывает феномен «разрушенного синтаксиса» у Мандельштама: «Существенным фактором создания [семантической] неопределенности является расшатывание [в тексте Мандельштама] обычного “прозаического” синтаксиса. Отдельные элементы изолируются, появляется отчетливая тенденция к повышению удельного веса односоставных предложений без “нормальной” предикативной связи. Часто встречаются случаи, когда не ясна синтаксическая соотнесенность сегментов или сегменты являются синтаксически незаконченными. В том же направлении действует и “немотивированное” употребление союзов: так, *и* употребляется при отсутствии семантической общности в объединяемых сегментах, *но* – при отсутствии противопоставления и т. п. Сказанное распространяется и на “макросинтаксис” – на синтаксическую организацию текста как целого <...> в силу преобладания нефабульных принципов организации, логические и реальные связи ослаблены, их место занимают, прежде всего, семантические связи»²²³.

Отметим, что этот пассаж написан так, как если бы «пять авторов» анализировали текст Талмуда, для которого разрушение синтаксиса крайне характерно²²⁴. Дело не в том, что «традиционные» еврейские тексты намеренно нарушают «обычный» синтаксис. Они как бы пренебрегают им, он для них не очень существен. Это проявляется как на уровне синтаксиса предложения, так и на уровне блоков текста (сегментная незавершенность).

Проще выражаясь, если в таком тексте встречается нечто вроде: «сказал рабби А сказал рабби Б казнить нельзя помиловать», то здесь нет никаких намеренных шифровок или искажений, а есть ряд «сверток», «встроенных» аллюзий и «ассоциативных отсылок» на определенные места «единого супертекста», которые предполагаются известными читателю, и эта система «исправления синтаксических нарушений»²²⁵ реконструирует для читателя «правильный» синтаксис исходной фразы в том виде, в каком он ему нужен в данный момент.

дискурса: «В Одессе я освобождаюсь от уз грамматики. Мне хочется подойти к киоску и произнести: “Налейте мне стакан водá”» (мемуары С. Липкина).

²²³ [82, с. 296].

²²⁴ См. к этому монографию [200], п. 1.5.8.

²²⁵ В частности, развертывания синтаксических «сверток».

(м) Отдельно рассмотрим соотношение хронотопов М-текста и Талмуда.

Приведем относящиеся сюда наблюдения Ю. Левина: «Если, следуя Женетту²²⁶, различать в повествовании позиции “наблюдателя” (Н) и “говорящего” (Г) и рассматривать их пространственно-временное отношение к “событию”, то для поздней лирики Мандельштама наиболее характерен случай как “личностного”, так и пространственно-временного совпадения Н и Г (в отличие, например, от Ахматовой, тяготеющей к ретроспективному повествованию и временному отделению Г от Н), причем этот Н-Г локализован и темпорализован внутри события, – тип “репортажа участника” (характерный пример – “Стихи о неизвестном солдате” с их сочетанием апокалиптичности и репортажности). Крайним частным случаем является перформативный текст, когда стихотворение само является тем актом, который оно выражает (автореферентность). Такие тексты максимально ситуативны, особенно глубоко укоренены в действительности, в них Н и Г слиты до неразличимости, поскольку “повествование” здесь само является “событием”.

Многие стихи позднего Мандельштама тяготеют к перформативности, что проявляется, в частности, в употреблении конструкций типа “Я скажу это начерно, шепотом...”, “Я скажу тебе с последней прямокой...”, “Я шепчу обескровленным ртом...”, за которыми следует “говоримый” текст (означаемое таких конструкций – сам факт говорения здесь и теперь, т. е. совпадает с означающим)»²²⁷.

В точности та же специфика («репортаж участника» → перформативность) имеет место и в хронотопе талмудического текста²²⁸.

7.3.3. Семантическая техника «(талмудического) мидраша» у Мандельштама.

«Мидраш»²²⁹, или «талмудический мидраш» – это «рекурсивный» способ порождения текста, состоящий в том, что не-

²²⁶ Genette G. Figures III. Paris, 1972.

²²⁷ См. [71, с. 412–413].

²²⁸ См. еще к этому Приложение 2.

²²⁹ мидраш = ивр. ‘изучение, исследование’.

который «исходный» текст (например, фрагмент оригинального текста Библии) рассматривается подряд: каждый последующий элемент интерпретируется при помощи стандартных толковательных приемов и/или каких-то «внешних» ассоциаций и соображений, использующих уже **порожденный** до этого текст. Далее к этому элементу текста «присоединяются» все релевантные выводы и толкования, которые были сделаны – они используются для работы со следующим элементом «ядерного» текста и т. д. Легко видеть, что получается «рекурсивное дерево мидраша».

Этот процесс полностью совпадает с процессом «рекурсивного порождения» М-текста²³⁰. Другими словами, **отношение Мандельштама к процессу порождения текста в значительной степени совпадает с текстуальной идеологией и установками авторов мидраша.**

Но еще более интересно совпадение ряда технических приемов.

Рассмотрим важнейшие техники порождения текста, совпадающие в мидраше и у Мандельштама:

(а) гезера-шава в Талмуде и «семантическая непрерывность» у Мандельштама.

Гезера-шава («равное решение») – «Принцип талмудической аналогии», толковательный прием, введенный Гиллелем и вошедший в канонические «13 приемов Измаила». Его суть в «связывании» двух отрезков текста, законов и т. д. на основании совпадения некоторого признака. Если два закона близки по формулировке – например, используют одно и то же выражение (группу слов), то они близки (аналогичны) и по смыслу, т. е. неясность в первом можно устранить с помощью второго.

Важным частным случаем принципа талмудической аналогии является принцип **hekkeh** («столкновение»): **если два слова встречаются рядом в «однородной ситуации»²³¹, то в другой ситуации «применимое» к одному «применимо» и к другому.**

²³⁰ См. подробно в Главе 6, п. 6.1.

²³¹ И тем самым, хотя и не совпадают, но сильно связаны неким «общим смыслом» → ситуация типа «квази-гезера-шава».

Например, слова «утро» и «вечер» встречаются рядом как однородные члены предложения («утром..., вечером...»). Поэтому талмудический трактат Берахот, используя принцип *hekkeh*, получает: «как утром за чтением Шема следует молитва, так и вечером за чтением Шема должна следовать молитва; р. Иисус сын Леви строит иную аналогию: как утром чтение Шема ближе ко сну, так и вечером оно должно быть ближе ко сну»²³².

Используя необходимую здесь математическую метафорику, можно сказать, что имеет место принцип «семантической непрерывности»²³³: семантики вербальных «окрестностей» «равных» выражений – с большой вероятностью равны (подобны).

Очень важно, что этот принцип – лишь **установка**, а не «автоматическое» правило, поэтому Талмуд изучает границы и условия применения приема *гезера-шава*. О неправильной (неадекватной) модели ситуации талмудисты говорят: «не похоже» (*эйн-доме*). Например: «Сказал рабби Йосе: “обсуждаемое” (постановление Меира) не похоже на “аргумент”»²³⁴.

Пример применения толковательного приема *гезера-шава*. Из библейского отрывка «...смертью умрет, камнями будет побит, кровь его на нем самом» (Лев. 20, 27) мидраш способом *гезера-шава* выводит, что везде, где сказано «умрет» и «кровь его на нем самом», подразумевается казнь побоем камнями.

В Главе 3 приводятся примеры работы принципа «семантической непрерывности» (НСО-принципа) в семантике текста Мандельштама, практически **совпадающие** с техникой *гезера-шава*.

(б) биньян-ав («основное построение, основа некоего общего закона») – толковательный прием, введенный Гиллелем и вошедший в канонические «13 приемов Измаила». Его суть в упрощенном виде: если некий закон применяется к какой-то

²³² Трактат Берахот, лист 5-б.

²³³ Несколько точнее: принцип «непрерывности семантического отображения» (НСО-принцип), см. Главу 3.

²³⁴ Это фрагмент из тр. Песахим (лист 15-а). Смысл высказывания: неверно выводить постановление Меира из ситуаций, описанных выше в словах Ханины и Акивы: они не могут служить «рабочими метафорами», или «адекватными моделями» (= аргументами) для его обоснования, ибо оно, на самом деле, «не похоже» на них.

конкретной ситуации, то из этой ситуации извлекаются самые «главные» ее черты, самые «существенные» ее характеристики, и утверждение (закон) «переносится» на все ситуации, обладающие этими характеристиками.

Снова приведем крайне важное высказывание Мандельштама в Воронеже, в котором он описывает Рудакову соответствующую технику порождения текста, состоящую в *выжимании* смысла из данного слова путем генерирования конкретных модификаций общего смысла исходного слова:

«Сказал “Я лежу”, сказал “в земле” – развивай тему “лежу”, “земля” – только в этом поэзия. Сказал реальное, перекрой более реальным, то – реальнейшим, потом сверхреальным. Каждый зародыш (росток) должен обрастать своим словарем, обзаводиться своим запасом, идя в путь, перекрывая одно движение другим...»²³⁵.

Здесь данное слово с его непосредственной семантической окрестностью (фреймом) представляет собой такой «талмудический» *биньян-ав*, и из него с помощью СИ-операторов (см. Главу 4) строятся конкретные модификации.

(в) «игра слов» → техника метафоры. В процессе рекурсивного порождения текста Мандельштам применяет технику СИ-операторов²³⁶: паронимии, эквиконосонантизма, межъязыковой интерференции и др., а также их суперпозиции.

Здесь частотна следующая техника порождения метафоры: СИ-оператор сам по себе – это суперпозиция **метонимии** (например, межъязыковой омофонии, эквиконосонантизма и т. д.) и **метафоры**, являющейся окончательным «значением» этой функции в тексте. Точнее, окончательное «значение» СИ-функции есть «образ» получающегося в результате всего процесса семантического отображения, содержащий порождаемую метафору.

²³⁵ Письмо С. Рудакова цит. по [210, с. 61].

²³⁶ Напомним, что СИ-оператор или СИ-функция («суггестивно-имплицитивная» функция) от словоформы X – это лексема/словоформа СИ(X), определенным образом суггестируемая и имплицитивная аргументом X. Частотным в текстах Мандельштама является генерирование СИ(X) через использование «образа» (отражения) X в некотором промежуточном языке. Подробнее о СИ-операторах у Мандельштама см. в Главе 4.

Просматривая любой «мидрашный» текст, легко увидеть, что СИ-операторы являются элементами системы «толковательных приемов» мидраша.

(г) *сагги-непор* (арам. «великий светом») – «переворачивающее» обозначение слепого, ставшее названием стандартного талмудического приема «семантического переворачивания». Этот прием, в свою очередь, стал характерным для еврейского традиционного дискурса вообще²³⁷. У Мандельштама «серийным» случаем применения этой техники является создание т. н. «оксюморонных» ситуаций: «горячие снега», «незвучный хор», «сухая река» и т. п.

Простой пример применения этого приёма: «Держу в уме, что нынче тридцать первый // Прекрасный год в черемухах цветет». Ясно, что автор «держит в уме», что 1931-й – совсем не «прекрасный» год, а **ровно наоборот**²³⁸.

Приведем более сложный пример, в котором техника *сагги-непор* защита несколько глубже, не совсем на поверхности. Рассмотрим строки из стихотворения «Голубые глаза и горячая лобная кость...» (1934):

«Часто пишется казнь, а читается правильно – песнь, // Может быть, простота – уязвимая смертью болезнь?»

Здесь ПРОСТОТА суггестирует сочетание ПРОСТО ТАК из текста про «горца Ковача»²³⁹: «Как и всегда бывает в дороге, в центре внимания моего встал человек, приглянувшийся просто так – на здоровье...».

Далее рутинным образом суггестируется концепт «здоровья». Затем начинает работать прием *сагги-непор*, который переворачивает: «здоровье» → БОЛЕЗНЬ. Заметим, что предыдущая

²³⁷ Это, на самом деле, проявление общей ориентации еврейской «культурно-цивилизационной» системы на «ситуативную оксюморонность». См. об этом подробнее в монографии [200], гл. 1. Ср. высказывание современного раввинского авторитета: «Талмуд – это сплошной парадокс... все в нем основано на свободной игре ассоциаций, на сопряжении далеких понятий, которое напоминает современный литературный жанр “поток сознания”» [185, с. 8].

²³⁸ «Не-прекрасность» этого года подкрепляется общей негативностью образа «черемухи» у Мандельштама, см. п. 8.7.

²³⁹ В главе «Сухум» из <Вокруг «Путешествия в Армению», записные книжки 1931–1932 гг.>.

строка как бы «предупреждает» о применении этого оператора, переворачивая резко негативный смысл «казни» в резко позитивный смысл концепта «песни».

7.3.4. Выводы и вопросы.

Таким образом, мы наблюдаем поразительное **системное соответствие** между «устройством» традиционного еврейского текста и «устройством» текста Мандельштама. Причина этого интереснейшего феномена не ясна. Ведь не могли же несколько уроков древнееврейского языка, данные юному Мандельштаму «еврейским учителем» (упомянутые в автобиографическом «Шуме времени») так мощно повлиять на дискурс Мандельштама, даже при его феноменальной текстуальной восприимчивости.

Мы уже говорили выше (в п. 7.1.1), что Мандельштам подвергся мощному идеологическому воздействию со стороны А. Бергсона, блестящего французского философа, автора «Творческой эволюции». Еврейское происхождение (точнее, соответствующий культурный background) Бергсона явно сказалось на его идеологии и на его текстах, в которых²⁴⁰ просвечивают «идеологические доминанты» и «установки» еврейской интеллектуальной традиции.

Скорее всего, Мандельштам ощущал некую «культурно-корневую» близость с Бергсоном, ровесником его отца, Эмилия Вениаминовича Мандельштама. В статье «О природе слова» (1921) Мандельштам дает высокую оценку идеологии Бергсона, явно являясь в этот момент адептом системы взглядов этого философа:

«Чтобы спасти **принцип единства** в вихре перемен и безостановочном потоке явлений, современная философия в лице Бергсона, чей **глубоко иудаистический ум** одержим настойчивой потребностью практического монотеизма, предлагает нам учение о системе явлений. Бергсон рассматривает явления не в порядке их подчинения закону временной последовательности, а как бы в порядке их *пространственной протяженности*. Его интересует исключительно **внутренняя связь** явлений... [Берг-

²⁴⁰ При полном отсутствии упоминания о еврейской философской традиции, и вообще, о евреях.

сон] выдвигает *проблему связи*, лишенную всякого привкуса метафизики и, именно потому, более плодотворную...».

Но представляется, что Бергсон в своих текстах и лекциях²⁴¹ всего лишь эксплицировал и вербализовал основные еврейские «традиционные дискурсивные установки», воспринятые Мандельштамом (как и самим Бергсоном!) с детства. Правда, эта «всего лишь крупинка» и есть то самое ценное, что философ может дать своему адепту.

Отметим, что около 1915 г. Мандельштам пишет в набросках «Заметки о Шенье»: **«При полном забвении старофранцузской литературной традиции автоматически воспроизводятся некоторые ее приемы, потому что они вошли в кровь»**²⁴². Дело в том, что Мандельштам почти всегда подставляет себя на место объекта своего дискурса, будь то Данте, или Чаадаев или, в данном случае, А. Шенье.

Поэтому *правдоподобная рабочая гипотеза* в этом обсуждении – это воздействие на Мандельштама в раннем возрасте дискурса отца. В «Шуме времени» Мандельштам (который в этом тексте вообще отрекается от еврейства) презирает и отвергает речь отца, попутно сообщая детали, ясно демонстрирующие, что дискурс Эмилия Вениаминовича был как раз «традиционно еврейским» во многих отношениях, даже «талмудическим»:

«Совершенно отвлеченный, придуманный язык, витиеватая и закрученная речь самоучки, где обычные слова переплетаются со старинными философскими терминами <...>, причудливый синтаксис талмудиста, искусственная, не всегда договоренная фраза – это было все что угодно, но не язык, все равно – по-русски или по-немецки»²⁴³.

²⁴¹ Посещением которых (как и вообще каких бы то ни было лекций) Мандельштам во время своего пребывания в Париже не злоупотреблял. Не исключено, что он вообще не видел Бергсона «вживую».

²⁴² Не этот ли пассаж про роль «крови» побуждает некоторых авторов объяснять обсуждаемый «случай Мандельштама» каким-то специфическим «типом ментальности», присущим Мандельштаму (но почему-то не присущим Пастернаку)? Мне все же представляется, что, дабы не «упасть», по выражению Мандельштама, в «метафизику» XIX века, лучше сосредоточиться на «физике» его текста, на лингвистических «когнитивных» рассматриваниях и т. п.

²⁴³ Ср. явно похожий, но «позитивный» по отношению к отцу, пассаж А. Нимцовича, знаменитого гроссмейстера и теоретика шахмат: «...Все усилия

При всем демонстративном пренебрежении к речи и мировоззрению отца («косноязычие и безъязычие», «замысловатый талмудический пантеизм»), проговорки типа «отец переносил меня в совершенно чужой век» показывают массивное воздействие дискурса отца на сознание Манделъштама в раннем детстве.

Существенно в этом контексте, что во второй половине 1920-х Манделъштам как бы «возвращается» к отцу, подчеркивая (например, в письмах) их с отцом духовную близость²⁴⁴.

Можно утверждать (это требует отдельной развернутой аргументации), что к моменту завершения «Египетской марки»²⁴⁵ Манделъштам изменил свое отношение к языку Талмуда (вообще, к еврейскому традиционному дискурсу) и к «внутреннему» языку своих собственных текстов, на диаметрально противоположное (!), что, по-видимому, было связано со своеобразной *тешувой*²⁴⁶ самого Манделъштама во второй половине 1920-х²⁴⁷. Об этом он сам сказал в тексте 1922 года²⁴⁸: «Из гнезда упавших щеглов // Косари приносят назад, // Из горящих вырвусь рядов // И вернусь в родной звукоряд».

моих воспитателей, а главным образом отца, были направлены именно к тому, чтобы развить во мне комбинационный дар и любовь к тому миру **схоластических** умозаключений и **витиеватых** хитросплетений, который так хорошо известен каждому, кто когда-либо занимался изучением Талмуда».

²⁴⁴ См. подробнее монографию [200], п. 2.6.

²⁴⁵ Текста, в котором особенно резко просвечивает «субстрат» ЕТД.

²⁴⁶ *Тешува* = ивр. 'возвращение, ответ' – термин «еврейской цивилизации», означающий возвращение к еврейству «блудного сына» (или дочери), связанное с раскаянием и отказом от предшествовавшей неправильной жизни.

²⁴⁷ См. подробнее об этом монографию [200], п. 2.6.

²⁴⁸ См. анализ стихотворения «Я по лесенке приставной...» в Приложении 3.

Глава 8

Языковая картина мира (ЯКМ) Мандельштама. Специфика языковой геометрии М-ЯКМ

Представления можно рассматривать не только как объективную данность сознания, но и как органы человека, совершенно так же точно, как печень, сердце.

О. Мандельштам. О природе слова

8.1. Дефиниционное предисловие. Что такое «языковая картина мира» (ЯКМ)?

«Рабочее» определение этого объекта здесь соответствует¹ формулировке, принятой группой российских лингвистов, занимавшихся исследованием русской ЯКМ².

Языковая картина мира (ЯКМ) – это:

- фиксация в языке определенного способа восприятия мира;
- совокупность представлений о мире, заключенных в семантике и структуре языка;
- некая система взглядов и предписаний, «закодированная в неявных смыслах» слов, выражений и языковых структур и в способах порождения текста, – которая навязывается³ в качестве обязательной всем носителям данного языка⁴;
- «дифференциал ЯКМ», т. е. встроенные лингвоспецифичные системы **само-изменения** ЯКМ, способы порождения «сдвига» текста, «ориентации» текста и т. п.

Главными «работающими» составными частями (подсистемами) в любой ЯКМ являются:

¹ С некоторыми (нашими) модификациями, касающимися, например, т. н. «дифференциала ЯКМ», см. ниже.

² См. напр. монографию [80].

³ Отметим здесь же, что «навязываемая суггестивность», постулируемая для «общей» ЯКМ, является (в усиленном, «концентрированном» виде) крайне характерным свойством текста Мандельштама.

⁴ См. [80, с. 9].

- набор ключевых слов-концептов и лингвоспецифичных частотных лексем;
- набор ключевых идей (сквозных мотивов, конфигураций смыслов), служащих связями для ключевых слов-концептов⁵;
- набор лингвоспецифичных механизмов «дифференциала ЯКМ», в частности, набор «концептуальных метафор»⁶.

8.2. Специфичность ЯКМ Мандельштама (М-ЯКМ)⁷.

Характерным глобальным свойством *Weltanschauung* (общей картины мира) Мандельштама является ее мощная «лингвистичность»/ «филологичность» и сопряженный феномен – необычная насыщенность лингвистически обусловленной метафорикой.

Б. Успенский пишет в работе о метафоре у Мандельштама: «...представления о природе слова определяют его [Мандельштама] представления о мире, мир не существует для него вне языка» [102, с. 326].

Поэтому изучение **языковой картины мира** Мандельштама является одной из приоритетных задач на пути к адекватному пониманию смыслов его дискурса⁸.

⁵ Там же, с. 10–11. А. Шмелев определяет «сквозные мотивы» так: «конфигурации смыслов, которые повторяются в качестве фоновых в целом ряде языковых единиц». См. там же, с. 453.

⁶ Разумеется, «концептуальные метафоры» являются частью «ключевых идей», см. ниже.

⁷ Первым дескриптором М-ЯКМ был сам Мандельштам, описавший свою поэтику в «Разговоре о Данте». Пионерскими исследованиями ЯКМ Мандельштама после его ухода были, по-видимому, ряд работ Ю. Левина 1970-х гг., в том числе замечательный дайджест «Заметки к “Разговору о Данте”», разъясняющий ряд «сверток» в РД (эти работы собраны в [187]), и написанная в 1970-х гг. известная «статья пяти авторов» [82] о «русской семантической поэтике». Также, например, статья А. Жолковского 1979 г. «Я пью за военные астры. Поэтический автопортрет Мандельштама» (см. [84]), монография N. Pollak «Mandelstam the Reader» (см. [133]) и др. фактически содержат некоторые фрагменты обсуждаемой ЯКМ. Следует также отметить интересные работы С. Шиндина о концепте «пространства» у Мандельштама (напр., в сборнике [144]), но особенно содержателен труд Л. Пановой [142], в котором подробно и с массой примеров описывается поле концептов в поэтическом идиолекте и в ЯКМ Мандельштама, связанных с «пространством», «временем», «перемещением», «космологией» и т. п.

⁸ При этом «методологически» правильно изучать М-ЯКМ в сравнении со

Как заглянуть внутрь языкового мира Мандельштама? Что мы можем технически попытаться понять о специфике, деталях, строении его ЯКМ?

(а) **понять «скрытую геометрию» М-ЯКМ⁹.** Анри Бергсон, французский философ¹⁰, влиянию которого подвергся в «студенческие годы» и позже Мандельштам¹¹, сказал в одной из своих работ: «Все операции нашего интеллекта направлены к геометрии как к пределу, где они находят свое полное завершение... очевидно, что главной пружиной нашего интеллекта, заставляющей его работать, является скрытая геометрия, приносящая нашему представлению о пространстве» [81, с. 213].

(б) **описать наборы «ключевых идей (сквозных мотивов)», основных «концептуальных метафор», «ключевых концептов» в М-ЯКМ и их соотношение со стандартной «русской» ЯКМ, со стандартной «еврейской» (еврейско-немецкой, ашке-назской) ЯКМ и т. д.**

8.3. «Скрытая геометрия» ЯКМ Мандельштама.

From the beginning to the end of this book there is not a single reasoning, and therefore not a single bad reasoning; **it contains nothing, but a poetic painting that appeals to the imagination.**

Б. Рассел о «Творческой эволюции» А. Бергсона¹²

стандартными русской и еврейской ЯКМ, хотя сначала следовало бы адекватно описать эти объекты.

⁹ Эта работа, в значительной степени, уже проделана в Главе 2, п. 2.5.3.1.

¹⁰ Еврейского происхождения, что, по-видимому, имело значение для формирования отношения к нему Мандельштама, ср. его характеристику Бергсона: «...глубоко иудаистический ум» и т. д.

¹¹ Об этом уже говорилось в начале п. 7.1 и 7.3.

¹² Рассел в своем отношении к Бергсону – это настоящий серьезный (без тени всякого там дурацкого [пост]модернистского стёба) ученый – типа немецкого *Gelehrter*'а (в презрительном дискурсе Мандельштама). Понятно, что не менее насмешливо Рассел отозвался бы и об РД, каком-то оксюморонном «ненаучном исследовании».

Чтобы развить в нашем контексте идею Бергсона, я вынужден прибегнуть к наглядно-математической метафоре¹³.

Дело в том, что главное свойство геометрии ЯКМ Мандельштама и его текстов – это легко улавливаемая, но трудно описываемая в технических терминах стремящаяся к «пределу» (т. е. к «взрыву») **динамичность**¹⁴, **векторность** и т. п. ЯКМ Мандельштама находится в постоянном движении, «взрывной» трансформации.

8.3.1. Неевклидовость М-ЯКМ¹⁵.

Важнейшее свойство геометрии ЯКМ Мандельштама – ее «непрятие Евклида»¹⁶, «уход от Евклида»: от прямых линий, от плоскостей, от однородности и бесконечности¹⁷ пространства (вообще, в каком-то смысле, от «евклидовских» геометрических концептов), и, наоборот, «любовь» к «неевклидовой геометрии», т. е. к «кривым» линиям, не-плоским поверхностям, неоднород-

¹³ Некоторые обоснования применения математической метафоры см. в п. 2.5.3.

¹⁴ Напомним, что «общая динамичность» Weltanschauung Мандельштама отмечалась рядом исследователей, начиная с него самого! В п. 6.1, 7.2 и 7.3 мы говорили об «установке» семантики М-текста на динамику.

¹⁵ Несколько подробнее концепт пространства у Мандельштама расписан в п. 8.6 – ***пространство**.

¹⁶ Непрятие, доходящее до физиологического отвращения к «евклидову миру», т. е. к «обычному» окружающему common-sense-world. В ЕМ Парнока тошнит от упорядоченного прямолинейного («каре») устройства и прямолинейного равномерного движения (прямоугольника) толпы: «И его слегка затошнило <...> от страшного порядка, сквавшего толпу». Казалось бы, этому противоречит известная любовь Мандельштама к готике, с ее прямыми линиями. Но заметим, что готическая архитектура – во-первых, **не-прямоугольна**, а во-вторых, ее прямые шпили отнюдь не уходят в бесконечность, но заканчиваются остриём, как бы векторным **инструментом** для контакта с «небом», для задевания «неба»: «тонкой иглою рань» и т. д.

¹⁷ Ю. Лотман в более общей ситуации объясняет психологический феномен ухода от бесконечности пространства поисками «смысла», «стремлением человека понять то, что является предметом его наблюдения» [188, с. 248–249]. Лотман пишет: «То, что не имеет конца – не имеет и смысла. Осмысление связано с сегментацией недискретного пространства» [188, с. 249]. В этом же пассаже Лотман цитирует Блока: «Но ты, художник, твердо веруй // В начала и концы».

ному¹⁸ компактному¹⁹ пространству и т. п.

Более того, используя неизбежную здесь топологическую метафорику, можно утверждать, что Мандельштама привлекают «негладкие» объекты, его притягивают «особые точки» хронотопа, в которых «сгущается» пространство-время²⁰.

Все это непосредственно связано с вышеуказанной динамичностью и векторностью, потому что «евклидовы» концепты у Мандельштама ассоциируются с состоянием и концептом «неподвижности»²¹. Примеры М-текстов, в которых проявляется его «геометрия» (напр. «любовь к криволинейности» и т. п.), см. ниже, п. 8.6, в комментариях к «ключевым концептам» (например: *пространство и *прямой).

Здесь отметим лишь, что ряд текстов Мандельштама приводит к гипотезе о его знакомстве с т. н. «моделью Пуанкаре» неевклидовой геометрии. В этой модели «прямыми линиями» служат куски (дуги) окружностей, пересекающих некоторую исходную фиксированную окружность «под прямым углом» и лежащие внутри этой фиксированной окружности²².

Простая и красивая модель Пуанкаре могла стать известной Мандельштаму из парижских лекций А. Бергсона или чуть позднее от В. Хлебникова, который, по некоторым данным, изучал работы Пуанкаре²³.

¹⁸ Т. е. стягивающемуся, растягивающемуся и даже разрывающемуся пространству.

¹⁹ Т. е. ограниченному и замкнутому, а не «расползающемуся» бесконечному, пространству.

²⁰ В современной космологии такие «особые точки» называются «черными дырами». Еще до появления этого термина, в строках, которые при желании можно рассматривать как шутку из области «геометрической поэтики», Мандельштам как бы посылает в будущее сообщение о связи своей «геометрии мира» с такого рода сингулярными объектами и о своей чуждости эллинской «евклидовой» однородности: «Там, где эллину сияла // Красота, // Мне из **черных дыр** зияла // Срамота».

²¹ Концепт же «упорядоченной, прямолинейно-евклидовской, неподвижности» связан у Мандельштама с ощущением **страха** и отвращения: ср. уже упомянувшееся страшное для Парнока прямолинейно упорядоченное «каре» толпы самосууда в 4-й главе ЕМ.

²² Ср. в текстах Мандельштама: «и **дугами** парусных гонок открытые формы чертя, играет пространство...»; «и вновь **дуговая** растяжка звучит в бормотаньях моих»; «и плавал по **дуге** неначинающихся путешествий» и т. п.

²³ Модель Пуанкаре с ее характерными «дугами», по-видимому, отразилась

Вполне вероятным представляется также, что осознание Мандельштамом неевклидовости своего мира было связано с его знакомством с работой П. Флоренского «Мнимости в геометрии» (1922), в которой автор аргументирует неевклидовость геометрии мира «Божественной комедии» Данта²⁴.

Взгляды Флоренского заинтересовали Мандельштама уже с момента выхода известной его работы «Столп и утверждение истины» (1914), которую Мандельштам, по свидетельствам современников, в течение некоторого времени везде возил с собой.

8.3.2. «Криво-зеркальное» отображение: Р-ЯКМ → М-ЯКМ.

Одно из проявлений вышеуказанной динамики – это генерирование элементов ЯКМ Мандельштама из «нормальной» русской ЯКМ с помощью «**зеркальной (точнее: криво-зеркальной!) симметрии**»²⁵. Чаще всего это проявляется в подчеркнутом «отрицании» стандартной русской ЯКМ, в предъявлении расхождений и даже противоположностей в ряде «ключевых» концептов и т. п.

Это, если продолжить геометрическую метафору, и есть то симметричное преобразование «края прямоугольной полоски (ленты)»²⁶, в результате которого из полоски вместо «нормальной» ориентируемой цилиндрической поверхности появляется геометрический оксюморон – неориентируемый, странный и «скособоченный» **лист Мёбиуса**, который и является геометрическим образом **хронотопии** Мандельштама²⁷.

в начале поэмы Хлебникова «Ладомир» (которую Мандельштам, без сомнения, знал): «...и чертеж // И пространство Лобачевского. // Пусть Лобачевского **крьвые** // Украсят города // **Дугою** над рабочей выей // Всемирного труда».

²⁴ См. [208, с. 45]. Там же Флоренский ссылается на группу математиков, отметивших в начале XX века «предвосхищение Дантом неевклидовой геометрии».

²⁵ Интересен здесь пассаж Ю. Слезкина про «странников внутренних, для которых нарушение норм – профессия, призвание и символ веры. <...> они являются зеркальными отражениями своих хозяев – причем временами делают это намеренно и напоказ, в качестве профессиональных шутов, предсказателей будущего и карнавальных исполнителей» [70, с. 22].

²⁶ Поворот на 180 градусов одного из узких краев прямоугольной ленты и приклеивания к противоположному (не-повернутому) краю.

²⁷ Более точной (если здесь можно употреблять такие слова) геометрической

8.3.3. Динамичность М-ЯКМ²⁸.

К «скрытой геометрии» ЯКМ Мандельштама относится также «динамичность» семантики его текста, «дифференциальность» семантики, «сдвинутость», «векторность», как бы «импрессионистическая смазанность или размазанность»²⁹. Эта размазанность создает в каждой точке «локальный оксюморон», т. е. два «противоположных», «дополнительных в смысле Бора» смысла (ДПБ-смысла).

Это типичная ситуация семантической «катастрофы» или «пред-катастрофы». Локальные оксюмороны объединяются в глобальный, т. е. в две «дополнительные по Бору» ЯКМ, «перемигивающиеся», перетекающие одна в другую и одновременно составляющие единое целое³⁰.

Замечательной иллюстрацией вышеуказанной «дифференциальности» является «геометрия цвета» у Мандельштама, точнее, «дифференциальность» (= «векторность») концептного поля «цвета» в его ЯКМ, см. подробнее ниже в п. 8.6 – *цвет.

Характерным проявлением «динамической семантики» является феномен присутствия в тексте Мандельштама целого

метафорой хронотопа Мандельштама (и М-текста) является «бутылка Клейна» – компактифицированный лист Мёбиуса. См. подробнее про метафорику листа Мёбиуса в монографии [200]. См. также п. 2.5.3. Здесь лишь напомним совершенно поразительный факт: П. Флоренский в своей работе «Мнимости в геометрии» (1922), анализируя геометрию «Божественной комедии», приходит к выводу, что «Дантово пространство»: (а) неевклидово (б) устроено как лист Мёбиуса (!). Напомним, что Мандельштам в «Разговоре о Данте» (1933) эксплицитно отождествляет свою картину мира и свою «поэтическую геометрию» с дантовской. Разумеется, интереснейший вопрос здесь: был ли Мандельштам знаком с этой работой Флоренского? Л. Панова считает, что в 9-й главе РД есть рефлексы некоторых образов из трактата Флоренского. Она приводит 2 не полностью убедительных примера: «грандиозный опыт Фуке» и «Птоломей вернулся с черного крыльца!», см. [206, с. 101].

²⁸ См. к этому п. 6.1 о тексте как «динамической системе».

²⁹ О лексико-статистической «технике мазка» для создания этой «размазанности/ неопределенности» см. ниже п. 8.4.

³⁰ Этот «шизофренический бред» можно, кажется, убедительнее расписать, используя устрашающий (и потому особенно убедительный) квантово-механический и/или теоретико-вероятностный вокабуляр (метафорику). Ср. неоднократно приводившееся в этой работе высказывание Мандельштама о Данте и, разумеется, про себя: «Дант может быть понят лишь при помощи теории квант» (<Наброски к РД>).

набора лексико-семантических функций (СИ-операторов), участвующих в генерировании текста и в локальной модификации М-ЯКМ, см. Главу 4 и п. 8.5.

8.3.4. Геометрическая модель М-ЯКМ³¹. Геометрия «взрыва». «Пенистое» пространство.

В ряде рассмотрений удобно себе представлять М-ЯКМ как некое сложное компактное³² «многообразие», в котором **постоянно и везде** происходят локальные «взрывные» изменения («перестройки»), организуемые соответствующими локальными «семантическими отображениями» (semantic mappings) многообразия в само себя, или «перестроенного многообразия» в перестраиваемое.

Возникает динамическая система многообразий и их отображений. Этот динамический геометрический объект в математике метафорически называют «пенистым пространством». Это пространство можно интуитивно представлять себе как некую поверхность, «изрытую взрывами», где каждый «взрыв» – это семантическое «событие» (отображение фрагмента поверхности в другой фрагмент)³³.

В почти безнадежном стремлении понять М-геометрию, заметим, что крайне существенная в М-ЯКМ «ключевая идея» ухода из Р-ЯКМ (т. е. отказа от «нормальной», «здоровой» ЯКМ, см. п. 8.4) находит свою геометрическую метафору в «неориентируемости» исходного «многообразия», в его в этом смысле похожести на «лист Мёбиуса» или «бутылку Клейна».

³¹ Я отдаю себе отчет в том, что текст п. 8.3.4 (как и всего п. 8.3) выглядит кошмарным сном математика, начитавшегося на ночь позднего Мандельштама и/или Хлебникова. Но, похоже, что без этой метафоры мы не поймем, упустим что-то очень существенное, – об этом уже говорилось в п. 2.5.3.

³² Т. е. ограниченное, не-«бесконечное», см. про компактность мандельштамовского пространства в п. 8.6 – *пространство.

³³ Вот примеры мандельштамовских метафор, применяемых им к описанию такого рода «события»: растение, «взрывающееся» почками, самолеты, «выстреливающие» самолетами и т. п. Такого рода «события» могут происходить и на сцене: в очерке «Яхонтов» Мандельштам описывает то, что можно назвать «пенистым **сценическим** семантическим пространством»: **«В каждую данную минуту он дает широко раздвинутый перспективный образ».**

8.3.5. Предложим теперь, выполняя указания Мандельштама, некоторые «локальные» геометрические модели М-семантики, пытаясь максимально сопрячь, «увязать» их с феноменами М-текста и с метатекстами самого поэта.

Рассмотрим лист Мёбиуса³⁴ и объявим его «пространством единого М-текста», каждая точка которого со своей небольшой окрестностью есть СЛОВО М-текста с «небольшой» текстуальной окрестностью.

ЛОКАЛЬНЫМ СМЫСЛОМ слова назовем **ориентацию** соответствующей окрестности, т. е. нормаль к поверхности в данной точке и направление вращения «по часовой стрелке», или против, если смотреть на окрестность «с вершины» этой нормали. Заметим, что у каждой точки – две противоположные ориентации и, тем самым, два исключаящих друг друга «смысла».

В этой геометрии циклическому семантическому оператору типа [точка X] → [точка СИ(X)] → [точка X], при котором «обычный» смысл X противоположен (лучше сказать: «дополнителен по Бору») смыслу СИ(X), будет соответствовать «нестягиваемый цикл» (путь) на листе Мёбиуса, при непрерывном обходе которого ориентация в точке X (при возвращении в нее) заменяется на противоположную.

Тем самым, на рассматриваемой картинке возникает два вида «путей-циклов»: «нестягиваемые» – т. е. с изменением ориентации (с возникновением ДПБ-смысла) в процессе их обхода, и «стягиваемые» – т. е. без изменения ориентации.

В «пределе» же «пространство» М-текста (т. е. объединение высказываний) распадается на множество путей-циклов³⁵, и **каждое слово есть путь** в этом пространстве, потенциальный семантический взрыв, оксюморон и т. д.

Это, в сущности, геометрическая реализация метафоры самого Мандельштама, который в РД (гл. II), фактически, вводил понятие «семантического цикла»: «Когда мы произносим, напри-

³⁴ Или, что то же самое, его компактифицированный вариант: **бутылку Клейна**.

³⁵ Ср. Ю. Левин в статье 1970-х гг.: «Предельный случай – превращение высказывания в набор “блаженных слов”: “Россия, Лета, Лорелея”, “Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита”, “ласточка, подружка, Антигона”» [187, с. 65].

мер, «солнце», мы не выбрасываем из себя готового смысла, – это был бы семантический выкидыш, – но переживаем **своеобразный цикл**. Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку. Произнося «солнце», мы совершаем как бы огромное **путешествие**, к которому настолько привыкли, что едем во сне³⁶. Поэзия тем и отличается от автоматической речи, что будит нас и встряхивает на середине слова. Тогда оно оказывается гораздо длиннее, чем мы думали, и мы припоминаем, что **говорить – значит всегда находиться в дороге**. **Семантические циклы** дантовских песней построены таким образом, что начинается, примерно, — “мёд”, а кончается — “медь”; начинается — “лай”, а кончается — “лёд”»³⁷.

Фактически ту же метафору «слова-пути» Мандельштам передает Рудакову в Воронеже: «Каждый зародыш (**росток**) должен обрести своим словарем, обзаводиться своим запасом, **идя в**

³⁶ Т. е. «слово», по Мандельштаму, есть «путешествие во сне». Это и есть смысл частой у Мандельштама метафоры «блаженное слово» = «перемещающееся, совершающее обход» слово. Заметим, что у лексемы «блаженный» в М-тексте присутствует смысл «перемещающийся, блуждающий». Это результат польско-идишской интерференции Y[blundžen] = ‘блуждать’, см. в Приложении 1 межъязыковые интерференции в стих. «Я не слышал рассказов Оссиана...». Напомним, что, по РД (Глава 4), М-текст «стремится проникнуть внутрь себя самого». Поэтому упоминание «сна» здесь совершенно не случайно: дело в том, что сон = *мидраш* (изучение) «текста реальности = яви», как и «миф» = *мидраш* «реальности», см. Главу 7, п. 7.3. «Наяву» же происходит *мидраш* (изучение) «текста сна», т. е. снова возникает «семантический цикл». Крайне интересно, что Ю. Лотман, говоря о сне как «традиционном приеме введения текста в текст» и рассматривая лермонтовский «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана»), приходит к метафоре «нестягиваемого цикла» на листе Мёбиуса! Он пишет: «... умиравший герой видит во сне героиню, которая во сне видит умиравшего героя. Повтор первой и последней строф создает пространство, которое можно представить в виде **кольца Мёбиуса**, одна поверхность которого означает сон, а другая – явь» [188, с. 118]. Здесь редкий случай неточности у Лотмана: лист Мёбиуса – **односторонняя** поверхность. Но более важно, что та же геометрическая картинка «метафоризирует» строки Мандельштама в «10 января 1934»: «**Сон в оболочке сна, внутри которой снилось // На полшага продвинуться вперед**».

³⁷ Интересно, что Ю. Левин, под влиянием этого «геометрического» высказывания Мандельштама в РД, пишет в статье 1971 г.: «семантика слова [в М-тексте. – Л. Г.] как бы образует некий **непрерывный ряд**, своего рода **дорогу**, путешествие по которой мы совершаем, произнося это слово» [187, с. 150].

путь, перекрывая одно движение другим»³⁸.

Вот простейший пример рассмотренного цикла (в «модельной» строке «есть блуд труда, и он у нас в крови»):

БЛУД → Blut → В КРОВИ → БЛУД

Компактифицированный лист Мёбиуса (метафора М-текста, который изучает себя, «проникает» сам в себя) – это «бутылка Клейна», которую Манделъштам (продолжим бутылочную метафорику) бросает в океан текста, не зная, кто ее выловит и расшифрует. Бутылка Клейна – это метафора текста, пытающегося (по Бергсону) породить и осознать сам себя³⁹.

Напомним, что в четвертой главке РД Манделъштам так описывает этот феномен: «непрерывное превращение материально-поэтического субстрата, сохраняющего свое единство и стремящегося проникнуть внутрь себя самого»⁴⁰.

Эта метафора еще недостаточно безумна для передачи «устройства» М-текста. Следующий уровень геометрической оргии – это т. н. «пенистое пространство», где «росток» в виде «бутылки Клейна» «вклеивается» в **каждую** точку пространства X.

Пенистое пространство – это геометрическая мета-метафора (суперпозиция метафор) психолингвистической установки на «семантический взрыв» в каждой точке пространства М-текста.

Предельно обобщая, можно сказать, что если «циклы», «пути», «пространство» – это «глобальная М-геометрия», то «взрыв» (вклеивание Мёбиуса-Клейна) и «непрерывность семантического отображения» – это локальная М-геометрия.

³⁸ Письмо С. Рудакова цит. по [210, с. 61].

³⁹ Ср. у Манделъштама в «Восьмистишиях»: «Преодолев затверженность природы, голуботвердый глаз проник в ее закон». «Второй» смысл здесь: ПРИРОДА = ТЕКСТ. Преодолевая свою затверженность, ТЕКСТ изучает самого себя с помощью своей части (= ГЛАЗА).

⁴⁰ Напомним также, что этот феномен полностью совпадает с фундаментальным свойством еврейского традиционного текста (мидраша) порождать и «изучать» самого себя, см. п. 7.3.

8.3.6. Некоторые выводы.

Резюмируя, можно сказать, что общими «геометрическими» свойствами «языковой картины мира» Мандельштама являются ее «неевклидовость» (по модели Пуанкаре), пространственно-временная неоднородность, ее «неориентируемость», ее «криво-зеркальная» симметричность по отношению к объемлющему миру, как в скособоченном «мёбиусном» зеркале отражающая «правильный» мир⁴¹, а также ее «импрессионистическая размазанность», «сдвинутость»⁴² и «динамическая неустойчивость».

8.4. Корпус ключевых идей (сквозных мотивов), специфичных для ЯКМ Мандельштама, и некоторые сопутствующие генерализации.

8.4.1. Мифологичность М-ЯКМ⁴³.

Мифологичность здесь понимается, прежде всего, как «архаичность мышления»⁴⁴. Эта «архаичность» может быть воз-

⁴¹ Переводя при этом отображении «прямые» линии «внешнего семантического мира» в «кривые».

⁴² Создающая эффект одновременного присутствия «дополнительной по Бору» ЯКМ.

⁴³ Авторы известной «статьи пяти» (еще 1970-х гг.) пишут: «И стихи, и проза, и статьи Мандельштама обнаруживают разительное сходство с мифологическими (или религиозными) текстами и, прежде всего, в том, что, подобно корпусу мифов, мандельштамовское творчество образует единое смысловое пространство, из одной точки которого в другую можно перейти посредством дискретного набора смысловых кодовых преобразований» [82, с. 292]. Вряд ли всё же следует относить эту возможность «перехода» к основным признакам «мифологичности». Скажем, совокупность «текстов» (аксиом и теорем) евклидовой геометрии обладает таким свойством – однако ее непродуктивно считать «мифологической» системой и т. д.

⁴⁴ Н. Берковский (несомненно, хорошо знакомый с ВТ), по-видимому, первым отметил действительно релевантные черты «архаичного» (= «примитивного») мышления у Мандельштама в замечательной критической работе «О прозе Мандельштама» (1929–30 гг.): «Стиль Мандельштама служит тому, что за вещь видится ее “фамилия” – и я бы дал еще одно уподобление мандельштамовскому стилю. Этнологи говорят о **законе сопричастного мышления у примитивных** – вещи мыслятся не обособленными, а причастными одна к другой. Хлеб, олень и растение хихули одной “семьи” – так как все трое – примитивная пища. Поэтому у входа в храм вместо хлеба можно положить хихули: ритуал не пострадает, ведь хлеб и хихули – одно и то же, причастны друг к другу. И в силу

никшей в раннем детстве, но может быть и «индуцированной», т. е. возникшей под определенным воздействием (может быть, авто-воздействием!) позднее. У Мандельштама этот психолингвистический феномен манифестируется:

(а) в отношении к создаваемому тексту как к орудию не пассивного отражения, не «пересказа», но активного «разыгрывания» внешнего мира. Мандельштам пишет в РД, что поэзия **«разыгрыва[ет] природу при помощи орудийных средств...»**⁴⁵. В набросках к РД Мандельштам пишет про тексты Данта: «...разрыв папства как исторической формации здесь предусмотрен и **разыгран**»⁴⁶.

(б) в представлении о комплексном характере семантики слов⁴⁷. Высказывание Мандельштама (РД, глава 2): «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны» – это явное воздействие гипотезы Н. Марра о «пучках» значений слов на «архаической» стадии развития языка. Мандельштам в ПА упоминает «яфетические» теории Марра несколько насмешливо, но сам при этом явно находится под воздействием идей и даже терминологии («семантический пучок») Марра⁴⁸, – возможно, ощущая какую-то близость этих идей своей ЯКМ⁴⁹.

причастности вещи “держат” свои признаки “сообща”, свободно меняются ими. **Не такая ли стилизация “сопричастного мышления” в мандельштамовских телефонах и извозчичьих голосах?»** [167, с. 174–175].

⁴⁵ РД, гл. 1 [72, т. 3, с. 216].

⁴⁶ <Вокруг “Разговора о Данте”> [72, т. 3, с. 400].

⁴⁷ По Л. Выготскому, который рассматривал семантические спектры слов детской речи. Мандельштам в какой-то период, по-видимому, подвергся влиянию идей Выготского.

⁴⁸ В ПА Мандельштам даже пересказывает «яфетическую новеллу» о связи понятий «голова» и «глухота» в древности: «Видеть, слышать и понимать – все эти значения сливались когда-то в одном **семантическом пучке**. На самых глубинных стадиях речи не было понятий, но лишь направления, страхи и вожделения».

⁴⁹ В. Иванов пишет о Н. Марре: «Мне кажется, что Марр был в языкознании подобием Чюрлениса в живописи: его **интуиция** была основана на воссоздании архетипов, иногда соответствовавших **древнейшим формам мысли**».

(в)⁵⁰ в сквозном мотиве ****оксюморонности, двойственности**⁵¹, см. п. 8.4.3.

В. Иванов пишет об этом явлении с более общей точки зрения: «...наличие соединения противоположных смыслов, или, как любят говорить по этому поводу психиатры, использование амбивалентных символов, символов, которые одновременно имеют два разных значения, как те слова, на которые обратил внимание Фрейд и которые могут одновременно значить “глубокий” в смысле “уходящий далеко под воду”, например, и “высокий”, т. е. “уходящий далеко в небо”⁵², – эти, казалось бы, **противоположные значения во многих древних языках соединяются**. Вот такого рода **антонимическое сознание оказывается характерным для мифологического языка, для системы мифологических символов**»⁵³.

(г) в работе механизма «рекурсивного бриколажа». О феномене **бриколажа** в связи с «мифологичностью» дискурса см. п. 6.3. Заметим, что В. Иванов связывает упомянутую выше гипотезу Марра о «комплексных пучках значений для древних или первобытных языков» с «той особенностью мысли дикаря, которую Леви-Стросс обозначил как бриколаж (bricolage). Имеется в виду способность соединять самые разнородные вещи, строя из них некое единое сооружение. Комплекс или пучок значений и можно было бы рассматривать как такое сооружение» [198, с. 434]⁵⁴.

(д) в «устности» ЯКМ: об установке на устность см. в п. 7.3.2 (з). Сюда же, видимо, можно отнести и характерную «музыкальность» М.

⁵⁰ (в) можно рассматривать как важнейший частный случай (б).

⁵¹ Впервые на этот мотив как на «мифологическую тему», «пронизывающую» М-текст, указали авторы «статьи пяти», см. [82, с. 297].

⁵² Ср. обращение Мандельштама к «небу» в стих. «Опять войны разногололица...» (1923): «А ты, **глубокое** и сытое, <...> Тебе – чужое и безбровое, // Из поколения в поколение // Всегда **высокое** и новое // Передается удивленье».

⁵³ [197, с.140–141].

⁵⁴ Напомним, что Леви-Брюль в работе «Mentalité primitive» (1922) писал, что основа первобытного мышления – это la participation mystique, закон, который позволяет отождествлять объекты разного порядка, а также позволяет представлять один объект в нескольких местах одновременно.

Наконец, интересно в этом контексте сравнить геометрическую метафорику повторяющегося слова/образа (*слова-цикла*) в семантическом пространстве М-текста с психолингвистическим дискурсом, использующим понятие *ритурнели* (повторяющееся – «циклическое» – заклинание), см. п. 2.5.3.3.

Можно попытаться увидеть причину сдвига «представлений» Мандельштама в сторону «архаического (мифологического) сознания» в воздействии общей ситуации «века-волкодава»⁵⁵. Но в «случае Мандельштама» этот сдвиг просматривается еще до 1914 г., т. е. до наступления «века-волкодава». Мне представляется здесь более реальным воздействие на поэта еврейского культурно-цивилизационного «генома», ЕТД, дискурса отца, семьи и т. п.⁵⁶

8.4.2. Можно ли назвать М-ЯКМ «еврейской»?

- Штирлиц⁵⁷, я про вас все понял:
вы еврей.
- Да русский я, русский!

Шутка середины 1970-х

Вряд ли возможно определить ЯКМ Мандельштама как именно «еврейскую»⁵⁸, тем более, что не очень ясно, что такое «еврейская» (ашкеназская) ЯКМ, по крайней мере, работа по реконструкции этого объекта еще не проделана. Но некоторые

⁵⁵ Об этой причине «архаического сдвига» в сознании С. Эйзенштейна говорит В. Иванов [197, с. 140]. Там же Иванов говорит: «...когда Эйзенштейн, Лурья, Выгодский, Марр стали заниматься этим [архаическим мышлением] как темой, возможно, они как-то смутно реагировали на то, что творилось в Европе вокруг них».

⁵⁶ См. монографию [200], гл. 2 и здесь: п. 7.3, 6.3 и 8.4.2.

⁵⁷ Stieglitz (нем./идиш ← зап. слав. stehlec) = 'щегол'. В ряде стихов Мандельштам использовал «птичью» метонимию: «щегол» ↔ «еврей».

⁵⁸ Например, доминирующий в М-ЯКМ сквозной мотив «взрыва/катастрофы» – не более «еврейский», чем «русский». Ср. запись М. Пришвина в дневнике от 13.09.37: «"Катастрофа" как категория души русского интеллигента (тема)».

«несущие элементы» конструкции мандельштамовской ЯКМ указывают на мощное воздействие еврейских «культурно-цивилизационных установочных архетипов (матриц)»⁵⁹.

В нижеследующем списке «ключевых идей (сквозных мотивов)»⁶⁰ М-ЯКМ мы отмечаем «проекции» еврейских «культурно-цивилизационных матриц».

8.4.3. Список **ключевых идей** (сквозных мотивов) М-ЯКМ.

** сквозной мотив «**взрыва**»

Рефлексы в дискурсе и, вообще, в экзистенции Мандельштама этой «примарной», т. е. порождающей ряд других, «идеи» частотны и крайне существенны, см. п. 7.1 и 7.2.

** сквозной мотив «**медиативности**»

Это проекция еврейской «культурно-цивилизационной» матрицы⁶¹.

Рефлекс этого мотива в М-тексте: частотность «коммуникативных» ситуаций⁶², имеющих прагматическую цель осуществления «контакта» и **передачи информации**, т. е. ситуаций типа: (а) обращений («Петербург! ... У тебя телефонов моих номера») (б) вопросов («Что, Александр Герцевич, // На улице темно?») (в) приветствий («Ну, здравствуй, чернозем...») (г) включения «прямой речи», своей или «чужой» («Пропадом ты пропади...») и т. д.

⁵⁹ О еврейских «культурно-цивилизационных установочных архетипах (матрицах, установках) а также о понятии «примарных порождающих матриц» см. подробнее в Главе 7, п. 7.3, а также в монографии [200].

⁶⁰ В формулировке А. Шмелева и др., см. [80, с. 452]. Эти же объекты могут в другом контексте называться «матрицами», «установками», «установочными архетипами» и т. п.

⁶¹ Об этой матрице см. подробнее в монографии [200], глава 1. В данной работе см. п. 7.3.

⁶² Феномен «повышенной коммуникативности» текста «позднего Мандельштама» изучался Ю. Левиным в [187, с. 128–131]. Несколько ранее этот же феномен зафиксировал О. Ронен в работах начала 1970-х гг.

Еще одним примером рефлекса этого мотива является специфика в М-ЯКМ концептов ***посредничества, обмена**, см. п. 8.6.

****** сквозной мотив **«оксюморонности», «двойственности»**.

Это проекция еврейской «культурно-цивилизационной» матрицы, см. подробнее в [200, гл. 1] и в п. 7.3.

Рефлекс этого мотива: частотность концептов **неопределенности**, амбивалентности, **«пограничности»** в М-тексте. Выделенность этого блока концептов во М-ЯКМ связана с ее общей «размазанностью», «импрессионистичностью», см. п. 8.3.3.

«Пять авторов» отмечают в этой связи, что в тексте Мандельштама присутствуют: «...многочисленные слова с приставкой, модифицирующей значение и направление неопределенности (*полу-, дву-, много-*: *полуукраинский, полуслово, полуберег, полухлеб, двуискренный, многоочитый*)». Там же отмечается «...изобилие слов, обозначающих “границу”, “переход”, “след”: *наклон, уклон, склон, скат, разлом, шов, стык, прослойка, зигзаг, извив* и т. п.» [82, с. 298].

Еще пример рефлекса этого мотива в М-ЯКМ: см. в п. 8.6 – ***концептуальная пара правда/неправда** и далее.

****** сквозной мотив **«динамичности»**⁶³

Это проекция еврейской «культурно-цивилизационной» матрицы, см. подробнее в монографии [200] и в п. 7.3.

Рефлекс этого мотива: повышенная **частотность слов-концептов движения** в М-тексте. По-видимому, этот феномен связан с общей «большой динамичностью» ЯКМ Мандельштама (сравнительно с Р-ЯКМ), а также, как уже говорилось, с динамичностью еврейского культурно-цивилизационного «генома»⁶⁴.

Л. Панова, анализируя концепт «звезды» в ЯКМ Мандельштама, отмечает: «На примере *звезд* можно увидеть такую константу в передаче мира, как отсутствие статики у таких объектов, которые в норме⁶⁵ мыслятся статически» [142, с. 183].

⁶³ Ясно, что здесь сильное пересечение с «динамической геометрией» ЯКМ, о чем шла речь в п. 8.3.3.

⁶⁴ См. подробнее в [200], гл. 1.

⁶⁵ Имеется в виду «нормальная» русская ЯКМ.

Отметим, что еще более ярко это «преодоление статики» проявляется в «геометрии цвета» в М-ЯКМ. Цветовые концепты в «нормальной» Р-ЯКМ статичны, в то время как в ЯКМ Мандельштама они подчеркнута резко динамичны, «векторны», подробнее см. в п. 8.6 – *цвет.

Еще пример рефлекса этого мотива в М-ЯКМ: см. в п. 8.6 концепт *динамичности, быстрого движения и далее.

**** сквозной мотив «моногенеза», ориентации на поиск единой исходной точки**

Это проекция еврейской «культурно-цивилизационной» матрицы, см. подробнее в монографии [200].

Пример рефлекса в М-ЯКМ: см. в п. 8.6 концепт *пространства, которое может сжиматься до одной точки, представлять собой часть единого текста и т. п.

Еще пример в 8.6 – *концепт единого города в ЯКМ Мандельштама: «Все города русские смешались в моей памяти и слиплись в один небывалый город».

**** сквозной мотив «отрицания» Р-ЯКМ, «ухода» от стандартной русской ЯКМ, ее «взрыва»⁶⁶. Отметим очень существенный «частный случай» этого мотива: Идея **«несущественности» синтаксиса в тексте, необходимости его «разрушения».**

Конечно, этот мотив приводит к мифологеме некоего вечно еврейского отрицания «нормального» мира, к «вечному нет», которое видел Эренбург в своем «Хулио Хуренито». Но у Мандельштама, это, скорее, не «уничтожающее» отрицание «плохого» объемлющего мира, а демонстрация своей (и своей ЯКМ) «другости», зеркальное (в специфически скошенном зеркале) отражение⁶⁷ окружающего мира, и «отражение», «отскок» себя, как светового луча, от этого мира: «Нет, я не каменщик прямой <...>. Двuruшник я...».

Рефлексы этого мотива в М-тексте:

⁶⁶ Этот феномен уже рассматривался в п. 4.1.5 и п. 7.2.9. Его же, фактически (без аппарата ЯКМ), рассматривал Ю. Левин в [187, С. 64–65].

⁶⁷ Здесь вполне уместен в качестве метафоры математический термин: «оператор отражения». Это и есть ситуация применения «НЕ»-оператора, см. Главу 4, п. 4.1.5.

- (а) повышенная **частотность** в М-тексте расхождений и даже противоположностей в ряде «ключевых» концептов;
- (б) «ресемантизация» ряда частотных русских лексем, нарушение «нормального» узуса;
- (в) повышенная частотность работы «НЕ»-оператора, повышенная частотность конструкций типа «не А, а Б» и т. д.⁶⁸;
- (г) частотность и, главное, «рутинность» синтаксических нарушений.

В отдельную группу выделим «ключевые идеи» М-ЯКМ, характерные для отношений Мандельштама с «Текстом».

В Главе 7 (п. 7.3) отмечалось, что отношения Мандельштама с **текстом**, будь то своим или не своим, в значительной степени, совпадают с отношениями еврейской культурно-цивилизационной системы с текстом. Это явление, в свою очередь, порождает в ЯКМ Мандельштама ряд специфических «ключевых концептов» и «ключевых идей».

Поскольку это все достаточно детально анализировалось в п. 7.3, мы здесь только перечислим узловые моменты соответствующего комплекса «ключевых идей» (проецирующихся в паттерны языкового поведения Мандельштама⁶⁹), которые условно можно квалифицировать как «еврейские мотивы» в этой части М-ЯКМ:

**** Идея «мира» как единого текста, вытекающего, как строка, из одной буквы⁷⁰ и представляющего собой одну гигантскую метафору.**

Рефлексы этого мотива в М-тексте:

- (а) «плотная» интертекстуальность → принципиальная «нелинейность, многомерность» текста Мандельштама;
- (б) выделенность (соответственно, повышенная частотность лексического выражения в текстах) в ЯКМ Мандельштама

⁶⁸ См. п. 4.1.5, а также обсуждение этого феномена и примеры у Ю. Левина в [187, с. 55–64].

⁶⁹ Подробнее см. в п. 7.3 и в монографии [200].

⁷⁰ Эта «ключевая идея» является, разумеется, одновременно важнейшей «когнитивной метафорой», см. ниже.

- ключевых концептов ***текста**, ***чтения**, ***книги**, «не выделенных» в стандартной русской ЯКМ (см. п. 8.6);
- (в) частотная «диалогичность» (= контакт с «миром») М-текста;
- (г) резко повышенная метафоричность текста. Присутствие в «сознании» и рефлекс в М-тексте ряда «когнитивных метафор», см. п. 8.5.1.

**** Идея: комментарий к тексту «важнее» самого комментируемого текста.**

Рефлекс этого мотива: частое принципиальное отсутствие у Мандельштама «главного» авторского текста среди множества «вариантов»⁷¹.

**** Идея «уплотнения», «максимизации» информативности текста.**

Рефлексы этого мотива в М-тексте:

- (а) массовость и рутинность «сверток» и «сокращений»;
- (б) как отмечалось в п. 7.2.2, явное предпочтение в его «лексической геометрии мира» «сильно-информативного» концепта «кривизны» «слабо-информативному» концепту «прямыны». Более подробно см. в п. 8.6, концептная пара *прямой vs. кривой;
- (в) как отмечалось в п. 7.2.2, специфичная «мультилингвистичность» дискурса, см. ниже;
- (г) очевидная частотность «НЕ-лексем» (прилагательных и наречий с НЕ, БЕЗ и т. д.). Например:

«...И ВСЕ ТВОЕ // ОТ **НЕИЗБЕЖНОГО**. // ОТ **НЕИЗБЕЖНОГО** // ТВОЯ ПЕЧАЛЬ // И ПАЛЬЦЫ РУК // **НЕОСТЫВАЮЩИХ**, // И ТИХИЙ ЗВУК // **НЕУНЫВАЮЩИХ** // РЕЧЕЙ».

Ю. Левин, исследовавший феномен «негационности» М-текста, писал: «Это предпочтение “не-лексем” связано, видимо, с их большей, по сравнению, с обычными, смысловой свободой и неопределенностью (ср. *несладкий* и, например, *солёный*), и с их семантическим богатством, – с тем, что они явля-

⁷¹ Ср. в ЕМ: «Уничтожайте рукопись, но сохраняйте то, что вы начертали сбоку, от скуки, от неумения и как бы во сне. Эти второстепенные и мимовольные создания вашей фантазии не пропадут в мире...».

ются как бы носителями двойной семантики: сквозь отрицание просвечивает утверждение (в конструкции со словом *несладкий* работает семантика «сладкого»)»⁷².

(д) частотные нарушения «нормального» русского синтаксиса. Ю. Левин пишет: «...нарушения [в дискурсе Мандельштама] логики здравого смысла проявляются, прежде всего, в сфере синтаксиса, поскольку (в первом приближении) именно синтаксические отношения в речи отражают вещественно-логические отношения в реальности. Возникающие при этом новые, неузуальные отношения так же, как и “новые модальности”, **способствуют появлению “новых смыслов”**»⁷³.

** Идея: **ориентация на «мультилингвистичность» дискурса, т. е. на использование в дискурсе всех известных генератору текста вербальных языков** (на самом деле, вообще всех известных ему семиотических систем), ориентация на «межъязыковую интерференцию», на использование разноязычных смыслов в высказывании и т. д. См. об этом подробнее в п. 7.3.2 (и).

Рефлекс этого мотива: частотность и рутинность⁷⁴ т. н. «игры слов» в тексте Мандельштама.

8.5. Специфичные для Мандельштама системные механизмы изменения (сдвига) ЯКМ⁷⁵: аппарат межъязыковых интерференций, система концептуальных метафор.

Материал этого параграфа, вообще говоря, не обязательно было выделять в отдельное рассмотрение, ведь **концептуальные метафоры** – это естественная часть корпуса ключевых идей

⁷² [187, с. 63]. Сюда же относится и частотность работы «НЕ-оператора», см. п. 4.1.5.

⁷³ [187, с. 65].

⁷⁴ Я хочу еще раз подчеркнуть принципиальную важность этого феномена: то, что для «стандартного» европейского (включая Р-ЯКМ) языкового сознания является «играми слов», «каламбурами», *Wortspiele*, *jeux de mots* и т. п., для Мандельштама есть совершенно рутинная техника генерирования «новых смыслов», в которой использование «межъязыковых интерференций» является лишь одним из элементов. Эта «рутинность» сильнее всего образует сближает тексты Мандельштама и «традиционный» еврейский дискурс.

⁷⁵ А также генерирования эффектов, описанных в п. 8.3.3.

(п. 8.4), а **аппарат межъязыковых интерференций** подробно рассматривался в Главе 5.

Но М-ЯКМ – это некий единый организм с набором «встроенных» систем самоизменения, динамического воздействия на себя самого, на свой «геном», и для лучшего понимания его «жизнедеятельности» необходимо попытаться «вывести на поверхность» эти семантические механизмы⁷⁶, хотя это и «забирает» часть материала из глав, занимающихся именно «механизмами».

8.5.1. Концептуальные (программные) метафоры (КОМЕТЫ).

В Главе 2, п. 2.5.4 эти объекты определялись как **константные метафоры, устойчивым образом воздействующие на понятийную систему «генератора речи», устойчиво влияющие на формирование «ключевых» понятий.**

Приводимый ниже набор центральных мандельштамовских КОМЕТ является лишь абрисом системы, которая требует дальнейшего изучения.

Стрелкой (→) обозначены деривативы, т. е. метафоры, производные от обозначенных в предыдущей строке звездочками (**).

**** ПОЭЗИЯ – ЭТО ВЗРЫВ; ПОЭЗИЯ – ЭТО ОРУДИЕ ВЗРЫВА;
→ ПОЭЗИЯ – ЭТО ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ АРТИЛЛЕРИИ.**

Подборку высказываний Мандельштама, в которых просвечивают эти метафоры, см. в п. 7.1.1.

**** МИР – ЭТО ТЕКСТ; ТЕКСТ – ЭТО ЖИЗНЬ
→ ВСЯКАЯ ВЕЩЬ – ЭТО КНИГА⁷⁷;
→ ЖИЗНЬ – ЭТО КНИГА⁷⁸**

⁷⁶ Биологическая метафорика здесь вполне естественна, но мне представляется, что геометрическая метафорика, в данном случае, дает несколько больше и больше соответствует метафорике РД, хотя выглядит более сложной: см. п. 8.3.4.

⁷⁷ В 7-й главе ЕМ: «Всякая вещь мне кажется книгой. Где различие между книгой и вещью? Я не знаю жизни: мне подменили ее...». Там же, в главе 8: говорится о разведенных петроградских мостах, напоминающих «о торцовой **книге** в каменном переплете с **вырванной** серединой».

⁷⁸ Ср. в 8-й главе ЕМ: «наша жизнь – это повесть без фавулы и героя...».

→ ЗЕМЛЯ = (ЗАСТЫВШАЯ) РЕЧЬ; ЧЕРНОЗЕМ = ЧЕРНОРЕЧИВОЕ МОЛЧАНИЕ⁷⁹

О «ключевой идее» «мира как текста» у Мандельштама много говорилось выше. Добавим, что поэт, по-видимому, воспринимал текстуальное описание мира «как результат работы некоторой системы передачи информации по отношению к нам»⁸⁰.

** ЖИЗНЬ – это ДВИЖЕНИЕ

→ ТЕКСТ – ЭТО ДВИЖЕНИЕ; СЛОВО – ЭТО ПУТЬ

Ср. высказывание Мандельштама в разговоре с С. Рудаковым (1935): «Жизнь – это ДВИЖЕНИЕ, событие – его нельзя описать. <...> поэзия понимается <...> как отказ от твердых форм значения за счет углубления роли сочетаний. Здесь куча частных. Программа: все это В ДВИЖЕНЬЕ. О нем, О ДВИЖЕНЬЕ, написан “Дант”»⁸¹.

** СРАВНЕНИЕ (МЕТАФОРА) – ЭТО ВЗРЫВ (ПОРЫВ)

См. п. 7.1.1 и 2.4.2.

** ЖИЗНЬ – ЭТО МЕТАФОРА (СРАВНЕНИЕ)

→ ЖИЗНЬ – ЭТО ВСЕГДА И ВЕЗДЕ ВЗРЫВ (ПОРЫВ)

Ср. «Я сравниваю, значит я живу – мог бы сказать Дант. Он был Декартом метафоры. Ибо для нашего сознания (а где взять другое?) только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть – сравнение»⁸².

Пример «программирующего» действия метафоры ЖИЗНЬ – ЭТО СРАВНЕНИЕ: даже в отредактированном следователем протоколе допроса в 1934 г. просвечивает, что для Мандельштама в его оценке деятельности «части старой интеллигенции» (к которой он сам принадлежит) самым важным являются произво-

⁷⁹ Напомним (см. п. 7.1.1, Пример 2), что в этих метафорах, кроме прочего, актуализируется внутри-немецкая паронимия Erde ‘земля’ ↔ Rede ‘речь’, продуцирующая внутри-русскую связь «черно-зём» ↔ «черно-речие», см. Приложение, стихотворение «Чернозём» (1935) и др.

⁸⁰ Так формулирует похожий комплекс представлений В. Иванов в своем курсе [197, с. 204–205].

⁸¹ В письме С. Рудакова, цит. по [8, с. 130–131].

⁸² <Вокруг «Разговора о Данте»> (1933) [72, т. 3, с. 406].

димые ею **сравнения** (анalogии): «В политическом отношении, эта группа извлекла из опыта различных оппозиционных движений в прошлом привычку к **искажающим** современную действительность историческим **анalogиям**»⁸³.

** РАСТЕНИЕ – ЭТО ГРОЗА

** ВСПОМНИТЬ ЗНАЧИТ УМЕРЕТЬ

** ЧУЖАЯ РЕЧЬ – ЭТО ОБОЛОЧКА

8.5.2. Техника локальной перестройки ЯКМ.

Наиболее частым техническим аппаратом для резкого изменения («взрыва») локальной семантической картинки (локальной ЯКМ) у Мандельштама являются общий механизм СИ-операторов и техники т. н. межъязыковой интерференции.

Имеется в виду суггестирование в тексте иноязычного слова, которое «вторгается» в текст и меняет его семантику, при этом модифицируя «локально-ключевые» концепты (часто некий один локально-ключевой концепт) в локальной окрестности «взрыва», что и означает изменение «локальной ЯКМ».

Таким способом генератор текста локально изменяет собственную ЯКМ, свой «хронотоп», меняет свою «языковую кожу» («чужая речь мне будет оболочкой») ⁸⁴.

Например, в мандельштамовском высказывании «есть блуд труда, и он у нас в крови» русское «блуд» суггестирует свой немецкий омофон Blut ‘кровь’, в результате чего «ключевые» для данной ситуации концепты «блуда» и «труда» получают расширение (модификацию) за счет семантического пространства нового для данной ситуации концепта «крови». Это вторжение «нового» «взрывает» (резко модифицирует) всю «картинку» исходного высказывания ⁸⁵.

⁸³ Цит. по [196, с. 35].

⁸⁴ Об этом уже говорилось в Главе 7, п. 7.2.1.

⁸⁵ В данном случае, произошедший «семантический взрыв» (математик бы сказал: «семантическая бифуркация») эксплицируется (выводится на поверхность) в конце фразы: «...и он у нас в **крови**», но это совершенно не обязательно

О механизме межъязыковой интерференции в М-тексте см. подробнее в Главах 4 и 5. Там же описывается механизм «иногозычного монитора» и механизм и типология т. н. СИ-операторов.

Эти механизмы работают, по-видимому, в большинстве текстов Мандельштама и способствуют самым различным локальным (ситуативным) и глобальным изменениям (перестройкам) стандартной русской ЯКМ, например, ее «германизации» и т. п.

Пример «германизации картинки ситуации» приведен в п. 5.4.2. Это замена значения лексической функции Magn(X) в «Канцоне».

8.5.3. «Ресемантизация» лексем и словосочетаний.

Еще одним частым способом резкого изменения («взрыва») локальной семантической картинкой является техника «ресемантизации» ряда лексем (и сочетаний) русского языка, не обязательно представляющих «ключевые концепты», но **частотных**⁸⁶.

Имеется в виду «смещение» Мандельштамом «стандартной» семантики русских слов, вкладывание в них «другого», измененного, часто даже не сразу уясняемого читателем, смысла.

Это, разумеется, способствует формированию ощущения (как у адресата дискурса, так и у самого Мандельштама) общей «сдвинутости» М-ЯКМ, по сравнению с Р-ЯКМ.

Ряд исследователей пытались выяснить причины и паттерны такого «языкового поведения» Мандельштама, хотя это крайне трудная задача.

Например, внимание привлекает явное «смещение» стандартного смысла лексемы «ласковый» у Мандельштама. А. Жолковский, рассматривая строки «С каким-то ласковым испугом // Я соглашался с равенством равнин»⁸⁷, пишет: «особенно характерен оксюморонный мотив 'вынужденной ласковости' – одной из мандельштамовских стратегий 'эллинистического обживания враждебного мира'» [103, с. 168].

Мне представляется, что здесь и в ряде других случаев имеет место, скорее, инвариантная **еврейская** «цивилизационная

но, и в массе других случаев подобная экспликация в текстах Мандельштама не имеет места. Чуть подробнее об этой ситуации см. в п. 7.2.1.

⁸⁶ Об этой технике говорилось в п. 4.2.1.

⁸⁷ В стихотворении «Не сравнивай, живущий несравним...».

стратегия» обживания мира (как текста) при помощи ресемантизации его элементов привнесением в них еврейских⁸⁸ коннотаций, проще говоря, путем создания собственного субъязыка и собственной ЯКМ⁸⁹.

М-текст часто ресемантизирует не только отдельные лексемы, но и их сочетания. Вот примеры применения одного из «серийных» способов ресемантизации («германизации») словосочетания:

СОННЫЕ КАЗНИ → смысл «казни во сне, сны (грезы) о казнях».

Ясно, что в этой серии модификация «стандартного» русского смысла происходит через «немецкого медиатора», т. е. через использование немецкой техники составления сложных слов с «генетивно-посессивным» смыслом: СОННЫЕ КАЗНИ → *Traumstrafen = «казни сна», «казни, имеющие отношение к сну» и т. п.

Список ряда наиболее явных «ресемантизированных» русских лексем и сочетаний в М-текстах см. в п. 8.7.

8.6. Корпус ключевых концептов, специфичных для М-ЯКМ.

Ввиду общей малоизученности всей проблематики, мы здесь можем только попытаться отметить некоторые точки, могущие в сумме дать некий *гештальт* общей картины.

В чем, в сущности, главные отличия Р-ЯКМ и М-ЯКМ?

Кроме набора специфически «еврейских» свойств ЯКМ Мандельштама (см. п. 8.4), а также частичной «германизации» Р-ЯКМ в тексте Мандельштама (п. 8.5.3), следует отметить явления, анализируемые ниже в п. 8.6 и 8.7.

Это, прежде всего, резкое несовпадение и даже противоположность в ряде «ключевых» концептов «стандартной» русской ЯКМ и ЯКМ Мандельштама. Это, в частности, проявляется в не-

⁸⁸ В данном случае, идишских. Смещенная семантика лексем «ласка», «ласковый» взята Мандельштамом из идиша, с меньшей вероятностью – из украинского (в оба эти языка она импортирована из польского). См. подробнее в Приложении 1.

⁸⁹ См. еще об этом в монографии [200], п. 1.5.0. Но эта идея А. Жолковского, кажется, помогает объяснить странную частотность лексемы «ласка» и её производных в текстах Мандельштама.

совпадении ряда ключевых культурных скриптов⁹⁰ в М-текстах со «стандартными» русскими скриптами, что влечет крайне важные последствия для отношений Мандельштама с «окружающей средой».

Наиболее ярко феномен «несостыковки» ЯКМ наблюдается на концептах-проекциях «еврейских примарных порождающих матриц».

Список ключевых концептов⁹¹

***посредничество, обмен**⁹²

- В ЯКМ Мандельштама эти концепты однозначно резко позитивны: «люблю обмен» и т. п.⁹³
- В Р-ЯКМ⁹⁴ отношение к этим концептам (точнее: к соответствующим установкам, паттернам поведения и т. п.) – ско-

⁹⁰ Культурные скрипты (по А. Вежицкой) – это зафиксированные в языке «общеизвестные и обычно неоспариваемые мнения о том, что хорошо и что плохо и что можно и чего нельзя».

⁹¹ Этим списком я пытаюсь сделать «пунктирный» абрис «несущих конструкций» М-ЯКМ, сознательно «перемешивая», например, «пространственные» и «психо-морально-этические» концепты, как бы следуя в этом Мандельштаму, в ЯКМ которого все, с первого взгляда, «несмешиваемые» концепты, на самом деле, сильнейшим образом связаны. Достаточно одного пассажа из ЕМ про «страх»: «...он координата времени и пространства» или формулировки отношения поэта к 5-й симфонии Шостаковича в письме Кузину (21 марта 1938 г.): «Не приемлю. Не мысль. **Не математика. Не добро.** Пусть искусство: не приемлю!».

⁹² В ЯКМ Мандельштама эти концепты – проекции «еврейской» культурно-цивилизационной примарной матрицы «медиативности», см. п. 8.4.1 (а). Подробно об этой матрице см. монографию [200], п. 2.1.

⁹³ Об общих причинах этого явления подробно говорится в монографии [200], п. 2.1. Здесь отметим, что даже абсолютно негативный в русской ЯКМ концепт ростовщика (архетипа «менялы») «позитивируется» (по-видимому, намеренно, см. ниже) у Мандельштама: «Я люблю военные бинокли с **ростовщической** силой зренья».

⁹⁴ Отметим, что рассматривается «наивная картина мира» в смысле Ю. Апресяна, в которой «посредничество» и «обмен» ассоциируются с простыми «физическими» ситуациями, а выражения типа «посредничество между культурами» и т. п. являются какой-то непонятной «метафизикой».

рее негативное, в лучшем случае – нейтральное. Ср. резко негативная окраска в Р-ЯКМ концепта «деньги» – числового выразителя и символа «обмена». Ср. также негативную окрашенность концепта «торговля» в Р-ЯКМ. В сознании носителя Р-ЯКМ концепты «обмена, посредничества (любого, не только коммерческого), купли-продажи» ассоциируются с концептом «обмана» (потенциального или актуализированного) или, вообще, какой-то потенциальной «не-справедливости», или служат маркером «низкого» (а не «высокого») поведения⁹⁵. Ср. высказывания типа «не обманешь – не продашь», «они нас продали»⁹⁶ и т. п.

* концептуальная пара «**правда/неправда**»⁹⁷

- В Р-ЯКМ «правда» всегда позитивна, «правда» связана с явно позитивным концептом «открытой души», «неправда» – явно негативна⁹⁸.
- В М-ЯКМ отношение к концепту «правды» скорее подозрительно-насмешливое, а к «неправде-кривде», скорее «симпатично-эмпатичное». Ср. в 10-й главке ЧП: «...секретарша-правда, правдочка, совершенная белочка <...>. Один мерзавец мне сказал, что правда по-гречески значит мрия⁹⁹. <...> жестокая партийная девственница Правда-Партия». В стихотворении «Неправда» Мандельштам даже отождествляет себя с монструозной колдуньей-«неправдой»: «Я и сам ведь такой же, кума». В вариантах «Волка»: «Потому что не волк я по крови своей // И неправдой искривлен мой рот». Тонкость здесь в том, что «волкодав» в «Волке» кидается на

⁹⁵ О ключевом концепте «справедливость» и об оппозиции «высокое-низкое» в русской ЯКМ см. [80, с. 10–11 и др.].

⁹⁶ Недавно в эфире московской FM-радиостанции обсуждалась официальная борьба со словом *sale* в торговой рекламе в Калининградской области. Ведущая программы воскликнула: «Но ведь у нас же не любят слов “продажа” и “распродажа”!»

⁹⁷ В ЯКМ Мандельштама эти концепты – проекция примарной матрицы «оксюморности/ двойственности», см. [200, п. 4.1 (б)].

⁹⁸ Подробно об этом см. у А. Вежицкой, в работе, включенной в книгу [154], с. 261.

⁹⁹ *мрия* (укр.) = ‘мечта, грёза’. Мандельштам, для усиления эффекта (само насмешки (издевки, стёба), делает вид, что не понимает эту шутку В. Катаева.

плечи (вар. «на шею») автору совсем не с целью загрызть, но, наоборот, с целью «дружить», сделать своим, на что автор сообщает, что он совсем не «свой», и в доказательство демонстрирует (на примере ключевого для Р-ЯКМ концепта «правды») несовместимость своей ЯКМ и современной Р-ЯКМ (= ЯКМ «волка»). Подробнее об этой интересной «семантической разборке» см. [3, п. 3.1.2]. Достаточно очевидно, что здесь, как и в ряде других ситуаций, Мандельштам сознательно «сопротивляется» давлению Р-ЯКМ и «скриптов» русской культурно-цивилизационной системы¹⁰⁰, в которых концепт «неправда» однозначно резко негативен¹⁰¹.

* **прямодушие, прямота, единодушие**

- В Р-ЯКМ – эти концепты оцениваются явно позитивно, а противостоящие им **двоедушие, двуличие, двойничество, двурушничество** – явно негативно¹⁰².
- ЯКМ же Мандельштама как бы отвергает это восприятие, *переворачивает* картинку¹⁰³. В «Грифельной оде»: «Нет, я не каменщик прямой, // Не кровельщик, не корабельщик, // Двурушник я, с двойной душой...». Здесь поэт явно демонстративно применяет к себе резко негативные в Р-ЯКМ определения «двурушник»¹⁰⁴ и «с двойной душой» (а не с «открытой, **прямой** душой!»). В переводе Петрарки: «Хоть ключ один, вода разноречива – // Полужестка, полусладка, – уже-

¹⁰⁰ См. п. 8.3.2 о специфически «косо-зеркальном» отражении «нормального» мира.

¹⁰¹ Ср. рассматриваемое ниже демонстративное применение к себе в «Грифельной Оде» негативных в современной Р-ЯКМ определений «двурушник» и «с двойной душой». Ср. также намеренную «позитивизацию» в стих. «Канцона» (1931) абсолютно-негативного в русской (как и в любой другой!) ЯКМ определения «ростовщический»: «Я люблю военные бинокли // С **ростовщическою** силой зренья».

¹⁰² Ср. в словаре В. Даля: «**Двое(дву)душие** <...>, лживость, притворство, лукавство, лицемерие».

¹⁰³ Я бы даже сказал (имея в виду некоторую геометрическую метафорику): «выворачивает» картинку. Ср. высказывание М: «и все на свете наизнанку».

¹⁰⁴ Интересно, что «негативная» лексема «двурушник» в своем «расстрельном» значении 'изменник' вошла в русский политический новояз только в начале 30-х.

ли // Одна и та же милая двулична...». Здесь «двуличность» «милой» не есть негативная характеристика¹⁰⁵.

Конечно, здесь дело в том, что М-ЯКМ вполне рутинно «двоится», размывается, становится «импрессионистичной» (см. п. 8.3.3).

*** прямой vs. кривой, ровный (по горизонтали и вертикали) путь, движение (по равнине) прямо вперед** (пересекается с предыдущим пунктом)

- В Р-ЯКМ концепт «прямого пути» резко позитивен, в то время как «непрямой (кривой) путь» – обычно негативен¹⁰⁶. Ср. у Пушкина: «в поле бес нас водит, видно, да КРУЖИТ по сторонам, <...> ЗАКРУЖИЛИСЬ бесы разны». Или в песне: «черный ворон, что ты ВЪЕШЬСЯ над моею головой...», или во фразах типа «что ты ходишь ВОКРУГ да около, говори ПРЯМО» и т. п.¹⁰⁷
- В М-ЯКМ, наоборот: более позитивен непрямой¹⁰⁸ путь (частный случай: круг → движение по окружности). Одной из глубинных причин этого служит действие «еврейской» культурно-цивилизационной матрицы медиативности/информационности¹⁰⁹. Проще говоря, «кривое» «медиативнее и информативнее», чем «прямое» и (в частности) поэтому привлекательнее для Манделъштама¹¹⁰. Примеры позитивной

¹⁰⁵ Это отметил А. Илюшин в статье в «воронежском сборнике»: [71, с. 378].

¹⁰⁶ О «кривизне» как маркере «того света», «нечистой силы» в славянских народных верованиях см. [166, с. 409]. Там же соотв. примечания.

¹⁰⁷ Отметим, что в журнальном дискурсе 1921–1922 гг. (т. е. в период создания «Грифельной оды» со строкой «Нет, я не каменщик прямой...») имеют место выражения типа: «стиль РСФСР – стиль **прямой** линии», см. [132, с. 196].

¹⁰⁸ Ср. Манделъштам о себе в Воронеже: «Как ее [фамилию Манделъштам] ни вывертывай, **криво** звучит, а **не прямо**. Мало в нем было **линейного**...» (1935).

¹⁰⁹ См. подробнее в [200], п. 2.1 и 1.1. «Еврейская» означает, в данном случае, диаспоральную, «постбиблейскую», «талмудическую» систему. Интересно в этой связи отметить, что в «библейской» ЯКМ, а также в современной израильской ЯКМ, концептуализация пары «прямой vs. кривой» совпадает с русской ЯКМ. Например, понятие *duḡi* = 'прямой, прямо' (иврит ← арабский) является **ключевым позитивным** словом-концептом в израильской («сабрской») ЯКМ.

¹¹⁰ Ср. у В. Топорова: «“Неправильное”, “кривое” богаче информацией, чем “правильное” и “прямое” по крайней мере потенциально, но образ, в котором

окраски этого концепта в его текстах: «улиц твоих больше-ротых **кривые люблю** вавилоны», «веселая, **кривая**, карличья, в ушастьх шапках стая», «и Гёте, свищущий на **вьющейся** тропе, и Гамлет, мысливший **пугливыми** шагами¹¹¹, <...> и в бездревесности **кружились** листья», «честные зигзаги». К концепту «прямой» отношение у Мандельштама, скорее, негативное – как к чему-то чуждому и/или опасному, даже страшному: «нет, я не каменщик **прямой**» (1923), «как ее ни вывертывай, **криво** звучит [фамилия Мандельштам], а **не прямо**», «муж **прямой** и дикий» (1937), «как виселица **прям** и дик»¹¹².

В «Разговоре о Данте» Мандельштам сообщает, что Дант «читил искусство современного ему мореплавания <...> этого наиболее **уклончивого** и пластического спорта», и говорит далее: «Мне хочется указать здесь на одну из замечательных особенностей дантовской¹¹³ психики – на его **страх** перед **прямыми** ответами».

А. Жолковский отметил, что Мандельштам воспринимал «объективный внешний мир» как «нечто большое, безличное, холодное, чуждое, равнодушное, “**прямое**”, “простое”»¹¹⁴.

- * **плоская поверхность, равнина, степь** (плоскостной, двумерный вариант предыдущего пункта)
- Этот «пучок» концептов позитивен в Р-ЯКМ: «бескрайние просторы, воля» и т. п.¹¹⁵.

эта информация выражается, “темнее”, дву- и много-смысленнее, но отважное сознание открыто риску...» [77, с. 13].

¹¹¹ Точный образ постоянно (на каждом шагу) оборачивающегося человека: блестящая метафора постоянного циклического (рекурсивного) продвижения, нечто вроде сложной спирали, трóпа «вьющейся тропы».

¹¹² О колокольне Ивана Великого в Кремле, одном из принятых символов русской культурно-цивилизационной системы.

¹¹³ Фраза как будто взята поэтом (через «разрыв в хронотопе») из какой-то будущей мандельштамоведческой статьи – осталось только вместо слова «дантовской» вставить: «мандельштамовской».

¹¹⁴ Жолковский А. Избранные статьи о русской поэзии. М., 2005. С. 61.

¹¹⁵ Ср. у С. Городецкого, одного из трубадуров русской культурно-цивилизационной системы, в стих. «Россия» (1914): «Какая мудрость **на равнине** // Культуру сложную слагать // По государствам и в пустыне // Народов облики

- В ЯКМ Мандельштама рассматриваемый пучок негативен. Он эти *прямые, ровные, однородные* просторы-плоскости ненавидит, т. е. в буквальном смысле видеть не хочет, презирает¹¹⁶ и боится их¹¹⁷. Образ **степи** в М-ЯКМ, к тому же, связан с негативным концептом **мачехи**¹¹⁸. Мандельштам посвятил экспликации этой «психофизиологии» несколько стихотворений 1937 г. (выделены жирным слова, фиксирующие стремление автора к не-однородности, не-ровности, кривизне и т. д.):

О, этот медленный, одышливый простор! –
Я им пресыщен до отказа –
И отдышавшийся распахнут кругозор –
Повязку бы на оба глаза!

Уж лучше б вынес я песка **слоистый** нрав
На берегах **зубчатых** Камы:
Я б удержал ее застенчивый **рукав**,
Ее **круги, края и ямы**.

Я б с ней сработался на век, на миг один –
Стремнин осадистых завистник –
Я б слушал под корой текучих древесин
Ход **кольцеванья волокнистый**.

* пространство

- В Р-ЯКМ «пространство» – однородно и «евклидово».

ковать». Ср. с этим «ночной кошмар» у Мандельштама (Воронеж, 1937): «И не ползет ли медленно по ним [равнинам] // Тот, о котором мы во сне кричим, – // народов будущих Иуда».

¹¹⁶ Ср. в статье «Петр Чаадаев» (1914): «как безнадежная плоская равнина...».

¹¹⁷ См. цитированный выше «воронежский ночной кошмар» (1937), а также образ «**мертвых** гончарных **равнин**» из армянского цикла (1930) и, там же, ночной кошмар, который видит двойник автора, «командированный – мать твою так! – // Без подорожной в армянские **степи**»: «...И маршрутируют повзводно полки // Птиц голенастых по желтой **равнине**».

¹¹⁸ Через стандартную русско-германскую паронимическую связь: СТЕПЬ ↔ Steppe ↔ Stief (-mutter). Ср. «**Степь** беззимняя гола. // Это **мачеха** Кольцова, // Шутишь: родина щегла!» (Воронеж, 1936). Подробнее см. в Приложении 1.

– В М-ЯКМ «пространство» совершенно поразительно: Raumanschauung Мандельштама с «обычной» точки зрения – это бред какого-то «идиотического» физика-космолога или математика-тополога.

Его пространство многомерно: «ему пространств **инакомерных** норы <...> представились в полвека, в полчаса». Но при этом пространство у Мандельштама (как уже отмечалось в п. 8.3) существенно неоднородно, топологически нетривиально, он убегает от евклидовой «пространственной цивилизации», от ее «пустоты» и «прямызны», от «гладкости» и «симметричности» ее объектов.

Его космос «неевклидов», его прямые – это «кривые» (= ДУГИ) с обычной точки зрения, его поверхности не-плоски, не-гладки, его притягивает мощная гравитация и сложное устройство «особых точек» пространства, т. е. «язык пространства, сжатого до точки».

Его пространство принципиально непусто и способно взаимодействовать с наблюдателем (художником)¹¹⁹, оно может сжиматься, даже до точки, «сдуваться» и «раздуваться»: «...она [Москва] то сжимается, как воробей, то растет, как воздушный пирог», «я, сжимаясь, гордился пространством за то, что росло на дрожжах» и т. п. Его пространство может распадаться на отдельные одномерные пути = «волосы», которые скручиваются и перекручиваются, превращая пространство в некий сложный «колтун»: «...**колтуном пространства** дышал»¹²⁰.

Здесь же следует отметить, что техническим способом получения «своего» неевклидова пространства в ЯКМ Мандельштама является «компактификация» исходного евклидова, т. е. свертывание «бесконечного», незамкнутого евклидова пространства в «компактное» и замкнутое неевклидово¹²¹, например, свертка

¹¹⁹ Ср. в программном тексте «Утро акмеизма» (1912): «Строить [как акмеисты. – Л. Г.] – значит бороться с пустотой, **гипнотизировать пространство**». Ср. у Пастернака: «привлечь к себе любовь пространства...»

¹²⁰ Пушкин не смог бы здесь воскликнуть: «Плохая математика; но зато какая смелая поэзия!», потому что и «поэтическая топология» («топологическая поэтика») тут вполне смела и нетривиальна.

¹²¹ «Что делать нам с убитостью **равнин**, // С протяжным голодом их чуда? // Ведь то, что мы **открытостью** в них мним...». Суггестируемый ответ Мандель-

«обычного» трехмерного пространства в неевклидов шар, эллипсоид, свертка евклидовой плоскости в компактную неориентируемую «бутылку Клейна» и т. п.

С. Шиндин называет¹²² достигаемый эффект «компрессированным состоянием» и напоминает, что герой ЕМ полагал, что полушария (на географической карте), «как питательные пилюли, заключают в себе сгущенное пространство и расстояние».

В очерке «Яхонтов» (1927) фигурирует **сжатое** «пространство, необходимое актеру, пространство, которое он носит с собой, словно увязанным в носовой платок портного Петровича, или вынимает его, как фокусник яйцо [= эллипсоид! – Л. Г.] из цилиндра». Там же говорится: «В движениях актера все время чувствуется **страх пространства**, стремление заслониться от набегающей пустоты». Этот пассаж отражает «страх» самого Мандельштама перед неограниченным пустым евклидовым пространством, стремление уйти в некую защитную оболочку, например, в «пространство речи»: «чужая речь мне будет оболочкой»¹²³.

О «компактности» и «замкнутости» пространства Мандельштама свидетельствует также то, что его можно «разорвать» и «выйти» из него: «И я выхожу из пространства...», «разорвав расстояний холстину» и т. п.

Исключительно существенно, что пространство Мандельштама принципиально «неориентируемо» – хорошо здесь работает топологическая метафора «листа Мёбиуса» и «бутылки Клейна»¹²⁴: «и все на свете наизнанку».

К специфическим свойствам концепта пространства в М-ЯКМ следует отнести отмеченную рядом исследователей, явно повышенную, по сравнению со стандартной русской ЯКМ,

штама на свой же вопрос – это: «свернуть это открытое пространство» в замкнутый компактный шар (круг), т. е. метафорически, в «единый компактный город», психологически комфортное для поэта пространство.

¹²² О. Э. Мандельштам, его предшественники и современники: Сб. материалов к Мандельштамовской энциклопедии. М., 2007. С. 224.

¹²³ Ср. в «Яхонтове»: «Слово для Яхонтова – это второе пространство. <...> Яхонтов – единственный из современных русских актеров – движется в слове, как в пространстве».

¹²⁴ См. п. 8.3.2.

антропоморфность М-пространства¹²⁵: «пространств несозданных Иуда», «Рим-человек», «ее [Москвы] базаров бабья ширина», «страх <...> он координата времени и пространства», пространство можно «уколоть», «попрекнуть», «гипнотизировать» и т. п.

Несколько упрощая, можно сказать, что *пространство у Манделъштама – это «субконцепт» *текста. Этот феномен естественно рассматривать как проекцию общей «еврейской» установки (см. п. 8.4.3): «язык пространства», «земли пустотелую книгу». С. Шиндин, отмечает, что у Манделъштама «художественный текст способен быть равнозначным универсуму» и вводит понятия «вербального пространства», «вербализации пространства» в его тексте¹²⁶.

* взрыв/катастрофа

- В Р-ЯКМ эти концепты, обычно, имеют резко негативные ситуативные коннотации. Об этом пишет, например, Ю. Лотман в [188, с. 22].
- В ЯКМ Манделъштама «взрыв» позитивен во всех ситуациях. Я бы даже сказал, что любая «картинка» в М-ЯКМ почти всегда «настроена» на взрыв/катастрофу. См. подборку его высказываний, содержащих концептуализацию «взрыва», и соответствующие комментарии в п. 7.1.1. Психологически позитивная окрашенность «взрыва» в М-ЯКМ, разумеется, связана с резкой ориентацией «геометрии» Манделъштама на «неровное», «негладкое», как бы «разорванное» (взорванное) пространство, см. п. 8.3 и *пространство. Это, в свою очередь связано с ориентацией на «информационность», в то время как концепты взрыва и катастрофы в сознании Манделъштама тесно связаны с резким увеличением информационности ситуации, с «ин-формообразованием». Ср. в РД: «Зернистые примеси и лавовые прожилки указывают на единый сдвиг, или **катастрофу, как на общий источник формообразования**».

¹²⁵ Феномен антропоморфности (антропоцентричности) пространства у Манделъштама анализируется, в частности, в монографии Л. Пановой [142, с. 243]. Отметим, что этот феномен коррелирует с «антропным принципом участия» (АПУ)», см. Главу 1.

¹²⁶ См. [144, с.227].

* **информация**

- в этом поле следует подчеркнуть исключительно важное свойство М-ЯКМ: концепт «информации» для Мандельштама **геометричен**¹²⁷. См. об этом *взрыв/катастрофа.

* **математика**

- исключительно существенно, что в М-ЯКМ этот концепт входит в семантическое пространство «музыки» и вместе с ней приобретает морально-этический смысл! Ср. в письме Мандельштама Кузину от 10 марта 1938 г. о Дворжаке и Шостаковиче: «о Дворжаке <...> умное веселье и щедрость. Шостакович – Леонид Андреев. Здесь гремит его 5-я симфония. Нудное запугиванье. Полька Жизни Человека. Не приемлю. Не мысль. **Не математика. Не добро.** Пусть искусство: не приемлю!»¹²⁸ В заметках к РД: «Дант произвел головную разведку <...> для математики и для музыки»¹²⁹.

* **растение**

- в М-ЯКМ концепт «растения» – это часть расширенного семантического пространства «взрыва/катастрофы/грозы». См. в п. 8.5.1 когнитивная метафора: ** РАСТЕНИЕ – ЭТО ГРОЗА

* **чтение, *текст, *книга**

- В ЯКМ Мандельштама эти концепты занимают резко более важное место, чем в Р-ЯКМ. Ср. в ШВ: «Разночинцу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, – и биография готова». У Мандельштама – явный приоритет **текста** над «реальной жизнью», в отличие от русской ЯКМ. Ср. в ЕМ: «Всякая вещь мне кажется книгой. Где различие между книгой и вещью? Я не знаю жизни: мне подменили ее еще тогда, когда я узнал вкус мышьяка на зубах у черноволосой французской любовницы, младшей сестры

¹²⁷ Есть ли здесь отличие от Р-ЯКМ? Это интересный вопрос, на который у меня сейчас нет ответа.

¹²⁸ Цит. по [192, с. 36].

¹²⁹ <Вокруг «Разговора о Данте»> (1933) [72, т. 3, с. 402].

- нашей гордой Анны»¹³⁰. Вот еще поразительные «программные» строки в той же главе ЕМ: «Пожары и книги – это хорошо. Мы еще поглядим – почитаем». Это высказывание, кроме прочего, демонстрирует «катастрофальность», «взрывную начинку» концептов «книги» и «чтения» у Мандельштама¹³¹.
- В Р-ЯКМ отношение к этим концептам, скорее «настороженное», как к чему-то «чуждому» и даже потенциально опасному: ср. русское «традиционное» высказывание о «чтении»: «не чти много книг, да не во ересь впадешь». Ср. также негативную в Р-ЯКМ «еврейскую» окраску лексем «книжник», «книжность». Например, М. Пришвин в дневнике от 7–8 августа 1937 г. делает вполне характерные записи: «Все, что пишет Шкловский о Розанове, есть демонстрация **книжности** своего **еврейского** ума <...> книжный ум и еврей, изучил Розанова <...> **еврей и книжник**, корыто с песком, захотел показаться яблочком!».

* небо (твердь)

- В Р-ЯКМ это «позитивный» концепт: красивый, мощный, но в общем, неопасный и часто даже «благожелательный» объект/субъект: если небо «мрачное», то в этом виноваты «тучи», или «буря», которая «мглою небо кроет» и т. д.
- В М-ЯКМ это один из частотных негативных «пространственных» концептов. «Небо» психологически эквивалентно для Мандельштама пространству Евклида, бесконечному, некомпактному, однородному, «гладкому» и поэтому чуждому и неприятному для поэта. «Небо» у него – грозный, жестокий источник опасности¹³² («как палица, грозное», «глубокое и сытое», «как чешуя многоочитое», «чужое и безбровое»,

¹³⁰ ЕМ, гл. 7.

¹³¹ Напомним удачную формулировку Е. Табориской принципиального расхождения Мандельштама с Р-ЯКМ в этом поле: «...у Пушкина – приоритет жизни, облакаемый в поэтическое слово, у Мандельштама – первенство **словесного** образа, подчиняющего себе реальные явления и их пропорции» [71, с. 518]. Здесь существенно то, что Пушкин – один из создателей современной русской ЯКМ.

¹³² Ср. «...над ними **неба** мреет темно-синия **чума**» (1931). О «негативных» свойствах образа неба у Мандельштама писал Л. Видгоф [143, с. 465].

«холод пространства бесполого»), вызывающий тревогу и страх¹³³.

«Небо» через германо-русскую паронимическую связь НЕБО ↔ Ebene 'равнина' соединяется в М-ЯКМ с равно некомфортным для Мандельштама объектом *равнина, см. выше. Аналогично несимпатична в М-ЯКМ и «твердь»: «твердь сияла грубыми звездами», «твердь кишит червями» и т. д.

* звезда

- В Р-ЯКМ это «позитивный» концепт: «вифлеемская звезда», «и звезда с звездой говорит», «а во лбу звезда горит», «звезды на башнях Кремля» и т. д.
- В М-ЯКМ это (как и «небо») один из частотных (ключевых) «пространственных» концептов. При этом образ «звезды»¹³⁴ резко негативен, и неприязнь к этому «физическому объекту» и/или страх перед ним как бы навязываются читателю¹³⁵: «мне в сердце длинной булавкою опустится вдруг звезда», «последней звезды безболезненно гаснет укол», «в плетенку рогожи глядели колючие звезды», «в звездной колючей неправде», «Я ненавижу свет // Однообразных звезд», «я дышал звезд млечной трухой», «Своей булавкой заржавленной // Достанет меня звезда», «Твердь сияла грубыми звездами. // Звездный луч – как соль на топоре», «твердь кишит червями, и ни одна звезда не говорит»¹³⁶, «жестоких звезд соленые приказы», «Звезды живут, канцелярские птички, // Пишут и пишут свои раппортички», «До чего эти звезды изветливы!» и т. д.

* город

- В Р-ЯКМ «город» окрашен, скорее, негативно. «Город» проти-

¹³³ Состояние, которое связывается в М-ЯКМ с объектами «небо» и «звезда» (см. ниже), лучше всего описывается немецким концептом Angst, см. ниже в пункте *сила...страх.

¹³⁴ Как и «объемлющего объекта» – «неба», см. выше *небо.

¹³⁵ Физическая и эмоциональная негативность образа «звезды» в поэзии Мандельштама отмечалась Ю. Левиным в работе 1973 г. [187, с. 9–10] и в «статье пяти авторов» [82]. Подробный анализ «звездного узуса» в тексте Мандельштама см. в упоминавшейся книге Л. Пановой [142, с. 180–187].

¹³⁶ Точный пример демонстративного отказа Мандельштама от Р-ЯКМ.

вопоставлен в Р-ЯКМ «деревне» как чему-то заведомо позитивному, не-из(раз)-вращенному. Конечно, здесь дело в том, что «город» вообще враждебен русской культурно-цивилизационной системе.

- В М-ЯКМ ровно наоборот. «Город» здесь, скорее, позитивен, в отличие от «села»; Мандельштам – «горожанин и друг горожан». Это – проекция системы «еврейских» примарных матриц¹³⁷. «Город» – резко выделенная часть пространства в М-ЯКМ.

С. Шиндин, рассуждая о феномене «сжатия = компрессии» пространства у Мандельштама, пишет: «Исключительно способным к наделению признаком компрессированности выступает образ *города* – один из гл. пространств. элементов мандельштамовской модели мира: “Все города русские смешались в моей памяти и слиплись в один небывалый город”¹³⁸. Кроме того, как уже отмечалось в п. 7.1.1, «город» для Мандельштама – это книга, текст. Например, разведение мостов в городе – это разрыв в тексте, ведущий к семантической «катастрофе»: см. ЕМ, гл. 8, где пространственная ситуация вокруг разведения петроградских мостов сравнивается с «торцовой книг[ой], в каменном переплете с **вырванной** серединой».

* воздух

- В Р-ЯКМ **воздух** – это, в основном, «чем дышат»
- В М-ЯКМ воздух – это еще и «пространство, свободное пространство, свобода», по-видимому, под влиянием семантического спектра немецко-идишского Luft = ‘воздух, свободное пространство, свобода, воля¹³⁹’. Рассматриваясь как часть пространства, воздух наделяется в М-ЯКМ свойствами антропоморфности (см. *пространство) и медиативности: «Я обращался к воздуху-слуге, // Ждал от него услуги или вести».

¹³⁷ Подробнее см. в [200], п. 1.1 и 2.1.7.

¹³⁸ О. Э. Мандельштам, его предшественники и современники: Сб. материалов к Мандельштамовской энциклопедии. М., 2007. С. 224.

¹³⁹ Ср. например, русский (← идиш) «блатной жаргонизм» ЛУФТ со значениями ‘свобода, воля’. Этот же нем.-ид. «смысл» просвечивает в мандельштамовском меме «ворованный воздух» (ЧП, Гл. 5), см. Приложение 1.

* мир

- В Р-ЯКМ XX века значения звукового комплекса [мир]¹⁴⁰ – это ‘отсутствие войны’ или ‘вселенная’ или ‘община’. Исследователи Р-ЯКМ считают, что разнообразный семантический спектр здесь сводится к модификациям некоего ‘глубинного’ смысла, типа ‘гармония; обустройство; порядок’¹⁴¹. Эта глубинная семантика, очевидно, делает «мир» ключевым позитивным «цивилизационным» концептом в рамках Р-ЯКМ.
- У Мандельштама слово «мир», выступающее как русский культурно-цивилизационный концепт «гармонии», вызывает резкое неприятие, даже желание «бежать как от чумы» от русского варианта «мировой гармонии», от русской культурно-цивилизационной парадигмы, от русского «мира»¹⁴². У Мандельштама, в отличие от Р-ЯКМ¹⁴³, **мир** – это часть пространства, обжитая некоей актуализированной общностью («нами»), каждый член которой активно осознает свою принадлежность к ней, осознает нечто вроде: мир – это **мы**, мир – это «Богом данный [нам] дворец», а не «мировая клеть»¹⁴⁴. Скорее всего, это связано с повышенной (сравнительно с Р-ЯКМ) «антропоморфичностью» пространства у Мандельштама, см. *пространство. По-видимому, под влиянием русско-немецко-идишской омофонической связи мир \leftrightarrow [mir] = ‘мы, мне’, в ряде текстов поэта слово **Мы** находится в «малой окрестности» слова **МИР**. См. идишизмы¹⁴⁵ в стих. «Зве-

¹⁴⁰ В котором слились два омофона: **мир** и **mir**.

¹⁴¹ См. [80, с. 28].

¹⁴² Это отношение явно выражено в статье «Петр Чаадаев», где сказано про Чаадаева (и, конечно, про самого Мандельштама): «Есть великая славянская мечта <...> о всеобщем духовном разоружении, после которого наступит некоторое состояние, именуемое “**миром**”. <...> Мысль Чаадаева – строгий перпендикуляр, восставленный к традиционному русскому мышлению. Он БЕЖАЛ, как чумы, этого БЕСФОРМЕННОГО РАЯ». Ср. также более поздние стихотворные высказывания Мандельштама: «против шерсти **мира** поём» (1922), «с **миром** державным я был лишь ребячески связан» (1931), «когда подумаешь, чем связан с **миром**, то сам себе не веришь: ерунда!», «и я в размолвке с **миром**, с волей» (1937).

¹⁴³ В которой «вселенная» и «община» существуют как бы отдельно, «независимо» от своих насельников-членов.

¹⁴⁴ «Утро акмеизма».

¹⁴⁵ См. Приложение 1. Кроме того, словарь идишизмов в М-тексте содержится в монографии [200], Приложение 2.

ринец» (1916) и др.¹⁴⁶ Ср. также частотное соседство слов «мир», «мировой» с местоимениями и глаголами 1-го лица в статье «Утро акмеизма» и т. д.

* время

Время у Мандельштама концептуализируется, в основном, в терминах пространства – в этом нет ничего необычного, это «общевропейское» явление¹⁴⁷. Необычно то, что, в отличие от Р-ЯКМ, время в М-ЯКМ может (как и пространство) растягиваться, сгущаться и сжиматься, а также останавливаться – «время свое заморозил».

Время в М-ЯКМ ограничено, компактно, как и пространство: оно свертывается, «как скатанный войлок в киргизской палатке»¹⁴⁸. Специфическая синхронизированность, «склеенность» различных временных «точек» у Мандельштама¹⁴⁹, приводящая к устранению стандартного понятия «исторического времени», заявляется им самим и многократно проявляется в его текстах, например: «и каждый час нам смертная година», «столетьем считающий год» и т. п.¹⁵⁰

Главное в том, что М-время – не бесконечная прямолинейная ось. Может быть, наиболее простая «модель» мандельштамовского времени – это «сворачивающаяся», уходящая в «особую точку» (в «зону взрыва») спираль, типа пружины в механических часах¹⁵¹.

¹⁴⁶ Ср. замечание Ю. Степанова в работе «Константы: Словарь русской культуры»: «Мир» в древнейших культурах индоевропейцев – это то место, где живут люди «моего племени», «моего рода», «мы», место хорошо обжитое, хорошо устроенное, где господствуют «порядок», «согласие между людьми», «закон»; оно отделяется от того, что вне его, от других мест, вообще – от другого пространства, где живут «чужие», неизвестные, цит. по [142, с. 81].

¹⁴⁷ Ср. «через годы», «in a year» и т. п.

¹⁴⁸ ЕМ, гл. 8. Продолжив эту геометрическую метафору Мандельштама, заметим, что при таком «скатывании» различные слои и точки времени «склеиваются», «синхронизируются»: это принципиально важный феномен М-ЯКМ.

¹⁴⁹ На языке геометрической метафоры, «нетривиальная топологическая структура хронотопа»: например, его «односторонность» («неориентируемость») и т. п.

¹⁵⁰ Феномен «синхроничности» у Мандельштама часто отмечался исследователями, начиная, наверно, со «статьи пяти». Сюда же относится феномен «анакронистичности».

¹⁵¹ Ср. в стих. «Рояль» (1931): «Нюрнбергская есть пружина, // Выпрямляю-

Резюмируя, можно сказать, что геометрия времени у Мандельштама так же нетривиальна, как геометрия его *пространства¹⁵². Ср. высказывание поэта в программном тексте «Слово и культура»: «Поэзия – плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозем, оказываются сверху. <...> А я говорю: вчерашний день еще не родился...». Здесь не «простая» синхронизация событий, но синхронизация с неким «меняющим ориентацию переворотом» стандартного «веера», стандартной ленты событий. Пониманию происходящего здесь снова помогает геометрическая модель «локальной хромотопии» Мандельштама, т. е. лента (лист) Мёбиуса, которая получается «переворотом» и новой склейкой стандартной **ленты времени**.

Осталось отметить, что М-время так же «антропоморфно» или «зооморфно», как и пространство: оно, с одной стороны, «жуликовато», и можно даже «за хвост его ловить», но оно может и принимать вид «царственного подпaska», который «ловит слово-колобок».

*память \leftrightarrow *воспоминание

Эти концепты в М-ЯКМ исключительно трудны для понимания. С одной стороны, Мандельштам объявляет о «ненужности» (=отсутствии) «памяти» в своей ЯКМ: «Разночинцу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, – и биография готова» (ШВ). В самом деле, если нет «исторического времени» (см. *время), то зачем «память»?

Но дальше оказывается, что «память» все-таки существует в образе какой-то психически больной девушки (ЕМ): «Память – это больная девушка-еврейка, убегающая ночью тайком от родителей на Николаевский вокзал: не увезет ли кто?»

щая мертвецов». Эта загадочная пружина и есть **образ «времени**» (дело в том, что «пружинные» часы изобрели именно в Нюрнберге), и смысл всей этой загадочной фразы становится значительно более прозрачным: «**Время** “выпрямляет” мертвецов». Остается «только» понять, что значит «выпрямляет»: ср. в «Дикая кошка...»: «в городе, где **выпрямляюсь** по слуху...» По-видимому, «пружинная метафора» – тот же «спиральный» образ времени, что и в одном из «Восьмистиший»: «И тянется глухой недоразвиток // Как бы дорогой, согнутою в рог, // Понять...» (указано Д. Лахути).

¹⁵² Или как, вообще, геометрия М-ЯКМ.

В окрестности же этой девушки присутствует опасный монстр – «**воспоминание**», который может убить («**Вспомнить – значит умереть**»)¹⁵³ или изнасиловать: «Память, изнасилованная воспоминанием, – как та больная девушка с влажными красными губами, убегающая ночью на чадный петербургский вокзал: не увезет ли кто»¹⁵⁴. Рядом с этим пассажем в черновиках к ЕМ: «Не вспоминайте лишнего. Остановите “мемуары”»¹⁵⁵. Как бы символизируя исполнение этого пожелания автора, ротмистр Кржижановский¹⁵⁶ в 6-й главе ЕМ увозит «еврейскую девушку» Юдифь¹⁵⁷, т. е. «умыкает память» и тем «закмывает», заканчивает «мемуары» (= ЕМ)¹⁵⁸.

Тем самым, «память» – больной, слабый пассивный объект¹⁵⁹, «воспоминание» – опасный активный субъект: «Все, что ты видел, забудь <...> Или охватит тебя <...> Мелкая хвойная дрожь¹⁶⁰».

* **серьезность, основательность vs. смешливость, ироничность**

– В Р-ЯКМ «серьезность» – это позитивный концепт, нечто вроде римской gravitas. Характерно, например, что писатель

¹⁵³ В статье <Скрябин и христианство> (1917?).

¹⁵⁴ <К повести «Египетская марка»> [72, т. 2, с. 574].

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ «Ротмистр Кржижановский», который в этом контексте выполняет функцию «воспоминания», это не простой ротмистр, но абсолютно опасный субъект: это **палач** (“Rote Meister”) и даже **красный лже-Мессия (Антихрист)**, см. подробнее об этом в [3], п. 3.4.2.2.

¹⁵⁷ Юдифь = др.-евр. ‘еврейская, еврейка’.

¹⁵⁸ Не только «мемуары», но и вообще «время». Тем самым, он выполняет функцию анти-Мессии, см. [3], п. 3.4.2.2.

¹⁵⁹ Так же как и «время» в другом месте в ЕМ: «Время – робкая хризалида, обсыпанная мукой капустница, молодая еврейка, прильнувшая к окну часовщика – лучше бы ты не глядела!».

¹⁶⁰ Здесь явная связь с пушкинским «немые стогны града <...> и сон, дневных трудов награда <...> я трепещу и проклиная» («Когда для смертного...»). Заметим, что с этим же пушкинским текстом связано «проклятие» из 5-й главы ЕМ, следующее непосредственно за картинкой бегства «еврейской девушки» (= «памяти») Юдифи Джорджоне: «Проклятый сон! Проклятые стогны бесстыжего города!»

Ю. Нагибин в критической статье говорит об «истой интонации и печальной **серьезности**» восхищающего его А. Платонова и продолжает: «Только русские писатели до конца **серьезны** (у нас невозможен Анатолий Франс в качестве национального гения)...»¹⁶¹. Смешливость же в Р-ЯКМ, скорее, негативна, ср. пословицы: «смехи да хихи введут во грехи», «где грех, там и смех», «в чем живет смех, в том и грех», «смех без причины – признак дурачины». В традиционном русском (православном) сознании смех – маркер «бесовщины»¹⁶².

- В ЯКМ же Мандельштама смешливость, ироничность, остроумие и т. п. – исключительно позитивны. Это, конечно, результат работы установки М-дискурса и ЕТД на «оксюморонность»¹⁶³.

* **сила, твердость, решительность, бесстрашие vs. слабость, мягкость, нерешительность, трусость, страх**

- В Р-ЯКМ сила, твердость, решительность и бесстрашие резко позитивны, а слабость, мягкость, нерешительность, тем более, трусость (склонность к страху) – негативны или, в лучшем случае, нейтральны.
- В ЯКМ Мандельштама – в точности наоборот. «Программным» в этом контексте является его стихотворение «Кому зима – арак...» (1922). Понятно, что этот текст есть часть «никогда не прерывающегося разговора с Колей»¹⁶⁴. «Коля» – это Николай Гумилев, «сильный, твердый, решительный, бесстрашный» заговорщик, канонический герой русской культурно-цивилизационной парадигмы. Автор, он же источник дискурса – заявляет о своей слабости, мягкости, нерешительности, даже трусости, заявляет даже с некоторым вызовом, хотя испытывает в этой связи угрызения совести:

Я все отдам за жизнь, мне так нужна забота, –

¹⁶¹ Нагибин Ю. О Хлебникове // Новый мир. – 1983. – № 5. С. 257.

¹⁶² См. подробнее анализ этого феномена в работе А. Панченко [151, с. 146–148].

¹⁶³ См. подробнее в [200], п. 1.2.1 и 2.2.1 и здесь Главу 7.

¹⁶⁴ Выражение Мандельштама из его письма к А. Ахматовой.

И спичка серная меня б согреть могла
 <...>
 Тянуться с нежностью бессмысленно к чужому,
 И шарить в пустоте и терпеливо ждать.

Пусть заговорщики торопятся по снегу
 Отарою овец и хрупкий наст скрипит
 <...>
 И с петухом в горшке прийти на двор к гадалке,
 А белый, белый снег до боли очи ест.

Характерны также «позитивные» упоминания в прозе и стихах Мандельштама о некоем внутренне присущем ему, как бы встроенном в его экзистенцию, «страхе»¹⁶⁵, «испуге»: «Страх берет меня за руку¹⁶⁶ и ведет. Белая нитяная перчатка. Митенка. Я ЛЮБЛЮ, я УВАЖАЮ страх. Чуть было не сказал: “с ним мне не страшно!”. Математики должны были построить для страха шатер, потому что он координата¹⁶⁷ времени и пространства...»; «С каким-то ласковым испугом я соглашался...».

* концептная пара: **динамичность, быстрое перемещение**¹⁶⁸ vs. **неподвижность, медленность**

– В Р-ЯКМ быстрое движение в целом (кроме, может быть, быстрого движения по прямой, см. выше) оценивается нега-

¹⁶⁵ Концепт «страха» у Мандельштама, по-видимому, является рефлексом специфически немецкого (и ашкеназского?) концепта «Angst» ‘экзистенциальный, встроенный, бытийный и т. п. **страх**’ и, тем самым, является элементом «германизации» М-ЯКМ. О немецком Angst см. подробную работу А. Вежбицкой в ее книге [154, с. 547–610]. Тонкость здесь в том, что русская лексема «страх» в некоторых существенных контекстах у Мандельштама «ресемантизирована» и приобрела позитивную семантику «судьбы» = «руководителя». Это произошло, по-видимому, под влиянием идишского Y[moʏge = meʏge] ‘страх’, см. в Приложении 1 иноязычные интерференции в ЕМ, гл. 8.

¹⁶⁶ См. там же в Приложении 1 о связи у Мандельштама концепта **страха** с образом **матери** через французско-идишскую омофонию.

¹⁶⁷ Сюда вшифрован «крипто-идишизм» [meʏge = ‘страх’], который по стандартной паронимической ассоциации дает слово «мера» = «координата». Подробнее см. [200], Приложение 2.

¹⁶⁸ В М-ЯКМ – это проекция примарной матрицы «динамичности» – см. 8.4.1 (в).

тивно. Например, явно негативные коннотации лексем «суетливость», «вертеться», «шустрить», поговорки типа «тише едешь – дальше будешь» и т. п. Известная фраза «и какой же русский не любит быстрой езды» – скорее, «самонасмешлива» в Р-ЯКМ.

- У Мандельштама картинка обратная: концепт «быстрого непрямого движения» однозначно позитивен. Ср. его восхищение «мудрым беснованием», «мудрой пляской» «иудаистического актера» Михоэльса. В то же время, неподвижность, медленность – негативны в М-ЯКМ¹⁶⁹: «О этот **медленный**, одышливый простор! – // Я им пресыщен до отказа».

* красота

Этот концепт подозрителен и негативен для Мандельштама (в особенности, в позднем периоде). Ср.: «Там, где эллину сияла // Красота, // Мне из черных дыр зияла // Срамота»¹⁷⁰. Это точный рефлекс еврейской диаспоральной (талмудической) традиции и поэтому может считаться одним из «еврейских» элементов М-ЯКМ.

* цвета, «цветовая геометрия»¹⁷¹

– В Р-ЯКМ концепты, связанные с цветом, обычно статичны, нейтральны по отношению к движению, не связаны с ускоряющимся движением. «Геометрия цвета» в Р-ЯКМ – тривиально «евклидова», проще говоря, она вообще отсутствует.

– В ЯКМ Мандельштама цвет – это концепт динамический, векторный, связанный с ускоряющимся передвижением в неоднородном пространстве, т. е. как бы «дифференциально-топологический». В этой же метафорике концепт «цвета» у него свя-

¹⁶⁹ Л. Панова отмечает: «...в поэтическом мире Мандельштама неподвижность и замирание движения всегда идут со знаком минус»: «Мир», «пространство», «время» [142, с. 670].

¹⁷⁰ Ю. Левин писал в статье о поэтике позднего Мандельштама: «...**категории прекрасного и возвышенного становятся нерелевантными**. <...> стихи перестают быть “красивыми”, формальная красота выражения становится как бы нравственно подозрительной; свой стих Мандельштам называет теперь “стариком и неряхой”. <...> – отказ от эстетических оценок (всегда идущих извне и свысока) и реабилитация “некрасивого”» [71, с. 408, 414].

¹⁷¹ Связано с предыдущей концептной парой.

зан с «катастрофическим» развитием, с «бифуркацией гладкого процесса». Поэтому «обычные» эмоционально-психологические проекции «цвета» для поэта связаны с быстрым движением, ведущим к «особой точке», к «катастрофе». В «Солдате»: звёзды «чуть-чуть красные мчатся...»¹⁷². В «Путешествии в Армению»¹⁷³ Мандельштам пишет: «Такая облизывающаяся **дерзость раскраски** бывает только на скачках [в которых ты заинтересован всею душою...]. И я начинал понимать, что такое обязательность цвета, старт голубых и оранжевых маек и что **цвет не что иное, как чувство старта**¹⁷⁴, **окрашенное дистанцией и заключенное в объем...**». Там же он говорит, что на холстах Ван-Гога «размазана **яичница катастрофы**», и далее пишет про «**серо-малиновые бульвары Писсарро**, текущие как колеса огромной лотереи, с <...> **лоскутьями разбрызганного мозга** на киосках и каштанах»¹⁷⁵.

*шуба¹⁷⁶

Шуба у Мандельштама – это, в отличие от Р-ЯКМ, вообще «теплая верхняя одежда», например, пальто с меховым воротником типа шинели Башмачкина у Гоголя. В конце 1-й главы ЕМ Мандельштам конспективно-стёбно описывает (по-видимому) картину П. Бореля «Возвращение Пушкина с дуэли»: «Тут был Пушкин с кривым лицом, в **меховой шубе**». Между тем, на картине Бореля на Пушкине явно нечто вроде башмачкинской шинели с меховым воротником, а не общепринятой «шубы».

* концепт **динамического прагматизма, дела, ориентации на результат**

¹⁷² Разумеется, здесь метафора космологического феномена «красного смещения» и т. п.

¹⁷³ Главка «Французы»: основной текст и наброски.

¹⁷⁴ В «Канцоне» Мандельштам пишет про чувство «нетерпения» (перед стартом?), связанное с красной краской: «В красной – **нетерпенье**».

¹⁷⁵ Ср. еще «катастрофальные образы», связанные с лиловым цветом, в стих. «Импрессионизм» (1932): «Художник нам изобразил // Глубокий **обморок** сирени // И красок звучные ступени // На холст, как **стружья**, положил ... Его запекшееся лето // **Лиловым мозгом** разогрето...».

¹⁷⁶ О символике концепта ШУБЫ у Мандельштама более подробно см. монографию [3], п. 3.3.

- В ЯКМ Мандельштама этот концепт явно позитивен: «красота – не прихоть полубога, а хищный глазомер простого столяра».
- В Р-ЯКМ, напротив, важен не результат (конечный результат от человека как бы не зависит)¹⁷⁷, а, скорее, искренность, бескорыстность намерения. Ср. у Л. Толстого: Анна Каренина говорит: «человек, который попрекает меня, что он всем пожертвовал для меня <...> хуже, чем нечестный человек...»¹⁷⁸.

8.7. Корпус «ресемантизированных» русских лексем и слово-сочетаний в М-ЯКМ.

К системным отличиям ЯКМ Мандельштама от Р-ЯКМ относится, кроме различий в системе ключевых концептов, присутствии в «русском языке Мандельштама» ряда лексем (и сочетаний) русского языка, не обязательно представляющих «ключевые концепты», но частотных. Об этом говорилось выше в п. 8.5.2.

Список такого рода «смещенных» лексем и сочетаний «индустрия мандельштамоведения»¹⁷⁹ почему-то еще не произвела. Поэтому мы здесь ограничимся несколькими десятками¹⁸⁰ лежащих на поверхности примеров¹⁸¹.

ЛЕКСЕМЫ:

*блаженный → 'блуждающий', *глаз → 'стекло', *грубый → 'крупный' или 'могильный', *дремучий → 'поэтический', *грозы → 'травы, растения', *жестяной → 'глупый, бессмысленный', *злостный → 'усиленный (акцентуация действия)', *кровь → 'цвет', *крупные клятвы → 'клятвы до гроба', *ласка, ласковый → 'любезность, любезный, снисходительный', *матовый → 'тусклый', *милый → 'достойный, ценный', *нежный → 'тонкий,

¹⁷⁷ А. Шмелев пишет: «[слово *судьба*] соединяет в себе две ключевые идеи русской языковой картины мира: идею непредсказуемости будущего и представление, согласно которому человек не контролирует происходящие с ним события» [80, с. 455].

¹⁷⁸ Пример заимствован у И. Левониной.

¹⁷⁹ Выражение А. Жолковского.

¹⁸⁰ В реальности, этих лексем и сочетаний, похоже, на порядок больше.

¹⁸¹ Некоторые из них приводятся в монографии [200], п. 3.2.3 в качестве результатов действия «германского монитора».

умный, *очухаться → 'проснуться'¹⁸², *плавкий → 'плавающий, голубой', *подозрительный → 'темный', *полынь → 'вермут', *початок → 'начало, нечто начатое', *сонный → 'происходящий в сновидении, галлюцинации', *страх → 'судьба, поводырь'¹⁸³, *темя → 'высшая точка (напр. жизни), вершина (напр. горы)', *узкий → 'скудный', *хлеб → 'плоть, тело', *черемуха → '«негативное» растение', *черствый → 'колючий', *честный → 'основательный, хорошо сделанный', *шелест → 'хмель', *шершавый → 'грубый, неотесанный', *шелк → 'шелуха', *шум → 'пена' и т. д.

СЛОВСОЧЕТАНИЯ:

*сонные казни → 'казни во сне, сны (грезы) о казнях'

*сонные видения → 'видения во сне, сновидения'¹⁸⁴

*славный бес → 'бес «славы»'

*трамвайный лепет¹⁸⁵ → 'лепет сновидений'

*трамвайная голова¹⁸⁶ → 'голова, полная грез, легкомысленная' и т. д.

8.8. Некоторые выводы.

Мандельштам создавал из «чужой речи» и чужой ЯКМ свою собственную «сдвинутую» ЯКМ, используя ее в качестве «оболочки», защищающей от враждебного внешнего мира. Удобно (при укладке мандельштамовских *паззлов*) рассматривать это как проекцию общей языковой стратегии (матрицы, установки) еврейской диаспоральной культурно-цивилизационной системы.

ЯКМ Мандельштама и соответствующие культурные скрипты навязываются читателю его текста. Другими словами, М-дискурс принципиально манипулятивен: он «заставляет» (казуирует) реципиента М-текста видеть мир, думать, чувствовать так, как автор, даже внедряет паттерны поведения автора и его психических реакций и оценок. Конечно, творчество (и ЯКМ!) любого большого писателя воздействует на читателя. Но в слу-

¹⁸² См. ЕМ, гл. 8.

¹⁸³ См. ЕМ, гл. 8.

¹⁸⁴ Перевод с немецкого пьесы Э. Толлера «Человек-масса».

¹⁸⁵ ЕМ, гл. 2.

¹⁸⁶ Там же.

чае Мандельштама излучение, «энергетика суггестивности» исключительно, необычно сильны.

Это сильное излучение ЯКМ и культурных скриптов¹⁸⁷ Мандельштама часто ощущается критиками и журналистами как «враждебное манипулирование», вызывает у них внутреннее сопротивление и действует на них возбуждающе и раздражающе, что отражается в их собственных текстах о поэте.

¹⁸⁷ Я бы даже сказал: культурно-цивилизационных скриптов, потому что в этом контексте неизбежно проявляется воздействие оппозиции Шпенглера «культура vs. цивилизация» на мировоззрение Мандельштама, и это невозможно игнорировать.

Приложение 1

Корпус «межъязыковых интерференций» у Мандельштама. Иноязычные словоформы и словосочетания (эксплицитные и суггестируемые) в текстах Мандельштама, комментарии к ним

Предварительные замечания

Отдельные факты присутствия иноязычных (в основном, немецких) суггестий и подтекстов у Мандельштама давно регистрировались исследователями¹. Но первая серьезная попытка

¹ Еще Н. Мандельштам в своем «Комментарии к стихам 1930–1937 гг.», написавшемся в конце 1960-х, рассматривает связь «Рейн – (я весь будущим) про-реян» в варианте стих. «К немецкой речи» и видит в ней отражение «кровной связи [Мандельштама] с землей, откуда в Россию пришли его предки» [2, с. 425]. В 1979 г. Г. Левинтон в рамках общих рассуждений о «поэтическом билингвизме» и о «языке как о подтексте» привел два очень точных примера немецко-русской паронимии у Мандельштама: «Фета жирный карандаш» и «есть блуд труда и он у нас в крови», последний пример – со ссылкой на Р. Тименчика [100, с. 29]. В 1981 г. В. Топоров в рамках исследования «анаграммы» рассмотрел просвечивающее греко-латинское слово *chelidon* ‘ласточка’ в «Стихах о неизвестном солдате» [213, с. 120]. О. Ронен в статье 1986 г. рассматривает связь «Бог Нахтигаль – соловей – слово» и анаграмму «Ницше – ценишь»; в этой же статье Ронен упоминает «замечательные **двуязычные омонимы**» в лирике Мандельштама 1916 г. [2, с. 520, 523, 535]. Б. Кац в комментарии 1991 г. указывает на «происхождение» строки «И Шуберт **на воде**...» из названия песни Шуберта: «**Auf dem Wasser** zu singen» [192, с. 34]. Там же (с. 122) он приводит русско-немецко-итальянскую «смыслозвуковую цепочку»: «**Герцович – Сердцевич – Скерцович**» (Herz ‘сердце’ – Scherz ‘шутка’ – Scherzo ‘нем. ← итал. шутка’) и рассматривает (с. 32) русско-польскую связь: *żał* ‘печаль, жалость’ ←→ «чалый» в строке: «Утешь меня Шопеном чалым». N. Pollak в монографии 1995 г. [133, с. 17] приводит два примера паронимического и синтаксического рефлексов немецкого текста Гете в тексте Мандельштама. М. Лотман в работе 1996 г. [101, с. 59–60] рассмотрел связи «смерти – умрет – тот», «красный – рот», «Лермонтов – (м)учитель». А. Жолковский в статье [103] 2000 г. приводит русско-польскую и русско-немецкую омофонию (пол. *kruk*, нем. *Rabe* ‘ворон’) в строке «Перед всем беслезным **кругом** даже **ворон оробел**». Г. Амелин и В. Мордерер в книге [87] 2000 г. приводят ряд примеров русско-немецкой омонимии у Мандельштама. Семь надежных связей, установленных в [87], приводятся в нашем списке, это: «сугроб – болезненные – тоска», «глухонемые – голуби – штаб», «кружево –

сбора и интерпретации фактов в этой области, была сделана лишь в монографии [200], где был предъявлен корпус «германских» (на немецкий и идиш) интерференций у Мандельштама. В монографии [3] был сделан следующий шаг, а именно: был впервые предъявлен, по возможности, полный корпус эксплицитных и «просвечивающих» (суггестируемых) иноязычных интерференций в текстах Мандельштама на **всех** использованных им языках. В данной же монографии этот корпус значительно пополнен, по сравнению с [3].

Замечание о «пометах»: отсутствие обозначения языка, который интерферирует в данном месте текста, означает, что этот язык (по умолчанию) – немецкий. «Идишизмы» помечаются буквой Y. Следует отметить, что в корпус «идишизмов» здесь не включены те случаи суггестий и эксплицитных выражений, немецкое происхождение которых равно- или более вероятно, чем «идишское». Эти интерференции отнесены к «немецким», т. е. не помечены.

Обозначения в тексте «корпуса»²:

Тексты Мандельштама (и их датировки) цитируются здесь, в основном, по изданию [1]; римск. I обозначает первый том этого издания, римск. II – второй том.

Отсутствие языковой пометы (ситуация «по умолчанию») подразумевает, что имеет место немецкая интерференция.

Скобки [...] содержат (кроме ссылок) фонетическую запись слова/отрезка речи.

Знак (= А) сообщает, что может иметь место **равновероятная** интерференция языка А (иногда с небольшой фонетической модификацией).

проколы», «банкиры – горный ландшафт», «глаз – рюмка – стекло – бинокль», «зрение – лайковая перчатка», «бриллиант Тэта – пляска смерти» (последнее, скорее, идишизм). Еще ряд наблюдений отдельных исследователей отмечен ниже в комментариях.

² Общий список сокращений см. в начале книги.

Знаки (> A) и (< A) говорят, что могущая иметь место интерференция языка A более (или менее) вероятна³, чем рядом указанная интерференция.

Знак (+ A) обозначает вероятную контаминацию с интерференцией языка A.

Знак (? A) означает присутствие интерференции языка A с неясным отношением (в смысле вероятности или контаминации) к рядом указанной интерференции.

Стрелки \leftarrow и \rightarrow содержат «меню» смыслов типа 'суггестирует, вызывает, ассоциируется с, провоцирует, каузирует и т. п.' Знак \leftrightarrow сообщает, что направление стрелок не ясно⁴, или же, что взаимовлияние соединяемых стрелками «слов» симметрично. Эти стрелки еще удобно называть «семантическими операторами», или «семантическими функциями», преобразующими смысл A в смысл B.

Помета CONJ означает, что данная связь – всего лишь гипотеза.

Выделение слова в цитатах прописными буквами или «жирным» шрифтом – по умолчанию, **ВЕЗДЕ мое**.

Список упорядочен хронологически, * – маркер нового «входа».

³ Собственно, главный недостаток этой работы состоит в том, что мы не умеем численно оценивать эту вероятность, равно как и вероятность (достоверность) того, что данная «германская» суггестия в тексте Мандельштама вообще имеет место. Поэтому мы вынуждены ограничиваться чем-то вроде «экспертной» оценки. Этого, конечно, недостаточно и иногда даже вызывает «метафорические ДТП»: наблюдателя «заносит», и он начинает видеть «иноязычные интерференции» в М-тексте везде, что приводит к смешным курьезам. Разработка **методики** численной оценки соответствующих вероятностей («достоверностей») становится сейчас приоритетной задачей в данной области лингвопоэтики (психолингвистики?).

⁴ На самом деле, направление стрелок редко до конца ясно, оно, в идеале, также должно снабжаться численной оценкой вероятности.

* 1908. Стих. «Сусальным золотом горят...» [I, с. 66].

В стр. «В кустах игрушечные волки // Глазами страшными глядят»

КУСТАХ → Sträucher [štrojše]⁵ ‘кусты’ → (пар. основы) **страш-**
→ СТРАШ-ными

* кон. 1908 – нач. 1909. Стих. «Довольно лукавить: я знаю...» [I, с. 263].

В стр. «Что я не умею дышать; // Туманное очарование»

(=Y) ДЫШАТЬ → atmen ‘дышать’ → (эквиконс. ТМН) ТУМАН-
НОЕ

* 1909. Стих. «На бледно-голубой эмали...» [I, с. 67].

В стр. «Когда его художник милый // Выводит на стеклянной тверди»

(=Y)⁶ МИЛЫЙ → würd-ig ‘милый, дорогой, достойный’ [117, с. 1453] → (пар.) ТВЕР-ДИ⁷

* 1909. Стих. «Имею тело: что мне делать с ним...» (вариант) [I, с. 68, 456].

(1) в стр. «Имею тело: что мне делать с ним»:

(=Y)⁸ ИМЕЮ ТЕЛО... ← «Ich habe...» – синтаксический германизм⁹

⁵ Здесь следует напомнить, что Мандельштам «шепелявил», поэтому для него фонетически [š] = [s] → [страш] = [штраш] и т. п.

⁶ Идишизм Y[wertik] ‘ценный, достойный’ здесь равновероятен.

⁷ Отсюда можно видеть, что семантический спектр русск. «милый» у Мандельштама «смещен» под воздействием G/Y-субстрата примерно так же, как в случае с русск. «ласка, ласковый», (идиш/польско/укр. воздействие). Ср. «милый плов» в «Мне Тифлис горбатый снится» [I, с. 128].

⁸ Идишизм [ix-hob] ‘я имею’ здесь равновероятен.

⁹ Этот вариант был в дебютной публикации Мандельштама в журнале «Аполлон», № 9, июль-авг. 1910 г. В более позднем варианте G/Y-конструкция была устранена и возник окончательный вариант ДАНО МНЕ ТЕЛО – ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ С НИМ. В. Андреев, сын писателя Леонида Андреева, пишет в своих мемуарах [25]: «Еще в отцовской библиотеке, в одном из номеров “Аполлона” я прочел стихотворение “Имею тело – что мне делать с ним...”, которое меня поразило неприятным оборотом “имею тело” и удивительным, похожим на мертвую зыбь, ритмом...». См. также «германизмы» в «Мы напряженного молчания не выносим...» (1913).

(2) в стр. «Узора милого не зачеркнуть»:
 (=Y) МИЛОГО УЗОРА → würdig (= Y[wertik]) 'дорогой, ценный' → смысл: «дорогого, ценного узора»¹⁰

* 1909. Стих. «Ни о чем не нужно говорить...» [I, с. 69].
 В стр. «Темная звериная душа: // <...> И плывет дельфином молодым // По седым пучинам мировым»
 CONJ
 (а) ДУША → Seele 'душа' → (пар.) See 'море' → «пучина моря» → ПО... ПУЧИНАМ
 (б) See → (син.) Meer 'море' + (русск.) «море» → (пар.) (ПУЧИНАМ) МИРОВЫМ

* 1909. Стих. «Если утро зимнее темно...» [I, с. 269].
 В стр. «То холодное твое окно // Выглядит как старое панно»
 (=Y) ХОЛОДНОЕ → kalt (=Y[kalt]) 'холодный' → (пар.) «как» + alt (=Y[alt]) 'старый' → КАК СТАРОЕ

* 1909. Стих. «Дыханье вещее в стихах моих...» [I, с. 271].
 В стр. «Что круг очерченной им красоты»
 (<Y) КРУГ → Kreis (= YP [kraz]) 'круг' → (пар.) КРАС-ОТЫ¹¹

* 1909. Стих. «Нетю иного пути...» [I, с. 271].
 В стр. «Лодка скользящая над // Тихою бездною вод»
 ЛОДКА → Boot 'лодка' → (пар.) ВОД

* 1910. Стих. «Где вырывается из плена...» [I, с. 272].
 В стр. «Потока шумное стекло, // Клубящаяся стынет пена»
 (=Y) ПЕНА → Schaum (=Y[šoym]) 'пена' → (пар. основы) ШУМ-НОЕ¹²

* 1910. Стих. «Когда укор колоколов...» [I, с. 275].
 В стр. «Я уничтожен, заглушен, // Вино, и крепче и тяжеле, //

¹⁰ См. пред. *.

¹¹ «Польский идишизм» YP[kras] 'круг' здесь более точен фонетически и поэтому более вероятен. См. еще G/Y-суггестии к «Да, я лежу в земле, губами шевеля...» (1935).

¹² Об этой связи см. ниже в G-сугг. к «Раковина» (1911).

Сердечного коснулось хмеля // <...> И мне переполняет душу
// Неизъяснимая полынь»

(а) ПОЛЫНЬ → Wermut 'полынь, вино «вермут»' → отсылает к
первой строке: ВИНО, И КРЕПЧЕ И ТЯЖЕЛЕ...

(б) ПОЛЫНЬ → Wermut → (пар.) Wehmut 'тоска, меланхолия'
→ НЕИЗЪЯСНИМАЯ («тоска»)¹³

* 1910. Стих. «Мне стало страшно жизнь отжить...» [I, с. 275].

(1) в стр. «И с дерева, как лист, отпрянуть, // И ничего не по-
любить, // <...> На мраморной сличаю ПЛИТЕ»

(=Y) ЛИСТ → Blatt 'лист, страница' → (эквиконс. В/Р-ЛТ) ПО-
ЛЮБИТЬ, ПЛИТЕ

(2) в стр. «И содроганья теплых птиц, // Улавливаю через сети,
// И с истлевающих страниц»

(>Y) СЕТИ → (пар.) Seite 'лист, страница' → СТРАНИЦ

* 1910. Стих. «Убиты медью вечерней...» [I, с. 277].

В стр. «И тело требует терний, // И вера – безумных цветов.
// Упасть на древние плиты // <...> Вино божественной кро-
ви...»

(=Y) ЦВЕТОВ → Blüte 'цветок, цвет (собирает)' → (эквиконс. В/Р-
ЛТ) ПЛИТЫ → (пар.) Blut (=YР[blit]) 'кровь' → КРОВИ¹⁴

* 1910. Стих. «В изголовьи Черное Распятье...» [I, с. 281].

В стр. «И ложится тонкое проклятье – // Пыльный след на де-
реве Креста»

(=Y) ПРОКЛЯТЬЕ → Fluch 'проклятие' → (пар.) Flucht 'линия'
→ ПЫЛЬНЫЙ СЛЕД (НА ДЕРЕВЕ)

* 1910. Стих. «Когда удар с ударами встречается...» [I, с. 70].

В стр. «Торопится, и грубо остановится, // И упадет веретено»

(>Y) ГРУБО (ОСТАНОВИТСЯ) → grob-lich 'грубо, сильно

¹³ Сочетание со смыслом 'неизъяснимая тоска' встречается в других стихотворениях Мандельштама, например, в первой строке «Невыразимая печаль...». См. еще G-суггестии к «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» (1922): «вино <...> полынь».

¹⁴ Эту же связь см. ниже в G/Y-сугг. к стих. «За Паганини длиннопалым...» (1935).

(усилит. смысл) → усиление смысла «остановится» → смысл: «резко остановится веретено»¹⁵

* 1910. Стих. «Silentium» [I, с. 70].

(1) в стр. «Спокойно дышат моря груди, // Но, как безумный, светел день, // И пены бледная сирень // В черно-лазоревом со- суде»

Fr СПОКОЙНО, СВЕТЕЛ → (acc.) serene ‘светлая, ясная, спокойная’ → (пар.) СИРЕНЬ¹⁶

(2) в стр. «Да обретут мои уста // Первоначальную немоту, // Как кристаллическую ноту, // Что от рождения чиста!»

It (>Fr) УСТА → (пар.) «хр-уста-ль» → cristallino (= фр. cristallin) ‘хрустальный, кристаллический, чистый (о голосе)’¹⁷ → КРИСТАЛЛИЧЕСКУЮ, ЧИСТА

(3) в стр. «Останься пеной, Афродита, // И, слово, в музыку вер- нись, // И, сердце, сердца устыдись»

(a) (=Y) ПЕНОЙ → Schaum (=Y[šoyu]) ‘пена’ → (пар.) «шум» → (acc.) МУЗЫКУ¹⁸

(б) **Fr** ПЕНОЙ → mousse ‘пена’¹⁹ → (пар.) МУЗЫКУ

(в) (>Y) ПЕНОЙ → Schaum [šam]²⁰ ‘пена’ → (пар.) Scham ‘стыд’ → У-СТЫД-ИСЬ²¹.

* 1910. Стих. «В огромном омуте прозрачно и темно...» [I, с. 72]. В стр. «Соскучившись по милом иле, // То – как соломинка, ми- нуя глубину»

¹⁵ Подробнее о подобных примерах см. в Главе 7, в конце п. 7.5. Идишизм Y[greblich] ‘rather rude [107]’ здесь менее точен фонетически.

¹⁶ Эта же связь в стих. «Старик» (1913).

¹⁷ Ср. фр. voix crystalline ‘чистый голос’.

¹⁸ Связь «шум», «музыка» ↔ «пена» см. еще в G-суггестиях к «Где выры- вается из плена» (1910), «Раковина» (1911), «Шум времени» (1923), <Скрябин и христианство> (1915).

¹⁹ Отметим, что слова mousse [mus] и ШУМ – это омофоны с точностью до конс. метатезы.

²⁰ Со стандартным стяжением дифтонга [au] в произношении Мандельшта- ма. Стяжение дифтонга [au] → [a] «слышно» в ряде явных и суггестируемых гер- манизмов в его текстах, см. напр., G-суггестии к «Два трамвая» (1925).

²¹ Здесь еще возможен, но фонетически менее вероятен, идишизм Y[šemen- zix] ‘стыдиться’.

(=Y) (ПО) МИЛОМ ИЛЕ → Schlamm (=Y[šlam]) ‘ил’ → (эквив-
конс. «по модулю» š=s) «солома» → СОЛОМИНКА

* 1910. Стих. «Из омута злого и вязкого...»²² [I, с. 72].

В стр. «Из омута злого и вязкого // Я вырос тростинкой, шур-
ша, – //

И страстно, и томно, и ласково // Запретною жизнью дыша. //
И никну, никем не замеченный, // В холодный и топкий приют»

(а) **Yd** ИЗ ОМУТА → Y[waser-grub] ‘омут’²³ → (Y [grub] ‘яма, мо-
гила’ + (пар.) R «гроб») → смысл: «из могилы, гроба, смерти
вырос в жизнь и возвращаюсь обратно в могилу»²⁴

(б) **Yd** (= **G**) ЗЛОГО = Y[beyz] ‘злой’), Y[beysk-ayt] ‘злость’ →
(пар.) ВЯЗК-ОГО

(в) **Yd** ИЗ ОМУТА → Y[waser-grub] ‘омут’ → [waser] → (эквив-
конс. ВСР) ВЫРОС

Еще одна связь, приводящая к тому же результату (к суггестиро-
ванию ВЫРОС):

(г)²⁵ **Yd** ВЯЗКОГО → (эквивконс.) Y[waksn] ‘рост’ → R «рост» →
(acc.) ВЫРОС, Т-РОСТ-ИНКОЙ

(д) **Yd** ШУРША ↔ Y[šuršen] ‘шуршать’

(е) **Yd** И ТОМНО → (эквивконс. + пар.) Y[otemen] ‘дыхание, ды-
шать’ → ДЫША

(ж) **Yd** (= **G**) И ЛАСКОВО → (пар.) Y[lason] ‘dainty person’ (нем.
lass ‘усталый, изнеженный’) → смысл: «нежно, томно дыша»²⁶

(з) **Pol** ТРОСТИНКОЙ → (с мягким [ль]) laska ‘трость, палка’
→ (пар.) ЛАСКОВО

²² Большая плотность YP/Pol интерференций в этом стих. объясняется, по-
видимому, манифестируемой здесь мучительной рефлексией Мандельштама о
своих отношениях с семьей и с еврейством вообще (тема ухода?). О «еврейских»
коннотациях этого текста см. [3].

²³ См. [104, с. 323].

²⁴ Здесь именно идишизм, т. к. немецкие эквиваленты для «омут» не содер-
жат [grub]. Ср. Y-поговорку [stile-waser-grobn-tif] ‘букв.: тихая вода роет глубоко’
= «в тихом омуте...».

²⁵ Ср. ниже интерференции в «Вакс ремонтнодышащий» (1937–1938).

²⁶ Это еще один элемент «смещенного» семантического спектра «ласковости»
у Мандельштама. Ср. «с каким-то ласковым испугом...».

* 1910. Стих. «Как кони медленно ступают...»²⁷ [I, с. 73].

В стр. «Как кони медленно ступают, // Как мало в фонарях огня!
// Чужие люди, верно, знают, // Куда везут они меня. //
А я вверяюсь их заботе. // Мне холодно, я спать хочу; //
Подбросило на повороте, // Навстречу звездному лучу. //
Горячей головы качанье, // И нежный лед руки чужой, //
И темных елей очертанья, // Еще невиданные мной.»

- (1) (<Y) «двухсоголасная ячейка» [F/V-R] и ее 3-конс. расширение [F/V-R-M/N] паронимически «проявляется» во многих местах, если вскрыть G/Y-суггестивность: КОНИ = Pferde = Y[ferde], ФОНАРЯХ, ОГНЯ = (pl.) Feuer = (pl.) Y[fayern], ЧУЖИЕ fremde = Y[fremde], ВЕРНО, ВЕЗУТ = fahren = Y[fi:n], ВВЕРЯЮСЬ, ПОДБРОСИЛО = werfen ('бросать') = Y[untervarfn], ПОВОРОТЕ, ГОРЯЧЕЙ = warm = Y[warem], ЧУЖОЙ (РУКИ) = fremde = Y[fremde]²⁸
- (2) (=Y) МЕДЛЕННО СТУПАЮТ → «тащатся» = schleppen (= Y[šlep:n]) → (эквиконс. по модулю p/f) schlafen 'спать', schläfern 'клонить ко сну, быть сонным' (= Y[šlefern]) → СПАТЬ ХОЧУ²⁹
- (3) (?Y) Я (ВВЕРЯЮСЬ) → Ich (= Y[ix]) 'я' → (омон.) ИХ (ЗАБОТЕ)
- (4) (=Y) В ФОНАРЯХ → (эквиконс.) fahren (= Y[fi:ren]) 'везут' → (КУДА) ВЕЗУТ
- (5) (=Y) НАВСТРЕЧУ ЗВЕЗДНОМУ ЛУЧУ – здесь просвечивает «аллитерация» [STR-N/L]: Н-ав-СТР-ечу, ЗВЕЗДНОМУ = Stern- = Y[štern], ЛУЧУ = Strahl = Y[štral]
- (6) (=Y) ЕЛЕЙ → Tannen 'ели' (= Y[tanen]) → (пар.) ТЕМН-ЫХ, ОЧЕР-ТАН-ЬЯ, ВИ-ДАНН-ЫЕ

* 1910. Статья «Франсуа Виллон» [II, с. 134].

²⁷ Этот текст замечателен тем, что он фиксирует какие-то впечатления раннего детства Мандельштама и при этом пронизан G/Y-суггестиями с перевесом в сторону идиша. Это свидетельство того, что языком раннего детства Мандельштама был идиш, или идиш-немецкий «суржик».

²⁸ Легко видеть, что идишизмы здесь, в общем, фонетически точнее.

²⁹ Здесь еще русская эквиконс. пара «ступать – спать». Но «сквозная» G/Y-суггестивность первых двух строф показывает, что эта R-пара суггестирована соотв. G/Y-парой schleppen – schläfern, в которой даже нет (в основе) конс. метатезы!

В стр. «подобно тому, как Верлен разбил serres chaudes символизма...»

Fr SERRES CHAUDES = 'теплицы, зажимы, когти, сдавливание'
→ **двойной** смысл: (а) «Верлен смог вырваться из когтей (зажимов) символизма», (б) аллюзия на сборник М. Метерлинка «Теплицы»

* 1911. Стих. «Скудный луч холодной мерою...» [I, с. 73].

В стр. «Как пустая башня белая, // Где туман и тишина...»
(>Y) БАШ-НЯ БЕЛ-АЯ → (акр.) [n'abel] → пар. Nebel (=Y[nepl])
'туман' → ТУМАН.

* 1911. Стих. «Воздух пасмурный влажен и гулок...» [I, с. 74].
В стр. «Мировая туманная боль – // <...> И тебя не любить мне позволю»

(а) (>Y) ТУМАН-НАЯ БОЛЬ ↔ (акр.) [nayaбол] → пар. Nebel
(=Y[nepl]) 'туман' → ТУМАН → R/G-«палиндром» ТУМАН-
NeBeL

(б) (>Y) НЕ ЛЮБИТЬ → (акр.) [nelub] → (конс. метат + пар.)
Nebel (=Y[nepl]) 'туман'.

* 1911. Стих. «Сегодня дурной день...» [I, с. 75].

В стр. «О, маятник душ строг – // Качается глух, прям»
(>Y) МАЯТНИК → Pendel (=Y[pedikl]) 'маятник' → (пар.) педель (школьный сторож, швейцар), Pedant 'педант' → «строгий учитель» → (асс.) «строгий, прямой» → СТРОГ, ПРЯМ

* 1911. Стих. «Смутно-дышащими листьями...» [I, с. 75].

В стр. «Встала медная луна»
ЛУНА → Mond 'луна' → (эквиконс.) МЕДНАЯ

* 1911. Стих. «Отчего душа так певуча...» [I, с. 76].

В стр. «Неожиданный Аквилон? // Он подымет облако пыли»
(<Y) АКВИЛОН → (эквиконс.) Wolken 'облака' → ОБЛАКО³⁰

³⁰ Идишизм Y[volkn] 'облако' более точен здесь ввиду ед. числа слова ОБЛАКО.

* 1911. Стих. «Раковина» [I, с. 76].

(1) в стр. «Но ты полюбишь, ты
оценишь // Ненужной раковины ложь»

SONJ ОЦЕНИШЬ ← (анаграмма) «Ницше»³¹.

(2) в стр. «Наполнишь шопотами пены, // Туманом, ветром и
дождем»

(а) (=Y) ПЕНЫ → Schaum (=Y[šoym]) 'пена' → (пар.) «шум» →
«шумами пены» → ШОПОТАМИ³²

(б) Yd НАПОЛН-ИШЬ → (эквиконс. NPL) Y[nepl] 'туман' → ТУ-
МАНОМ

* <1911>. Стих. «На перламутровый челнок...» [I, с. 77].

В стр. «Ты заклинаешь, без сомненья, // Какой-то солнечный
испуг»

(=Y) СОМНЕНЬЯ → (эквиконс. «по модулю» назальных m/n)

Sonnen (= Y[zunen]) 'солнечный' → СОЛНЕЧНЫЙ

* 1911. Стих. «О небо, небо, ты мне будешь сниться» [I, с. 366].

В стр. «Жемчужный почерк оказался ложью, // И кружева не
нужен смысл узорный, // И только медь – непобедимой дро-
жкой – // Пространство режет, нижег бисер черный»

(а) Yd МЕДЬ → Y[meš] 'медь' → (пар.) Y[emes] 'истина' → (ант.)
ЛОЖЬЮ³³

(б) Yd МЕДЬ → Y[meš] 'медь' → (пар.) Y[meser] 'нож' → (acc.)
«резать» → РЕЖЕТ

* 1911. Стих. «Дождик ласковый...» [72, т. 1, с. 65].

В стр. «Сердце сжалось, как маленький мяч: // Полон музыки,
Музы и муки»

Yd, Fr МЯЧ → Y[bol-n] 'мячи', ballon 'мяч' → (пар.) ПОЛОН

³¹ Эту анаграмму обнаружил О. Ронен, см. [2, с. 520].

³² «Пена» ↔ «шум», «музыка» – постоянная связь у Мандельштама, см. «германизмы» к <Скрябин и христианство> (1915) и к «Шуму времени» (1923).

³³ См. также идишизмы к ЕМ, гл. VII, к «10 января 1934», к «А посреди толпы, задумчивый, брадатый...» (1934). Здесь одновременно есть, похоже, аналогичная «русская» (т. е. не использующая язык-посредник) связь: МЕДЬ → «медные Провода» → (эквиконс.) «правда» → (ант.) ЛОЖЬЮ.

* 1911, 1922 Стих. «Кузнец» [I, с. 285].

В стр. «Круглое братство»

(=Y) БРАТСТВО → Bruder ‘брат’ → (пар.) runder ‘круглый’ → КРУГЛОЕ³⁴

* 1912, 1937. Стих. «Я вздрагиваю от холода...» [I, с. 77].

В стр. «Что, если, вздрогнув неправильно, // Мерцающая всегда, // Своей булавкой заржавленной // Достанет меня звезда?»

(а) серия суггестируемых G-экви-консонантизмов с конс. составом: (R-Š/S-T): НЕПРАВИЛЬНО = un-recht [un-rešt], ЗАРЖАВЛЕННОЙ = rostig [roštiš], ДОСТАНЕТ = reicht [rayšt] ‘достигает’, ЗВЕЗДА = Stern [štern]³⁵

(б) (=Y) МЕРЦАЮЩАЯ → Flimmer (= Y[glimer]) ‘мерцание’ → (пар.) immer ‘всегда’ → ВСЕГДА

* 1912. Стих. «Я ненавижу свет...» [I, с. 78, вар. с. 460].

В стр. «Кружевом, камень, будь // И паутиной стань, //

(вар.: «Мстителем, камень, будь, // Кружевом острым стань»)

Неба пустую грудь // Тонкой иглою рань»

(а) (=Y) КРУЖЕВОМ = Spitzen ‘кружево’ → Spitze ‘острие’ → ТОНКОЙ ИГЛОЮ, КРУЖЕВОМ ОСТРЫМ³⁶.

(б) (=Y) КАМЕНЬ = Stein [štayn] (= YP[šta(y)n]) → (пар.) СТАНЬ

(в) Yd КАМЕНЬ → (экви-конс.) Y[NeKoMe] ‘мечь’ → (пар.) МСТИТЕЛЬ

* 1912. Стих. «Образ твой, мучительный и зыбкий...» [I, с. 78].

В стр. «Образ твой, мучительный и зыбкий // Я не мог в тумане осязать. // «Господи!» – сказал я по ошибке, // Сам того не думая сказать. // Божье имя, как большая птица, // Вылетело из моей груди!»

³⁴ Y-суггестия YP [brider] ‘братья’ → YP [rinder] ‘круглый’ здесь равновероятна.

³⁵ Все словоформы п. (а) – из варианта 1937 г. Здесь можно «услышать», что нем. ch для Мандельштама в это время звучало на соотв. позиции как (частотный) сибилант [š]. В стандартном Y это же звучит как [x].

³⁶ Эта G-связь отмечена в [87]. См. G-суггестии к «Четвертой прозе» (1929), «кружева».

- (а) (>Y)³⁷ ОСЯЗАТЬ = fühlen (= Y[filn]) → (пар.) fehlen ‘ошибаться’ (Y[feler] ‘ошибка’) → (СКАЗАЛ Я) ПО ОШИБКЕ.
 (б) ЗЫБКИЙ = schwan-kend → (пар.) Schwan ‘лебедь’ → «лебедь»
 → БОЛЬШАЯ ПТИЦА

* 1912. Стих. «Пешеход» [I, с. 79].

В стр. «И вечность бьет на каменных часах»

(=Y) И ВЕЧНОСТЬ → Urstand ‘первоначальное – от века – состояние (людей)’ → (де-акр., омоф., пар.) Uhr + Stein [šta(y)n] ‘часы + камень’ → КАМЕННЫХ ЧАСАХ

* 1912. Стих. «Казино» [I, с. 79].

В стр. «Но я люблю на дюнах казино, // <...> И тонкий луч на скатерти измятой»

(а) (>Y)³⁸ ДЮНАХ → (пар.) dünn (=Y[din]) ‘тонкий’ → ТОНКИЙ

(б) CONJ НА СКАТЕРТИ → (эквиконс. NSKTRT) knitterig [knitteriš] ‘измятый’ → ИЗМЯТОЙ

* 1912. Стих. «Паденье – неизменный спутник страха...» [I, с. 80].

В стр. «И деревянной поступью монаха // Мощный двор когда-то мерил ты: // Булыжники и грубые мечты – // В них жажда смерти и тоска размаха!»

(а) МОНАХА → Monch [monš] ‘монах’ → (эквиконс. MNŠ) МОЩЕН-ЫЙ

(б) CONJ Monch [monš] ‘монах’ → (эквиконс. MNŠ/S) messen ‘мерить’ → МЕРИЛ

(в) МОЩЕНЫЙ = gepflastert → pflastern ‘мощение’ → Pflasterstein ‘булыжник’ → БУЛЫЖНИК

(г) (<Y)³⁹ ГРУБЫЕ → grobe ‘крупные’ → смысл: «крупные мечты» → (ТОСКА) РАЗМАХА. Одновременно: grab → (омофон) «гроб» → смысл: «гробовые мечты» → ЖАЖДА СМЕРТИ

* 1912 (1913?). Очерк «Утро акмеизма» [II, с. 142].

³⁷ Y-связь менее вероятна по фонетическим соображениям.

³⁸ Y-связь менее вероятна по фонетическим соображениям.

³⁹ Идишизм Y[grub] = (1) ‘крупный’, (2) ‘могильный’ – фонетически более точен.

В стр. «Острие акмеизма – не стилет и не жало декадентства»
Gr (> Fr, > G) АКМЕ-ИЗМА → 'акцiя 'острие, апогей, расцвет'
→ ОСТРИЕ⁴⁰

* 1913 (1937). Стих. «Старик» [I, с. 84].

В стр. «Еще светло, поют сирены // В седьмом часу утра. // Старик, похожий на Верлена...»

Fr (> **It**) СВЕТЛО → sereine 'светлая, ясная, безмятежная' → (пар.) СИРЕНА⁴¹

* 1913. Стих. «Петербургские строфы» [I, с. 85].

(1) в стр. «Кружилась долго мутная метель, // И правовед опять садится в сани, // Широким жестом запахнув шинель»

(=Y) МУТНАЯ МЕТЕЛЬ → (эквиконс. MTNL) Mantel 'шинель' → ШИНЕЛЬ

(2) в стр. «Онегина старинная тоска; // На площади Сената – вал сугроба»

CONJ ТОСКА → Wehmut 'тоска,' → (пар.) Wehe 'сугроб' → СУГРОБА⁴²

* 1913. Стих. «Заснула чернь. Зияет площадь аркой... » [I, с. 87].

(1) в стр. «Здесь Арлекин вздыхал о славе яркой»

CONJ АРЛЕКИН = Harlekin → (пар.) heller 'яркий' → (СЛАВЕ) ЯРКОЙ

(2) в стр. «Россия, ты – на камне и крови – // Участвовать в твоей железной каре»

(a) (КАМНЕ + КРОВИ) = (Stein + Blut) → (акр.) Blutstein '(красный) железняк [117, с. 258]' → ЖЕЛЕЗНОЙ

(б) CONJ (В ТВОЕЙ) ЖЕЛЕЗНОЙ КАРЕ → Eisen 'железо, кан-

⁴⁰ В этом сочетании Мандельштам как бы восстанавливает исконное греческое значение 'акцiя 'острие'. В нем. Akmé = 'вершина, апогей'; во фр. acmé = 'расцвет, апогей'.

⁴¹ Французская интерференция здесь объясняется фоном Парижа: Верлен и т. д. Эта же французско-русская связь в стих. «Silentium» (1910). Амелин и Мордерер, отметившие связь СВЕТЛО ↔ СИРЕНА в своей монографии [201, с. 327], почему-то считают «языком-посредником» здесь итальянский.

⁴² Эта G-суггестия отмечена в [87]. См. еще «германизмы» к «1 января 1924»: «сугроб».

дали' + (ом.) Karre 'тачка' → «каторжная (острожная) тачка»
 → смысл: «участвовать в твоих каторжных работах», ср. нем.
 in die Karre verurteilen 'присудить к каторжной работе [117,
 с. 750]', ср. у Мандельштама позднее: «командированный к
 тачке острожной».

Еще одна связь, приводящая к тому же смыслу на выходе:

(в) CONJ (В ТВОЕЙ) КАРЕ → (ом.) Karre 'тачка' + «кара (наказа-
 ние)» = Strafe → Karrenstrafe 'каторжная работа [117, с. 750]'
 → смысл: «участвовать в твоих каторжных работах, быть на
 твоей каторге».

* 1913 <1915?>. Стих. «Здесь я стою – я не могу иначе...»
 [I, с. 85].

В стр. «Здесь я стою – я не могу иначе // Не просветлеет темная
 гора – // И кряжистого Лютера незрячий // Витают дух над ку-
 полом Петра»

(а) ЗДЕСЬ Я СТОЮ – Я НЕ МОГУ ИНАЧЕ ← “Hier stehe ich –
 ich kann nicht anders” (М. Лютер)

(б) ЛЮТЕР → Lauter 'чистый, светлый' → ПРОСВЕТЛЕЕТ

* 1913. Стих. «Мы напряженного молчанья не выносим...»
 (вариант) [I, с. 87, комм. с. 464].

В стр. «Я был на улице. Свистел осенний шелк... // Чтоб горло
 повязать, я не имею шарфа!»

(а) ШЕЛК ← Schelke 'шелуха, скорлупа, кожаца [117, с. 1112]'

(б) (=Y) НЕ ИМЕЮ ШАРФА⁴³ ← «Ich habe...» – синтаксический
 германизм, Y[ix-hob] равновероятно

* 1913. Стих. «Адмиралтейство» [I, с. 88].

В стр. «Запутался в листе прозрачный циферблат»

(=Y) В ЛИСТВЕ → «лист» = Blatt (=Y[blat]) → ЦИФЕР-БЛАТ

* 1913. Стих. «В таверне воровская шайка...» [I, с. 88].

В стр. «И, недовольный, о ночлеге // Монах рассказывает ложь!»

⁴³ 2 апреля 1937 г. эта G/Y-конструкция была устранена, и возник оконча-
 тельный вариант: И ГОРЛО ГРЕЕТ ШЕЛК ЩЕКОЧУЩЕГО ШАРФА. См. к это-
 му германизмы в стих. «Имею тело...».

(>Y) О НОЧ-ЛЕГЕ → (пар.) Lüge (=Y[lign]) 'ложь' → ЛОЖЬ

* 1913. Стих. «Теннис» [I, с. 90].

В стр. «Из ковша спортсмен веселый; // И опять война идет»
(<Y) КОВША → Krug 'кувшин, кружка' (=Y[krug], YP[krig]) →
(пар.) Krieg 'война' → ВОЙНА⁴⁴

* 1913. Стих. «Американка» [I, с. 91].

В стр. «В Америке гудки поют // И красных небоскребов трубы
// Холодным тучам отдают // Свои прокопченные губы»

(а) ГУДКИ → Hufe 'гудок' → (пар.) ГУБЫ

(б) (=Y) НЕБОСКРЕБОВ → Wolkenkratzer (=Y[volknkratzer]) 'не-
боскребы, букв. «туческребы»' → Wolken 'тучи' → ТУЧАМ

(в) ТРУБЫ → trübe = 'хмурый, пасмурный' → ХОЛОДНЫМ ТУ-
ЧАМ

* 1913. Стих. «От легкой жизни мы сошли с ума...» [I, с. 288].

В стр. «Мы смерти ждем, как сказочного волка, // Но я боюсь,
что раньше всех умрет // Тот, у кого тревожно-красный рот // И
на глаза спадающая челка»

(а) (>Y) СМЕРТЬ → Tod, tot 'смерть, мертвый' → (пар.) ТОТ

(б) (>Y) РОТ → (пар.) rot 'красный' → ТРЕВОЖНО-КРАСНЫЙ
РОТ⁴⁵

* 1913. Стих. «Мадригал» [I, с. 289].

⁴⁴ Похоже, что здесь (польский) идишизм: вариант YP[krig] фонетически наиболее точен.

⁴⁵ Эти G-связи (со ссылкой на М. Лотмана) отмечены в [120, с. 349]. Идишизмы Y[toyt] 'смерть', Y[goyt] 'красный' здесь также могли бы работать, но G-суггестия фонетически точнее. См. еще вариант к «Соломинке», приводимый в двойной передаче в [I, с. 475]: «Я запечатаю на много поколений // Твой маленький багрянородный рот». Отметим еще, что в шуточном стих. «Случайная небрежность...» (1935) в стр. «И понадергали они друг другу челок! // Но виноват из двух друзей, конечно, тот, // Который услышал оплошно: "идиот"» [I, с. 361] Мандельштам, похоже, отсылает к своему же раннему «Мы смерти ждем...». Ralph Dutli, современный переводчик Мандельштама на немецкий, слышит и здесь «тот» как омофон немецкого tot 'мертвый' и переводит эти строки так: «Darauf zerrüpfen sie sich die Frisür! // Doch schuldig ist von beiden, schon halbtot, // Wer fehlerhaft nur hörte "Idiot"» [121, с. 157].

В стр. «И пред людьми русалка виновата – // Зеленоглазая, в морской траве! // <...> Так моряки в прохладе изумрудной»

(а) ЗЕЛЕНОГЛАЗАЯ → (пар.) Seegras ‘взморник, букв. «морская трава»’ → (В) МОРСКОЙ ТРАВЕ

(б) (=Y) «зеленый цвет» + (МОРСКОЙ-ТРАВЕ) → (эквиконс. MRSKT) Smaragd [smarakt] ‘изумруд’ → ИЗУМРУДНОЙ

* 1913. Стих. «Песенка» [I, с. 290].

(1) в стр. «Голубые судомойки»

ГОЛУБЫЕ = blauen → (пар.) blauen ‘синить, подсинивать белье’ → СУДОМОЙКИ (= прачки, см. п. 2)

(2) в стр. «Тяжела с бельем корзина, // И мясник острит так плотски»

(а) CONJ (=Y) ТЯЖЕЛА = schwere → (част. метатеза) Wasche ‘белье, стирка’

(б) МЯСНИК = Fleischer → (метатеза) schleifen ‘заострять’ → ОСТРИТ

(в) МЯСНИК = Fleischer → Fleisch ‘мясо, плоть’, fleischlich ‘плотский’ → ПЛОТСКИ

* Конец 1913. Шут. стих. «В девятьсот двенадцатом, как яблоко румян...» [I, с. 341].

В стр. «Был канонизирован святой Мустамиан. // <...> Тот, кто от чудовищных родителей рожден»

(=Y) РОЖДЕН (происходит от) = stammt (=Y[štam]) → (пар. части фамилии) Мандель-ШТАМ → МУ-СТАМ-иан

* 1914. Стих. «О временах простых и грубых...», [I, с. 94].

В стр. «Овидий пел арбу воловью // В походе варварских телег»

Lat АРБУ → (пар.) лат. barbara ‘варварские’⁴⁶ → ВАРВАРСКИХ

* 1914. Стих. «Природа – тот же Рим...» [I, с. 96].

В стр. «Есть внутренности жертв, чтоб о войне гадать, // Рабы,

⁴⁶ barbara – слово из строки Овидия: “ducunt Sarmatici **barbara** plaustra boves” (Tristia I. III, X, 34). Эта связь впервые рассматривалась О. Роненом, а затем – В. Топоровым [213, с. 230].

чтобы молчать, // И камни, чтобы строить»

Fr (= Lat) ЧТОБЫ + «инфинитив» – это рефлекс французской (или соотв. латинской)⁴⁷ конструкции: предлог *pour* + «инфинитив» = «ситуационная цель»

* 1914. Стих. «Я не слышал рассказов Оссиана...», [I, с. 98].

В стр. «Я получил блаженное наследство – // Чужих певцов блуждающие сны»

Yd (= Pol) БЛАЖЕННОЕ → (пар.) *Y[blundžen]* ‘блуждать’ → **БЛУЖДАЮЩИЕ**⁴⁸

* 1914. Стих. «Как овцы, жалкою толпой...» [I, с. 296].

В стр. «Как мальчик вечером песок // Вытряхивает из сандалий»

(=Y) **ПЕСОК** → *Sand* ‘песок’ → (пар.) **САНД-АЛИЙ**

* 1914. Очерк «Петр Чаадаев» [II, с. 155].

В стр. «Только русский человек мог открыть этот Запад, который гуще, конкретнее самого исторического Запада»

Fr (>G) КОНКРЕТНЕЕ → (пар.) *concret* ‘густой, конкретный’ → (асс.) **СГУЩЕННЕЕ**

* 1915. Стих. «О свободе небывалой...» [I, с. 104].

В стр. «Возлагаю на тебя, // Чтоб свободе, как закону»

(?Y) **ВОЗЛАГАЮ НА = Setze auf** → (пар.) *Gesetz* ‘закон’ → **ЗАКОНУ**

* 1915. Стих. «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» [I, с. 104].

⁴⁷ Г. Адамович отметил здесь латинскую интерференцию еще в работе 1961 г.: «К латыни же Мандельштам расположен был всегда, и порой в его “бормотания” она вклинивается с огромной силой (например, “Рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить”, – удивительная, действительно “гацитовская” строчка, где самое звуковое насилие над первым “чтобы”, втиснутым в размер как слово ямбическое, увеличивает выразительность стиха, подчеркивает соответствие ритма смыслу <...>» [цит. по 184, с. 353].

⁴⁸ Здесь, конечно, «полонизм в идише»: польск. *bladzić* (назальность в *dz*) ‘блуждать, ошибаться’. См. Y-суггестии к стих. «В Петербурге мы сойдемся снова...». Ср. также в «Заметках о Шенье» (1915): «отдельный блуждающий стих» [II, 163].

В стр. «На головах царей божественная пена, – // Куда плывете вы? Когда бы не Елена»

(=Y) ПЕНА = Schaum (=Y[šoyrn]) → (пар.) schwimmen (=Y[švimen]) ‘плывете’ → ПЛЫВЕТЕ

* 1915. Очерк < Скрыбин и христианство > [II, с. 157].

На с. 158, 160: «...время мчится обратно с шумом и свистом, как прегражденный поток, – и новый Орфей бросает свою лиру в клокочущую пену <...> музыка бросила нам миф <...> пено-рожденный...»

(a) (=Y) ШУМОМ → (пар.) Schaum (=Y[šoyrn]) ‘пена’ → ПЕНУ

(б) (=Y) МУЗЫКА → (асс.) «шум» → (пар.) Schaum (=Y[šoyrn]) ‘пена’ → (миф.) ПЕНОРОЖДЕННЫЙ⁴⁹

* 1915. Стих. «Автоматичен, вежлив и суров...» [I, с. 342].

В стр. «Автоматичен, вежлив и суров, // На рубеже двух славных поколений»

(a) (=Y) РУБЕЖЕ = Grenze (=Y[grnets]) → (эквиконс. GRN-TS) Generation (=Y[generatsie]) ‘поколение’ → ПОКОЛЕНИЙ

(б) (=Y) РУБЕЖЕ = Grenze (=Y[grnets]) → (эквиконс. GRN-T-Š/S) Streng (=Y[štreng]) ‘суровый’ → СУРОВЫЙ

* 1915, 1916. Стих. «Как этих покрывал и этого убора...» [I, с. 107].

В стр. «Мы же, песнью похоронной // Провожая мертвых в дом, // Страсти дикой и бессонной»

(=Y) **серия** суггест. пароним. основ (LIED-LEIT-LEID): ПЕСНЬЮ = Lied [lid], ПРОВОЖАЯ = begLEITen [layt], СТРАСТИ = LEIDenschaft [layd]

* 1915 (?) Стих. «Приглашение на луну» [I, с. 368].

В стр. «На луне голубой // Я сварю вам жженку»

(=Y) (НА) ГОЛУБОЙ = (auf dem) blauen (=Y[bloyn]) → (пар.) brauen (=Y[broyrn]) ‘варить жженку’ → СВАРЮ

* 1916, 1935. Стих. «Зверинец», вариант: «Мир» (Ода)

⁴⁹ Связь «шум», «музыка» ↔ «пена» см. еще в G-суггестиях к «Раковина» (1911), «Шум времени» (1923).

[I, с. 108, 473].

(1) в стр. «Отверженное слово «мир» // В начале оскорбленной эры; // Как на косматые пещеры // Мы променяли сей эфир? // Эфир, которым не сумели, // Не захотели мы дышать. // Мы разучились умирать, // Но разве этого хотели?»

(а) **Yd** МИР → Y[mir] ‘мы’ → МЫ (3 раза)⁵⁰

(б) **Yd** (МИР + Y[mir]) → уМИРАть

(2) в стр. «И рейнская струя светлей»

(=Y) РЕЙНСКАЯ → rein ‘чистый, без примесей, незамутненный’ → СВЕТЛЕЙ

* 1916. Стих. «Соломинка» [I, с. 110].

(1) в стр. «Спокойной тяжестью, – что может быть печальней»
(=Y) СПОКОЙНОЙ ТЯЖЕСТЬЮ → Schwer ‘тяжесть’ + Mut ‘мужество → спокойствие’ → Schwermut ‘печаль’ → ПЕЧАЛЬНЕЙ

(2) в стр. «Соломка звонкая, соломинка сухая, // всю смерть ты выпила и сделалась нежней»

(=Y) СУХАЯ → trocken ‘сухой’ → (конс. метат.) trank ‘пила’ → ТЫ ВЫПИЛА

(3) в стр. «Нет, не соломинка в торжественном атласе, // <...> Струится в воздухе лед бледно-голубой. // Декабрь торжественный струит свое дыханье, // <...> И голубая кровь струится из гранита»

(=Y) СОЛОМИНКА → Stroh, Strohalm ‘солома, соломинка’ → СТРУИТСЯ, СТРУИТ⁵¹

(4) в стр. «В моей крови живет декабрьская Лигейя, // Чья в сар-

⁵⁰ Это замечательный пример ранней (и сначала, возможно, подсознательной) Y-суггестии, см. еще стих. «В Петрополе прозрачном мы умрем...» (1916). После 1916 г. эта связь кажется осознанной. См. идишизмы в «О, как мы любим лицемерить...» (1932). Кроме того, эта же связь устойчиво проявляется в переводах 1925/26 гг. из немецкой поэзии: (1) в переводах стих. Макса Бартеля «Поруганный лес» [2, с. 339], «Птицы» [2, с. 342], «Неизвестному солдату» [2, с. 345], «Простерла руку жизнь над нами» [2, с. 348], «Военная песня» [2, с. 350]; (2) в переводе стих. Рене Шикеле «Телохранители» [2, с. 378]. См. об этом явлении в основном тексте, Глава 8 (ЯКМ), *мир.

⁵¹ Y-суггестия здесь равновероятна. Пожалуй, Y[štrojele] ‘соломинка’ с диминутивным суффиксом Y[-le] и YP[štrumen] ‘струиться’ даже лучше «соответствуют» звуковой ткани этого стиха.

кофаге спит блаженная любовь...»

(=Y) КРОВИ → Blut 'кровь' → (конс. метат.) lebt 'живет' → ЖИВЕТ → liebt 'любит' → ЛЮБОВЬ

(5) в варианте, приводимом (в двойной передаче) в [I, с. 475]:
«Я запечатаю на много поколений // Твой маленький багряно-родный рот»

(>Y) РОТ → (пар.) rot 'красный' → (асс.) «багряный» → БАГРЯНО-РОД-НЫЙ⁵²

* 1916. Стих. «Мне холодно. Прозрачная весна...» [I, с. 111].

(1) в стр. «Мне холодно. Прозрачная весна // <...> Но, как медуза, невская волна // Мне отвращенье легкое внушает. // По набережной северной реки // Автомобилей мчатся светляки»

(а) (=Y) (МНЕ) ХОЛОДНО → Ich friere (=Y[ix-frir]) → (пар.) Frühling 'весна' (=Y[friling]) → ВЕСНА

(б) ВОЛНА → Wellen 'волны' → (част. пар.) Widerwillen 'отвращение' → ОТВРАЩЕНЬЕ

(в) **Fr** (= G) НАБЕРЕЖНОЙ → Quai [ke] 'набережная' → (пар.) РЕ-КИ, СВЕТЛЯ-КИ

(2) в стр. «Морской воды тяжелый изумруд»

(=Y) МОРСКОЙ → (эквиконс. MRSK) Smaragd [smarakt] (=Y[smarak]) 'изумруд' → ИЗУМРУД

* 1916. Стих. «В Петрополе прозрачном мы умрем...» [I, с. 112].

В стр. «В Петрополе прозрачном мы умрем, // Где властвует над нами Прозерпина. // Мы в каждом вздохе смертный воздух пьем, // И каждый час нам смертная година. // Богиня моря, грозная Афина, // <...> В Петрополе прозрачном мы умрем...»

(а) **Yd** МЫ → Y [mir] 'мы' → УМРЕМ + СМЕРТНЫЙ + СМЕРТНАЯ

(б) **Yd** БОГИНЯ МОРЯ → Y[moyre/meure] 'страх, ужас' → ГРОЗНАЯ

* 1916. Стих. «Не веря воскресенья чуду...» [I, с. 112].

(1) в стр. «Целую кисть, где от браслета»

(?Y) ЦЕЛЮЮ = küsse → (пар.) КИС-ТЬ

⁵² См. G-связи в стих. «От легкой жизни мы сошли с ума...» (1913).

(2) в стр. «Чудесный звук, на долгий срок»
(=Y) ЗВУК = Klang (=Y[klang]) 'звук' → (пар.) lang 'долгий' →
ДОЛГИЙ

* 1916. Стих. «Собирались элины войною...» [I, с. 114].
В стр. «На прелестный остров Саламин, – // <...> Виден был из
гавани Афин»

(a) (>Y) САЛАМИН → (эквиконс. S-L-N/M) Insel 'остров' →
ОСТРОВ

(б) (=Y) ГАВАНИ = Hafen (=Y[hafn]) → (пар.) АФИН

* 1917. Стих. «Золотистого меда струя из бутылки...»
[I, с. 116].

В стр. «Мимо белых колонн мы пошли посмотреть виноград, //
Где воздушным стеклом обливаются сонные горы»

(a) СТЕКЛОМ → Glas 'стекло' → glasieren 'глазировать, обли-
вать глазурью' → ОБЛИВАЮТСЯ

(б) ВИНОГРАД → «виноградник» = Weinberg → Berg 'гора' →
ГОРЫ

* 1917. Стих. «Когда на площадях и в тишине...» [I, с. 118].

(1) в стр. «Холодного и чистого рейнвейна»

(=Y) ЧИСТОГО (= rein) ← РЕЙНВЕЙНА

(2) в стр. «Янтарь, пожары и пиры»

ЯНТАРЬ → Bernstein 'янтарь' → (пар. первой основы) brennen
'жечь' → ПОЖАРЫ → Feuer 'пожар' → (пар.) ПИРЫ

* 1918. Стих. «На страшной высоте блуждающий огонь!..»
[I, с. 121].

В стр. «Прозрачная весна над черною Невой // Сломалась, воск
бессмертья тает...»

(=Y) ВЕСНА → (пар.) Wesen (=Y[vezn]) 'существо (создание),
существование' → смысл: «хрупкая жизнь, бытие, умирает»

* 1918. Стих. «Сумерки свободы» [I, с. 122].

В стр. «В ком сердце есть – тот должен слышать, время...»

(=Y) (СЛЫШАТЬ + ВРЕМЯ) → (hören ‘слышать’ + Zeit ‘время’)⁵³
 → (акр.) Herz ‘сердце’ → СЕРДЦЕ⁵⁴

* 1918. Стих. «Tristia» [I, с. 124].

В стр. «Когда в сених лениво вол жуёт»

(=Y) ЛЕНИВО → faul (=Y[foyl]) ‘ленивый’ → (пар.) «вол» → ВОЛ⁵⁵

* 1919. Стих. «В хрустальном омуте какая крутизна!..» [I, с. 125].

В стр. «И сумасшедших скал колючие соборы // Повисли в воздухе, где шерсть и тишина. // С висячей лестницы пророков и царей...»

(a) Yd КОЛЮЧИЕ → (Y[šerske] ‘шершавый, колючий’⁵⁶ + Y[šorstik] ‘rough, stubbly’⁵⁷) → (пар.) ШЕРСТЬ⁵⁸

(б) It СКАЛ → (пар.) scala ‘лестница’ → ЛЕСТНИЦЫ

* 1920. Стих. «Венецкая жизнь» [I, с. 129].

(1) в стр. «Вот она глядит с улыбкою холодной // В голубое дряхлое стекло»

(=Y) ХОЛОДНОЙ = kalte (=Y[kalte]) → (пар.) alte ‘старый, дряхлый’ → ДРЯХЛОЕ

⁵³ Здесь равновероятна Y-суггестия: Y[hern] ‘слышать’ + Y[tsayt] ‘время’ → Y[harts] ‘сердце’, которая несколько менее точна фонетически.

⁵⁴ Здесь вполне возможен и обратный процесс, т. е. «де-акронимизация» Herz: СЕРДЦЕ = Herz → hören + Zeit → СЛЫШАТЬ, ВРЕМЯ.

⁵⁵ «Вол» ↔ «лень» – стабильная G/Y/R-связь в текстах Мандельштама. См. еще германизмы к стих. «За то, что я руки твои...» (1920).

⁵⁶ См. [106, с. 419].

⁵⁷ См. [107, с. 394].

⁵⁸ Связь Y[šorstik] – «шерсть» – «черствый» – «шершавый» – «колючий» далее становится устойчивой, приводя, в частности, к «нестандартному» употреблению слова «черствый». Например, в переводах из О. Барбье и М. Бартеле (1923–26): «... под ЧЕРСТВОЮ эгидой...» [2, с. 310] = ‘под колючей эгидой’, «Верден, ЧЕРСТВА твоя весна, <...> КОЛЮЧИЙ стыд!..» [2, с. 353]; в ШВ: «А в ЧЕРСТВОЙ обстановке торговой комнаты...» [II, с. 14]; в «Путешествии в Армению» [II, с. 108]: «две черствые липы»; в стих. «Слышу, слышу ранний лед...» (1937): «С ЧЕРСТВЫХ лестниц, с площадей // С угловатыми дворцами» [I, с. 234]. Ясно, что в этих примерах ЧЕРСТВЫЙ = «колючий». Интересно, что о последнем примере А. Ахматова «говорила, что у Мандельштама “черствые лестницы” – законны, оправданы дантовским “хлебом чужим”» [108, с. 295].

(2) в стр. «И горят, горят в корзинах свечи»

СВЕЧИ = Kerzen [kertsen] → (эквиконс. KRZN) «корзина» → В КОРЗИНАХ

(3) в стр. «Воздух твой граненый. В спальне тают горы // Голубого дряхлого стекла»

(=Y) ГРАНЕНЫЙ → «гранить» = schleifen (=YP[šlafn]) → (пар.) schlafen (=YP[šlufn]) ‘спать’ → В СПАЛЬНЕ⁵⁹

* 1920. Стих. «Когда Психея-жизнь спускается к теням...» [I, с. 130].

(1) в стр. «Навстречу беженке спешит толпа теней»

(<Y) БЕЖЕНКЕ → pleyte gehen ‘исчезать, убежать’ (Y[pleyte] ‘бегство’) → (эквиконс. PLT) ТОЛПА⁶⁰

(2) в стр. «Сухие жалобы кропят, как дождик мелкий. // И в нежной сутолке, не зная, что начать»

(=Y) МЕЛКИЙ → fein (=Y[feyn]) ‘мелкий, деликатный, слабый, нежный’) → В НЕЖНОЙ⁶¹

* 1920. Стих. «Ласточка» [I, с. 130].

В стр. «На крыльях срезанных, с прозрачными играть»

(=Y) КРЫЛЬЯХ → «крыло» → (эквиконс.) klar ‘прозрачный’ → С ПРОЗРАЧНЫМИ⁶²

* 1920. Стих. «В Петербурге мы сойдемся снова...» [I, с. 132].

В стр. «И блаженное бессмысленное слово // <...> За блаженное бессмысленное слово»

Yd (= Pol) БЛАЖЕННОЕ → (пар.) → Y[blundžen] ‘блуждать’ → смысл: «блуждающее слово, слово = бес-смысленная Психея, ищущая смысл/вещь/тело»⁶³

⁵⁹ Эта же G/R-связь: «сон» – «граненый» – «стекло» см. в стих. «Обороняет сон мою донскую соню» (1937).

⁶⁰ См. эти же связи подробнее в G-суггестиях в стих. «Флейты греческой...» (1937).

⁶¹ Это хороший пример «связывания» русских лексем в тексте Мандельштама через более широкое семантическое поле «связывающего» G-слова.

⁶² Здесь равновероятен идишизм Y[klor/klur] ‘прозрачный’.

⁶³ Здесь полонизм в Y: польск. bladzić (с назальностью) ‘блуждать, ошибаться’. См. суггестии к стих. «Я не слышал рассказов Оссиана...» (1914).

* 1920. Стих. «За то, что я руки твои не сумел удержать..» [I, с. 133].

В стр. «И медленный день, как в соломе проснувшийся вол»
(=Y) МЕД-ЛЕН-НЫЙ ДЕНЬ → «лень» → faul (=Y[foyl]) ‘лени-
вый’ → (пар.) ВОЛ⁶⁴

* 1920. Стих. «Когда городская выходит на стогны луна...» [I, с. 134].

В стр. «Когда городская выходит на стогны луна, // И медленно ей озаряется город дремучий, // И ночь нарастает, унынья и меди полна, // И грубому времени воск уступает певучий»

(а) ЛУНА = Mond → (эквиконс. M-N/L-D) МЕДЛЕННО

(б) Mond → (эквиконс. MND) «медный» → МЕДИ

(в) (=Y) НА-РАСТ-АЕТ → «рост» = Wachsen (=Y[waksn]) → (ом.)
Wachs (=Y[waks]) ‘воск’ → ВОСК

* 1920. Стих. «Я наравне с другими...» [I, с. 136].

В стр. «Не утоляет слово // Мне пересохших уст, // И без тебя мне снова // Дремучий воздух пуст»

(=Y) ДРЕМУЧИЙ → dichter ‘густой, дремучий (о лесе)’ →
(омон.) Dichter ‘поэт’ → смысл (параллельный в двух строках):
«без тебя для меня воздух поэзии (слово) пуст»

* 1921/22 г. Переводы старо-франц. эпоса, О. Барбье, В. Пшавелы [2, с. 269–326].

В ряде мест используется слово ЛАСКА в его Y/Pol/Ukr-значении, не совпадающем с русским. Используется и производное русское ЛАСКОВЫЙ с измененной («идишизированной») семантикой основы, дающей смысл – ‘любезный’:

(1) с. 271: «Товарищ мой ЛАСКОВЫЙ...» = ‘Товарищ мой любезный’

(2) с. 272: «Спросил его вежливо, с ЛАСКОЙ всей...» = ‘с любезностью всей’

(3) с. 274: «И ЛАСКОВАЯ Франция...» = ‘И любезная Франция’

(4) с. 275: «Молит Бога, чтоб ПРИЛАСКАЛ их...» = ‘оказал милость’

⁶⁴ «Лень» – «вол» – постоянная связь у Мандельштама. См. G-суггестии к “Tristia” (1919).

- (5) с. 280: «ЛАСКОВЫЙ сир, – говорят они, – исполним» = ‘Любезный господин’
(6) с. 292–293 (3 раза): «Госпожа моя ЛАСКОВАЯ...» = ‘Госпожа моя любезная’
(7) с. 308: «Нет к побежденным мужественной ЛАСКИ...» = ‘снихождительно-милостивого обращения’
(8) с. 326: «За чудесный подвиг ЛАСКОВЫЙ» = ‘за великодушную снихождительность’
В (1) – (8): **Yd** (=Pol, =Ukr) ЛАСКА = Y[laske] ‘condescending, reluctant favor, снихождительная милость, любезность’⁶⁵.
-

* 1921. Стих. «Умывался ночью на дворе..» [I, с. 140, вариант: с. 493].

В стр. «Твердь сияла грубыми звездами. // <...> Чище правды грубого холста»

(<Y) (ГРУБЫМИ, ГРУБОГО) → (grob ‘крупного помола зерно, мука и т. п., Grube ‘яма → могила’). Тем самым, получают смыслы: «сияла **крупными могильными звездами смерти**», и «правды грубого, могильного, **смертного холста, савана**»⁶⁶.

* 1921. Очерк «Слово и культура» [II, с. 167].

С. 168: «...слово – плоть, и простой хлеб – веселье и тайна»

С. 170: «Слово – плоть и хлеб. Оно разделяет участь хлеба и плоти: страдание»

(а) (=Y) ПЛОТЬ = Leib (=Y[layb]) → (ом.) Laib (=Y[labn]) ‘каравай хлеба’ → ХЛЕБ

(б) (>Y) ХЛЕБА, ПЛОТИ → Laib (=Y [labn]), Leib (=Y[layb]) → (пар.) Leid (=Y [leyd]) ‘страдание’ → СТРАДАНИЕ⁶⁷

* 1921–1922. Очерк «О природе слова» [II, с. 172].

⁶⁵ См. [105, с. 269], [107, с. 220], этот же идишизм подробнее см. в суггестиях в «Канцоне» (1931).

⁶⁶ Y-суггестия, дающая омонимы YP[grub] ‘крупный, толстый’ = (омон.) YP[grub] ‘могила’, представляется здесь несколько более точной.

⁶⁷ См. еще германизмы в стих. «Мастерица виноватых взоров» (1934), «полухлеб», «плоть».

(1) с. 176: «он [Белый] нещадно и бесцеремонно гоняет слово, сообразуясь только с темпераментами своего спекулятивного мышления»

It, Fr ТЕМПЕРАМЕНТАМИ → *temperamento* ‘смешение, сочетание’, *tempérament* ‘характер, склад’ → смысл: «...сообразуясь только со своим мгновенным психическим состоянием»

(2) с. 181: «готовил настой таких горьких, полынно-крепких стихов...»

ПОЛЫННО- → (acc.) *Wermut* ‘полынь, вино «вермут»’ → вино «вермут» → **-КРЕПКИХ**⁶⁸

(3) с. 186: «Гиератический, то есть священный, характер поэзии обусловлен убежденностью, что человек тверже всего остального в мире»

(=Y) ГИЕРАТИЧЕСКИЙ = *hierat-isch* → (эквиконс. HRT) *hart* (=Y[*hart*]) ‘твердый’ → **ТВЕРЖЕ**⁶⁹

* 1921–1922 г. Стих. «Люблю под сводами седья тишины» [I, с. 137].

(1) в стр. «Сюда влачится по ступеням // Широкопасмурным не счастья волчий след»

(=Y) СТУПЕНЯМ → *Treppe* ‘лестница’ → (метатезы конс. корня TR-P/B) (*breit* ‘широкий’ + *trübe* ‘пасмурный’) → **ШИРОКОПАСМУРНЫЙ**⁷⁰

(2) в стр. «Зане свободен раб, преодолевший страх, // И сохранилось свыше меры // В прохладных житницах, в глубоких закромах // Зерно глубокой, полной веры»

(a) **Yd** СТРАХ → Y[*meure*] ‘страх’ → (пар.) **СВЫШЕ МЕРЫ**⁷¹

⁶⁸ Та же связь в стих.: «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» (1922), см.

⁶⁹ Слово «гиератический», заимствованное в русский из нем. *hieratisch* или фр. *hieratique* ‘священный, величественный’, встречается у Мандельштама еще в статье «О современной поэзии» (1916) [II, с. 260]: «перелом к гиератической важности». По-видимому, чувствуя некоторую искусственность этой кальки, Мандельштам вставляет пояснение «то есть священный», но само это слово ему нужно для консонантной паронимии с *hart*.

⁷⁰ Здесь равновероятна Y-суггестия: Y[*trep*] ‘лестница’, Y[*breyt*] ‘широкий’, Y[*trib*] ‘хмурый’.

⁷¹ Получается смысл: «сохранилась вера, которая выше страха», См. этот же идишизм ниже в комм. к «Египетской марке», гл. VIII.

(б) (=Y) ГЛУБОКИХ, ГЛУБОКОЙ → (эквиконс.) Glaube 'вера'
→ ВЕРЫ⁷²

* 1922, январь. Очерк «Шуба» [II, с. 272].

С. 272: «небывалый город с вечно санным путем...»

(=Y) ВЕЧНО → (асс.) «век» → (омоф.) Weg 'путь' → ПУТЕМ⁷³

* 1922. Стих. «Умывался ночью на дворе...» [I, с. 140].

В стр. «Чище смерть, солёнее беда»

(= Fr) СОЛЁНЕЕ БЕДА → (пар.) solenn 'торжественный' (= фр. solennel 'торжественный') → смысл: «торжественнее беда» (см. в стих. ниже: «крутая соль торжественных обид»)

* 1922. Стих. «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» [I, с. 140].

(1) в стр. «Кому жестоких звезд соленые приказы // В избушку дымную перенести дано»

(а) (= Fr) СОЛЕННЫЕ ПРИКАЗЫ → (пар.) solenn 'торжественный' (= фр. solennel 'торжественный') → смысл: «торжественные приказы»

(б) ИЗБУШКУ ДЫМНУЮ → Rauch 'дым' + Stube 'изба' = Rauchstube 'курная изба'.

(2) в стр. «Тихонько гладить шерсть и ворошить солому»

ВОРОШИТЬ СОЛОМУ = (букв.) dreschen Stroh = (перен.) «переливать из пустого в порожнее» → смысл: «вести бессмысленное существование».

(3) в стр. «Пусть заговорщики торопятся по снегу // Отарою овец и хрупкий наст скрипит, // Кому зима – полынь и горький дым к ночлегу, // Кому – крутая соль торжественных обид»

(а) ОТАРОЮ = Herde → (ом.) Herd 'очаг' → «дым к ночлегу»

(б) ЗИМА = Winter → (эквиконс. W-N/M-T-R) Wermut 'полынь, вино «вермут»' → 1) ПОЛЫНЬ, 2) → смысл: «кому зима – вермут», отсылающий к первым строкам этого стих.: «Кому зима – арак и пунш голубоглазый, // Кому душистое с корицею вино»

⁷² Здесь равновероятен идишизм Y[gloybn] 'вера'.

⁷³ Эта же связь имеет место в стих. «Я в сердце века...» (1936), см.

(в) (?Y) Wermut ‘полынь, «горечь», вино «вермут»’ → (пар.) Wehmut ‘тоска, горечь, меланхолия’ → ГОРЬКИЙ ДЫМ, ОБИД⁷⁴

(г) (= Fr) СОЛЬ⁷⁵ → (пар.) solenn ‘торжественный’ (= фр. solennel ‘торжественный’) → ТОРЖЕСТВЕННЫХ ОБИД

(4) в стр. «А белый-белый снег до боли очи ест»
БЕЛЫЙ СНЕГ → [ВайС] ‘белый’ + СНЕГ → (эквиконс. ВСНГ) gewissen ‘совесть’ → смысл: «совесть мучает (“ест”), как соль, глаза и требует “очищения”»

* 1922. Стих. «Холодок щекочет темя...» [I, с. 141].

В стр. «Как ты прежде шелестила, // Кровь, как нынче шелестишь»

(>Y) ШЕЛЕСТИЛА → rauschen ‘шелестеть, (ом.) хмелить, опьянять’ → смысл: «опьяняла кровь»⁷⁶

* 1922. Стих. «Я по лесенке приставной...» [I, с. 143].

(1) в стр. «Лез на включенный сеновал, – // Я дышал звезд млечных трухой»

СЕНО-ВАЛ → «сено» → Neu [hoʏ] → (пар. ударного окончания) ТРУ-ХОЙ

(2) в стр. «Сеновала древний хаос»

(>Y) СЕНОВАЛА → «сена (род. п.) (хаос)» → Neues [hoyes] ‘род. п. Neu = сена’ → (пар. к [hoyes]) ХАОС⁷⁷

(3) в стр. «Против шерсти мира поём»

(>Y) ШЕРСТИ → Wolle ‘шерсть’ → (пар.) Wohl ‘добро, благо’ → смысл: «поём против блага мира/мира, против “мира в мире”»

(4) в стр. «Из гнезда упавших щеглов»

⁷⁴ См. еще G-суггестии к «Когда удар колоколов...» (1910): «вино <...> неизъяснимая полынь».

⁷⁵ Эта же связь – в п. (1): СОЛЕННЫЕ ПРИКАЗЫ = «торжественные приказы».

⁷⁶ Ср. в песне из цикла «Прекрасная мельничиха» (слова В. Мюллера): «Du hast mit deinem Rauschen // Mir ganz berauscht den Sinn» = «[ручей] своим шелестом/журчаньем меня опьянил». Идишизмы Y[roʏʃn] ‘шелестеть’, Y[baroʏʃung] ‘опьянение’ – фонетически менее вероятны. См. еще германизмы в стих. «Слышу, слышу ранний лед...» (1937), «шелестит», «хмель».

⁷⁷ Здесь так же мог бы работать идишизм Y[hey] ‘сено’, но точная G-фонетика суггестии в п. (1) делает Y-суггестию менее вероятной и в п. (2).

ЩЕГЛОВ → Stieglitz 'щегол' → (пар.) Stieg(el) 'прист. лесенка'
←→ ЛЕСЕНКЕ ПРИСТАВНОЙ (в 1-й строке)⁷⁸

(5) в стр. «И вернусь в родной звукоряд»

(<Y) ЗВУКО-РЯД → ЗВУКО+ (пар.) Rede, Y[рейд] 'речь' →
«звуко-речь» → смысл: «вернусь в родную фоно-семантику»

(6) в стр. «И травы сухорукий звон»

(=Y) trocke-n 'сухой' → (де-акр. + пар.) tro+rockn → «трава» +
«руки» → ТРАВЫ СУХОРУКИЙ (ЗВОН)

* 1922. Стих. «Есть в лазури слепой уголок...» [I, с. 144].

В стр. «Есть в лазури слепой уголок, // И в блаженные полдни
всегда»

(=Y) СЛЕПОЙ → blind (=Y[blint]) 'слепой' → (эквиконс. В/Р-
LND) ПОЛДНИ

* 1922. Стих. «Московский дождик» [I, с. 144].

В стр. «Он подает куда как скупно // Свой воробьиный холодок –
СКУПО = sparlich 'скупно = скудно' → (пар.) Sperling 'воробей'
→ ВОРОБЬИНЫЙ

* 1922. Статья «Пшеница человеческая» [II, с. 192].

В стр. «...исторического материка, чье темя еще не окрепло, как
темя ребенка»

ТЕМЯ РЕБЕНКА → Scheitel 'темя, высшая точка, ключ свода
(арки)' → смысл: «высшая точка, вершина (еще не достигну-
тая)» → ТЕМЯ (ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИКА)⁷⁹

* 1922. Статья «Кое-что о грузинском искусстве» [II, с. 262].

В стр. «С этой скрипкой – то же самое, что с мошенническими
реликвиями монахов...»

МОНАХОВ = Mönche ←→ (эквиконс. MNŠ) «МоШеННик» →
МОШЕННИЧЕСКИМИ

⁷⁸ Т. е. «щегол» в этой строке возникает по фонической связи из «лесенки» в 1-й строке и, уже возникнув, становится символом еврейства, см. стихи зимы 1936–1937.

⁷⁹ См. в стих. «Век» (1922): «темя жизни».

* 1922. Переводы из старофранцузского эпоса. «Сыновья Аймона» [II, с. 346].

В стр. «Пьют мед древних пасек и яблочный кларет, // И темное густое вино, ублюдок старых лет»

(а) **Fr, G** КЛАРЕТ → (пар.) clarté 'свет', Klar 'светлый' → смысл: «светлое вино» → (ант.) ТЕМНОЕ ВИНО

(б) **Fr, G** ТЕМНОЕ ГУСТОЕ ↔ bistre, **бистр** 'коричневая, «бронзовая» краска' ↔ (пар.) **бастр**, **бастра** 'ст.-русск. вид вина' → (пар.) **bastart** 'ст.-фр. вид вина' → (ом.) ст.-фр. **bastart**, нем. Bastard 'ублюдок' → УБЛЮДОК⁸⁰

(в1) **Fr, G** bastart, Bastard, **бастра** → (пар. основы) СТАР-ЫХ

* октябрь 1922. Стих. «Век» [I, с. 145].

(1) в стр. «Век мой, зверь мой, кто сумеет // <...> Словно зверь, когда-то гибкий»

(=Y) ВЕК⁸¹ → Jahr-hund-ert 'век' → (пар.) Jaguar 'ягуар', Hund 'собака' → (асс.) метафора: «гибкий хищный зверь» → ЗВЕРЬ, ГИБКИЙ

(2) в стр. «Это век волну колышет // Человеческой тоской, // И в траве гадюка дышит // Мерой века золотой»

(а) ГОСКОЙ → Trauer 'тоска' → (пар.) ТРАВЕ

(б) **Yd** И В ТРАВЕ → Y[groz] 'трава' → (пар.) «Ив-ан Гроз-ный»⁸²

(в) (=Y, = **Fr**, = **Lat**) ГАДЮКА = Viper (лат. vipera) 'гадюка' ↔ (пар.) **Виппер**⁸³

(г) МЕРОЙ ВЕК-А → Ma ← 'мера' → (пар.) Masse 'масса' → (асс.) Masse-Mensch = «Человек-масса»⁸⁴ → смысл: «гадюка дышит духом "массового" человека, человека толпы»⁸⁵.

⁸⁰ Ф. Успенский зафиксировал и подробно исследовал связь УБЛЮДОК ↔ ст.-фр. bastart 'ублюдок, вид вина' ↔ (ст.-русск.) **бастр** 'вид вина' в работе [214].

⁸¹ Эту же связь см. в стих. «За гремучую доблесть...» (1931).

⁸² «Иван Грозный» – название книги, вышедшей в 1922 г. и привлечшей внимание Мандельштама. Фамилия автора книги – Виппер – суггестирует образ «гадюки»: см. ниже.

⁸³ Р. Виппер, профессор истории, автор книги «Иван Грозный» (Москва, 1922). См. подробнее в Главе 3, п. 3.1.

⁸⁴ Название пьесы Э. Толлера, которую Мандельштам переводил приблизительно во время написания стих. «Век».

⁸⁵ См. в предисловии Мандельштама к изданию пьесы «Кромдейр-старый»

- (д) **Yd** МЕРОЙ ВЕКА → (пар.) Y[meure] 'страх' → смысл: «гадюка дышит "страхом" (века)»⁸⁶
- (3) в стр. «И с высокой сетки птичьей, // От лазурных влажных глыб, // Льет, льется, льется безразличие»
- (а) (=Y) СЕТКИ → Netz '1. сетка, сетчатка (глаза); 2. **влажность** (основа)' → «влажность» → ВЛАЖНЫХ, ЛЬЕТСЯ
- (б) (+Fr) ВЫСОКОЙ СЕТКИ → Netzhaut 'сетчатка (глаза)' ↔ Netz 'нем. сеть' + haut 'фр. высокий' → ВЫСОКОЙ
- (в) Fr haut → haute 'высокая' [ot] → (омоф.) ОТ
- Тем самым, «вероятный» смысл: «от сетчатки лазурных глаз неба (вечности)»⁸⁷ исходит безразличие».

* 1923. Статья «Буря и натиск» [II, с. 285].

В стр. «... звуки иностранной, какой-то серафической поэтики» СЕРАФИЧЕСКОЙ ← seraphisch 'небесный, экстатический, относящийся к серафимам'⁸⁸.

* 1923. Переводы из Огюста Барбье. «Бронза» [2, с. 309].

В стр. «В воронку темную вошла рабыней бронза» (=Y) ВОРОНКУ → (пар.) «ворон» = Rabe → (пар.) РАБЫНЕЙ⁸⁹

* 1923. Переводы из Огюста Барбье. «Наполеоновская Франция» [72, т. 2, с. 147].

В стр. «И в поле, где война цветет, как море гречи» (а) (<Y), **Pol** ВОЙНА = Krieg 'война' → (конс. метатеза) пол. gryka 'гречиха' → ГРЕЧИ

(1923): «...ласка к **человеку толпы**. <...>. "Кто-нибудь", "один из многих" стал мерой вещей, **золотой мерой века**, источником ритма и силы» [72, т. 2, с. 416–417].

⁸⁶ Этот же идишизм более эксплицитен в ЕМ, гл. VIII: «Математики должны были построить для страха шатер, потому что он координата времени и пространства». Кроме того, здесь, похоже, дополнительная связь: ТОСКОЙ → (асс.) «страх» → (пар.) Y [meure] → МЕРОЙ.

⁸⁷ Ср. в «Дано мне тело...» (1909): «На **стекла** (= глаза! – Л. Г.) **вечности** уже легло».

⁸⁸ Даль дает для «серафим» относ. прилаг. «серафимский». Павловский в [117] и [122], а также Макаров в [126] дают тот же эквивалент: seraphisch = **серафимский**. Мандельштам же применяет фонетически более близкую кальку немецкого слова.

⁸⁹ Здесь равновероятен идишизм Y[rov] 'ворон'.

(б) **Yd** ГРЕЧИ → (пар.) «горечь» → Y[more/mure] ‘горечь’ → (пар.) МОРЕ

(в) (<Y) ЦВЕТЕТ → blüht ‘цветет’, Blüte ‘цвет (растений)’ → (пар.) Blut ‘кровь’ → (асс.) «поле, залитое кровью»⁹⁰

* 1923. Переводы из Огюста Барбье. «Это зыбь» [72, т. 2, с. 148].

В стр. «Раздутым теменем большеголовой качки // Колотит крышу низких туч»

Yd (= **Pol**, = **Ukr**) КАЧКИ → Y[ка́ске] (пол. kaczkа, укр. качка) ‘утка’⁹¹ → смысл: «волна колотит “теменем большеголовой утки” крышу туч»

* 1923. Стих. «Нашедший подкову» [I, с. 146].

(1) в стр. «Земля гудит метафорой, // И легкие двуколки // В бро-ской упряжи...»

Gr МЕТАФОРОЙ → метафорá ‘перемещение, транспортировка’ → (асс.) ДВУКОЛКИ, УПРЯЖИ

(2) в стр. «Влажный чернозем Нееры, каждую ночь распаханный заново»

CONJ Загадочная «Неера» – это контаминация грецизма и германизма!

Gr (=G, =Y) НЕЕРЫ → (пар.) Gr[nea `era] ‘новая земля, новь, целина’ + neue Ära (=Y[neue-ere]) ‘новая эра’ → смысл: «целина новой эры»⁹².

⁹⁰ Заметим, что цветущая гречиха – бордового (кровоавого) цвета. Y-суггестия, дающая: Y[krig] ‘война’ → Y[grike] ‘гречиха’ и YP[blit] ‘цвет (растений)’ = (ом.) YP[blit] ‘кровь’, фонетически выглядит более точной. См. эту же игру Y/G омонимов в стих. «За то, что я руки твои не сумел удержать...» (1920). Интересно, что в исходном французском тексте («Elle se releva, mais un jour de bataille // Ne pouvant plus mordre ses freins...») нет ни «поля», ни «моря», ни «цветущей гречи».

⁹¹ Слово качка в значении «утка» присутствует также в зап. и южн. русск. диалектах (В. Даль).

⁹² Здесь фонетическая тонкость в том, что как neue, так и идишизм Y[naue] ‘новая’ дают гласный [e] в диалектах, стандартная же вокализация – G-дифтонг [ou] и Y-дифтонг [au]. Отметим фонетически близкий к «Неере» идишизм: Y[nauerd] (в диал. [neerd]!) = ‘целина, новь’.

Ср. в очерке «Слово и культура» (1921): «Поэзия – плут, взрывающий время <...> его чернозем, <...> человечество <...> жаждет целины времен» (II, с. 169)⁹³.

* 1923, 1937. Стих. «Грифельная ода» [I, с. 149, варианты: с. 497].

Здесь частью G-, частью Y-суггестия.

(1) в стр. 1–4 «Звезда с звездой – могучий стык, // Кремнистый путь из старой песни // Кремня и воздуха язык, // Кремень с водой, с подковой перстень»

(а) (=Y) ПУТЬ → Stieg (Steig)⁹⁴ ‘путь (в горах), крутой подъем’ → (пар.) СТЫК⁹⁵

(б)⁹⁶ (=Y) КРЕМЕНЬ = Feuerstein → (FRŠTN) → (эквиконс. «по модулю» фрикативы/смычные и сибиланты š/s) ПЕРСТЕНЬ

(2) в стр. 5–10 «На мягком сланце облаков // Молочный грифельный рисунок – // Не ученичество миров, // А бред овечьих полусонок. // Мы стоя спим в глухой ночи // Под теплой шапкою овечьей»

(а) (=Y) СЛАНЕЦ = Schiefer → Schäfer ‘пастух’, Schäferei ‘овчарня’ → ОВЕЧЬИХ

(б) (=Y) СЛАНЕЦ = Schiefer → Schiefertafel = Griffeltafel ‘грифельная доска’ → ГРИФЕЛЬНЫЙ РИСУНОК

(в) (=Y) СЛАНЕЦ = Schiefer → Schiefertafel = Griffeltafel ‘грифельная доска’ → Griffbrett ‘букв. тоже гриф. доска, но в смысле «клавиатура, гриф инструмента»’ → Brett ‘доска’ → (омоф.) БРЕД

(г) Yd МИРОВ ← Y[mir] ‘мы’ ← MY⁹⁷

⁹³ М. Гаспаров видит в слове «Неера» не «целину Новой Эры», а античное женское имя (любовница Тибулла?): «загадочное имя Нееры в центральной строфе (пришедшее из античности через Шенье и Мореаса) заново осмыслиется как «новая эра» [26, с. 233]. Мне же представляется, что прописное Н в «Неера», вызывающее ассоциацию с именем женщины или богини, выполняет всего лишь ту же «персонифицирующую» функцию, что и в слове «Нирвана» в очерке Мандельштама «Деятнадцатый век» (1923): «Он был колыбелью Нирваны...».

⁹⁴ Русские когнаты этих G/Y-слов: «стезя, стеж, стежка, до-СТИГ-ать» и т. д.

⁹⁵ Эта же связь (ПУТЬ ↔ Stieg ↔ СТЫК) имеет место в стр. 62–63 (см. ниже).

⁹⁶ Эта же связь в стр. 64, совпадающей со стр. 4.

⁹⁷ Эта Y-R-омонимия, регулярно используемая Мандельштамом, здесь

- (д) (>Y) ШАПКОЮ → (пар.) Schaf (=Y[šof/šuf]) ‘овца’ → ОВЕ-
ЧЬЕЙ⁹⁸
- (3) в стр. 11–16 «Обратно в крепь родник журчит // Цепочкой,
пеночкой и речью. // Здесь пишет страх, здесь пишет сдвиг
// Свинцовой палочкой молочной, // Здесь созревает черно-
вик // Учеников воды проточной»
- (а) (>Y) РОДНИК → (эквиконс. RDN) Reden (=Y[redn]) ‘речь’ →
РЕЧЬЮ
- (б) (=Y) (ЖУРЧИТ) ПЕНОЧКОЙ → (пар.) «пена» → Schaum
(=Y[šoym]) ‘пена’ → (пар.) «шум» → (асс.) «музыка» → смысл:
«звучит музыкой и речью»⁹⁹
- (в) ЖУРЧИТ + РЕЧЬЮ → (пар.) Rutsch, Erdrutsch ‘сдвиг (зем-
ли), оползень’ → СДВИГ
- (г) CONJ СТРАХ = Furcht [furšt] → (эквиконс. F/P-R-Š/Č-T) ПРО-
ТОЧНОЙ
- (д)¹⁰⁰ СВИНЦОВОЙ ПАЛОЧКОЙ → Blei-stift [blayštift] ‘каран-
даш, грифель, букв. «свинцовый палец, гвоздик»’ ↔ ГРИ-
ФЕЛЬ (в других строках) → (пар.) bleich [blayš] ‘бледный,
известковый’ → (асс.) МОЛОЧНОЙ (в стр. 6: МОЛОЧНЫЙ
ГРИФЕЛЬНЫЙ РИСУНОК)
- (е) CONJ Bleistift ‘карандаш, грифель’ → Stift ‘ученик (подмас-
терье)’¹⁰¹ → УЧЕНИКОВ (в стр. 54: УЧЕНИКОМ, в стр. 7:
УЧЕНИЧЕСТВО)
- (ж) CONJ ПРОТОЧНОЙ ↔ (эквиконс. F/P-R-Š/Č-T) ПЕР-
СТЕНЬ¹⁰²

дает смысл: «мы – не разумные ученики с грифельными досками, а бредящие полусонные овцы».

⁹⁸ Слова Schaf ‘овца’ и Brett употребляются в разговорном немецком в выражениях со смыслами типа ‘дурак, глупость’. Например: er hat ein Brett vor dem Kopf = «он набитый дурак». В результате здесь получается смысл: «мы – не разумные ученики с грифельными досками, а глупые спящие овцы». Заметим, что здесь еще работает постоянная у Манделъштама Y-связь: МИРОВ ↔ Y [mir] ‘мы’ ↔ MY.

⁹⁹ О постоянной связи «пена-музыка-шум» у Манделъштама см. напр. германизмы в «Раковина», «Шум времени». Связь «пеночка-пена-музыка» указана М. Гаспаровым [26, с. 234].

¹⁰⁰ Связи в пункте (д) отметил Я. Левченко в статье [182].

¹⁰¹ Это «побочное» значение слова Stift давно фиксируется в разг. нем. Происхождение этого значения не ясно, см. например [125, с. 596].

¹⁰² Тем самым, во всем тексте: КРЕМЕНЬ (Feuerstein) ↔ ПЕРСТЕНЬ ↔

- (4) в стр. 21 «Им проповедует отвес»
CONJ ОТВЕС = Richtblei → (де-акр.) richten 'править, судить' + Blei 'свинец' → ПРОПОВЕДУЕТ → смысл: «ими правит свинец»¹⁰³
- (5) В стр. 27–28 «И ночь коршунница несет // Горящий мел и грифель кормит» (и в вар. стр. 39–40)
- (а) **Yd** ГРИФЕЛЬ = Y[grifele] 'маленький гриф, грифенок' ← Y[grif] 'гриф'¹⁰⁴
- (6) (>Y) МЕЛ → Mehl-Kreide '(мин.) горное молоко, lac lunae' [117, с. 910]¹⁰⁵
- (6) В стр. 36 «И в полдень злых овчарок шубы»
Yd ШУБЫ ← (YР [šuf] 'овца' + Y [šufhunt] 'овчарка')¹⁰⁶
- (7) в стр. 37–40 (вар.) «За этот виноградный край, / За впечатлений круг зеленых/ Меня, как хочешь, покарай,/ Голодный грифель, мой звереныш!»
- (а) (=Y) (КРАЙ + ЗА, ЗЕЛ-еных) → (пар.) Kreis-el [krayz-el] 'круг, кружок, волчок' → КРУГ¹⁰⁷
- (6) **Yd** ГРИФЕЛЬ = Y[grifele] 'маленький гриф, грифенок' (← Y[grif] 'гриф') → ГОЛОДНЫЙ, ЗВЕРЕНЫШ
- (8) В стр. 47 «Меняю шум на пень стрел»
(= Y) ШУМ → (пар.) Schaum 'пена' (Y[шойм]) → «пена» → (пар.) ПЕНЬЕ¹⁰⁸
- (9) в стр. 45–48 (вариант: II, с. 383) «И никому нельзя сказать – // Еще не время: после, после, – // Какая мука выжимать // Чужих гармоний водоросли

СТРАХ (Furcht) ↔ ПРОТОЧНОЙ.

¹⁰³ Это отсылает к стр. 13–14: «Здесь пишет страх, здесь пишет сдвиг // Свинцовой палочкой...», где «сдвиг», по-видимому, = глобальный социальный катаклизм Erdrutsch, см. (2).

¹⁰⁴ Здесь именно идишизм: из Y взят не только суффикс диминутива, но и базовое слово, т. к. в G 'гриф' = Greif (с дифтонговой вокализацией).

¹⁰⁵ Здесь «играет» еще G-Y-значение второй части названия минерала: Kreide = Y[krayd] = 'мел'. Кроме того, латинское название питательного для грифенка минерала lac lunae = 'лунное молоко', что соответствует обозначению «кормилицы»: НОЧЬ-КОРШУННИЦА. Отметим еще один вариант суггестии «мела»: МЕЛ ← лат. Mel 'мед', что соответствует 1-й строке строфы: КАК МЕРТВЫЙ ШЕРШЕНЬ ВОЗЛЕ СОТ. Скорее всего, обе суггестии «работали» вместе.

¹⁰⁶ YР-гласный [u] в YР[suf], указывает именно на YР, а не на немецкий.

¹⁰⁷ Идишизм Y[krayz] = 'круг' здесь равновероятен.

¹⁰⁸ См. эту же связь выше.

(= Fr, = Lat, = Gr) ВОДОРОСЛИ = Algen 'водоросли' (= фр. algues ← лат. algae 'морская трава, водоросли') → греч. основа alge- 'боль, мучение' → МУКА¹⁰⁹

(10) в стр. 51 «Двурушник я, с двойной душой,»

Yd ДВУ-РУШ-НИК → (де-акр) ДВУ+ Y[ryux] ('дух') + НИК → «двурушник» → «двудушник» → С ДВОЙНОЙ ДУШОЙ¹¹⁰

(11) в стр. 53–54 «Блажен, кто называл кремень // Учеником воды проточной»

(=Y) КРЕМЕНЬ = Feuerstein → (FRŠTN) → (совпадение. конс. наборов по модулю фрикативы/смычные и š=č) ПРОТОЧНОЙ

(12) в стр. 61–64 «И я хочу вложить персты // В кремнистый путь из старой песни, // Как в язву, заключая в стык – // Кремень с водой, с подковой перстень»

(a) (= Y) ПУТЬ → Stieg (Steig) 'путь, тропа (в горах), крутой подъем' → (пар.) СТЫК¹¹¹

(б) (= Lat) (Stieg, СТЫК) ↔ (пар.) Stig-ma 'язва (колотая рана¹¹²)' → В ЯЗВУ

(в) (= Y) КРЕМЕНЬ = Feuerstein → (FRŠTN) → (эквиконс. «по модулю» фрикативы/смычные и сибиланты š/s) ПЕРСТЫ, ПЕРСТЕНЬ¹¹³

* 1923. Стих. «Париж» [I, с. 150].

(1) в стр. «Язык булыжника мне голубя понятней; // Здесь камни – голуби, дома – как голубятни»

¹⁰⁹ Ср. в «1 января 1924»: «Какая **боль** <...> для племени **чужого** ночные **травы собирать**»

¹¹⁰ Здесь «двудушник» → «двудушник», с тем же чередованием, что и в дух → душа. Двурушник – слово с неясной этимологией (один предполагаемый источник – профессиональный сленг питерских нищих начала XX в.), вошедшее в широкое употребление в 20-х годах, см. [109]. См. также гл. 2 (ЯКМ), *концептуальная пара «**правда/неправда**».

¹¹¹ Эта же связь имеет место в стр. 1–2 (см.)

¹¹² Т. е. раны от гвоздей на теле Иисуса в греческом и латинском тексте Нового Завета (Галат. 6, 17), в которые апостол Фома хочет вложить персты с целью верификации воскресения Иисуса. Здесь тонкость в том, что в немецком слово Stigma не имеет прямого значения «рана, язва» – поэтому здесь более вероятна латинско-греческая интерференция, чем немецкая.

¹¹³ Эта же связь в стр. 4, идентичной стр. 64.

БУЛЫЖНИКА → taubes Gestein 'пустая порода' → Taube 'голубь', Stein 'камень' → КАМНИ, ГОЛУБЯ, ГОЛУБИ, ГОЛУБЯТНИИ¹¹⁴

(2) в стр. «Большеголовые там руки подымали // И клятвой на песке, как яблоком, играли...»

Fr¹¹⁵ РУКИ ПОДЫМАЛИ... КЛЯТВОЙ НА ПЕСКЕ... ИГРАЛИ → (асс.) реалии франц. революции: стих. А. Шенье «Игра в мяч» ("Jeu de paume")¹¹⁶ + известная картина Давида «Клятва в Зале для игры в мяч» (jeu de paume)¹¹⁷, в сюжете которой – клятва и голосование депутатов третьего сословия и т. п. → jeu de paume 'игра в мяч, лапта' → (омоф.) pomme 'яблоко' → ЯБЛОКОМ

* 1923. Стих. «А небо будущим беременно...» [I, с. 306].

(1) в стр. «Опять войны разноголосица // На древних плоскогорьях мира, // И лопастью пропеллер лоснится, // Как кость точеная тапира. // Крыла и смерти уравнение, – // С алгебраических пирушек // Слетев, он помнит измерение // Других эбеновых игрушек»

(а) ПЛОСКОГОРЬЯХ → Ebene 'плоскость, равнина', Nochebene 'плоскогорье' → (пар.) Ebenholz 'черное дерево', Elfenbein 'слоновая кость' → КОСТЬ (ТОЧЕНАЯ) ТАПИРА, ЭБЕНОВЫХ (ИГРУШЕК)¹¹⁸

(б) одновременно с (а) присутствует связь: ПЛОСКОГОРЬЯХ →

¹¹⁴ Все же более вероятной представляется связь: БУЛЫЖНИКА → БуЛыГа → (конс. метатеза) ГоЛубЯ.

¹¹⁵ Эту связь впервые отметил О. Ронен в работе «An Approach to Mandelstam», Jerusalem, 1983. Эта же связь имеет место в стих. «1 января 1924».

¹¹⁶ Это стихотворение Шенье Мандельштам упоминает и цитирует в «Заметках о Шенье» (предп. 1922): «В "Jeu de paume" наблюдается борьба...» [72, т. 2, с. 280].

¹¹⁷ Это франц. сочетание появляется в том же 1923 г. в ШВ (гл. «Сергей Иванович»): «в длиннейшем "jeu de paume" меншиковского университета...», со значением, очевидно, «актовый зал».

¹¹⁸ Похоже, что здесь у Мандельштама имеет место контаминация Ebenholz 'черное дерево' и Elfenbein 'слоновая кость', а также «слоновой кости» и «кости тапира», у которого никаких бивней (для изготовления «игрушек») нет. Отметим еще, что связь «равнина, плоскогорье» – «небо, полет» присутствует также в стих. «Не сравнивай: живущий несравним...» (1937).

Ebene 'плоскость, равнина', eben 'плоский, ровный, равнинный' → УРАВНЕНИЕ

(2) в стр. 25 «Давайте бросим бури яблоко // На стол пирующим землянам // И на стеклянном блюде облака // Поставим яств посередине»

(а) ЯБЛОКО → (станд. асс.) 'глаз', ср. «Два сонных яблока у века-властелина...». Поэтому: БУРИ ЯБЛОКО = «глаз бури»¹¹⁹ = символ «замирения» воюющего мира.

(б) (=Y) одновременно с (а): «глаз» → Glas 'стекло' → СТЕКЛЯНОМ

* 1923. Стих. «Как тельце маленькое крылышком...» [I, с. 151]. В стр. «Как комариная безделица // В зените ныла и звенела // И под сурдинку пеньем жужелиц // В лазури мучилась заноза: // – Не забывай меня, казни меня, // Но дай мне имя, дай мне имя! // Мне будет легче с ним, пойми меня, // В беременной глубокой сини»

(а) (=Y) КОМАРИНАЯ → Muske (=Y[muk]) 'комар, (ом.) каприз, причуда' → musken 'издавать слабый звук, пищать, ныть, (ом.) обижать, помыкать' → НЫЛА, → (пар.) «мука» → МУЧИЛАСЬ

(б) Muske 'каприз, причуда' → ЗАНОЗА (в смысле «надоедливый каприз»)¹²⁰

(в) musken 'обижать, помыкать' → КАЗНИ МЕНЯ

(г) (=Y) ИМЯ → (Name, Namen) 'имя' (=Y[nomen/numen]) → (эквиконс. NMN) МеНЯ, казНи МеНЯ, дай МНе иМя, НиМ, пойМи МеНЯ, береМеННой.

* 1923. Очерк «Холодное лето» [II, с. 294].

С. 295: «Тот не любит города, <...> кто не заглядывался в каторжном дворе Вхутемаса на занозу в лазури, на живую, животную прелесть аэроплана...»

¹¹⁹ Энци. словарь Брокг.-Ефр., т. 9, с. 34 (ст. «Бури»): «В самой середине урагана в густых тучах наблюдается как бы разрыв, сквозь который видно голубое небо. Это явление моряки называют ГЛАЗОМ БУРИ».

¹²⁰ См. G-суггестии к очерку «Холодное лето» (1923), «заноза в лазури».

(=Y) ЗАНОЗУ → Splitter (=Y[špilter]) 'заноза' → (эквиконс. Š/S-PLTR) ПРЕЛЕСТЬ¹²¹

* 1923. Очерк «Сухаревка» [II, с. 296].

(1) с. 296: «...под башней-индюшкой, дородной, как сорокапятiletняя императрица, <...> строил ее Петр с перепугу ...»

(a) ИНДЮШКОЙ → Puter 'индюшка' → («консонантная» паронимия) Peter → ПеТР, имПеРаТрица

(б) (=Y) Peter → (пар.) fetter (=Y[feter]) 'жирный, тучный, дородный [117, с. 511], [123, с. 137]' → ДОРОДНАЯ

(2) с. 298: «... подставить спину под веник ласковой брани»

Yd (= Pol, = Ukr) ЛАСКОВОЙ → Y [laske] 'condescending, reluctant favor, снисходительная милость' → смысл: «под веник снисходительной брани»

* 1923. «Шум времени» [II, с. 6].

(1) название всего текста

(=Y) ШУМ (ВРЕМЕНИ) → (пар.) Schaum 'пена' → (дополн.) смысл: «пена века», см. п. (9)

(2) гл. «Хаос иудейский», с. 19: «...прикасаются к тяжелой книге, <...> по поручению всех совершают что-то почетное и самое главное»

Yd «Сейфер-Тойрэ» (название свитка Торы в синагоге) → Y[seyfer] 'евр. религ.) книга' → К КНИГЕ¹²²

(3) гл. «Хаос иудейский», с. 20: «Где-то поблизости Спиноза разводит в банках своих пауков. <...> немного продержавшись, он падает из этого странного университета обратно в кипучий мир семидесятых годов...»

(a) (=Y) СПИНОЗА [spinoza, вариант špinoza] → (пар.) Spinne (=Y[špin]) 'паук' → ПАУКОВ

(б) (=Y) ПАДАЕТ¹²³...ОБРАТНО В ↔ fällt zurück (=Y[falt-zurik]) '(по)падает обратно, возвращается' → смысл: «попадает обратно в...»

¹²¹ См. G-суггест. к стих «Как тельце маленькое...» (1923), «в лазури мучилась заноза...».

¹²² Этот случай отмечен Л. Кацисом в [3].

¹²³ Характерно, что в работе 1930 г. критик Н. Берковский (или корректор его книги?), цитируя этот отрывок из ШВ, по-видимому, чувствует какую-то «неправильность» здесь в слове ПАДАЕТ и «исправляет» его на «попадает!» [167, с. 169].

(4) гл. «Хаос иудейский», с. 21: «...вагон <...> приступом брали какие-то фереины, возвращаясь с большого певческого праздника»

(=Y) ФЕРЕИНЫ → Verein (=Y[fareyn]) ‘союз, объединение’ → смысл: «члены каких-то певческих объединений»¹²⁴

(5) гл. «Хаос иудейский», с. 22: «Землю свою он разгородил на чистую от евреев и нечистую»

ЧИСТУЮ ОТ ЕВРЕЕВ ← judenrein ‘чистая от (свободная от примеси) евреев’

(6) гл. «Концерты Гофмана и Кубелика», с. 23: «...почти хлыстовским радением трабантов Михайловской площади. В туманном свете газовых фонарей многоподъездное здание подвергалось настоящей осаде»

ТРАБАНТОВ → Trabanten ‘наемные солдаты, приспешники’ → смысл: «завсегдатаи Михайловской площади (великопостных концертов) осаждали Дворянское собрание, как наемники»

(7) гл. «Тенишевское училище»: «Про Витте все говорили, что у него золотой нос...»

У НЕГО ЗОЛОТОЙ НОС → Er hat eine gute Nase für [111] → смысл: «У него хороший нюх на...»

(8) гл. «Эрфуртская программа»: «...и бурги по самые уши увязли в зелени»

(=Y) БУРГИ → Burg ‘замок’ → смысл: «замки (курляндских баронов) увязли в зелени»¹²⁵

(9) гл. «Семья Синани»:

(а) «...губернаторы, торы, погромы...»

ТОРЫ → Thora ‘Тора’ → Thor ‘герм. бог грома’ → «бог грома» [bog-groma] → (пар.) ПОГРОМЫ

(б) «...в ослепшей от дождя Финляндии...»

(=Y) ОСЛЕПШЕЙ → blind ‘слепой’ → (пар.) ФИНЛЯНДИИ

(9) гл. «Комиссаржевская»: «...прислушиваясь к нарастающему шуму века и выбеленные пеной его гребня, мы обрели язык».

¹²⁴ Немецкий синоним Verein [fɛraʏn] чуть менее вероятен, чем Y[fareyn] из-за отличающегося произношения ударного дифтонга. Возможно, детская память Мандельштама зафиксировала это слово в Y-речи родителей, обсуждавших notable событие: «эстонцы топотали и ломились в дверь. Было очень страшно».

¹²⁵ Идишизм Y[burg] ‘замок, castle’ равновероятен здесь.

- (=Y) ШУМУ → (пар.) Schaum 'пена' → ПЕНОЙ¹²⁶
- (10) гл. «В не по чину барственной шубе»: здесь в ряде мест паронимически суггестируется связь между немецким Tier 'зверь' и кусочками слова и всем словом **ли-ТЕР-а-ТУР-а** = Literatur
- (а) «У него было ЗВЕРИНОЕ отношение к ЛИТЕРАТУРЕ как к единственному источнику ЖИВОТНОГО тепла. Он грелся о ЛИТЕРАТУРУ, терся о нее шерстью <...>. Он был Ромулом, ненавидящим свою ВОЛЧИЦУ...» [II, с. 45]
- (б) «Неужели ЛИТЕРАТУРА – МЕДВЕДЬ, сосущий свою лапу <...>. Я приходил к нему разбудить ЗВЕРЯ ЛИТЕРАТУРЫ» [II, с. 46]
- (в) «ЛИТЕРАТУРА – ЗВЕРЬ» [II, с. 49]

* 1923–1924(?) «Феодосия» [II, с. 50].

- (1) гл. «Старухина птица», с. 53: «Городок, где днем идешь, как по мертвому римскому плану...»
- (ИДЕШЬ ПО) ПЛАНУ → Plan 'площадь, ровное место' → смысл: «идешь по римской площади»
- (2) гл. «Бармы закона», с. 55: «...и с злобной песнью шарахались от несостоявшейся сделки»
- CONJ (C) ПЕСНЬЮ → (пар.) resen 'разг. бежать, спешить [111, с. 189]' → смысл: «в спешке шарахались»
- (3) гл. «Бармы закона», с. 55: «Грязная, на серой древесной бумаге, газетка Освага <...> будила впечатление русской осени в лавке мелочного торговца»
- (а) CONJ (НА) ДРЕВЕСНОЙ БУМАГЕ → Baum- 'древесный' → Baumwolle 'древесная, хлопчатая бумага' → смысл: «на серой, хлопчатой (хлопьями на вид), плохой бумаге»
- (б) (=Y) БУДИЛА → (пар.) Bude (=Y[bude]) 'лавка, ларек, палатка, хибара' → «лавка» → В ЛАВКЕ
- (4) гл. «Бармы закона», с. 55: «...по улицам ходили циклопы в черных бурках, сотники, пахнущие собакой и волком...»

¹²⁶ Идишизм Y[šoyt] 'пена' равновероятен здесь. Связь «шум» ↔ «пена» см. еще в G-суггестиях к «Раковина» (1911), «Скрябин и христианство» (1915). Если верно утверждение О. Лекманова [94, с. 103], что сочетание «шум времени» у Мандельштама восходит к следующему фрагменту романа Андрея Белого «Серебряный голубь»: «...Август плывет себе в шуме и шелесте времени: слышишь – времени шум?», то лексема ПЕНА у Мандельштама дополнительно суггестируется сочетанием ПЛЫВЕТ В ШУМЕ (= «в пене?») у Белого.

(=Y) СОТНИКИ → «сотня» → Hundert (= Y[hundert]) 'сотня'
→ (пар.) Hund 'собака' → СОБАКОЙ¹²⁷

(5) гл. «Мазеса да Винчи», с. 57: «...они впервые сделали городской эту шершавую землю»

ШЕРШАВУЮ (ЗЕМЛЮ) → rauh 'шершавый, дикий, суровый (о местности)' → смысл: «сделали городской эту суровую, дикую землю»¹²⁸

(6) гл. «Мазеса да Винчи», с. 57: «...стояла гостеприимная будка с распахнутой дверью»

(=Y) БУДКА → (пар.) Bude (=Y[bude]) 'лавка, палатка, хибара' → ([bude] + димин. суфф. «-ка») = «хибарка» → смысл: «стояла гостеприимная хибарка»¹²⁹

* 1924, 1937. Стих. «1 января 1924» [I, с. 152].

(1) в стр. «Он будет вспоминать, как спать ложилось время // В сугроб пшеничный за окном. // Кто веку поднимал болезненные веки...»

(a) (СУГРОБ + ВРЕМЯ) → (Wehe + Zeit) → (акр. + метат.) weizen → ПШЕНИЧНЫЙ

(б) СУГРОБ → Wehe 'сугроб' → (ом.) weh(e) 'больной (орган), болезненное (ощущ.)' → БОЛЕЗНЕННЫЕ (ВЕКИ)¹³⁰

(2) в стр. «И глиняный прекрасный рот»

(=Y) ПРЕКРАСНЫЙ → «красный» → rot 'красный' → (омоф.) РОТ¹³¹

(3) в стр. «Ужели я предам позорному злословью – // Вновь пахнет яблоком мороз – // Присягу чудную четвертому сословью // И клятвы крупные до слез?»

Fr¹³² ЯБЛОКОМ → rotme 'яблоко' → (омоф.) рауме 'лапта' → (асс.) jeu de рауме 'игра в мяч (лапта)' → (асс.) реалии франц. революции: стих. А. Шенье «Игра в мяч» ("Jeu de раume")¹³³ +

¹²⁷ См. G-сугг. к стих. «За гремучую доблесть...» (1931), «век-волкодав».

¹²⁸ См. G-сугг. в «Египетской марке», гл. II, «шершавый гость».

¹²⁹ См. п. (3) пп. (6).

¹³⁰ Эта G-суггестия отмечена в [87].

¹³¹ Здесь одновременно связь: ГЛИНЯНЫЙ → «красный» → ПРЕКРАСНЫЙ, ср. в очерке «Холодное лето» (1923): «бегут...по красноватой глине» (II, с. 294).

¹³² Эта же связь в стих. «Париж» (1923).

¹³³ Это стихотворение Шенье Мандельштам упоминает и цитирует в «За-

известная картина Давида «Клятва в зале для игры в мяч (jeu de paume)¹³⁴», в сюжете которой – клятва депутатов третьего сословия и т. п. → ПРИСЯГУ, КЛЯТВЫ

* 1924–1925. Шут. стих. «На Моховой семейство из Полесья...» [I, с. 351].

(1) в стр. «И голова в кудрявых пейзах песья»

Yd ПЕСЬЯ ← Y[pesi] '1. Пейси, Пейся (имя); 2. дурачок, наивный до глупости'¹³⁵

(2) в стр. «Два карлика построили шалаш // Для ритуала, для раввинских каш...»

Yd КАШ ← Y [kaše] 'трудный вопрос, проблема'¹³⁶

(3) в стр. «Такой же, как и он, небритый карл, // Ждет младший брат, торговли книжной ярл»¹³⁷

(а) (+Y) КАРЛ → (пар.) «король» = König. Поэтому:

ЯРЛ + КАРЛ → Jarl-König → (пар.) Erlkönig [erl-köniš] 'миф. лесной царь'¹³⁸ → (пар.) КНИЖ-НОЙ → (шутл. смысл): «лесной (+ «небритый» + «из Полесья») царь книжной торговли»¹³⁹

* 1925. Стих. «Из табора улицы темной...» [I, с. 158].

В стр. «Я буду метаться по табору улицы темной // За веткой черемухи в черной рессорной карете, // За капором снега, за вечным, за мельничным шумом... // Я только запомнил каштановых прядей осечки, // Придымленных горечью – нет, с муравьиной кислинкой <...> А жизнь проплывет театрального капора пеной...»

метках о Шенье» (предп. 1922): «В "Jeu de paume" наблюдается борьба...» [72, т. 2, с. 280].

¹³⁴ Это франц. сочетание появляется в том же 1923 г. в ШВ (гл. «Сергей Иванович»): «в длиннейшем "jeu de paume" меншиковского университета...», со значением, очевидно, «актовый зал».

¹³⁵ См. [110, с. 249].

¹³⁶ См. [110, с. 269]. Y[kaše] участвует в словосочетании Y [di-fir-kašes] 'четыре вопроса', обозначающем часть иудейского пасхального ритуала, см. ниже идишизмы в стих. «Холодная весна...» (1933). Давид Выгодский, один из «двух карликов», хорошо знал Y и делал Y→R переводы [I, с. 601].

¹³⁷ ЯРЛ = Jarl 'наместник короля в Скандинавии'.

¹³⁸ Erlkönig («Лесной царь») – известная баллада Гете, упоминавшаяся Мандельштамом в [I, с. 242].

¹³⁹ Здесь вероятно контаминация с Y[kinig] 'король' → (пар.) «книг(а)».

- (а) (<Y) КАПОРОМ → Kapores (←Y[kapores]) ‘испорченный, погибший → ненужный’¹⁴⁰. Получается смысл: «гнаться за ненужным, бессмысленным (снегом)»
- (б) (=Y) ЧЕРЕМУХИ = Faulbaum (=Y[foylboym]), букв. ‘испорченное, «неправильное» дерево’¹⁴¹
- (в) (>Y) ПРИДЫМЛЕННЫХ → geräuchert [geroyšert] (=Y[geroyxert]) ‘задымленный’ → (эквиконс. GRŠ) ГОРЕЧЬЮ¹⁴²
- (г) Yd ГОРЕЧЬЮ → YP[mure] ‘желчь, горечь, меланхолия’ → (пар.) МУРА-ВЬИНОЙ
- (д) Yd ПЕНОЙ → Y[milinkes] ‘мыльная пена, пузыри, эфемерность [104, с. 356]’ → (эквикон.) МЕЛЬНИЧНЫМ
- (г) (=Y) ПЕНОЙ = Schaum (=Y[šoyum]) → (пар.) ШУМОМ. Получается смысл: «жизнь пройдет с театральным шумом, ненужная, как пена»

* 1925. Стих. для детей «Примус» [I, с. 20].

- (1) в гл. III («Молоко») «...– Я совсем не неженка, // У меня есть пенка!»
- (=Y) ПЕНКА = Haut ‘кожа, шкура, пенка на молоке’ → смысл: «у меня есть **шкура**» → НЕ НЕЖЕНКА¹⁴³
- (2) в гл. VII («Телефон»): «Я обижен, я простужен:/ Телефоны-старики – / Те поймут мои звонки!»
- (а) ПРОСТУЖЕН → Erkalten ‘простудить’ → (пар.) Alten ‘старики’ → ТЕЛЕФОНЫ-СТАРИКИ
- (б) Yd ЗВОНКИ → Y [kling] ‘звонок’ → (пар.) Y [farkiling] ‘простуда [106, с. 305]’ → Я ПРОСТУЖЕН

¹⁴⁰ См. [111]. Идишизм (изначально – гебраизм) Y[kapores] имеет более точное соответствующее ситуации значение ‘good for nothing, of no use’ [107, с. 213] и поэтому более вероятен. Кроме того, Y[kapore] участвует в выражении Y[di-kapore-wern-far] ‘be infatuated with smb.’ [105, с. 265]. Отметим, что Y[kapore] изначально – ‘искупительная жертва’, обычно, БЕЛЫЙ петух. Поэтому не случаен здесь снег «КАПОРОМ СНЕГА». Ср. во «сне» в ЕМ, гл. VIII: «петух, предназначенный резнику» = явно Y[kapore], и фоном сцены является белый СНЕГ.

¹⁴¹ Напомним, что идишизм (изначально – гебраизм) kapores присутствует и в стандартном немецком в значении ‘сломанный, испорченный, конченный, погибший’. Напр. er ist kapores = его песенка спета, см. [111].

¹⁴² «Германизм» здесь фонетически точнее из-за сибиллянта [š].

¹⁴³ Y-суггестия здесь равновероятна: Y[hoyt] = ‘кожа, шкура, пенка на молоке’.

* 1925. Стих. для детей «Два трамвая» [I, с. 324].

(1) В стр. «...Вот сонный трамвай, посмотри!»

ТРАМ-ВАЙ → (пароним основы) Traum¹⁴⁴ 'сон' → СОННЫЙ¹⁴⁵

(2) в стр. «С чужими он там говорит лошадьми»

(<Y) ЛОШАДЬМИ = Pferden (=Y[ferdn]) → (эквиконс. F-R-D-N/M) fremden (=Y[fremdn]) 'чужие' → (пар.) → reden (=Y[redn]) 'говорить' → С ЧУЖИМИ, ГОВОРИТ¹⁴⁶

* 1925. Эпиграмма «Писателю. Как некий исполин...» [I, с. 347].

В стр. «Как некий исполин с Синая до Фавора, // От договора ты бредешь до договора»

CONJ (гора) ФАВОРА = Taborberg → (эквиконс. T-B/F-R-G) Vertrag [fertrag] 'договор' → (ДО) ДОГОВОРА

* 1925(?). Шут. стих. «Антология античной глупости» [I, с. 344].

В стр. «Пушкин имеет проспект, пламенный Лермонтов тоже»

(=Y) ПУШКИН ИМЕЕТ ← «Puschkin hat (einen Prospekt)...» – синтаксический германизм¹⁴⁷

* 1925. Устный дискурс, зафиксированный мемуаристом [179, с. 541].

(=Y) ПОЭТ ДОЛЖЕН ИМЕТЬ (КОЛБАСНУЮ ЛАВОЧКУ) – синтаксический германизм (см. пред. пункт)

* 1925. Шут. стих. «Антология житейской глупости» [I, с. 347].

В стр. «Никакой другой Иосиф не есть Осип Мандельштам. // <...> Эта Анна есть Иванна – Дом-Искусства человек, //

¹⁴⁴ [tram] – со стяжением дифтонга в произношении Мандельштама. Это стяжение [au] → [a] «слышно» в ряде явных и суггестируемых германизмов в его текстах.

¹⁴⁵ Слово «сонный» у Мандельштама имеет две коннотации: «желающий спать» и (под воздействием сложных слов на Traum-) «имеющий место в сновидении, в галлюцинации», напр. «сонные казни» (РД, гл. 2) и т. п.

¹⁴⁶ Y-суггестия здесь фонетически точнее.

¹⁴⁷ Идишизм [hot] 'имеет' равновероятен. В отличие от стих. 1910-х годов «Имею тело...» и «Мы напряженного молчанья...», здесь эта G/Y-конструкция используется сознательно для стилизации текста.

<...> Несмотря что Альциона есть элегия Шенье... //

<...> Это есть Лукницкий Павел, Николаич человек, //

<...> Несмотря на то, что Пешков – не есть горький человек»

(а) (=Y) НЕ ЕСТЬ (← ist nicht) – синтаксический германизм (идишизм [iz-nit] ‘не есть’ равновероятен)

(б) (=Y) ЭТО ЕСТЬ (← dieses ist) – синтаксический германизм (идишизм [iz] ‘есть’ равновероятен)¹⁴⁸

* Середина 1920-х. Стих. «Это есть художник Альтман...» [I, с. 348].

В стр. «Это есть художник Альтман, // Очень старый человек // По-немецки значит Альтман – // Очень старый человек»¹⁴⁹
(=Y) ЭТО ЕСТЬ (← dieses ist) – синтаксический германизм¹⁵⁰

* Середина 1920-х. Стих. «Это есть мадам Мария...» [I, с. 348].

В стр. «Это есть мадам Мария – // Уголь есть почти что торф»
(=Y) ЭТО ЕСТЬ: см. ЭТО ЕСТЬ в пред. *пункте.

* 1925/26 гг. Стих. «Петербург» (перевод из Макса Бартеля) [2, с. 338].

В стр. «Эй, проснись, “пролет” немецкий, // Встань, германский пролетарий!»

ПРОЛЕТ = Prolet (презр.) ‘пролетарий’

* 1925/26 гг. Стих. «Кто я? Вольный бродяга я...» (перевод из Макса Бартеля) [2, с. 339].

В стр. «– Вечер красен, заря красна, – // Начал вслух бормотать я, – // Хлебом земля беременна, – // Утешьтесь, братья!»¹⁵¹

(а) ХЛЕБОМ → Brot ‘хлеб’ → (пар.) БРАТЬЯ

¹⁴⁸ См. примечания к G-суггестиям к шут. «Антология античной глупости» (1920-е).

¹⁴⁹ По свидетельству Г. Адамовича: «Мандельштам читал эти стихи сотни раз, давясь от смеха, но с напускной важностью и с сильным немецким акцентом: “ошэн стари шэловэк”...», цит. по [51, т. 1, с. 546].

¹⁵⁰ Идишизм [iz] ‘есть’ равновероятен. См. примечание к G-сугг. к «Антология античной глупости» (1920-е).

¹⁵¹ Оригинал: «Abendrot – Morgenrot – Frühlingserbarmen Ich bringe euch Brot. Weint nicht, ihr, Armen», цит. по [174, с. 695].

- (б) (Frühlings) **erbarmen** (оригин. текст) → (пар., эквиконс.) БЕ-РЕМЕННА¹⁵²
(в) (=Y) (Frühlings) **erbarmen** (ориг.) → (пар., эквиконс.) brummen
'бормотать'¹⁵³ → БОРМОТАТЬ
-

* 1925/26 гг. Стих. «Май месяц» (перев. из М. Бартеля) [2, с. 340].

(1) в стр. «К свету лестницей крутой // Нас уводит жизни тре-пет»

(=Y) ЛЕСТНИЦЕЙ → Treppe 'лестница' → (пар.) ТРЕПЕТ¹⁵⁴

(2) в стр. «С высокой млечной тропы // Срезает брусья, – как жнец горбатый»

(=Y) ТРОПЫ → (пар.) Treppe 'лестница' → образ «лестницы, с которой срезают ступени»¹⁵⁵

(3) в стр. «Зверинец. Я зябну. Весна»

(=Y) ЗЯБНУ → (Ich) friere → (пар.) Frühling 'весна' → ВЕСНА¹⁵⁶

* 1925/26 гг. Стих. «Птицы» (перев. из Макса Бартеля) [2, с. 342].

В стр. «Лежат в крови у пыльного рва. // Мы безочажный, блуждающий грай»

(а) (=Y) КРОВИ → Blut 'кровь' → (пар.) «блуд, блудить, блуждать» → БЛУЖДАЮЩИЙ¹⁵⁷

(б) (<Y) КРОВИ, РВА → (пар.) Y[kro], Krähe 'ворона', Y[rov], Rabe 'ворон' → (асс.) «вороний грай» → ГРАЙ

* 1925/26 гг. Стих. «Неизвестному солдату» (перевод из Макса Бартеля) [2, с. 345].

В стр. «В колесе огромного сраженья, // Или там, где наблюдает мать // Сыновей могучее цветенье»

¹⁵² Эту связь отметил Г. Киришаум [174, с. 695].

¹⁵³ Идишизм [brimen] 'бормотать' здесь равновероятен.

¹⁵⁴ Идишизм Y[trep] = 'лестница' равновероятен здесь.

¹⁵⁵ Идишизм Y[trep] = 'лестница' равновероятен здесь.

¹⁵⁶ Y-суггестия: Y[frirn] 'зябнуть', Y[frilink] 'весна' – равновероятна здесь.

¹⁵⁷ Эта же связь в стих. «Полночь в Москве...» (1931).

(=Y) наБЛЮдает → (пароним основы) Blut 'кровь' → (пар.) Blüte 'цветение' → ЦВЕТЕНЬЕ → смысл: «мать видит кровь сыновей в могучем сражении»¹⁵⁸

* 1926 г. Стих. для детей «Шары» [I, с. 327].

(1) в стр. « – А нитка моя // Тоньше паутинки»

(=Y) НИТКА = Faden → (эквиконс. FDN) fein, dünn → ТОНЬШЕ

(2) в стр. « Вот балует шар»

(>Y) ШАР = Ball, Ballon (=Y[bol]) → (пар.) БАЛУЕТ

* 1926 г. Стих. для детей «Кухня» [I, с. 332].

В стр. «На масле на подсолнечном // Оладьи! Оладьи!»

(=Y) (НА) МАСЛЕ → Öl 'растит. масло' → (пар.) ОЛАДЬИ¹⁵⁹

* 1926 г. Очерк «Михоэльс» [II, с. 306, наброски: с. 374].

(1) в стр. «вся фигура пайкового чортика съезживается <...>, утомившись мудрым своим беснованием...»

ПАЙКОВОГО ЧОРТИКА → Ration 'паёк' → (пар.) Ratio 'разум' → МУДРЫМ, БЕС-НОВАНИЕМ

(2) в стр. «...этого сумасшедшего, очаровательно нелепого, бесконечно изящного, фарфорового пешехода...»

(=Y) ИЗЯЩНОГО → fein (=Y[faun]) 'изящный, деликатный, тонкий, хрупкий' → смысл: «бесконечно хрупкого (как фарфор) пешехода»¹⁶⁰

(3) в стр. «...еврею никогда и нигде не перестать быть ломким фарфором, не сбросить с себя тончайшего и одухотвореннейшего лапсердака»

(=Y = Fr) ФАРФОРОМ → das Porzellan (=Y[portselay], = la porcelaine 'фарфор' → (пар. + конс. метатеза) ЛАПСЕРДАКА¹⁶¹

¹⁵⁸ Y-суггестия – YP[blit] 'кровь', (омон.) YP[blit] 'цветение' – равновероятна здесь.

¹⁵⁹ Идишизм (польский!) YP[ayl/al] 'растит. масло' равновероятен здесь.

¹⁶⁰ Аналогичное расширение семантического поля лексемы ИЗЯЩНЫЙ через G-лексеми fein см. в «Египетской Марке» (1927), гл. VII, «изящнейший фарфоровый портной».

¹⁶¹ Здесь еще возможен галлицизм: la porcelaine 'фарфор' ↔ (пар.) ЛАПСЕРДАКОМ.

(4) в стр. «...позвать свата-шатхена <...> статуэтку зеленого шатхена-кузнечика»

Yd ШАТХЕН(A) = Y[šatxen] ‘сват’

(5) набросок <5>. В стр. «Вот, например, злостный по своей рассудочности трюк...»

ЗЛОСТНЫЙ → böse ‘1. злостный, 2. (разг.) сильно, очень, страшно’ → смысл: «очень (ужасно) рассудочный трюк».

* 1926 г. Очерк «Киев» [51, т. 3, с. 5].

(1) в гл. I: «...заглянув под вечер в любое окно, увидит скудную вечерю еврейской семьи – булку-халу, селедку и чай на столе...»

Yd (= **Ukr**) ВЕЧЕРЮ = Y[večere] ‘ужин’

(2) в гл. II: «...я вышел на Днепр к старику Розинеру <...>. Но можно еще жить, пока есть крепкое изюмное вино...»

(=**Ukr**, =**Yd**, =**Pol**) РОЗИНЕР → (пар.) Rosinen (укр. родзинки, Y[rozinkes]), пол. rodzynki ‘изюм’¹⁶² → **ИЗЮМНОЕ**

* 1927/28 г. «Египетская марка» [II, с. 59].

(0) Название (Египетская марка) и эпитафия: «Не люблю свернутых рукописей. Иные из них тяжелы и промаслены временем, как труба архангела»

(a) **Fr** МАРКА → Timbre¹⁶³ ‘марка’ → (пар.) «тембр» →¹⁶⁴ «структурный источник нарратива»¹⁶⁵. Тем самым, здесь **ЕГИПЕТСКАЯ МАРКА** = «музыкальная пьеса с египетским **ТЕМБРОМ** (т. е. в египетских обертонах, в египетской окраске и т. п.)». Но в ЕМ «египетский» ↔ «еврейский»¹⁶⁶. Тем самым,

¹⁶² Ср. также лит. gasinos ‘изюм’. Эту же Y/R-связь см. в инояз. интерф. в ЕМ, гл. 5: «лодочка, **груженная изюмом**».

¹⁶³ Заметим, что на егип. марках начала XX века были **французские** и английские (но не немецкие!) надписи.

¹⁶⁴ Эта «стрелка» подкрепляется несколькими местами в РД, гл. 7: «Следует твердо помнить, что **тембр** – **структурное начало, подобное щелочности или кислотности того или иного химического соединения**; **драматическая структура самого рассказа вытекает из тембра**, а вовсе не сам тембр подыскивается для нее».

¹⁶⁵ Эта же связь «марка» ↔ «тембр» присутствует в гл. 4 ЕМ: см. ниже (15).

¹⁶⁶ Ср. «нищий Рамзес-кровопийца». Далее, РД, гл. 7: «дана в оболочке **виолончельного тембра, густого и тяжелого**, как прогорклый, отравленный мед». А в ЕМ, гл. 1: «гудело, **тягучим еврейским медом**, женское контральто». Кроме

«марка» в названии суггестирует сквозную еврейскую тему. Кроме того, сама по себе **франц.** интерференция у Мандельштама обычно суггестирует «гражданскую», «политическую» тему (тембр)¹⁶⁷

(б) **Fr** timbre ‘марка’ → (пар.) «тромбон, труба» → (асс.) ТРУБА (АРХАНГЕЛА)

(в) **МАРКА** ← Marke ‘чудак, фрик, странный человек, тип’
Гипотеза: когда в школе Парнока (= Мандельштама) дразнили «египетской маркой» (ЕМ), то имели в виду, прежде всего этот «немецкий» смысл, и именно поэтому это прозвище было обидным, а не из-за каких-то «египто-филадельфических» коннотаций.

(г) **СВЕРНУТЫХ** → (пар.) schwer(e)n ‘тяжелые’ → **ТЯЖЕЛЫ**

(д) **СВЕРНУТЫХ РУКОПИСЕЙ** → (асс.) «свиток на пергаменте, бумаге» → (асс.) «пергаментная бумага» → **Butterpapier** ‘пергаментная бумага’ → Butter ‘масло’ → **ПРОМАСЛЕНЫ**¹⁶⁸

(1) гл. I: «Уже артельщики, приплясывая в ужасе, поднимают кабинетный рояль миньон, как черный лакированный метеор, упавший с неба. Рогожи стелются как ризы. Трюмо плывет <...> во весь свой **пальмовый** рост»

Arab **КАБИ-НЕТНЫЙ** → (пар.) Каабы → (асс.) «камень Каабы»¹⁶⁹
→ «ужас от контакта со святыней»¹⁷⁰ → **ПРИПЛЯСЫВАЯ В УЖАСЕ, ЧЕРНЫЙ МЕТЕОР, КАК РИЗЫ, ПАЛЬМОВЫЙ**¹⁷¹

того, большинство употреблений (всего 12) лексемы «тембр» у Мандельштама связан с виолончелью (6 случаев) или с трубой (ТРОМБОН!). Тем самым, имеются связи: «тембр» → (асс.) «виолончельный тембр» → «тембр густого, тягучего меда» → «еврейский тембр».

¹⁶⁷ Ср. во внутр. рецензии Мандельштама (1931): «Она [книга] **имеет резкий политический тембр**» [72, т. 3, с. 369].

¹⁶⁸ Здесь, видимо, присутствует еще одна интересная связь: нем. buttern ‘промасливать, **трамбовать**’ → «тембр», «тромбон», ТРУБА ↔ «**трубка**» (в которую **СВЕРНУТЫ РУКОПИСИ**).

¹⁶⁹ Исламская святыня, еще называемая по-арабски «**черный** камень». Он считается **упавшим с неба метеоритом**. Ср. в ЧП, гл. I: «Как турок ездит к **черному камню Каабы**...».

¹⁷⁰ «Артельщики» испытывают ужас от прикосновения к «камню Каабы», потому что артельщики (= носильщики) – мусульмане: «носильщик» была одной из общинных специализаций казанских татар в российских столичных городах.

¹⁷¹ «Риза» – здесь: оклад иконы, вообще, **облачение священного предмета**. **ПАЛЬМОВЫЙ** естественно возникает из «аравийскости» исламского подтекста.

- (2) гл. I: «...полушария [карты мира], как два большие мяча, <...> они, как питательные пилюли, заключают в себе...»¹⁷²
- (a) **Yd** МЯЧА → Y[boles] ‘мячи’ → БОЛЬШИЕ
- (б) **Yd** ПИЛЮЛИ = Y[piles] ‘пилюли’ → Y[pilkes] ‘пилюльки’ = (омон.) Y[pilkes] ‘мячи’¹⁷³ → МЯЧА
- (3) гл. I, ранняя редакция¹⁷⁴: «Она любила <...> русские сотенные с их морозным хрустом»
- (<Y) МОРОЗНЫМ → Frost (=Yp[frust]) ‘мороз’ → (пар.) ХРУСТ-ОМ¹⁷⁵
- (4) гл. II «...из общества ревнителей и любителей последнего слова, из камерного кружка стрекозиной музыки...»
- (=Y) ЛЮБИТЕЛЕЙ (СЛОВА) → (пар.) Libelle ‘стрекоза’ → (вместо «кружка любителей музыки») СТРЕКОЗИНОЙ МУЗЫКИ¹⁷⁶
- (5) гл. II: «С детства он прикреплялся душой ко всему ненужному, превращая в события трамвайный лепет жизни...»
- (>Y) ТРАМВАЙНЫЙ (ЛЕПЕТ) → (пар.) TRAUM ‘сон, грёза’ → смысл: «превращал грёзы в реальные события»¹⁷⁷
- (6) гл. II: «Большоголовый Николай Давыдыч был шершавым и добрым гостем, <...>, виновато улыбающимся, как посыльный, допущенный в комнаты. От него пахло портным и утюгом»
- ШЕРШАВЫМ → rauh ‘шершавый, неотесанный, «мужланитый»’ → смысл: «был неотесанным, простонародным»
- (7) гл. II: «...засыпая в кровати <...> при свете голубой финолинки¹⁷⁸...»
- It** ФИНОЛИНКИ ← fanalino ‘фонарик’

¹⁷² Здесь фиксируются ранние детские ассоциации, основанные на YP-омонимии и синонимии: Y[pilke] = пол. pilka ‘мяч’ = Y[bol] ‘мяч’.

¹⁷³ См. [104, с. 259]. См. эту же связь в Y/Pol-суггестиях к стих. «Железо» (1935).

¹⁷⁴ Цит. по [62, с. 71].

¹⁷⁵ Здесь «польский» идишизм: Yp[frust] фонетически точнее.

¹⁷⁶ Здесь идишизм: Y[libe] ‘стрекоза’ равновероятен. См. также G-сугг. к стих. «Какая роскошь в нищенском селенье...» (1930).

¹⁷⁷ Здесь семантическая цепочка: “сонный лепет” → “лепет сна = лепет во сне”, см. «сонные казни» (РД, гл. 2) → «казни в сновидениях/галлюцинациях».

¹⁷⁸ Комментарий А. Морозова: «Финолинка – невыясненное слово, в контексте – ночная лампа» [64].

CONJ **Yd** ФИНОЛИНКИ ← *Y[finol] ← нем. Fanal ‘маяк, сигнальный огонь’¹⁷⁹

(8) гл. II: «Концертный морозец пробежал по его сухой коже»

КОНЦЕРТ-НЫЙ → (пар. + эквиконс.) trocken ‘сухой’ → СУХОЙ

(9) гл. II: «...одной из самых легких и безответственных улиц Петербурга»

ЛЕГКИХ → leicht ‘легкий, легкомысленный’ → смысл: «легкомысленная, безответственная улица»¹⁸⁰

(10) гл. III: «...бормашины – этой бедной сестры аэроплана, – тоже сверлящего борчиком лазурь»

ЛАЗУРЬ ← (пар.) Glasur [glazur] ‘зубная эмаль’ ← СВЕРЛЯЩЕГО БОРЧИКОМ, БОРМАШИНЫ

(11) гл. III: «...в сытом тумане прачечной...»

СЫТОМ → satt ‘сытый, насыщенный, густой’ → смысл: «в густом тумане»¹⁸¹

(12) гл. III, (хозяйка прачечной): «Я не варьятка, чтобы отдавать им белье ротмистра...»

Yd (> **Pol**) ВАРЬЯТКА = Y[varyatke] = ‘madwoman’¹⁸² → смысл: «я не сумасшедшая, чтобы...»

(13) гл. IV: «По Гороховой улице с молитвенным шорохом двигалась толпа»¹⁸³

¹⁷⁹ *Y[finol] ← нем. Fanal ‘маяк, сигнальный огонь’, [111, с. 457] ← ит. fanale ‘фонарь’ [112, с. 102]. Кроме того, фр. (= исп.) fanal ‘васон, маяк, сигнальный огонь, большой фонарь’. Проблема здесь в том, что слово *Y[finol] не зафиксировано в Y-словарях. Но то, что это Y-, а не G-слово, аргументируется фонетическим переходом исконного (романского) ударного [a] → [o]. Этот переход не произошел в диалекте (блоке диалектов), из которого сгенерировался «стандартный» немецкий. Например, Y[dos] ‘указ. мест.’ = das, Y[wos] ‘вопр. мест.’ = was и т. п. Интересным является вопрос, откуда (и когда) Y заимствовал «исходную» словоформу: из некоего нем. диалекта или напрямую из какого-то романского языка (ладино?).

¹⁸⁰ Пример этого смысла в G: ein leichtes Mädchen = ‘легкомысленная девушка’.

¹⁸¹ Пример этого смысла в G: eine satte Lösung = ‘насыщенный, густой раствор’.

¹⁸² См. [105, с. 203]. Variat = ‘сумасшедший’ в польском, что соответствует тому, что хозяйка прачечной, судя по тексту, жила в Варшаве. Но Y-форма женского варианта лексемы, его присутствие в Y-словарях, а также подчеркнuto «одесский» стиль объемлющего дискурса хозяйки показывают, что это слово – идишизм.

¹⁸³ Здесь, по-видимому, контаминация Y/G смыслов.

(+Y) ТОЛПА → Schar ‘толпа’ → scharren ‘шаркать’ → Y[шарн-зих] ‘shuffle, move along the ground’ [107, с. 377] → (пар.) ШОРОХОМ → смысл: «толпа продвигалась, шаркая».

(14) гл. IV: «...раздражительные затылки...»

ЗАТЫЛКИ = Nacken → (пар.) necken ‘дразнить, раздражать’ → РАЗДРАЖИТЕЛЬНЫЕ¹⁸⁴

(15) гл. IV: «Время, робкая хризалида, обсыпанная мукой капустница, молодая еврейка, прильнувшая к окну часовника – лучше бы ты не глядела!»

(=Y) ВРЕМЯ → die Zeit (fem.) ‘время’ → все метафоры и соотв. глагольные формы: женского рода¹⁸⁵

(16) гл. IV: «Товарищи в школе дразнили его “овцой”, “лакированным копытом”, “египетской маркой” и другими обидными именами. Мальчишки ни с того ни с сего распустили о нем слух, что он “пятновыводчик”, то есть знает особый состав от масляных, чернильных пятен»

Fr МАРКОЙ → Timbre ‘марка’ → (пар.) «тембр» → (acc.) НАЧАЛО, ПОДОБНОЕ ЩЕЛОЧНОСТИ ИЛИ КИСЛОТНОСТИ¹⁸⁶ → (acc.) «пятновыведение с помощью щелочи и кислоты» → «ПЯТНОВЫВОДЧИК». Эта же связь: «марка» ↔ «тембр» присутствует в названии ЕМ: см. выше (0).

(17) гл. IV: «Аптечные телефоны делаются из самого лучшего scarлатинового дерева»

(=Y) СКАРЛАТИНОВОГО → Scharlach ‘1. ярко-красная краска; 2. scarлатина’ → смысл: «красного дерева»¹⁸⁷

(18) гл. IV: «Уже весь воздух казался огромным вокзалом для жирных нетерпеливых роз»

Yd РОЗ → YL[reyzn] ‘розы’ → (пар.) Reisen, reisen (=Y[rayzn]) ‘поездки, путешествовать’ → (acc.) ВОКЗАЛ ДЛЯ (поездок)

Yd РОЗ → YL[reyzn] ‘розы’ → (эквиконс. RZN) ЖИРН-ЫХ¹⁸⁸

¹⁸⁴ См. G-подтексты к стих. «Я молю, как жалости и милости...» (1937).

¹⁸⁵ Идишизм Y[tsayt] ‘время’ здесь равновероятен.

¹⁸⁶ Эта «стрелка» следует из (более позднего!) пассажа в РД, гл. 7: «Следует твердо помнить, что **тембр** – структурное начало, подобное щелочности или кислотности того или иного химического соединения»

¹⁸⁷ Идишизм Y[šarlex] ‘scarlet [107, с. 394], (разг.) scarлатина’ здесь равновероятен.

¹⁸⁸ Очень вероятно, что в Y-диалекте Мандельштама «немецкое» [s] после

(19) гл. IV: «Он – лимонная косточка, брошенная в расщелину петербургского гранита, и выпьет его с черным турецким кофеом налетающая ночь»¹⁸⁹

(=Y) КОСТОЧКА = Y[kern] 'kernel' = (син.) Y[kerl] 'grain, pit' [107, с. 377] → нем. Kerl = разг. 'человек, малый', презр. 'тип, субъект' → «человек, брошенный в тьму ночи» → (лимонный) «еврей, брошенный в тьму ночи»¹⁹⁰

(20) гл. V, ранняя редакция¹⁹¹: «... просачивался [мороз] дифтеритный гость чудных пространств»

(=Y) МОРОЗ → Frost (=YF[frust]) 'мороз' → (пар.) ПРОСТРАНСТВ¹⁹²

(21) гл. V: «Глухонемые исчезли в арке Главного штаба <...> словно засылали в разные стороны почтовых голубей»

(а) (=Y) ГЛУХОНЕМЫЕ → Taubstumme 'глухонемой' → Taube 'глухой' → (ом.) Taube 'голубь' → ГОЛУБЕЙ

(б) (>Y) (одновременно) Taube 'глухой, голубь' → (пар.) Stab 'штаб' → (ГЛАВНОГО) ШТАБА¹⁹³

(22) гл. V: «Каждый такт – это лодочка, груженная изюмом и черным виноградом»

Yd ИЗЮМОМ = YP[ruženke]¹⁹⁴ → (пар. + эквиконс.) ГРУЖЕННАЯ¹⁹⁵

гласного произносилось как [ž] = [ж] (см. об этом явлении в Y у Жирмунского [96, с. 106], что, конечно, усиливает фонетическое сходство консонант в рассматриваемых словах. См. это же ниже в «идишизмах» к гл. V: «изюм».

¹⁸⁹ Здесь замечательная R/Y/G – игра смыслов. Ср. в набросках к ЕМ: «Предки Парнока – испанские евреи ходили в остроконечных желтых колпаках – знак позорного отличия для обитателей гетто... Не от них ли он унаследовал пристрастие ко всему лимонному и желтому?» [62, с. 71]. Поэтому здесь однозначно «лимонный» = «желтый» = «еврейский».

¹⁹⁰ Ср. также Y-подтекст ГРАНИТА ниже, в комм. к ЕМ, гл. VIII.

¹⁹¹ Цит. по [62, с. 74].

¹⁹² См. G-суггестии к ЕМ, гл. I.

¹⁹³ G-суггестии (а) и (б) отмечены в [87]. Y-суггестия: Y[toyb-štum] 'глухонемой' → Y[toyb] 'голубь', Y[štab] 'штаб' здесь менее вероятно фонетически. В связи Taube → Stab просматривается стяжение дифтонга [au] → [a] в немецком произношении Мандельштама. См. ниже примечание к п. (22).

¹⁹⁴ См. [107, с. 260].

¹⁹⁵ В принципе, здесь могла работать G-связь Rosinen 'изюм', но идишизм фонетически гораздо более точен. Кроме того, в разг. вост. Y «лодка» = Y[lodke], см. [104, с. 234].

(23) гл. V: «...это план, по которому тонет ночь, организованная в косточки слив»

ПЛАН [plan] → (пар.) Pflaume ‘слива’ → (КОСТОЧКИ) СЛИВ¹⁹⁶

(24) гл. V: «Рысак выбрасывает бабки. Серебряные стаканчики наполняют Миллионную»

СТАКАНЧИКИ = Gläser → (пар.) Glasen, glasen ‘мор. «склянки», бить склянки’ → смысл: «наполняют звоном, как склянки».

(25) гл. V: «...узкими, как правда, полозьями...»

УЗКИМИ = schmalen ‘узкие, бедные, скудные’ → метафора: «как бедная, **скудная** правда»¹⁹⁷.

(26) гл. VII: «...изящнейший фарфоровый портной ...»

(=Y) ИЗЯЩНЕЙШИЙ → fein (=Y[fayn]) ‘изящный, деликатный, тонкий, хрупкий’ → смысл: «хрупкий (как фарфор) портной»¹⁹⁸

(27) гл. VII: «Я спешу сказать настоящую правду. Я тороплюсь.

Слово, как порошок аспирин, оставляет привкус меди во рту»

Yd ПРАВДУ → Y[emes] ‘истина, правда’ → (пар.) Y[meš] ‘желтая медь’ → МЕДИ¹⁹⁹

(28) гл. VII: «... страницы мерзлой книги, переплетенной в топоры ...»

В ТОПОРЫ → Veil ‘топор’ → (пар.) Veilage ‘приложение к журналу’ → ПЕРЕПЛЕТЕННОЙ В ТОПОРЫ → смысл: «переплетенных журнальных приложений»²⁰⁰

(29) гл. VII: «...с зачитанными в шелк заразными страницами.

<...> Некоторые страницы сквозили, как луковичная шелуха»

¹⁹⁶ Здесь интересно очевидное стяжение дифтонга [au] → [a] в немецком произношении Мандельштама. То же явление, по-видимому, в строке: «Аустерлица забыт огонек...» [I, с. 419], в «И Фауста бес – сухой и моложавый...» [I, с. 183] и в «В кустах игрушечные волки глазами страшными глядят». Также выше (в п. 20) см. связь: Taube → Stab.

¹⁹⁷ Здесь стандартная техника расширения семант. спектра при применении G/R-омонимии.

¹⁹⁸ См. G-сугестии к «Михоэльс» (1926). О семантике лексемы «изящный» у Мандельштама писал Д. Сегал в [124].

¹⁹⁹ См. также идишизмы в «А посреди толпы, задумчивый, бородатый ...» (1934), в «10 января 1934» (1934), а также в ЧП, гл. 10: «партийная девственница – Правда-Партия».

²⁰⁰ Ср. ШВ: «...“Нива”, “Всемирная новь” и “Вестники иностранной литературы”, бережно переплетаемые, проламывали этажерки <...> эти переплетенные чудовища» [II, с. 7].

ШЕЛУХА → Schelke ‘шелуха, скорлупа, кожица’²⁰¹ → (пар.) → ШЕЛК²⁰²

(30) гл. VIII: «под тучковыми тучками, под французским **буше** умирающих набережных, под зеркальными зенками барско-холуйских квартир...» [II, с. 84]

(а) **Fr** ПОД ТУЧКОВЫМИ ТУЧКАМИ → (асс.) temps bouché ‘пасмурная погода’ → ПОД ФРАНЦУЗСКИМ БУШЕ

(б) **Fr** ПОД ФРАНЦУЗСКИМ БУШЕ → bouchée ‘слоеное пирожное, пирожок’ → (асс.) **пирожн-ое** → (эквиконс. П/Б-РЖН) НаБеРеЖных

(в) **Fr** ПОД ЗЕРКАЛЬНЫМИ ЗЕНКАМИ... КВАРТИР → (асс.) glase ‘зеркальное стекло’ → (омоф.) «глаз» → (син.) ЗЕНКАМИ

(31) гл. VIII: «Я – безделица. Я – ничего. Вот попрошу у холерных гранитов на копейку – египетской кашки, на копейку – девической шейки»

(а) **Yd** (БЕЗДЕЛИЦА + НИЧЕГО) → (Y[gur-nit] ‘ничто’) → набор конс. (GRNT) → ГРАНИТНЫХ

(б) **Yd** БЕЗДЕЛИЦА → Y[kapetške] ‘tiny bit’²⁰³ → НА КОПЕЙКУ

(в) **Yd** Y[kapetške] → набор конс. (GPTSK) → ЕГИПЕТСКОЙ

(г) **Yd** (БЕЗДЕЛИЦА + НИЧЕГО) → (Y[nit-koše] ‘ничего, не имеет значения’) → (пар.) КАШКИ

(д) **Yd** КАШКИ → (Y[košken] ‘ласкать, гладить’ + Y[kušn] ‘целовать’) → набор конс. (KŠN)=(ŠNK) →(пар.) Y[šeynkayt] ‘красота, красotka’ → [šeynka] → (пар.) (ДЕВИЧЕСКОЙ) ШЕЙКИ²⁰⁴

²⁰¹ См. [117, с. 1112].

²⁰² См. G-сугт. к стих. «Мы напряженного молчанья не выносим...» (1913), «шелк».

²⁰³ См. [107, с. 430].

²⁰⁴ Еще две четкие ассоциации в этот пучок: (а) ЕГИПЕТСКОЙ «эквивокалично» с ДЕВИЧЕСКОЙ; (б) смысл ‘гладить’ → девицы-гладильщицы из прачечной в том же тексте. Плотность идишизмов здесь явно демонстративная. В отличие от М. Гаспарова, который считает [26, с. 291], что в этом пассаже Парнок «просит только на поддержанье жизни и продолженье рода» (очевидно, М. Гаспаров усматривает в «девической шейке» некий Geschlechtsinstrument!), мне представляется, что Парнок здесь (вместе с Мандельштамом), скорее, юродствует, упражняясь в демонстрации своего Y-субстрата и используя его как генератор «вульгаризмов», назло еврейским и русским интеллигентам вроде Горнфельда

(32) гл. VIII: «"Не командуй" – так гласила одна из заповедей»²⁰⁵
Yd НЕ КОМАНДУЙ ← Y[komandeven] = 'be noisy, disorderly, naughty'²⁰⁶

(33) гл. VIII: «Розовоперстая Аврора обломала свои цветные карандаши. Теперь они валяются, как птенчики с пустыми разинутыми клювами»

(=Y) КАРАНДАШИ → (асс.) «грифели» → (пар.) Greif-el 'маленький гриф, птенец грифа' → ПТЕНЧИКИ²⁰⁷

(34) гл. VIII: «Песня качается в седлах, как большущие даровые мешки с золотой фольгой хмеля. Она свободный приварок к мелкому топоту...»

ДАРОВЫЕ → frei 'даровой; свободный'²⁰⁸ → СВОБОДНЫЙ

(35) гл. VIII: «Страх берет меня за руку и ведет. Белая нитяная перчатка. Митенка. Я люблю, я уважаю страх. Чуть было не сказал: "с ним мне не страшно!" Математики должны были построить для страха шатер, потому что он координата времени и пространства <...> Страх распрягает лошадей, когда нужно ехать, и посылает нам сны...» [II, с. 86–87]

(а) **Yd** СТРАХА → Y[meure] 'страх' → «мера, измерение (времени и пространства)» → КООРДИНАТА

(б) **Yd** Y[meure] → «мера» → «ИЗМЕРЕНИЕ (времени)» → (частичная слоговая метатеза) → ВРЕМЕНИ²⁰⁹

(в) **Yd** Y[meure] → (пар.) «Мойра» → (метон.) «рука судьбы» → ЗА РУКУ ...ВЕДЕТ, ПОСЫЛАЕТ СНЫ

(г)²¹⁰ **Fr** (←**Yd**) mère 'мать' ↔ Y[mere 'страх'] → СТРАХ БЕРЕТ МЕНЯ ЗА РУКУ И ВЕДЕТ... → «мать» → (пар.) МАТЕМАТИКИ

и Селищева (подчеркнутое использование в этом же куске вульгаризма «извиняюсь»: об этом писал Б. Гаспаров).

²⁰⁵ Это – «неписанный домашний словарь» Парнока (и, по-видимому, семейства М-ов в 1890-е гг.), «заповедь» для детей.

²⁰⁶ См. [107, с. 358]. Этот идишизм был впервые отмечен Р. Тименчиком.

²⁰⁷ «...птенчики с разинутыми клювами» – это явная отсылка к «голодным грифелям» в «Грифельной оде» (1923), см. выше. Там же – про диминутивный южногерманский (и Y) суффикс -el.

²⁰⁸ См. напр. словарь [126] (1911 г.).

²⁰⁹ См. этот же идишизм в стих. «Люблю под сводами седья тишины» (1921), «Флейты греческой...» (1937), «Век» (1922).

²¹⁰ Здесь редкий случай контаминации франко-русско-идишских омофонических связей.

(36) гл. VIII: «На побегушках у моего сознания два-три словечка: “и вот”, “уже”, “вдруг”; они мотаются...»

Fr СЛОВЕЧКА → mot ‘слово’ → (пар.)²¹¹ МОТ-АЮТСЯ

(37) гл. VIII: «Ротмистр Кржижановский выходил пить водку в Любани и в Бологом, приговаривая при этом: “суаре-муаре-пуаре” или невесть какой офицерский вздор <...>. В Клину он отведал железнодорожного кофия, который готовится по рецепту, неизменному со времен Анны Карениной, из цикория с легкой прибавкой кладбищенской земли <...>. В Москве он остановился в гостинице “Селект” <...> с шикар­ной стеклянной витриной вместо окна» [II, с. 87]

(а) РОТМИСТР → (пар.) rote Meister ‘палач; букв: «красный хозяин»’ → смысл: «Ротмистр Кржижановский – это “красный хозяин = Сатана”, “палач”»

(б) **Pol, Gr** КРЖИЖ-АН-ОВСКИЙ → пол. Krzyż- ‘крест’ + греч. an- ‘отрицание’ → (сугг.) «Антихрист».

(в) **Fr** «СУАРЕ-МУАРЕ-ПУАРЕ», ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО, ВРЕМЕН АННЫ КАРЕНИНОЙ → (сугг.) франц. вздор железнодорожного мужичка из видения Анны Карениной: «il faut battre le fer, le broyer, le pétrir»

(г) **Fr** «СЕЛЕКТ» → SELECT ‘отборный, шикарный’ → С ШИКАРНОЙ → (конс. корень СТКЛ) СТЕКЛЯННОЙ

(38) неизданный фрагмент: «О, странная музыка [ложно-еврейских фамилий]! В каком саду сорвал свое благоуханное прозвище – Розенблюм, в какой небывалой [золотистой] Мексике, где Гауризанкары²¹² сияют [золотыми пломбами] золотом пломб, подобрал свою массивную кличку – Гольдберг, на каком самоцветном берегу среди топазов и раковин выбрал [свое] драгоценное имя Финкельштейн?»²¹³

(=Y)²¹⁴ Розенблюм = Rosenblum = ‘цветок розы’

²¹¹ Здесь интересно одновременное действие «фонического» и «графического» СИ-операторов: ведь t во фр. mot не звучит! Эта связь отмечается в книге А Лекманова и др. «Египетская марка. Пояснения для читателя» (2012), с. 447, и квалифицируется как «языковой каламбур» (!).

²¹² «Гауризанкар» – (гора) Эверест.

²¹³ Цит. по [88, с. 580].

²¹⁴ Здесь Мандельштам «этимологизирует» несколько еврейско-немецких (идишских) фамилий.

(=Y) Гольдберг = Goldberg = 'золотая гора'

(=Y) Финкельштейн = Funkelstein = 'сверкающий камень'

* 1929–1930. «Четвертая проза» [II, с. 88].

(1) гл. 1: «Исай Бенедиктович жил благочестивым французом, кушал свой потаж»

Fr ПОТАЖ → potage 'суп' → смысл: «ел типично французскую еду»

(2) гл. 3: «... жиды с лягушкой венчают, то есть происходит непрерывная свадьба козлоногого ферта, мечущего театральную икру, с <...> московским редактором-гробовщиком, изготовляющим глазетовые гробы <...>. Он отворяет жилы месяцам христианского года, еще хранящим свои пастушески-греческие названия: январю, февралю и марту. Он страшный и безграмотный коновал происшествий, смертей и событий и рад-радешенек, когда брызжет фонтаном черная лошадиная кровь эпохи»²¹⁵

(а) **Yd** Y[oder] → (пар.) «одер, одр, одра» 'плохая кляча – В. Даль' → Y[fert/d] 'лошадь' → (пар.) ФЕРТ-А

(б) (<Y) ФЕРТА → (пар.) Pferd (=Y[fert]) 'лошадь' → (асс.) КОНОВАЛ, ОТВОРЯЕТ ЖИЛЫ, ЛОШАДИНАЯ КРОВЬ²¹⁶

(в) **Yd** Y[oder] → (пар.) «одер, одр» 'носилки, на которых выносят покойников – В. Даль, ср. выражение «на смертном одре»' → ГРОБЫ, ГРОБОВЩИКОМ

(г) **Yd** Y[oder] 'жила' → ЖИЛЫ

(д) **Yd** Y[oder] 'месяц Адар' → ФЕВРАЛЮ И МАРТУ (приблизительное время Адара)

(е) (=Y) ЛОШАДИНАЯ КРОВЬ → (пар.) Pferd (=Y[fert]) 'лошадь' → (конс. метат.) Feder (=Y[feder]) 'перо' → смысл: «брызжут

²¹⁵ В этом блоке центральным «суггестирующим подтекстом» (аргументом СИ-функции) является Y[oder], представляющий Y-омофоны 'месяц Адар' и 'жила' + русские омофоны 'одр, кляча' и 'од(е)р – ложе умирающего, покойника'. Заметим, что текст ЧП заканчивался в феврале-марте (1930), а это как раз время еврейского месяца Адара.

²¹⁶ Идишизм здесь несколько более вероятен не только фонетически, но и потому, что весь абзац, завершающий 3-ю главу ЧП, пронизан идишизмами. В частности, как было указано выше, «сквозным ключом» ко всему абзацу является идишизм Y[oder] 'месяц Адар'.

черные чернила (лошадиная кровь) из под его пера»²¹⁷

(3) гл. 4: «...матерные воды Москвы-реки зальют...»

(<Y) МАТЕРНЫЕ ← (Materie 'гной' + matten 'утомлять, изнурять' + matt 'утомленный, тусклый')²¹⁸. Тем самым, здесь МАТЕРНЫЕ = тусклые/гнойные/мучительные/хищные воды»²¹⁹

(4) гл. 5: «...вторые – ворованный воздух»

Yd ВОЗДУХ → Y[luft] 'воздух' → «луфт» = 'свобода, воля' в тюремно-блатном жаргоне²²⁰. Тем самым, здесь получается смысл: «написанные без разрешения литературные произведения – это «ворованная свобода» = «незаконная воровская свобода» = (преступный) побег (вора) из тюрьмы на волю» и т. п.²²¹

(5) гл. 5: «...анализ мочи Горнфельда»²²²

(>Y) ГОРНФЕЛЬДОМ → Harn 'моча' → МОЧИ (ГОРНФЕЛЬДА)²²³

(6) гл. 6: «Зато карандашей у меня много – и все краденые и разноцветные»

(=Y) КАРАНДАШЕЙ → Kreiden 'карандаши, «сухие краски в палочках для рисования» [117, с. 802]²²⁴ → (пар.) (КРАДеные + РАЗНОЦВЕТНЫЕ)

(7) гл. 8: «В Доме Герцена один молочный вегетарианец — филолог с головенкой китайца — этакий ходя — хао-хао, шанго-

²¹⁷ Ср. в ЕМ, гл. 5: «Не повинуется мне ПЕРО: оно расщепилось и разбрызгало свою ЧЕРНУЮ КРОВЬ, как бы привязанное к конторке телеграфа ...» [II, с. 74].

²¹⁸ Y[materie] 'pus, гной' + Y[matern] 'torment, torture, prey upon' + Y[mat/mater] 'dull, lackluster, тусклый' [107, с. 231].

²¹⁹ Здесь, кажется, имеет место контаминация Y- и G-суггестий: matten = 'утомлять, изнурять', Materie = 'гной', но присутствие Y более очевидно, хотя бы из-за фоники лексемы Y[matern]. Кроме того, здесь вероятна корреляция с тюремно-блатным (из идиша?) значением: материал = 'вода', см. [183, с. 138].

²²⁰ См. [183, с. 131]. Ср. в очерке Мандельштама «Возвращение» (1923) в «дискурсе о тюрьме»: «узник... карабкается на амбразуру окна, чтобы выпить воздуха» [II, с. 301]. Здесь, очевидно, «выпить воздуха» = «выпить глоток свободы».

²²¹ Ср. в конце 4-й главки ЧП (т. е. несколькими строками выше): «...моя шуба лежала поперек пролетки, как это бывает у покидающих после долгого пребывания больницу или выпущенных из тюрьмы».

²²² Здесь явная (и, скорее всего, намеренная) контаминация Y и G-суггестии.

²²³ Y[urin] 'моча', равно как и русск.-лат. «urina, урина» – здесь менее вероятны.

²²⁴ =Yp[kradl] 'crayon, цветной карандаш [107, с. 414]'. Русская парон. связь: КАРАНД-АШИ → КРАДЕН-ые несколько менее вероятна фонетически. См. также G/Y-суггестии к циклу «Армения» стих. 1 (вариант) (1930).

шанго — когда рубят головы, из той породы, что на цыпочках ходят по кровавой советской земле, некий Митька Благой – лицейская сволочь, разрешенная большевиками для пользы науки...»

- (а) **Chi** ХАО-ХАО, ШАНГО-ШАНГО = (кит.) ‘хорошо-хорошо, очень хорошо, очень хорошо’ → смысл: «один из тех “вегетарианских” интеллигентов, которые с “терпимостью” относятся к палачам, “рубящим головы, расстреливающим несчастных по темницам” и т. п.»
- (б) **Yd** ПОРОДЫ → (пар.) Y[peródem] ‘подлец, ничтожество’²²⁵ → СВОЛОЧЬ
- (в) **Lat** ЛИЦЕЙСКАЯ → (пар.) licet²²⁶ ‘разрешается’ → РАЗРЕШЕННАЯ
- (8) гл. 9: «Ты бы лучше поплакал господину Пропперу в чистый еврейский литературный жилет»
ПРОППЕРУ → (пар.) Proper ‘чистый, аккуратный’ → В ЧИСТЫЙ (ЖИЛЕТ)
- (9) гл. 10: «Есть одна секретарша – правда, правдочка, совершенная белочка <...>. Вот эта беляночка – настоящая правда <...> вместе с тем она другая правда – та жестокая партийная девственница – Правда-Партия»
- (а) **Yd, Ukr, Pol** ПРАВДА, ПРАВДОЧКА, НАСТОЯЩАЯ ПРАВДА → wahr ‘истинный’ → *wahr-ke ‘правдочка’ → *wahr-wahr-ke ‘настоящая правдочка’ → Y[veverka], укр. вивірка, пол. wiewiorka²²⁷ ‘белка’ → БЕЛОЧКА²²⁸
- (б) **Yd, Gr** ПРАВДА-ПАРТИЯ → Y[partei] + Y[emes] ‘правда’ → (акр.) [partenos] ‘греч. девственница’ → (пар.) (ПАРТИЙНАЯ) ДЕВСТВЕННОЦА
- (10) гл. 13: «... бородатые мужчины в рогатых меховых шапках ...»
(<Y) В РОГАТЫХ МЕХОВЫХ → (Horn ‘рог’ + Fell ‘мех’) → (acc.)

²²⁵ Слово **порода** с этим значением (Y[peródem ← pere-ódem]) присутствует в «блатном» языке, см. [183]. Ср. еще в «Восьмистишии 5» (1933/34): «в земной коре юродствуют **породы**».

²²⁶ Это слово участвует в известном латинском афоризме *квод-лицет-йовис-нон-лицет-бовис*: «что **разрешено** Юпитеру – не **разрешено** быку».

²²⁷ По В. Далю, это же слово есть в зап. русск. диалектах: «вевёрка».

²²⁸ Это – попытка реконструкции внутреннего суггестивного процесса. Звездочка (*) означает, что данной словоформы не существует в реальности.

Горнфельд (фамилия)²²⁹

(11) гл. 14: «... с переводчиками Горнфельдом и Карякиным. Я – скорняк драгоценных мехов, я – едва не задохнувшийся от литературной пушнины...»

(<Y) ГОРНФЕЛЬДОМ → Fell ‘мех’ → МЕХОВ + ПУШНИНЫ²³⁰

(12) гл. 15: «Когда приходит жестяная повестка <...> Жестяные повесточки под подушечку!»

ЖЕСТЯНАЯ → blechern ‘жестяной, перен. пустой, ничего не значащий’ → смысл: «когда приходит бессмысленная повестка, ерундовые повесточки»²³¹

(13) в гл. 16: «... кружево. В нем главное то, на чем держится узор: воздух, проколы, прогулы»

(=Y) КРУЖЕВО = Spitzen ‘кружево’ → Spitze ‘острие’ → ПРОКОЛЫ²³²

(14) в гл. 16: «Ленин и Троцкий ходят в обнимку, как ни в чем не бывало. У одного ведрышко и константинопольская удочка в руках. Ходят два еврея <...> и один все спрашивает, все спрашивает, а другой все крутит, все крутит...»

Yd ВСЁ КРУТИТ, ВСЁ КРУТИТ → аллюзия на частотные идиомы: Y[dreyen] = ‘хитрить’²³³, Y[drey-mir-ništ-keyn-kop] = ‘не крути мне голову’ и т. п.

²²⁹ Эта суггестия может, в принципе, быть и идишской: Y[horn] = ‘рог’, Y[fel] = ‘мех’, что в данном контексте, с его чисто еврейскими аллюзиями, более вероятно.

²³⁰ См. пред. пункт. Здесь же: КАРЯКИН (+ ‘мех’!) суггестирует (по эквиконс. принципу) → СКОРНЯК. По-видимому, РОГАТАЯ НЕЧИСТЬ в гл. 8. этого текста также происходит из связи Y[horn] = ‘рог’ ↔ ГОРНФЕЛЬД. Кроме того, Мандельштам, скорее всего, причислил к «рогатой нечисти» и Львова-РОГачевского, автора известного в 1920-х годах труда «Евреи в русской литературе» – см. подробно об этой работе в связи «с её горнфельдовскими подтекстами» (выражение М. Гаспарова) в книге Л. Кациса [3]. По-видимому, (ПИСАТЕЛЬСТВО – ЭТО РАСА С ПРОТИВНЫМ ЗАПАХОМ КОЖИ) в гл. 12 этого же текста также происходит из связи Y[fel] = ‘кожа (животных), шкура, мех’ ↔ «ГорнФЕЛЬд».

²³¹ См. G-сугг. к «Путешествию в Армению» (1931), гл. «Севан»: «жестью».

²³² Эта G-сугг. отмечена в [87]. Y-суггестия Y[špitsn] ‘кружева’ → Y[špits] ‘острие’ здесь равновероятна.

²³³ См. [104, с. 222]. В очерке М. Горького «В. И. Ленин» (несомненно, известном Мандельштаму) итальянские рыбаки обучают Ленина ловить рыбу и называют его «синьор дринь-дринь». Похоже, что это «дринь» (являясь почти

(15) гл. 16: «Ходит немец шарманщик с шубертовским леерка-
стеном»

(<Y) ЛЕЕРКАСТЕНОМ ← Leierkasten 'шарманка'²³⁴

(16) гл. 16: «**Ich bin arm.** Я беден. Спи, моя милая...»

«Ich bin arm. Я беден» – замечательный пример «выхода на по-
верхность» G-монитора.

* Начало 1930-х «Моргулетка» [I, с. 354].

В стр. «Моргулис – он из Наркомпроса. // Он не турист и не
естественник, // К истокам Тигра и Эфроса // Он знаменитый
путешественник»

(а) Yd НАРКОМ-ПРОС → [pros] – ашкен. произн. ивритского
названия реки Евфрат

(б) Yd [pros] → (пар.) Э-ФРОС-А²³⁵

* окт.–нояб. 1930. Цикл «Армения» [I, с. 160].

(1) Стих. 1.

В стр. «А здесь лишь картинка налипла // Из чайного блюда с
водой»

КАРТИНКА = Bildchen [bildʂen] ↔ (эквиконс. BLD-Š/Z)
БЛЮДЦА-С (ВОДОЙ)

(2) Стих. 1 (вариант) [I, с. 387].

В стр. «Ломается мел, и крошится // Ребенка цветной каран-
даш»

полным омофоном идишизма Y[dreyen]) и суггестирует лексему КРУТИТЬ в
рассматриваемом отрывке ЧП. На связь «константинопольской удочки» в ЧП
и рыболовецкой сцены в очерке «В. И. Ленин» указал О. Лекманов в докладе на
Гаспаровских чтениях (РГГУ, 2007).

²³⁴ Идишизм здесь несколько более вероятен, т. к. [leerkasten] – типичный
Y-вокализм. Немецкое Leierkasten [layerkasten] по-русски должно было дать
здесь: «лаеркастеном», хотя в реальности дифтонг ei по-русски часто переда-
ется как [эй].

²³⁵ Мандельштам использует слово [pros] (ашкен/Y произношение соотв.
ивритского названия реки Евфрат) для шуточного обыгрывания фонически
похожей еврейской фамилии Эфрос. Дело в том, что Абрам Эфрос, по сообще-
нию Н. Мандельштам («Вторая книга»), «устраивал» Маргулису переводы, т. е.
был как бы важным финансовым «истокком» для Маргулиса. Сама же фамилия
Эфрос происходит, видимо, от совсем другого ивритского топонима (название
городка в Иудее).

Yd МЕЛ → YP[krad] ‘мел’ → (пар.) YP[kradl] ‘crayon, цветной карандаш’²³⁶ → ЦВЕТНОЙ КАРАНДАШ

(3) Стих. 2.

В стр. «Как люб мне язык твой зловещий, // Твои молодые гроба, // Где буквы – кузнечные клещи // И каждое слово – скоба...»

(а) ГРОБА → (Grob ‘упаковочный материал, ящик’ + grob ‘крупный, грубо сделанный’) → смысл: «грубо, крупно сделанные формы слов твоего языка»²³⁷

(б) **Arm** ГРОБА → (пар.) «грабар» ‘= др.-арм. язык’ → смысл: «оксюморон: молодой-древний (язык)»

(в) ЯЗЫК → Zunge ‘язык, курок (оружия)’ → (пар.) Zange ‘клещи’ → КЛЕЩИ

(4) Стих. 6.

В стр. «К трубам серебряным Азии вечно летящая»

Lat ЛЕТАЮЩАЯ ↔ (подтекст): «Серебряная труба Катулла: Ad claras Asiae volumus urbes»²³⁸ ↔ ТРУБА, ASIAE ‘Азии’, VOLEMUS ‘conjunct. hortat. от volare = «давайте полетим»’

(5) Стих. 7.

В стр. «Не развалины – нет, – но порубка могучего циркульного леса»

ЦИРКУЛЬНОГО → zirkular ‘круглый’ → смысл: «нарубленный круглый, кругляковый лес»²³⁹

(6) Стих. 8.

В стр. «Мне холодно. Я рад...»

(=Y) (МНЕ) ХОЛОДНО = (Ich) friere → (пар.) (Ich bin) froh ‘я рад’ → Я РАД

(7) Стих. 10 («Какая роскошь...»)

(а) в стр. «Волосяная музыка воды! // Что это? Пряжа? Звук? Предупрежденье? // Чур-чур меня! Далеко ль до беды!»

Fr. It, Lat ВОЛОСЯНАЯ → capillaire ‘волосяной (физ.)’, capello.

²³⁶ См. [107, с. 414]. См. также G/Y-суггестии к «Четвертой прозе», гл. 6 (1929–1930).

²³⁷ Разумеется, здесь еще рутинная для Манделъштама игра G/R-смыслов консонантного набора GRB: «зловещий большой (грубый) ящик → гроб».

²³⁸ Отрывок из статьи Манделъштама «Слово и культура».

²³⁹ В. Даль: «кругляковый лес, дрова из кругляков, не колотые на плахи или поленья».

capillus ‘волос’ → (пар.) «капли, капель» + «капелла» (муз. хор)
→ (асс.) «капельный хор» → МУЗЫКА ВОДЫ

Arm ВОДЫ → [джур] ‘вода’ → (пар.) ЧУР-ЧУР²⁴⁰

(б) в стр. «И в лабиринте влажного распева // Такая душная стрекочет мгла, // Как будто в гости водяная дева // К часовщику подземному пришла»

СТРЕКОЧЕТ → (пар.) «стрекоза» → Wasserjungfer ‘стрекоза, «водяная дева» [122, с. 1566]’ → ВОДЯНАЯ ДЕВА²⁴¹

«капли, капель»²⁴² → (асс.) «каплющее время»²⁴³ → «время» → ЧАСОВЩИКУ

«капель»²⁴⁴ → (пар.) Kapelle ‘часовня’ → «часов-ня» → (пар.) ЧАСОВ-ЩИКУ

(8) Стих. 12.

В стр. «Над книгой звонких глин, над книжною землей, // Над гнойной книгою, над книгой дорогой»

(а) (=Y) ЗВОНКИХ → kling [klin] ‘дзиль’, kling-en [klin-en] ‘звенеть’ → (пар.) ГЛИН

(б) (<Y) (ГЛИНА, ГЛИН) = Lehm ‘глина’ → Schleim ‘слизь, мокрота’ → ГНОЙНОЙ²⁴⁵

* октябрь 1930. Стих. «На полицейской бумаге верже...» [I, с. 167]

В стр. «На полицейской бумаге верже // Ночь наглоталась колючих ершей – // Звезды живут, канцелярские птички, // Пишут и пишут свои раппортички»

²⁴⁰ Эта же связь (ЧУРАТЬСЯ → ДЖУР) присутствует в ПА, гл. Севан (II, с. 104)

²⁴¹ Кроме того, отдельное слово Jungfer = ‘стрекоза, дева’. Эта связь по-видимому, работает и в стихотворении «Дайте Тютчеву стрекозу...».

²⁴² Образ, суггестируемый в предыдущей строфе, см. пред. пункт: ВОЛОСЯНАЯ → Capello.

²⁴³ Ср. в РД, гл. 2: «Дант никогда не вступает в единоборство с материей, не приготовив органа для ее уловления, не вооружившись измерителем для отсчета конкретного **каплющего** или тающего **времени**». Здесь проявляется ощущение «дискретной» структуры времени в М-ЯКМ, персонифицируемого в образе «часовщика».

²⁴⁴ Образ, суггестируемый в предыдущей строфе, см. пред. пункт: ВОЛОСЯНАЯ → capello

²⁴⁵ Здесь еще возможна игра идишизмов: YP[laym] ‘глина’ → Y[šlaym] ‘mucus, scum, слизь, гной’, и Y-суггестия фонетически точнее.

- (а) **Fr** (= G) РАППОРТ-ИЧКИ \leftrightarrow (пар.) rapporter (= нем. rapportieren) 'доносить, наносить стандартный узор на ткань, бумагу' \rightarrow (асс.) русск. «раппорт» = водяной узор на бумаге \rightarrow (асс.) НА... БУМАГЕ ВЕРЖЕ, КАНЦЕЛЯРСКИЕ ПТИЧКИ (т. е. узор на бумаге Верже)
- (б) русск. «раппорт» \rightarrow (омоф.) «рапорт» \rightarrow (асс.) «донесение или донос в полицию, в ГПУ и т. п.» \rightarrow (асс.) НА ПОЛИЦЕЙСКОЙ \rightarrow «доносчики (в политическую полицию) из РАППа» \rightarrow (асс.) РАПП-ОРТИЧКИ

* ноябрь 1930. Стих. «Дикая кошка – армянская речь» [I, с. 167, вар. с. 506], вар. [34, с. 712].

(1) в стр. «О, лихорадка, о, злая маруха!»²⁴⁶

Yd МАРУХА = Y[maroxe/maruxe] 'судьба, счастье, доля'²⁴⁷ \rightarrow смысл: «вот злая судьба!»

(2) в стр. «Пропадом ты пропади, говорят, // Сгинь ты навек, <...> // Долго ль еще нам ходить по гроба, // Как по грибы деревенская девка?»

(а) **Yd** ГРОБА \rightarrow YP[grub/grib] 'могила' \rightarrow (пар.) ГРИБЫ

(б) ПРОПАДОМ ТЫ ПРОПАДИ, СГИНЬ \rightarrow (асс.) in die Pilze gehen 'гибнуть, пропадать' (дословно: «ходить по грибы») \rightarrow ХОДИТЬ ПО, ГРИБЫ

(3) в стр. (вар.) «А не пора ль очутиться мне там, // Где обо мне ни слуху ни духу // В городе, где выпрямляюсь по слуху, // Не по гвардейским его каблукам, // Где на <молочных [его] еще площадях> // [Липа стоит] Летнего сада столетней <резьбою>»²⁴⁸

(а) (<Y) «ЛЕНИНГРАД» \rightarrow ГОРОДЕ \rightarrow (пар., эквиконс.) gerade (= Y[grode]) 'прямой' \rightarrow (асс.) ВЫ-ПРЯМ-ЛЯЮСЬ

(б) «ЛЕНИ+НГРАД» \rightarrow (пар.) Linde 'липа' + (конс. NGRT/D) Garten 'сад' \rightarrow ЛИПА, ЛЕТН-его САДА, сто-ЛЕТН-ей

²⁴⁶ МАРУХА – ранний вариант в автографе с датой «Тифлис, октябрь 30» из архива М. Зенкевича; более поздний вариант: МОРУХА, см. [I, с. 506].

²⁴⁷ См. [110, с. 181]. В исходной ивритской словоформе в предпоследнем (открытом) слоге масоретская вокализация – *камац-гадоль*. Гласный [u] в соотв. месте – один из маркеров польского диалекта идиша. В [I, с. 506] это слово, без всякой лексикографической ссылки прокомментировано: «томительный летний зной!»

²⁴⁸ Здесь первые две строки немедленно суггестируют слово «Ленинград» и возникают паронимические и консонантные связи.

- (в) **It НЕ ПО ГВАРДЕЙСКИМ** → guardo ‘взгляд, взор’ → смысл строки: «я прихожу в нормальное психическое состояние **не от вида прямых, как гвардейский каблук, углов улиц, а ПО СЛУХУ**»

* Ноябрь 1930. Стих. «И по-звериному воет людье...» [I, с. 168].
В стр. «Он Черномора пригубил питье»

Уд ЧЕРНОМОРА ← «Черное море» ← Y[more-šxoугe] ‘меланхолия, черная желчь’²⁴⁹

* декабрь 1930. Стих. «Ленинград» [I, с. 168].

В стр. «Я на лестнице черной живу, и в висок // Ударяет мне вырванный с мясом звонок, // И всю ночь напролет жду гостей дорогих, // Шевеля кандалами цепочек дверных»

(а) (<Y) **ВИСОК** = Schlafe (=YP[šlayf]) → (эквиконс. ŠLF) Fleisch (= YP[flayš] ‘мясо’ → (C) **МЯСОМ**

(б) **ЗВОНОК** → Schelle(n) ‘звонок (на **цепочке**, которую дергают); **кандалы**; (ю.-нем.) круги под глазами (от **бессонницы**); звонкая оплеуха; бубны (карт. масть = маркер **каторжника**)’ → **КАНДАЛАМИ ЦЕПОЧЕК**

(в) Schelle → (пар.) **ШЕВЕЛЯ**

(г) (=Y) **ШЕВЕЛЯ** → (пар.) Schwelle ‘порог’ → (асс.) сцена «стояния на пороге перед закрытой на цепочку двери в ожидании звонка гостей»

* январь 1931. Стих. «С миром державным...» [I, с. 168].

В стр. «С миром державным я был лишь ребячески связан, // Устриц боялся и на гвардейцев смотрел исподлобья...»

Conj (<Y) **УСТРИЦ** → Austern (= Y[oystern]) ‘устрицы’ → (пар.) Ostern (=Y[ostern])²⁵⁰ ‘христ. Пасха’ → **БОЯЛСЯ** → **НА ГВАРДЕЙЦЕВ СМОТРЕЛ ИСПОДЛОБЬЯ**²⁵¹

²⁴⁹ Ср. в статье «Кое-что о грузинском искусстве» [II, с. 260]: «Грузия обольстила русских поэтов <...> какой-то **меланхолической и пиришественной пьяностью** ...». Это стих. по-видимому, является частичным вариантом стих. «Дикая кошка», см. [I, с. 506], в котором (как и в других текстах армянского цикла) работает «желтый/горчиный цвет, горечь, желчь, (основа) МОР». К Y[more-šxoугe] и «Черному морю» см. идишизмы в стих. «Флейты греческой...».

²⁵⁰ См. [123, с. 378].

²⁵¹ Гипотеза: у юного Мандельштама (под влиянием разговоров в семье?) воз-

* март 1931. Стих. «После полуночи сердце ворует...» [I, с. 170].
В стр. «После полуночи сердце **ворует** // Прямо из **рук** запрещенную тишь. // Тихо живет – хорошо озорует, // Любишь – не любишь: ни с чем не сравнишь... // <...> Что пополуночи сердце **пирует**...»

(а) (=Y) ТИШЬ → Ruhe (= Y[ru]) ‘покой, тишь’ → (пар. ударной части основы) ВО-РУЕ-Т, ОЗО-РУЕ-Т, ПИ-РУЕ-Т²⁵²

(б) Yd (ИЗ) РУК → (пар.) Y[ruik] ‘спокойно, тихо’ ↔ ТИШЬ, ТИХО

* март 1931. Стих. «Ночь на дворе. Барская лжа...» [I, с. 170].
В стр. «Шапку в рукав, шапкой в рукав – // И да хранит тебя Бог»

CONJ (= Y) ШАПКУ, ШАПКОЙ → Hut ‘шапка, (омон.) хранение, защита’ → be-hüt dich Gott ‘храни тебя Бог’ → ДА ХРАНИТ ТЕБЯ БОГ²⁵³

* 2 марта 1931. Стих. «Я скажу тебе с последней...» [I, с. 170].

(1) в стр. «Греки сбондили Елену // По волнам»

(=Y) ГРЕКИ → «эллины» → (пар.) Wellen ‘волны’ → ПО ВОЛНАМ

(2) в стр. «Ой ли, так ли, дуй ли, вей ли, // Все равно. // Ангел Мэри, пей коктейли, // Дуй вино»

(а) (=Y) ДУЙ → Wehe ‘дуй!’ → (пар.) ВЕЙ

никает паронимическая ассоциация: «устрицы» ↔ «христианская Пасха». Христ. Пасха, в свою очередь, в еврейских семьях ассоциировалась с возможными погромами, поэтому ее наступления принято было опасаться. Еще одна гипотеза здесь: какая-то деталь формы «гвардейцев» напоминала «устрицу», и поэтому (в связи с вышесказанным) ассоциировалась с чем-то опасным.

²⁵² Здесь еще явная паронимия с ruhig ‘спокойный’ с диалектным сибилантичным произношением [ruiš], которое характерно для «немецкого» Мандельштама. Ср. фоннику нижеследующей Y-суггестии.

²⁵³ Ср. нем. поговорку: in guter [паронимия с Gott] Hut sein ‘находиться в безопасности’. Здесь равновероятна игра (квази)омофонов Y[hitl, hitn] ‘шапка, хранить’ и Y[got] ‘Бог’, Y[got-baHIT-dix] ‘да сохранил тебя Бог’, Y[got-baHIT] ‘Боже упаси!’. Смысл строки И ДА ХРАНИТ ТЕБЯ БОГ: скорее «упаси тебя Бог от безобразия, изображенного в первых шести строках», чем призыв защиты Бога вообще.

- (б) Wehe 'дуй!' → Wehen 'дуть' → (пар.) Wein 'вино' → ДУЙ
ВИНО
- (в) кроме того, Weh = 'горе', поэтому ВЕЙ ЛИ имеет дополни-
тельную коннотацию: ВЕЙ ЛИ = «горе ли, или не горе» →
ВСЕ РАВНО
-

* 2 марта 1931. Стих. «Колют ресницы. В груди прикипела
слеза...» [I, с. 171].

В стр. «Так вот бушлатник шершавую песню поет // В час, как
полоской заря над острогом встает»

(>Y) ШЕРШАВУЮ (ПЕСНЮ) → rauh 'шершавый, суровый,
угрюмый, (голос) хриплый, осипший [117]' → смысл: «угрю-
мую суровую песню хрипло, осипшим голосом поет»²⁵⁴

* 17–18 марта 1931, конец 1935. Стих. «За гремучую доблесть
грядущих веков...» [I, с. 171], варианты: [207, т. 1, с. 475].

(1) в стр. «Мне на плечи кидается век-волкодав»

(=Y) BEK = Jahrhundert (=Y[yorhundert]) → (пар.) Hund 'соба-
ка' → Wolfshund (=Y[volfhund]) = ВОЛКОДАВ²⁵⁵

(2) вар.: в стр. «Я – вишневая косточка детской муры // Но лю-
блю мою курву-Москву» и в варианте: «Долго ль прятать-
ся мне от великой муры // За извозчицью курву – Москву»

(а) Yd МУРЫ ← Y[moyre/meure] 'страх, ужас' + YP[mure] 'ме-
ланхолия, горечь, печаль'²⁵⁶ → смысл: «присутствие **детско-
го страха, великого страха**» и т. п.

(б) (= Fr) КУРВУ-МОСКВУ → Kurve (фр. courbe) 'кривая, пово-
рот' → смысл: «люблю кривые улицы и повороты Москвы»²⁵⁷

* 27 марта 1931. Стих. «Жил Александр Герцевич...» [I, с. 172].

²⁵⁴ См. G-сугг. к «Египетской марке», гл. II: «шершавым гостем». Идишизм
Y[roy] 'raw, crude, rough, harsh [107]' семантически менее точен.

²⁵⁵ Здесь есть явный претекст в рассказе «Феодосия»: образ сотника, пахну-
щего собакой и волком, в бурке (накинутой на плечи!), на которого «возмож-
ность безнаказанного убийства действует как нарзанная ванна». См. G-сугг. к
«Феодосия», гл. «Бармы закона» (1923): «... по улицам ходили циклопы в черных
бурках, сотники, пахнущие собакой и волком...».

²⁵⁶ Эта же связь в «Нет, не спрятаться мне...», см. ниже.

²⁵⁷ Эта же связь в «Нет, не спрятаться мне...», см. ниже.

(1) в стр. «Он Шуберта наверхивал, // Как чистый бриллиант»
КАК ЧИСТЫЙ БРИЛЛИАНТ → brillant [brilyant] ‘музык. живо, с живостью, блестяще [117]’ → смысл: «живо, блестяще играл Шуберта»²⁵⁸

(2) в стр. «Пускай там итальяночка, // Покуда снег хрустит, // На узеньких на саночках // За Шубертом летит»
(= Y) ЗА ШУБЕРТОМ → (эквиконс.) sterb- ‘смерть’ → (смысл): «итальяночка за смертью летит»²⁵⁹

(3) в стр. «Там хоть вороньей шубою // На вешалке висеть...»
Pol ШУБОЮ → (пар.) szubienica ‘виселица’ → (асс.) «на виселице висеть» → НА ВЕШАЛКЕ ВИСЕТЬ

(4) в стр. «Что, Александр Герцевич, // На улице темно? // Брось, Александр Сердцевич, – // Чего там? Все равно!»
(= Y) ГЕРЦЕВИЧ → (пар.) Herz ‘сердце’ → СЕРДЦЕВИЧ²⁶⁰

* Апрель 1931. Стих. «Нет, не спрятаться мне от великой муры...» [I, с. 173].

(1) в стр. «Нет, не спрятаться мне от великой муры // За извозчицью спину – Москву»

Yd МУРЫ ← Y[moyre/meure] ‘страх, ужас’ + YP[mure] ‘меланхолия, горечь, печаль’²⁶¹

²⁵⁸ Ср. brillantes feuerwerk ‘великолепный фейерверк’, er macht brillante geschäfte ‘дела его идут блестяще’.

²⁵⁹ Связь «Шуберт» ↔ «смерть» проявляется и в некоторых других М-текстах: см. напр. «На мертвых ресницах...» (1935).

²⁶⁰ Эта связь отмечена в комментариях Б. Каца [192, с. 122]. Y[harts] ‘сердце’ фонетически менее близко, но «еврейские» коннотации текста делают Y-суггестию равновероятной.

²⁶¹ Эта же связь в варианте в «Волке», см. выше. Ср. далее: «Я трамвайная вишенка СТРАШНОЙ поры». Связь темы «Москвы» с темой «страха» подтверждается еще и тем, что Москва у Мандельштама, как известно, «буддийская», а про буддизм он говорит в статье «Девятнадцатый век»: «Век не исповедовал буддизма, но носил его в себе как внутреннюю ночь, как слепоту крови, как тайный страх и головокружительную слабость» [II, с. 199]. С. Аверинцев [114, с. 22] говорит о сквозной «теме страха» у Мандельштама, в частности, в этом тексте. Э. Герштейн [8, с. 440] говорит о мотивах (обсуждения с женой) самоубийства, связанных с этим стих. (ср. далее «Посмотреть, кто скорее умрет // <...> Ты как хочешь, а я не рискну/не боюсь»). См. также идишизмы в стих. 1937 г. «Флейты греческой тэта и йота...».

- (2) в стр. «Я трамвайная вишенка страшной поры // И не знаю, зачем я живу»
(а) ТРАМВАЙНАЯ = Strassenbahn → (де-акр.) Strassen + Bahn → (пар.) СТРАШНОЙ
(б) тот же результат дает: Bahn → («почти»-омофон) bang [ban] ‘страшный’ → СТРАШНОЙ
(3) в стр. «А она то сжимается, как воробей, // То растет, как воздушный пирог»
(=Y) ВОРОБЕЙ = Sperling (=Y[šperlink]) → (эквиконс. ŠP-R/L-NK) возду-ШНЫЙ ПИРОГ
(4) в стр. «Чтоб объехать всю курву-Москву»
(= Fr) КУРВУ → Kurve (фр. courbe) ‘кривая, поворот’ → смысл: «объехать кривые улицы и повороты Москвы»²⁶²

* 23 апр. 1931. Стих. «Нет, не мигрень, – но подай карандашик...» [I, с. 175].

В стр. «Дальше сквозь стекла цветные, сощурясь, мучительно вижу я: // Небо, как палица, грозное, земля, словно плешина, рыжая...»

- (а) (<Y) ПЛЕШИНА ← Fleisch ‘мясо, плоть’²⁶³
(б) CONJ МУЧИТЕЛЬНО + ПАЛИЦА + ПЛЕШИНА → (пар.) Pfahl im Fleische ‘внутреннее ощущение греха, червь, точащий изнутри, мучительные душевные и физич. страдания’. Ср. «МУЧИТЕЛЬНО ВИЖУ Я»

* 3 мая 1931. Стих. «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...» [I, с. 175].

В стр. «Обещаю построить такие дремучие срубы,»
(=Y) ДРЕМУЧИЕ → dichter (= Y[dixter] ‘дремучий (лес), (ом.) поэт’) → смысл: «обещаю такую поэтическую продукцию...»²⁶⁴

²⁶² Эта же связь в варианте в «Волке», см. выше. Ср. в др. местах: «улица июльская **кривая**» (про Париж), «улиц твоих большеротых **кривые** люблю вавилонны» (про Эривань).

²⁶³ См. сообщение Н. Мандельштам про «спектакль про мясника, страшного кавказца с усами, который рубил мясо и отпускал шутки в стиле эпохи. В мяснике нам почудился некто...» [7, с. 539]. Идишизм Y[fleyš] ‘мясо, плоть’ фонетически более точен.

²⁶⁴ Связь: «густой-дремучий-поэтический» рутинна у Мандельштама, см. G-супг. к «Я наравне с другими...» (1920), <Ода> (1937).

* 26 мая 1931. Стих. «Канцона», [I, с. 176].

(1) в стр. «Вас, банкиры горного ландшафта»

БАНКИРЫ → (пар.) *Bänke* 'геол. глыбы, пласты, слои горных пород' → ГОРНОГО ЛАНДШАФТА²⁶⁵

(2) в стр. «То Зевес подкручивает с толком // Золотыми пальцами краснодеревца // Замечательные луковицы-стекла – // Прозорливцу дар от псалмопевца. // Он глядит в бинокль прекрасный Цейса – // Дорогой подарок царь-Давида, – // Замечает все морщины гнейсовые, // Где сосна иль деревушка-гнида»

(а) ЗЕВЕС → *Zeus* 'Зевс' → (пар.) *Zeiss* 'Цейс – фирма оптики' → БИНОКЛЬ ПРЕКРАСНЫЙ ЦЕЙСА

(б) одновременно, по-видимому, имеется пароним. связь: *Zeissglas* = 'бинокль' → (пар.) «глаз Зевса» → смысл: «глаз Зевса (и автора!) все замечает...»²⁶⁶

(в) (=Y) ПАЛЬЦАМИ (КРАСНОДЕРЕВЦА) → **Finger** 'палец' → (пар.) «террористы В. Фигнер и А. Фигнер»²⁶⁷

(г) (>Y) ГНЕЙСОВЫЕ → (пар.) *Niss (Nisse)* 'гнида' → ГНИДА²⁶⁸

(д) *Niss* 'гнида' → (эквиконс.) СОСНА

(е) G-связь, приводящая к тому же результату: *Niss* → (пар.) *Nuss* 'орех' → *Nusskiefer* 'пихия, средиз. сосна' → СОСНА

²⁶⁵ Эта G-связь отмечена в [87].

²⁶⁶ В паронимических связях в (а) и (б) участвует не «нормативное» немецкое произношение названия фирмы [*zays*], а «русское» (или «русско-еврейское») [*zeys*], которое более «паронимично» немецкому Зевсу-*Zeus*.

²⁶⁷ Здесь зашифрованы размышления Мандельштама о теракте против Сталина. КРАСНОДЕРЕВЕЦ – это Степан Халтурин, устроивший в 1880 г. взрыв в Зимнем дворце, где работал столяром-краснодеревщиком. Его соратницей по руководству «Народной волей» и по организации терактов была Вера **Фигнер**. Ее старший родственник (по боковой линии) Александр **Фигнер** – знаменитый партизан 1812 года, который, по (разумеется, известному Мандельштаму) тексту «Сожженной Москвы» Н. Данилевского, готовил **теракт против Наполеона**, собираясь «принести себя в жертву». Он же прототип Долохова в «Воине и мире».

²⁶⁸ Здесь, скорее всего, имеет место контаминация Y и G-суггестий: Y[nisl] = 'гнида'. Кроме того, на тирольском нем. диалекте *gneis* = 'гнида' [115, т. 1, с. 421]. И. Павловский, автор известного в начале века русско-немецкого словаря, которым, возможно, пользовался Мандельштам, дает второе значение для русск. «гнида»: (обл.) *die Zedernuss* 'кедровый орех', отсутствующее у Даля [122, с. 248].

- (ж) СОСНА = Kiefer → (пар.) Kieker ‘бинокль’, kieken ‘(разг.) глядеть, глазеть [116]’ → ГЛЯДИТ В БИНОКЛЬ²⁶⁹
- (з) СОСНА = Kiefer → (пар.) Kiffe ‘лачуга [117, с. 760]’, Kaff ‘глухое селение [111]’ → ДЕРЕВУШКА
- (и) СОСНА = Kiefer → (пар. второй части основы) Föhre ‘сосна [111]’ → (пар.) Fohr ‘морщина [111]’ → МОРЩИНЫ²⁷⁰
- (к) (<У) ЛУКОВИЦЫ → Luke ‘люк’, Lücke ‘отверстие, щель’ → «орудийный люк, амбразура для стрельбы».
- (л) СТЁКЛА = Glas → «глаз»²⁷¹
- (3) в стр. «Я покину край гипербореев, // Чтобы зреньем напитать судьбы развязку, // Я скажу “села” начальнику евреев // За его малиновую ласку»
- (а) **Pol** (> **Ukr**) НАПИТАТЬ → (пар.) pytanie (укр. питания) ‘вопрос’, parutač ‘накликать, навлечь на себя’ → смысл 1: «чтобы зреньем “запросить”: какая будет развязка?»; смысл 2: «чтобы использовать зрение как орудие “терминации” для навлечения (реализации) развязки, жизненного финала»²⁷²
- (б) (= **Fr**) «СЕЛА»²⁷³ → séla²⁷⁴ ‘кончено! договорились’, фр. scéllât ‘да будет запечатано (= закончено, договорено и т. п.)’ → смысл всей строки: автор хочет «**окончательно** договориться», «выяснить отношения» с «начальником евреев»
- (4) в стр. «Край небритых гор еще неясен, // Мелколесья колетса щетина»

²⁶⁹ Дополнительное значение Kieker = ‘оптический прицел’ [125]. Кроме того, jeden auf dem Kieker haben = ‘нацеливаться на кого-л. [111], высматривать в засаде кого-л. [125]’.

²⁷⁰ Похоже, что в Kiefer прошел процесс «де-акр.»: Kiefer = [kif] + [fer] → Kiffe + Föhre.

²⁷¹ Тем самым, ЛУКОВИЦЫ-СТЁКЛА суггестирует образ: «глаз – орудие в амбразуре, в “орудийном люке” на судне». Нетрудно видеть, что эта сугг. может быть и идишской: У[luke] – ‘амбразура, орудийн. люк, porthole’, У[gloz/gluz] ‘стекло’ [107, с. 137, 570].

²⁷² Здесь работает характерное для Мандельштама (и для ряда древних культур) понимание «зрения» как активного воздействия на обозреваемый объект – и, соответственно, глаза (бинокля) как инструмента (орудия) этого воздействия.

²⁷³ Приводится **наиболее вероятная** часть широкого семантического спектра слова СЕЛА в Канцоне.

²⁷⁴ Этимология в немецком неясна: скорее всего, это заимствование из идиша, восходящее к ивритскому СЕЛА (סֵלָה), частотному библейскому маркеру конца псалма Давида, реальный смысл слова неясен.

- (а) **Yd** ГОР → Y[hog/hur] ‘волосы (вообще), щетина (на лице)’ [104, с. 77, 655]. Это же Y-слово является частью сочетания [štexike-hor] – ‘щетина (на лице)’, букв. ‘колючие волосы’ [104, с. 655]. Поэтому:
- (б) **Yd** ГОР → НЕБРИТЫХ + ЩЕТИНА
- (в) **Yd** (КРАЙ + ГОР) → (эквиконс.) Y[hogiker] ‘мохнатый, волосатый, щетинистый’ → НЕБРИТЫХ + ЩЕТИНА
- (5) в стр. «И свежа как вымытая басня // До оскомины зеленая долина»
- Yd** ДОЛИНА → (пар.) Y[dolene] ‘впадина, яма’²⁷⁵ → (пар.) «дол» → смысл: «могила»

* май–июнь 1931. Стих. «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» [I, с. 177, вар. с. 514].

(1) в стр. «В черной оспе блаженствуют кольца бульваров»
ОСПЕ → Blatter ‘оспа’ → (пар.) Blätter ‘листья’ → смысл: «в черной листве ночью бульвары»²⁷⁶

(2) в стр. «Есть блуд труда и он у нас в крови» (вариант: «Есть блуд труда, как есть и блуд крови»)

(а) (=Y) БЛУД → (пар.) Blut ‘кровь’ → В КРОВИ²⁷⁷

(б) БЛУД → (пар.) blod ‘тупой, бессмысленный’ → смысл: «есть бессмысленный труд, и это нам свойственно»

* май–сентябрь 1931. Стих. «Еще далеко мне до патриарха...» [I, с. 178].

²⁷⁵ Здесь контаминация русск.-идиш паронимов и смыслов. О. Лифшиц дает для Y[dolene] русск. значение ‘дол’, см. [106, с. 73]. В свою очередь, В. Даль (известно, что Мандельштам широко пользовался словарем Даля) сообщает: «Дол, юж. зап. яма, ров, могила» и даже приводит слова песни: «Выкопайте дол глубокий, похороните мене у чужой стороне». Тем самым, в рассм. тексте ЗЕЛЕНАЯ ДОЛИНА = ‘зеленая могила’, что немедленно отсылает к «у кого зеленая могила» в «Ламарке». Ясно, что применение идишизма здесь высекает из широкого сем. спектра уместных в контексте «горного пейзажа» вост.-слав. слов с основной ДОЛ узкую коннотацию – ‘могила’.

²⁷⁶ Разумеется, здесь же второй смысл: «бульвары – в ночных черных оспинах (затемненных углублениях в земле, рывинах и т. п.). Но смысл с «посредником» Blatter – вероятнее, хотя бы потому, что ниже фонемный состав Blatter «проявляется» в сочетании БЛУД-ТРУДА и т. д.

²⁷⁷ Эта связь отмечена в работе [100]. Эта же связь – в стих. «Птицы» (пер. из М. Бартеля), 1925/26.

(1) в стр. «Еще меня ругают за глаза // На языке трамвайных перебранок, // В котором нет ни смысла, ни аза: // Такой-сякой! Ну что ж, я извиняюсь»

(а) **Yd** АЗА → Y[aza] ‘такой’ → ТАКОЙ-СЯКОЙ

(б) АЗА → старосл. [az] ‘я’ → Я (в последней строке)

Суммарно, АЗА суггестирует в последней строке смысл: «я – такой».

(2) в стр. «И страусовы перья арматуры // В начале стройки ленинских домов»

(а) **Fr** АРМАТУРЫ → (пар.) *armature* ‘муз. ключевые знаки: «фа» и «соль», ставящиеся всегда **в начале нотной строки**’ → (асс.) «в начале строки» → (пар.) В НАЧАЛЕ СТРОЙКИ

(б) **Fr** (= **G**) «строка» → *la ligne = die Linie* ‘строка’ → (пар.) ЛЕНИНСКИХ

В результате (а) и (б) генерируется: В НАЧАЛЕ СТРОЙКИ ЛЕНИНСКИХ...

(3) в стр. «И Тинторетто пестрому дивлюсь // За тысячу крикливых попугаев»

It ТИНТОРЕТТО → *tinto* ‘краска, крашение’, *tintoretto* ‘маленький красильщик’ (прозвище художника) → (асс.) *Robusti* (настоящее имя) → (эквиконс.) *RBST/RPST* ПЕСТРО-ому → (асс. + пар.) «пиастры, пиастры!» – крик попугая из известного Мандельштаму с детства стивенсоновского «Острова сокровищ» → (асс.) «деньги, плата ЗА зрелище **пиастрами** (криками о них) попугаев» → ЗА ТЫСЯЧУ КРИКЛИВЫХ ПОПУГАЕВ

* 6 июня 1931. Стих. «Отрывки уничтоженных стихов» [I, с. 180].

(1) в стр. «Захочешь пить – там есть вода такая // <...> Хорошая, колючая, сухая»

(=Y) ПИТЬ → *trinken* ‘пить’ → (пар.) *trocken* ‘сухой’ → СУХАЯ²⁷⁸

(2) в стр. «Покуда глаз – хрусталик кравчей птицы, // А не стекляшка!»

ГЛАЗ → (омоф.) *Glas* ‘стекло’ → СТЕКЛЯШКА

* 7 июня 1931. Стих. «Довольно кукситься!..» [I, с. 181].

²⁷⁸ Y-суггестия: Y[trinken] ‘пить’ → Y[trokene] ‘сухая’ здесь равновероятна.

- (1) в стр. «Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем! // Я нынче славным бесом обуян, // Как будто в корень голову шампунем // Мне вымыл парикмахер Франсуа. // Держу пари, что я еще не умер, // И, как жокей, ручаюсь головой, // Что я еще могу набедокурить // На рысистой дорожке беговой»
- (а) **Fr** ДОВОЛЬНО...! = barbe! → (пар.) barbier ‘парикмахер’ → ПАРИКМАХЕР
- (б) СЛАВНЫМ БЕСОМ ОБУЯН → “vom **Ehrenteufel** gepackt” → смысл: «**бесом славы** обуян»²⁷⁹
- (в) **Fr** barbier ‘парикмахер’ → (омоф.) Барбье²⁸⁰ → (асс.) стихи Огюста Барбье → (асс.) картинка революционного Парижа лета²⁸¹ 1830 г.
- (г) **Fr** ШАМПУНЕМ → (пар.) Champs-(Elysée) = «Елисейские поля» в Париже
- (д) **Fr** ПАРИ-КМАХЕР ФРАНСУА → (пар.) Paris [pari] = Париж, Франция
- (е) **Fr** ФРАНСУА → (мет. + асс.) **frisson nouveau**²⁸² ‘новый, неведомый трепет, дрожь’ → смысл: «я почувствовал дрожь от наступления чего-то нового, неведомого»²⁸³
- (ж) **Fr** ФРАН-СУА → (пар.) frein soit! ‘да будет узда!’ → (асс. → подтекст) «*Вся поэтика гражданской поэзии, искание узды – frein*»²⁸⁴ → смысл: «я ищу узду → я должен писать гражданские стихи!»

²⁷⁹ Стандартный для М-текста «германизм», основанный на посессивном смысле немецких «сложных» лексем (здесь «восстанавливается» слово типа Ehren-teufel). Ср. в другом месте «сонные казни» = «казни сна» → «воображаемые казни» (РД, гл. 2) и т. п.

²⁸⁰ А. Barbier – франц. поэт, стихи которого о революционном Париже лета 1830 года Мандельштам перевел в 1920-х гг.

²⁸¹ Имя Огюст (Август) – дает дополнительную ассоциацию с «летним Парижем». Ср. еще в стих. «Я молю, как жалости и милости» (1937): «Где бурлила, королей смывая, // Улица **июльская кривая**».

²⁸² “frisson nouveau” = «новый трепет» – известное высказывание Гюго в письме Бодлеру.

²⁸³ Ср. с написанным близко по времени в ПА (1931–1932): «я почувствовал **дрожь новизны**, как будто меня окликнули по имени», гл. «Москва» [II, с. 106].

²⁸⁴ «Вся поэтика гражданской поэзии, искание узды, frein» – пассаж из черновика к мандельштамовской статье «Заметки о Шенье» [72, т. 2, с. 281]. Тем самым, здесь Мандельштам «подтекстирует» свой собственный текст, как и в ряде других мест.

Вариант: ФРАН-СУА → (пар. + мет.) sans frein ‘без узды, без-удержный’ → (асс. → подтекст) «Вся поэтика гражданской поэзии, искание узды – frein» → смысл: «я освобождаюсь от узды, я должен писать гражданские стихи без узды»

(з)²⁸⁵ Fr ОБУЯН → (пар.) «Ан-ту-ан» → (пар.) âne ‘осёл’ → ОСЁЛ НА УХО НАСТУПИЛ!

(и) Fr ДЕРЖУ ПАРИ, ЧТО [париш-то] → (пар.) Paris [pari] = Париж

(к) Fr НАБЕДО-КУРИ-ТЬ → (пар.) courir ‘бежать’ → БЕГОВОЙ

(л) Fr БЕГОВОЙ → (асс.) «бега, скачки» = courses → (омогр. RSES) РЫСИС-ТОЙ²⁸⁶

(2) в стр. «Держу в уме, что нынче тридцать первый // Прекрасный год в черемухах цветет, // Что возмужали дождевые черви // И вся Москва на яликах плывет»

(а) Fr (=G) В ЧЕРЕМУХАХ → фр. bourdaine, putiet, putier²⁸⁷ ‘черемуха’, нем. falsche Faulbaum²⁸⁸ ‘черемуха’ → смысл: «1931 год – во лжи, фальши, гниении и т. п.»

(б) (<У) ЦВЕТЕТ → blüht ‘цветет’, Blüte ‘цвет (растений)’ → (пар.) Blut ‘кровь’ → смысл: «1931 год проходит во лжи, фальши, гниении, крови²⁸⁹»

(в) Fr ДОЖДЕВЫЕ → (асс.) «дождь» = pluie → (пар.) ПЛЫВЕ-Т

²⁸⁵ Эта французская интерференция в речи Мандельштама «просвечивает» в воспоминаниях С. Липкина о разговоре на Тверском бульваре летом 1932 г. Липкин предложил вместо «Обуян-Франсуа» более подходящую, на его взгляд, рифму «Обуян-Антуан». Реакция Мандельштама: «У него не только нет разума, у него нет и слуха! “Антуан-обуян!” Чуть! Осёл на ухо наступил!» [205, с. 391]. Здесь еще очень вероятна интерференция французской поговорки: → laver la tête d'un âne on perd sa lessive = ‘мыть голову ослу – потерянная стирка’.

²⁸⁶ Представляется, что здесь еще задействована фамилия Рысс (Рисс). Для рассмотрения этой гипотезы здесь нет места.

²⁸⁷ Эти франц. слова «паронимичны» словам bourde ‘враньё, обман’, pute ‘шлюха’.

²⁸⁸ Это нем. слово буквально означает «фальшивое, гнилое дерево». Этот «буквальный» смысл обыгрывается в ряде М-текстов, где участвует образ «черемухи».

²⁸⁹ Ср. тогда же написанное в «Отрывках из уничтоженных стихов»: «в Москве черемухи да телефоны, И казнями там имениты дни», «из раковин кухонных хлещет кровь». Существенно еще, что связь «цветение» ↔ «кровь» работает и в другом М-тексте, также связанном с Барбье: см. выше германские интерференции в переводе из Барбье, 1923 г. «Наполеоновская Франция».

- (г) **Arab (+Fr, +G)** ДОЖДЕВЫЕ ЧЕРВИ → (подт.) «три наблюдательных дождевика написали на песке число 6 три раза подряд <...> “Масих-аль-Деджаль”»²⁹⁰ → (пар.) Mosoch²⁹¹ + all ‘весь, вся’ + die Jolle ‘ялик’²⁹² → (пар.) ВСЯ МОСКВА НА ЯЛИКАХ → смысл: «в Москву пришел и захватил ее Антихрист = лже-Мессия и т. д.»
- (д) **Pol, Ukr** ЧЕРВИ → (пар.) czerwiec, **червень** ‘июнь’ → аллюзия на время написания текста (начало июня)
- (3) в стр. «Холодным шагом выйдем на дорожку – // Я сохранил дистанцию мою»
- (а)²⁹³ **Fr** Я СОХРАНИЛ ДИСТАНЦИЮ → garder ses distances ‘держаться на должном расстоянии, недопускать фамильярности’²⁹⁴
- (б) **Fr** СОХРАНИЛ (ДИСТАНЦИЮ) → garder (ses distances) → (эквиконс.) «ДоРоГа» → ДОРОЖКУ

* 12 июня 1931. Стих. «Фаэтонщик» [I, с. 183].

(1) в стр. «Чтоб вертелась каруселью // Кисло-сладкая земля...»
Yd КИСЛО-СЛАДКАЯ → Y[zeer-zis] ‘кисло-сладкая’ [104, с. 202] → [zeer-zis] → (метат. основ) [zis-zeer] → Y[es-iz-zis-zeer] ‘это – сладко-кислое’ → (русск. омоф.) [es-es-eser] = ‘СССР’. Тем самым, КИСЛО-СЛАДКАЯ ЗЕМЛЯ = ‘СССР’²⁹⁵

²⁹⁰ Это аллюзия на место в повести «Ка» В. Хлебникова, в котором «**дождевики**» («дождевые черви») замечают, как в воде **плавает** «лже-Мессия» (по-арабски: Масих-аль-Деджаль), он же Антихрист [203, с. 54]. Повесть была опубликована в 1930 г., и Мандельштам, безусловно, это издание внимательно читал.

²⁹¹ **Mosoch** (в Vulgata), он же **Мешех** сын Яфета в Быт. 10, 2 и Иез. 38, 3 – по распространенному мифу, предок «**моско-витов**».

²⁹² В рамках нашей реконструкции Мандельштам произносит нем. die Jolle «по-французски»: [di-žole]! Отметим, наконец, что арабский корень [DŽL] имеет семантику «обмана, фальши», что хорошо коррелирует с только что возникшим образом «черемухи».

²⁹³ Эта связь отмечена в книге Л. Видгофа «Статьи о Мандельштаме» (2010).

²⁹⁴ Ср. в записке жене (весна 1930): «**Разрыв** – богатство. Надо его **сохранить**».

²⁹⁵ См. ниже стих. «О эта Лена, эта Нора...» (1937). Косвенным подтверждением того, что здесь имеет место политический каламбур, является сообщение в [I, с. 519]: «эпитет [кисло-сладкая] долго не находился и был подсказан А. О. Моргулисом». Известно, что А. Моргулис был «постоянным партнером» Мандельштама по шуткам и анекдотам.

(2) в стр. «Там, в Нагорном Карабахе, // В хищном городе Шуше»
(+Y) КАРАБАХЕ → (эквиконс. K/G-RB-X/Š) raubgierig ‘хищ-
ный’ → ХИЩНОМ²⁹⁶

* 1931–1932. «Путешествие в Армению» [II, с. 100].

(1) в гл. «Севан», с. 101: «...скука отпечатала жирные поцелуи
на его румяных щеках»

(=Y) ПОЦЕЛУИ = Küssen → (пар.) Kissen ‘подушка, валик’ →
смысл: «пухлые подушечки на щеках»²⁹⁷

(2) в гл. «Севан», с. 102: «Я предпочитал их спокойное общество
и густые кофейные речи плоским разговорам молодежи...»

(=Y) ГУСТЫЕ → dicht ‘густой’ → (омоф. основы) Dicht- ‘фанта-
зия, выдумка, поэзия’ → смысл: «фантазийную и поэтическую
речь стариков предпочитал “плоским = неинформативным”
разговорам молодежи»

(3) в гл. «Севан», с. 103: «Непрочитанная газета загремела же-
стью в руках»

ЖЕСТЬЮ → (пар.) Vlech ‘жесть, чепуха, чушь’ → смысл: «газе-
та с ненужной чепухой»²⁹⁸

(4) в гл. «Севан», с. 104: «...за ее могучий язык, на котором мы
не достойны говорить, а должны лишь чураться в нашей не-
мощи – вода по-армянски – джур»

Arm ЧУР-АТЬСЯ → (пар.) ДЖУР²⁹⁹

(5) в гл. «Ашот Ованесьян», с. 106: «Черно-голубые, взбитые, с
выхвалю, пряди жестких волос...»

Yd (=Ukr) ВЫХВАЛЬЮ → (пар.) Y[xvale] (укр. хвиля) ‘волна’ →
смысл: «**волнистые** пряди»³⁰⁰

(6) в гл. «Москва», с. 106: «Синьяк трубил <...>. Он звал в ясные
лагеря <...> я почувствовал **дрожь новизны**»

²⁹⁶ В немецком произношении Мандельштама дифтонг [au] стягивался в [a] (см. 1.4.5.2) и raubgierig звучало: [rabgiriχ/rabkiriχ/rabkiriš]. Кроме того, здесь явная контаминация с идишизмами Y[royb-xaye], YL[reyb-xaye] ‘хищник’, Y[royb-xayıše] ‘хищный’.

²⁹⁷ Здесь равновероятна Y-связь: YP[kišn] ‘поцелуи’ → Y[kišn] ‘подушка’.

²⁹⁸ См. G-сугг. к «Четвертой прозе» (1929), гл. 15: «жестяной».

²⁹⁹ Эта же связь присутствует в стих. «Какая роскошь...», армянский цикл, 10 (I, стр. 165).

³⁰⁰ Ср. в стих. «Рождение улыбки» (1936/1937): «Под легкий наигрыш **хва-
лы...**».

- (а) **Fr** СИНЬЯК (Signac) → (пар.) ЯСНЫЕ
- (б) **Fr** ЛАГЕРЯ = campos ‘лагеря, каникулы, **свободное время-препровождение**’ → смысл: «звал к свободе, на свободу»
- (в) **Fr** ДРОЖЬ НОВИЗНЫ ↔ “frisson nouveau inconnu” ‘неведомый новый трепет’³⁰¹
- (7) в гл. «Москва», с. 110: «...есть в проводах зловеще-свадебное оживление»
- СВАДЕБНОЕ → Hochzeit ‘свадьба, праздник, торжество’ → смысл: «зловеще-торжественное оживление»
- (8) в гл. «Москва», с. 110: «...горением маков <...> негораемые полоротые мотыльки <...> в руках огонь...»
- (а) МАКОВ = Feuerblumen → Feuer ‘огонь’ → (асс.) ГОРЕНИЕМ, НЕГОРАЕМЫЕ, ОГОНЬ
- (б) (=Y) МОТЫЛЬКИ → Falter (=Y[flaterl] ‘мотылек’) → (эквив-конс. F/P-LTR) ПОЛОРОТЫЕ
- (9) в гл. «Москва», с. 114–115: «Растение <...> – посланник живой грозы <...> грозовое явление турнира <...> Фигуры шахмат растут <...> как волнушки-грибы»
- (а) Yd РАСТЕНИЕ³⁰² → Y[groz] ‘растение, трава’ → ГРОЗЫ
- (б) Yd ГРОЗОВОЕ → Y[groz] ‘растение, трава’ → РАСТУТ
- (10) в гл. «Сухум»: «...экономный маяк вращал бриллиантом Тэта. И как-то я видел пляску смерти – брачный танец фосфорических букашек»
- Yd ТЭТА → (пар.) YL[teyt] ‘смерть’ → СМЕРТИ³⁰³
- (11) в гл. «Французы»: «Тут я растягивал зрение и окунал глаза в широкую рюмку моря <...>. Я растягивал зрение, как лайковую перчатку, напяливал ее на колодку – на синий морской

³⁰¹ Это известное высказывание Гюго о Бодлере. Эта же связь в менее явном виде работает в стих. «Довольно кукситься...» (1931).

³⁰² Эта же связь присутствует ниже в пункте (б), в стих. «Век» (1922), в заметках <Вокруг «Путешествия в Армению»> (1931–32) и в стих. «К немецкой речи» (1932).

³⁰³ В [87] отмечается связь ТЭТА с немецким Tod ‘смерть’, но именно Y-суггестия представляется здесь фонетически очевидной. Интересен в этой связи комментарий А. Морозова к «бриллианту Тэта» [64, с. 295]: «Видимо, говорится об алмазах “Тойт” (или “Тю Тойт” – по названию рудника) – два крупных алмаза желтоватого цвета, найденных в южноафриканских копиях в 1871 и 1887 гг.». Дело в том, что [toy] – стандартная Y-фоника для Y-слова ‘смерть’, в то время как YL[teyt] – то же в литовско-курляндском диалекте Y.

околодок... Я быстро и хищно, с феодальной яростью осмот-
рел владения окоёма. Так опускают глаз в налитую всклянь
широкую рюмку...»

(<Y) ЗРЕНИЕ → Sehe ‘зрение, зрачок, око, глаз (в частн. зверя,
птицы – охотн. терм.)’³⁰⁴. Отсюда связи:

(а) Sehe → «глаз» → (пар.) Glas ‘рюмка’ → В РЮМКУ

(б) Sehe → (ом.) See ‘море’ → (В РЮМКУ) МОРЯ

(в) (=Fr) Sehe → «глаз» → (пар.) Glacé³⁰⁵ = ‘лайка (кожа)’ → ЛАЙ-
КОВУЮ ПЕРЧАТКУ³⁰⁶

(г) Sehe → «око» → (пар.) ОКУНАЛ, ОКОЛОДОК, ОКОЁМА

(д) Sehe → (ом.) See ‘море’ → СИНИЙ МОРСКОЙ (ОКОЛОДОК)

(е) Sehe → охотн. терм. → смысл: «ситуация (соколиной?) охо-
ты» → ХИЩНО, С ФЕОДАЛЬНОЙ ЯРОСТЬЮ ОСМОТРЕЛ
ВЛАДЕНИЯ (ОКОЁМА)

* 1931–1932. <Вокруг «Путешествия в Армению», записные
книжки 1931–1932 гг.> [II, с. 352].

(1) в гл. «Москва», с. 355: «Но еще в меньшей степени можно его
удовлетворить деревянными сырами нашей [кегельбанной]
доброкачественной литературы»

(а) СЫРАМИ → Käse [keze] ‘сыр, сыры, разг. чушь, чепуха’, käsen
[kezen] ‘молоть чушь’ → смысл: «чепухой, вздором нашей ли-
тературы»

(б) CONJ Одновременно: (Käse, käsen) → (пар.) «казенный» →
общий смысл: «его [читателя] нельзя удовлетворить **казен-
ной** чушью нашей литературы»

(в) CONJ ДЕРЕВЯННЫМИ → Holz ‘дерево, (разг.) кегли [111]’
→ «кегли» → КЕГЕЛЬБАНОЙ (ЛИТЕРАТУРЫ)

(2) в гл. «Москва»: «[Вряд ли эти люди были достойными носи-
телями труда – энергии, которая спасет нашу страну]»

³⁰⁴ См. [117, с. 1148], [111].

³⁰⁵ Фр. заимств. в немецком.

³⁰⁶ Эта G-сугг. отмечена в [87, с. 60]. Здесь конкурирует Y-сугг.: Y[glasey-
hentske] ‘лайковая перчатка, kid-glove [105, с. 146]’ → ЛАЙКОВУЮ ПЕРЧАТКУ.
Y-суггестия представляется более вероятной ввиду приведенных в «Шуме вре-
мени» детских воспоминаний о кабинете отца (где «рабочие» названия видов
кож наверняка звучали на Y в упоминающихся там же «еврейских деловых раз-
говорах» отца с еврейскими же коммерсантами): «...лапчатые шкурки лайки,
раскиданные на полу [II, с. 13]».

(=Y) НОСИТЕЛЯМИ (ТРУДА) ← Träger ‘носитель’³⁰⁷

(3) в гл. «Москва»: «Между клумбами был неприкосновенный воздух, свято принадлежавший небольшому жакту»

ВОЗДУХ → Luft ‘воздух; зазор, люфт [111]’ → смысл: «между клумбами бы зазор, неприкосновенное свободное пространство»³⁰⁸

(4) в гл. «Сухум», с. 359: «Как и всегда бывает в дороге, в центре внимания моего встал человек, приглянувшийся просто так – на здоровье <...>, он обстругал себя в талию, очинил, как карандаш, под головореза»

(а) ПРОСТО (ТАК) → (пар.) prosit ‘на здоровье!’ → НА ЗДОРОВЬЕ

(б) Fr ТАЛИЮ → taille ‘талиа, очинка карандашей, обрезывание’, tailler ‘чинить карандаш, обтесывать, **резать**’ → ОЧИНИЛ, КАК КАРАНДАШ, ПОД ГОЛОВО-РЕЗА

(5) в гл. «Сухум», с. 359: «Её наиграл для меня на рояле [непривычными] наглыми пальцами этнограф и горец – Ковач»

НАГЛЫМИ (ПАЛЬЦАМИ) → (пар.) Nagel ‘гвоздь, деревянный гвоздь’, nageln ‘вколачивать гвозди, гвоздить [117, с. 951]’ → смысл: «наиграл непривычными, “деревянными”, “вколачивающими гвозди”, “молотящими” пальцами»³⁰⁹

(б) в гл. «Сухум», с. 360: «Слава хитрой языческой свежести и шелестящему охотничьему языку – слава!»

(а) ХИТРОЙ → listig [listiš] ‘хитрый’ → (эквинокс. LSTŠ) ШЕЛЕСТЯЩ-ЕМУ

Очень вероятно также паронимическая связь:

(б) CONJ ХИТРОЙ → (син.) schlau [šlau, šla] ‘хитрый’ → (пар.)

³⁰⁷ Здесь русская калька со слова Kulturträger, «носитель культуры, культуртрегер». Идишизм Y[treger] ‘носитель’ здесь равновероятен.

³⁰⁸ Ср. в «Солдате»: «бороться за **воздух** прожиточный».

³⁰⁹ Ср. у А. Белого в «Крещеном китайце»: «...он – **гвоздобиец**; по клавише бить не умеет» [147, с. 584]. Словарь Павловского: Nagel = «нагель», деревянный гвоздь для обшивки судна [117, с. 951]. Словарь В. Даля: «нагель м. нем. в судостроении – деревянные болты, гвозди», «столяры зовут так деревянные гвозди». Но Энцикл. словарь «Брокгауз и Ефрон» дает: «нагель» = «костыль», большой металлический гвоздь/болт для крепления рельсов к шпалам». Мандельштам, который наверняка пользовался этими словарями, мог знать это слово, но представляется более вероятным, что здесь суггестируется общий германизм, а не R/G – технический термин.

СЛАВА (2 раза)³¹⁰

- (7) в гл. «Французы», с. 361–362: «Роскошные плотные сирени <...>, сложившиеся в грозную лепестковую массу...»
- (a) (=Y) ПЛОТНЫЕ → (эквиконс.) Blüten ‘цветки, соцветия’, Blatt ‘лепесток’ → СИРЕНИ (соцветия), ЛЕПЕСТКОВУЮ
- (б) Yd ГРОЗНУЮ³¹¹ → Y[groz] ‘растение, трава’ → смысл: «растительную, травяную массу»
- (8) в гл. «Французы», с. 361–362: «В основном – эта широкая сытая улица барского труда давала все то же движенье, – [камышечки-волны чуть-чуть подсиненных холстов <...>] [каменные] ленивые фронтоны дрожали, как холст, и обтекали светом»
- (a) (=Y) ШИРОКАЯ → breit (=Y[breyt]) ‘широкий’ → (эквиконс.) Arbeit (=Y[arbet]) ‘труд’ → ТРУДА
- (б) breit, Arbeit → (пар.) «брат-ский» → (метат. шутил.) БАРСКОГО
- (в) (=Y) ЛЕНИВЫЕ → (пар.) Leinwand (=Y[layvnt]) ‘холст’ → ХОЛСТОВ, ХОЛСТ
- (9) в гл. «Вокруг натуралистов» (с. 362–363): «Мы приближаемся к тайнам органической жизни. Ведь для взрослого человека самое трудное – это переход от мышления неорганического <...> к первообразу мышления органического».
- Н. Поллак [133, с. 16–17] видит в этом пассаже рефлекс выскazyвания Гете в «Italienische Reise»: «Ich glaube dem Wie der Organisation sehr nahe zu rücken». Точнее:
- (a) датив в dem Wie → датив в «К ТАЙНАМ»
- (б) Organisation → (пар.) ОРГАНИЧЕСКОЙ
- (10) в гл. «Вокруг натуралистов» (с. 362–363): «Ламарк выплал глаза в лупу»
- (=Y) ГЛАЗА → (пар.) Glas (= ‘стекло’) → «увеличительное стекло» → ЛУПУ
- (11) в гл. «Алагез» (с. 364): «Вместо кодака Гете прихватил с со-

³¹⁰ listig = [listiʃ] – «южное» и «рейнское» (в частности, гейдельбергское!) сибилантное произношение суффикса [-ig], характерное для немецкого произношения Мандельштама.

³¹¹ Эта же связь присутствует в стих. «Век» (1922), в «Путешествии в Армению» (1931–32), в стих. «К немецкой речи» (1932), «Эта область в темноводье» (1936), «Если б меня наши враги взяли» (1937).

бой в Италию краснощекого художника Книппа, который с биографической точностью копировал по его указанию примечательные ландшафты»

КНИППА → (пар.) knipp ‘щелк! (пальцами)’, Knips ‘щелчок, фотогр. снимок (действие)’ → (асс.) КОДАК-А (фотоапп.)³¹²

(12) в гл. <Читая Палласа>: «Сiju в почтовой карете с разумным и ласковым путешественником»

Yd (=Pol, =Ukr) С ЛАСКОВЫМ → Y[laske] → смысл: «с любезным путешественником»³¹³

(13) в гл. <Читая Палласа>: «...впряжены не гоголевские кони, а майские жуки. Не то муравьи её тащат...»

А МАЙСКИЕ → (пар.) Ameise ‘муравей’ → МУРАВЬИ

(14) в гл. <Читая Палласа> (с. 366): «И Пармская могила Стендаля для определенного разряда читателей воняет тухлым прованским маслом [На днях я перечел [Пармский монастырь] монахиню Стендаля и готов приписать запах тухлого прованского масла из парижских театральных ресторанов]»

(а) Fr (+G) СТЕНДАЛЯ = Stendhal ↔ (пар.) Stank ‘нем. вонь’ + (пар.) d’öl ‘фр. растительного масла’ → ВОНЯЕТ ТУХЛЫМ ПРОВАНСКИМ МАСЛОМ

(б) Fr chartreuse = ‘монастырь, монахиня’ ↔ МОНАСТЫРЬ, МОНАХИНЮ³¹⁴

* февраль – 14 мая 1932. Стих. «О, как мы любим лицемерить...» [I, с. 185].

(1) в стр. «О, как мы любим лицемерить // И забываем без труда, // То, что мы в детстве ближе к смерти, // Чем в наши зрелые года. // <...> А мне уж не на кого дуться // <...> И дорог мне свободный выбор»

Yd МЫ → Y[mir] ‘мы, мне’ → лицеМЕРить, сМЕРти, МНЕ³¹⁵

(2) в стр. «О, как мы любим лицемерить // <...> Еще обиду тянет с блюда // <...> И я один на всех путях»

³¹² Ср. в (тогда же написанных) М-текстах «Отрывки уничтоженных стихов» [I, с. 181]: «Не разбирайся, щелкай, милый кодак...».

³¹³ См. интерференции в «Переводах старо-франц. эпоса» (1921/22).

³¹⁴ Здесь в М-тексте реализуется двойное значение фр. слова chartreuse: ‘монастырь’ и ‘монахиня’.

³¹⁵ См. выше идишизмы в стих. «Зверинец» (1916).

- (а) ЛИЦЕМЕРИТЬ → Gleise ‘лицемерие’ → (ом.) Gleise ‘(жел.-дор.) пути’ → (НА) ПУТЯХ
(б) (=Y) ОБИДУ → beleidigt (=Y[baleydikt]) ‘обиженный’ → (парон. основы) (С) БЛЮД-ЦА [bl’ud-tsa]
-

* май 1932. Стих. «Там, где купальни, бумагопрядильни...» [I, с. 185].

В стр. «Вода на булавках и воздух нежнее // лягушиной кожи воздушных шаров»

(=Y) (НА БУЛ)АВКАХ → (эквиконс. NBL) Ballon (= Y[balon]) ‘воздушный шар’ → ВОЗДУШНЫХ ШАРОВ

* 7–9 мая 1932. Стих. «Ламарк» [I, с. 186].

(1) в стр. «Если все живое лишь помарка // За короткий выморочный день, // На подвижной лестнице Ламарка // <...> И продольный мозг она вложила, // <...> И подъемный мост она забыла»

(а) (>Y) (ПОМАРКА, ВЫМОРОЧНЫЙ, ЛАМАРКА) → (пар.) Mark ‘спинной, продольный мозг’ → ПРОДОЛЬНЫЙ МОЗГ

(б) (>Y) ПРОДОЛЬНЫЙ МОЗГ → Mark = (син.) Rückenmark → (пар.) Brücke ‘мост’ → МОСТ

(2) в стр. «С наливными рюмочками глаз»

ГЛАЗ → (пар.) Glas ‘рюмка’ → РЮМОЧКАМИ

* 22 мая 1932. Стих. «Новеллино» [72, т. 3, с. 316].

(1) в стр. «В своей зеленой вере»

It (>**Fr**) ЗЕЛЕНОЙ → verde ‘зеленый’ → (пар.) ВЕРЕ³¹⁶

(2) в стр. «И нет рассказчика для жен // В порочных длинных платьях»

(=**Fr**) ПОРОЧНЫХ → (пар.) барочных → (пар.) baroque (фр. baroque)³¹⁷ ‘причудливый, вычурный, странный’ → (второй)

³¹⁶ Эта связь отмечена Вяч. Вс. Ивановым в работе 2000 г.

³¹⁷ Ср. нем. Er hat einen barocken Geschmack = «у него странный вкус». Здесь равновероятен галлицизм **baroque** (из которого, на самом деле, происходит нем. **barock**) с тем же семант. спектром. То, что здесь явная аллюзия на «барочность», подтверждает следующая строка этого стиха: «Что проводили дни как сон» – это одна из распространенных «формул барокко» – например, известная пьеса П. Кальдерона «Жизнь есть сон».

смысл: «в причудливых, странных платьях»

* май 1932. Стих. «Дайте Тютчеву стрекозу...» [I, с. 189, вар. с. 399, 522].

(1) в стр. «Дайте Тютчеву стрекозу»

СТРЕКОЗУ → ³¹⁸Wasserjungfer 'стрекоза, водяная дева' → смысл: «дайте Тютчеву девушку»³¹⁹

(2) в стр. «Веневитинову – розу. // Ну, а перстень – никому»

Fr ПЕРСТЕНЬ → anneau 'перстень' → (пар.) Аннен-ский → (асс.) «Ник. Т-о»³²⁰ → НИКОМУ

(3) в стр. (вар.) «Пятна жирно-нефтяные // Не просохли в купках лип // Как наряды тафтяные // Прячут листья шелка скрип»

(a) (=Y) fetten 'жирные' (=Y[fetn]) → (эквиконс. «по модулю» фрикативных/смычных) ПяТНа, НеФТяНые, таФТяНые

(б) (=Y) одновременно с (a): fetten 'жирные' → ЖИРНО (-НЕФТЯНЫЕ)³²¹

(4) в стр. «Боратынского подошвы // Раздражают [вар.: возмутили, изумили] прах веков, // У него без всякой прошвы // Наволочки облаков»

(a) ПОДОШВЫ = Sohlen 'подошвы, (разг.) ложь, враки' → смысл: «враки Боратынского раздражают (возмущают, изумляют)»

(б) БОРАТЫНСКОГО → (эквиконс.) (borstig 'резко, раздражительно, невероятно, Bitternis 'горечь, огорчение') → РАЗДРАЖАЮТ [ВОЗМУЩАЮТ, ИЗУМИЛИ]

(в) (=Y) ОБЛАКОВ → Wolken 'облака' → (эквиконс. VLKN) НАВОЛОЧКИ

(5) в стр. «А еще над нами волен // Лермонтов, мучитель наш, // И всегда одышкой болен // Фета жирный карандаш»

(a) **Lat** (=Fr) ВОЛЕН → (пар.) vole-t (фр. vole) '(пусть) летает' →

³¹⁸ Присутствие этой немецкой интерференции подкрепляется явным отождествлением «стрекозущей стрекозы» и «водяной девы» в другом стихотворении Мандельштама, см. «Какая роскошь в нищенском селеенье...».

³¹⁹ Зачем здесь Тютчеву «девушка» – объект для «догадайся, почему». Достаточно вероятно, что это юморной намёк на известную «старческую любовь» Тютчева к Е. Денисовой и к другим девушкам и т. п.

³²⁰ **Ник. Т-о** – псевдоним И. Анненского в его первой книге «Тихие песни», 1904.

³²¹ См. п. (3) – (в), «Фета жирный...».

смысл: «над нами летает»³²²

- (б) (>Y) ЛЕРМОНТОВ → (эквинокс. LRMNT-B/V) Marterleben³²³
'мученическая, исполненная страданий жизнь' → (martern
'мучить' + Marterer 'мучитель' + Märtyrer 'мученик') → МУ-
ЧИТЕЛЬ³²⁴

Здесь, по-видимому, контаминация с еще одной G/Y-суггестией:

- (в) (=Y) ЛЕР-МОН-ТОВ → (част. пар.) Lehrer (=Y[lerer]),
*Lehrmann 'учитель' → «учитель» → (acc.) МУЧИТЕЛЬ³²⁵
- (г) **Fr** (=It) ЛЕРМОНТОВ → (пар.) фр. le mentor 'наставник,
учитель', le martyr 'мученик', le tourmenteur 'мучитель'; ит. li
martiri 'мученики (в Inferno, песни X)'³²⁶, le martoro 'мучение,
орудие пытки' → МУЧИТЕЛЬ + (acc.) «учитель»
- (д) (=Y) ФЕТА → (пар.) fett 'жирный' → ЖИРНЫЙ³²⁷

³²² У фр. vole один из смыслов 'гонится (за нами), как хищная птица'. Здесь, конечно, просвечивает отрывок из статьи Мандельштама «Слово и культура»: «Серебряная труба Катулла: Ad claras Asiae volemus [conjunct. hortat. ot volare = «давайте полетим». – Л. Г.] urbes – мучит и тревожит сильнее, чем любая футуристическая загадка». Еще одна фр.-русс. пароним. связь, подтверждающая этот смысл: ЛЕРМОНТОВ → (пар.) le tournant '(голубь) турман' → смысл «как турман, летает над нами».

³²³ Реальность подобных консонантных «подстановок» («по модулю» сонорных R/L и назальных M/N) у Мандельштама демонстрируется практически такой же (но очевидной) подстановкой в статье «Литературная Москва» [II, с. 278]: «...а "Декамерон" [DKMRN] дружит с календарем [KNDRM+L]...».

³²⁴ В ю.-нем. диалекте слово Marterer = 'мученик'. Скорее всего, Мандельштам здесь подразумевает как «мученическую жизнь», так и «мучительство» Лермонтова. Идишизм Y[matern] 'мучить' здесь менее вероятен.

³²⁵ Ср. в «Голубые глаза...» (1934), про А. Белого: «Бирюзовый учитель, мучитель, властитель [НАД НАМИ ВОЛЕН. – Л. Г.], дурак!» Связь с нем. Lehrer отмечена в [120]; связь с Lehrmann представляется более вероятной (более сильная паронимия). Заметим, что слово *Lehrmann отсутствует в «стандартном» G, но встречается у Мандельштама в качестве немецко-еврейской фамилии «Леерман» в «Молодости Гете» [72, т. 3, с. 287].

³²⁶ Ср. явно семантически нагруженное соседство слов «мученики» (li martiri) и «учитель» в переводной цитате из Данта во РД, гл. 2: «...Теперь мы вступили на узкую тропу между стеной скалы и мучениками – учитель мой и я у него за плечами...» [II, с. 219]. Этот пассаж, очевидно, в какой-то период присутствовал в «оперативной памяти» Мандельштама.

³²⁷ Эта G-суггестия впервые отмечена в [100]. Идишизм Y[fet] 'жирный' здесь равновероятен.

* 4 июля. 1932. Стих. «Сядь, Державин, развалился...» (Стихи о русской поэзии, 1) [I, с. 190].

В стр. «И татарского кумыса // Твой початок не прокис»

Yd (=Pol, =Ukr) ПОЧАТОК = Y[počatek] 'beginning, reproof [105, с. 357]' → смысл 1: «твоя начатая бутылка кумыса»; смысл 2: «Твое начало, твоя основа»; смысл 3: «твое порицание, упрек»³²⁸.

* 4 июля 1932. Стих. «Стихи о русской поэзии, 2» (вар.) [I, с. 523].

В стр. «И в сапожках мягких ката // Выступают облака»

(а) (=Y) КАТА → Kater (=Y[koter]) 'кот' → образ «Кота в сапогах» → (В САПОЖКАХ + ВЫСТУПАЕТ)

(б) **Yd** (=Pol, =Ukr) КАТА ← Y[kat] 'палач, executioner' [107, с. 356]³²⁹

* 3–7 июля 1932. Стих. «Стихи о русской поэзии, 3» [I, с. 191].

В этом тексте – замечательная G/Y-игра:

(1) в стр. «Полюбил я лес прекрасный, // Смешанный, где козырь – дуб»

(а) (G+Y) ДУБ → Eiche 'дуб' → Eichel (= Y[euxl]) 'желудь' → (ом.) Eichel 'жёлуди, трёфы (масть), [117]' = (син.) Treff (= Y[treff]) 'трёфы (масть)' → (ом.) Y[treyf] 'трёфной, негодный, незаконный' → смысл: «козыри – трёфные трёфы, нечистые, крапленые»³³⁰

(б) ПРЕКРАСНЫЙ = trefflich 'прекрасный [117]' → (пар.) «трёфные трёфы», см. пункт (а).

(2) в стр. «В иглах – ёж-черноголуб»

В ИГЛАХ → (пар.) Igel 'ёж' → ЁЖ-ЧЕРНОГОЛУБ

(3) в стр. «Тычут шпагами шишиги»

³²⁸ Y[počatek] происходит, скорее всего, из польск. rozczatek 'начало' и вошло сначала в УР. Вызывающая удивление коннотация «упрека» есть только в идише. Это слово присутствует и в русском. В. Даль: «Початая вещь, нецельная, более половины: початок; менее: остаток. Початок пирога».

³²⁹ Слово КАТ = 'палач' (с неясной этимологией) есть, кроме идиша, украинского и польского и в южно-зап. русских диалектах (В. Даль), и непонятно, кто у кого его заимствовал. Фасмер [115] считает, что «кат» пришел в польский из баварского диалектного Kat(e).

³³⁰ Ср. дальше в этом стих.: ХРАП КОНЯ И КРАП КОЛОДЫ.

- Yd** ШПАГАМИ ← Y[špog] = Y[eyxl] = Y[tref] ‘трефы (масть)³³¹
(3) в стр. «Там фисташковые молкнут // Голоса на молоке, // <...>
Там живет народец мелкий...»
(а) НА МОЛОКЕ → Melk ‘молоко’ → (пар.) «мелкий» → смысл:
«молкнут мелкие голоса»
(б) НА МОЛОКЕ → Melk → «мелкий» → НАРОДЕЦ МЕЛКИЙ
→ «народец молочный» → ³³²«евреи»
(4) в стр. «Там живет народец мелкий – // В желудевых шапках
все – // И белок кровавый белки // Крутят в страшном колесе»
(а) (<Y) В <...> КОЛЕСЕ → in Rad (=Y[in-rod]) ‘в колесе³³³ →
(эквиконс.) НАРОДЕЦ → смысл: «народ крутят в кровавом
колесе»
(б) БЕЛКИ → Eichhorn, Eichhornchen → «дубовый рожок» →
В ЖЕЛУДЕВЫХ ШАПКАХ³³⁴
(в) **Yd** БЕЛКИ → Y[veverka] ‘белка’ → (эквиконс. VVRK) КРО-
ВАВЫЙ
(б) БЕЛОК → (пар.) Y[beylok] ‘бейлок³³⁵ – назв. блюда, Y[beylek]
‘белое мясо [104, с. 258]’ → смысл: «кровавое мясо крутят в
колесе»

³³¹ См. [104, с. 587]. Здесь работает уже третий Y-синоним для карточного термина ‘трефы (масть)’.

³³² Эта связь очевидна из явной «еврейскости» всей этой строфы: «желудёвые шапки», «белок» и т. д. Но похоже, что у Мандельштама вообще просвечивает устойчивая связь концептов: «евреи» ← → «молочность»: может быть, здесь работают какие-то устойчивые детские ассоциации – представляется релевантным упоминание им «**постылого мелового молока полуреальности**» (в письме к М. Шагинян от 05.04.33). Об этой же связи пишет Г. Фрейдин в статье «Сидели два нищих...» (Знамя, 2015 №5), объясняя это воздействием образа шолом-алейхемовского молочника «Тевье с его **молочным еврейским гуманизмом** (milkhiker – на идише – и молочник и *мякотельный, рохль*)». Психология этого «молочника», по мнению Фрейдина, отражает «характерный для европейских евреев отказ от насилия». Что-то мне подсказывает, что «европейские евреи» тт. Блюмкин, Ягода и Агранов (да и сам Мандельштам!) вряд ли согласились бы с этим утверждением.

³³³ В Y существует фразеологизм «как белка в колесе»: [vi-a-veverka-in-rod], см. напр. [104, с. 40]. В нем. яз. он отсутствует.

³³⁴ Тем самым, этот «мелкий народец» – белки, которых (или которые!) потом «крутят в колесе».

³³⁵ Блюдо ашкеназской кухни из белого куриного мяса, моркови, лука и т. п. В процессе приготовления все ингредиенты **прокручивают** в мясорубке. Расцветка продукта – бело-розовая.

* 8 авг. 1932. Стих. «Христиан Клейст» [I, с. 307, вар. с. 584].

(1) в стр. «Слагались гимны, кони гарцевали // И перед битвой радовались вместе»

(=Y) ГАРЦЕВАЛИ → (пар.) herzen-froh (sein) 'радоваться' → РАДОВАЛИСЬ

(2) в стр. «Он в бой сошел и умер так же складно, // Как пел рябину с кружкой мозельвейна»

(a) (=Y) БОЙ ← Krieg 'бой, война' → (пар.) Krug³³⁶ (pl. Krüge) 'кружка, кабачок (погребок)' → С КРУЖКОЙ, В ПОГРЕБОК³³⁷

(б) РЕВЕН³³⁸ 'лозы, виноград' → (пар.) РЯБИНУ

* авг. 1932. Стих. «К немецкой речи» [I, с. 192, вар. с. 399].

(1) в стр. «Почувствуй ж серьезности и чести»

(>Y) СЕРЬЕЗНОСТИ → Ernst 'серьезность' → (пар.) Ehre 'честь' → ЧЕСТИ³³⁹

(2) в стр. «Поэзия, тебе полезны грозы! // Я вспоминаю немца-офицера...»

(a) Yd ГРОЗЫ³⁴⁰ ↔ Y[groz] 'трава, растение' → (второй) смысл: «тебе полезны травы, растения...»³⁴¹

(б) Yd ГРОЗЫ³⁴² ↔ Y[groz] 'трава, растение' → «растение, рост» → (асс.) «узнавание, вспоминание» → (асс.)³⁴³ ВСПОМИНАЮ

(3) в стр. «Сбежали в гроб ступеньками, без страха, // Как в по-

³³⁶ YP[krig] 'бой, война, (ом.) кувшин, кружка' здесь фонетически точнее.

³³⁷ В ПОГРЕБОК – вариант в стих. «К немецкой речи», см. ниже.

³³⁸ Слово из авторского эпиграфа к этому стих. (цитаты из Э. Клейста): «Und es wird der Saft der Reben...».

³³⁹ Y-суггестия: Y[ernst] 'серьезность' → Y[ere] 'честь' здесь возможна, но «чисто немецкий» контекст первых строф делает её менее вероятной.

³⁴⁰ Эта же связь в стих. «Век» (1922) и в заметках <Вокруг «Путешествия в Армению»> (1931-32).

³⁴¹ Например, те полезные «ночные травы», которые Мандельштам собирал «для племени чужого». Существенно, что далее в этой строфе «растительные» образы: «цеплялись розы» и «была Церера» (Церера – богиня растительности).

³⁴² Эта же связь в стих. «Век» (1922) и в заметках <Вокруг «Путешествия в Армению»> (1931-32).

³⁴³ Здесь дело в том, что ситуация «вспоминания = узнавания» у Мандельштама связана с концептом «роста». Ср. в «Путешествии в Армению»: «...ведь процесс **узнавания**, увенчанный **победой усилия памяти** [т. е. вспоминанием. – Л. Г.], удивительно схож с феноменом **роста**» [II, с. 115].

гребок за кружкой мозельвейна»

(а) (=Y) ГРОБ \leftrightarrow Grube 'яма' \rightarrow могила' \rightarrow поГРЕБок \rightarrow смысл:
«сбегать в **МОГИЛУ**, а не непосредственно в гроб»³⁴⁴

(б) (<Y) СТУПЕНЬКАМИ \rightarrow Treppе 'лестница' \rightarrow (пар.) «трепет»
 \rightarrow (БЕЗ) СТРАХА³⁴⁵

(4) в стр. «Я буквой был, был виноградной строчкой, // Я книгой
был, которая вам снится»

(=Y) БУКВОЙ \rightarrow Buchstabe 'буква' \rightarrow Buch 'книга' \rightarrow КНИГОЙ

(5) в стр. (вар.) «Плющом войны завешан Старый Рейн. // И я
стою в беседке виноградной // Так высоко, весь будущим про-
реян»

РЕЙН \rightarrow (пар. основы) ПРОРЕЯН

(6) в стр. (вар.) «Так я стою и нет со мною сладу»

Я СТОЮ \rightarrow Ich stehe 'я стою' \rightarrow смысл: «так я отношусь к этому,
в таком состоянии я пребываю»³⁴⁶

(7) в стр. «Бог Нахтигаль, дай мне судьбу Пилада [вар.: «дай мне
твои рулады»] // Иль вырви мне язык – он мне не нужен. //
Бог Нахтигаль, меня еще вербуют // <...> Звук сузился, сло-
ва шипят, бунтуют, // Но ты живешь, и я с тобой спокоен»

(БОГ) НАХТИГАЛЬ \rightarrow Nachtigall 'соловей' \rightarrow (пар.) «слово» \rightarrow
«бог слова / божеств. слово» \rightarrow (1) СЛОВА³⁴⁷, (2) смысл: «дай

³⁴⁴ Ср. выражение "in die Grube fahren" = 'сойти в могилу'. Здесь еще один пример контаминации Y и G-суггестий. Немецкое Grube 'яма', казалось бы, больше подходит к общему «немецкому» смыслу текста. Но Y-суггестия – YP [grub/grib] 'яма, могила' – точнее семантически, в YP, в отличие от G[grub/grib] – одно из двух слов для понятия 'могила'. «Эквиконсонантная» связь: YP[grub/grib] \rightarrow «могила», «гриб», «бугор», «гора» становится в некоторый момент устойчивой у Мандельштама. См. напр. стих. «Дикая кошка – армянская речь...» (1930) и стих. <Ода> (1937).

³⁴⁵ Немецкое Treppе = только 'лестница', Y[trep/trepl] = 'лестница, ступенька'. Поэтому идишизм здесь семантически точнее.

³⁴⁶ stehen 'пребывать', stehen zu 'относиться к'. Wie stehe Ich zu... = Как я отношусь к...

³⁴⁷ Эту G-суггестию рассмотрел О. Ронен в статье «Осип Мандельштам» [2, с. 535]. Там же он высказал гипотезу, что «Бог Нахтигаль» – это аллюзия на стих. «Im Anfang war die Nachtigall» Г. Гейне, являющееся парафразой евангелического: «В начале было слово...». Сформулируем более точно: в «текстуальном пространстве» Мандельштама отрезок **немецкого** текста «Im Anfang war die Nachtigall» «отображается» в отрезок **русского** (евангелического) текста «В начале было слово, и слово было Бог», и именно из этого отображения возникает образ «Бог Нахтигаль»!

мне выполнить функцию Пилада с помощью **слов, языка**»

* 4–6 мая 1933. Стих. «Ариост» [I, с. 194].

В стр. «В одно широкое и братское лазорье»

(=Y) ШИРОКОЕ → breit ‘широкое’ → (пар.) БРАТ-СКОЕ³⁴⁸

* май 1933. Стих. «Не искушай чужих наречий...» [I, с. 196].

В стр. «Ведь все равно ты не сумеешь стекло зубами укусить»

(=Y) СТЕКЛО → Glas ‘стекло’ → (пар.) → «глаз» → (подтекст) «ЗУБЫ ЗРЕНИЯ» [II, с. 126] → ЗУБАМИ УКУСИТЬ → смысл: «тебе не дано увидеть через стекло...»

* май–июль 1933. Стих. «Холодная весна. Бесхлебный робкий Крым» [9, с. 117]

(1) в стр. «Холодная весна. Бесхлебный робкий Крым, // Как был при Врангеле, такой же виноватый. // Колючки на земле, на рублищах заплаты»

Yd РОБкий → Y[rob/rub] ‘ворон, вран’ → ВРАНгеле → РУБищах³⁴⁹

(2) в стр. «Пасхальной глупостью украшенный миндаль»

(а) **Yd** ГЛУПОС-ТЮЮ → Y[nariškait] ‘глупость’ → (эквиконс. NRŠK+T) УКРАШЕННЫЙ: (KRŠN) + T(конс. исход слова «глупостью»).

(б) **Yd** ПАСХАЛЬНОЙ ГЛУПОСТЬЮ, МИНДАЛЬ → Y[tam] ‘глупый’ + Y[mandl] ‘миндаль’ → «МАНДЕЛЬШТАМ»³⁵⁰

³⁴⁸ Отметим, что стяжение дифтонга [brayt/breyt] → [brat] характерно для «польского» диалекта идиша.

³⁴⁹ См. также идишизмы ниже в стих. «Как подарок запоздалый...» (1936).

³⁵⁰ Здесь дело в том, что в иудейском пасхальном ритуале слово [tam] – одно из знаковых и очень запоминающихся детям. Оно означает на иврите ‘простак, наивный’ и является в пасхальном ритуале названием одного из четырех «типов» сыновей, а именно, того, который плохо разбирается в происходящем, но искренне хочет разобраться. В идише же этот гебраизм приобрел дополнительные резкие коннотации ‘глупый, moron, half-wit’ [107, с. 418]. Следует отметить, что в суггестивной связи: ГЛУПОСТЬЮ УКРАШЕННЫЙ МИНДАЛЬ ↔ «Мандельштам» – слово ГЛУПОСТЬЮ может быть суггестировано второй частью основы фамилии: Y[štum] = ‘тупой, глупый’. Я даже выскажу предположение, что, наряду с шуткой И. Сельвинского «мандельштамп» (которую, по свидетельствам, с удовольствием цитировал сам Мандельштам), существовала в

(3) в стр. « На войлочной земле голодные крестьяне // Калитку стерегут, не трогая кольца»
(НА) ВОЙЛОЧНОЙ → filzig 'войлочный, (ом.) скупой, скаредный' → смысл: «на скаредной земле крестьяне стерегут калитку (ождая подаяния)»

* Лето 1933, Крым. Устный дискурс Мандельштама, частично зафиксированный в [9, с. 151]: шутивая аллюзия на «голландизм» в поэме (переводе) В. Жуковского «Две были и еще одна». (<Y) КАННИФЕРШТАНД = kein Verstand (= YP[kan-farštand]) 'нет понимания'³⁵¹

* 1933. Очерк «Разговор о Данте» [II, с. 214].
(1) в гл. II: «Здесь беспримесное настоящее взято как чуранье <...> “Комедии”, взятой как течение, как поток...» (с. 220, 224).
(=Y) ВЗЯТО КАК, ВЗЯТОЙ КАК = (an)genommen wie (= Y[on-genumen]) 'взято, рассматривается как' → смысл: «понимается как..., понимаемой, рассматриваемой как...»³⁵²

ограниченном кругу и шутка «мандельштумп». К тому же, здесь имеет место явный ассонанс: глУпостью – Украшенный – [štUm]. Скорее же всего, как это часто происходит у Мандельштама, работали оба суггест. варианта **одновременно**. В завершение, отметим, что в австрийском немецком Mandl = 'пугало огородное'.

³⁵¹ В очерке «Феодосия» [II, с. 50] это же «имя» Мандельштам записывает без «д» и с одним «н»: «легендарному Каниферштану». В тексте Жуковского этот голландизм выглядит как «канниферштан» и означает букв. 'не могу понять', где [ferštan] = голл. глагольный инфинитив. Но Мандельштам со своим G/Y субстратом «слышит» в конце этого слова [d] и воспринимает его как общее для G и Y существительное [verštand/varštand] со значением 'понимание'. Однако это значение является основным для рассм. слова именно в идише ([varštand] = 'understanding, judgement', см. [107, с. 468]), в то время как в станд. немецком VERSTAND = 'разум, интеллект', а значение 'смысл, понимание' – маргинально [111, стр. 532]. Это является аргументом в пользу того, что здесь – идишизм. Предыдущее же слово Мандельштам воспринимает как общее для G и для Y слово [kaun/keun] = 'отсутствие, никакой', причем слышит его в YP-варианте [kan]. Гласный [a] в этом слове четко относит его именно к польскому диалекту Y.

³⁵² Это, вообще говоря, «германизм», распространенный в начале XX в. в русской «академической» речи. То же выражение в статье Мандельштама <Литературный стиль Дарвина> [II, с. 368]: «Естественно-научные труды Дарвина, **взятые как** литературное целое...».

- (2) в гл. II (с. 222): «...неуравновешенности, нашедшей себе выход в сонных казнях, в воображаемых встречах...»
 (=Y) СОННЫХ КАЗНЯХ → “Traumstrafe, Traumhinrichtung”
 (=Y[troumhinrixitunk]) ‘казнь в сновидении, в галлюцинации, воображаемая казнь’ → смысл: «воображаемая казнь»³⁵³
- (3) в гл. V (с. 234): «...изучить её [геолог. породы] вкрапленность, её дымчатость, её глазастость, чтобы оценить её как <...> горный хрусталь»
 (=Y) ГЛАЗАСТОСТЬ → (пар. основы) Glas ‘стекло’ → смысл: «изучить её стекловидность»³⁵⁴
- (4) в гл. VI (с. 236): «К библейской генетике добавили физику Аристотеля. <...> Огромная взрывчатая сила Книги Бытия – идея спонтанного генезиса...».
- (а) КНИГИ БЫТИЯ = Genesis [genezis] → (ом.) ГЕНЕЗИСА
 (б) Genesis [genezis] → (пар.) (БИБЛЕЙСКОЙ) ГЕНЕТИКЕ³⁵⁵
- (5) в гл. VI (с. 238): «...ее голубит догмат, канон, твердое златоустово слово. <...> в той грандиозной музыке доверчивости, доверия, тончайших, как альпийская радуга, нюансах вероятности и уверованья, которыми распоряжается Дант»
 ГОЛУБИТ → (эквиконс. [ГЛБ]) glaub- ‘вера’ → ДО-ВЕРЧИВОСТИ, ДО-ВЕРИЯ, ВЕРО-ЯТНОСТИ, У-ВЕРОВАНЬЯ

* <1933> шут. «Сонет» [I, с. 359].

- (1) в стр. «Затем, что ей людей не надо ныне, // А Лев – дитя – небесной манной жив»
 (а) (=Y) ЛЮДЕЙ → Mann ‘человек, мужчина’ (=Y[man]) → смысл: «ей мужчин не надо ныне»,
 (б) одновременно: Mann → (пар.) МАННОЙ
- (2) в стр. «А между тем Мария так нежна, // Её любовь так, боже мой, блажна, // Ее пустыня так бедна песками»

³⁵³ Это пример «проекции» немецкой структуры «сложного слова» в русское словосочетание (здесь «сонные казни») с изменением стандартной русской семантики этого сочетания. Ср. еще «славным бесом» в стих. «Довольно кукситься...» (1931).

³⁵⁴ Идишизм Y[gloz/gluz] = ‘стекло’ здесь равновероятен.

³⁵⁵ Случай (б) отмечен в [34, с. 852]: «библейская генетика – от “Genesis”, названия Книги Бытия», но без указания, что для выявления «пароним. суггестий» (а) и (б) существенно именно НЕМЕЦКОЕ (а не латинское, французское и т. д.) звучание слова Genesis.

CONJ Здесь паронимическая G/R игра:

- (а) (ЕЁ) ПУСТЫНЯ → Wüste ‘пустыня’ → Wust ‘беспорядок’, wüst ‘беспорядочный, беспутный, распутный’ → wüste Liebe ‘беспутная, беспорядочная любовь’ ↔ ЛЮБОВЬ БЛАЖНА(я) (В. Даль: блажной = полоумный, бестолковый) → смысл: «(её) беспорядочная/беспутная любовь...»³⁵⁶
- (б) (ПУСТЫНЯ) БЕДНА ПЕСКАМИ → arme an Sande ‘бедная песками’ → (пар.) arme an Sünde ‘бедная грехом’
- (в) одновременно: МАРИЯ → (конс. метат.) arme ‘бедна(я)’
Тем самым получается **общий насмешливый смысл**: «её (Марии) беспорядочная любовь так бедна грехом, что...»

* ноябрь 1933. Стих. «Мы живем, под собою не чуя страны...» [I, с. 197].

(1) в стр. «Мы живем под собою не чуя страны...»

Yd МЫ → Y[mir] ‘мы’ → (ом.) mir → смысл: «вся наша ойкумена живет под собою не чуя страны» и т. д.

(2) в стр. «Он один лишь бабачит и тычет»

It БАБАЧИТ → итал. разг. babbo ‘папа, отец’ → (пар.) «Папа» → смысл: «играет в римского Папу, подражает всевластному и непогрешимому Папе»

(3) в стр. «И широкая грудь осетина»

Yd ОСЕТИНА → (мет. пар.) Y[sotn] ‘сатана’ → общий смысл строки: «в стране правит и вершит казни сатана»³⁵⁷

* ноябрь 1933. Стих. «Квартира тиха как бумага...» [I, с. 197].

(1) в стр. «А я как дурак на гребенке // Обязан кому-то играть» (=Y) ГРЕБЕНКЕ → Kamm (=Y[kam]) ‘гребенка’ → (пароним) КОМУ-ТО [kam-uto]

(2) в стр. «И столько мучительной злости // Таит в себе каждый намек, // Как будто вколачивал гвозди // Некрасова там молоток»

³⁵⁶ Напоминаем, что направление стрелок, по большей части, условно. Например, здесь начало процесса суггестии может вполне быть в первой строке: ЛЮБОВЬ БЛАЖНА(я) → wüste Liebe etc.

³⁵⁷ Здесь, разумеется, отображение в строку симультанного стих. «Преодолев затверженность природы...»: «И, как руда, из груди рвётся **стон**».

(а) ЗЛОСТИ → *krass* 'резкий, злобный' → (пароним) НЕ-КРАС-ОВА

(б) НАМЁК → *Wink* 'намёк' → *Winkel* 'маленький намек, угол' → смысл:

«углы квартиры, в которые со злостью понатыканы гвозди, таят в себе опасность мучительной боли от натекания на них»

* ноябрь 1933 – январь 1934. Цикл «Восьмистишия», Стих. 5 [I, с. 202].

В стр. «В земной коре юродствуют породы, // И как руда из груди рвется стон»

(а) **Yd** ПОРОДЫ → (пар.) *Y[peródem]* 'подлец, ничтожество'³⁵⁸ → смысл: «в земле (стране) правят подлещи и юродствующие ничтожества (подражающие И. Грозному?)»

(б) **Yd** СТОН → (мет. пар.) *Y[sotn]* 'сатана' → общий смысл строки: «в земле (стране) правит сатана и ничтожества»³⁵⁹.

* ноябрь 1933 – январь 1934. Цикл «Восьмистишия», Стих. 7 [I, с. 200].

(1)³⁶⁰ в стр. «И Шуберт на воде и Моцарт в птичьем гаме»

“**Auf dem Wasser zu singen**” ‘петь на воде’ (название песни Шуберта, известной в России как «Баркарола») → ШУБЕРТ НА ВОДЕ

(2) в стр. «Быть может, прежде губ уже родился шопот // И в бездревесности кружились листья, // И те, кому мы посвящаем опыт, // До опыта приобрели черты»

(а) ШОПОТ = *Flüstern* → (пар.) ЛИСТЫ

(б) **Lat** ДО ОПЫТА → *a priori* 'до опыта'³⁶¹ → (пар.) ОПЫТ-А ПРИО(Б)РЕ-ли

³⁵⁸ Слово **порода** с этим значением (*Y[peródem] ← pere-ódem*) присутствует в «блатном» языке, см. [183]. Ср. еще в ЧП, гл. 8: «из той ПОРОДЫ, что на цыпочках ходят по кровавой советской земле».

³⁵⁹ Здесь, разумеется, отображение в строку Эпиграммы: «И широкая грудь **осетина**».

³⁶⁰ Эта связь отмечена Б. Кацем в комментарии 1991 г. [192, с. 34].

³⁶¹ «До опыта» = «независимо от опыта» – принятый перевод лат. выражения *a priori*.

* ноябрь 1933 – январь 1934. Цикл «Восьмистишия», Стих. 11 [I, с. 204].

В стр. «В запущенный сад величин // <...> Безлиственный, дикий лечебник, // Задачник огромных корней»

Pol (=Ukr) ЛЕЧЕБНИК → (пар.) liczebnik ‘числительное’, liczba ‘число’ (укр. лічба ‘счет’) ↔ **ВЕЛИЧИН, ЗАДАЧНИК, КОРНЕЙ**

* дек. 1933 – янв. 1934. Стих. «Как соловей, сиротствующий, славит...» (вар.) [I, с. 205, 402].

В стр. «Как соловей свое несчастье славит // В отцовской и супружеской кручине // И чистый воздух состраданьем плавит // До высоты выплескиваясь синей»

(а) (=Y) **СОЛОВЕЙ** → (де-акр. + пар.) «слава» + Weh ‘несчастье’ → **НЕСЧАСТЬЕ СЛАВИТ**³⁶²

(б) **СИНЕЙ** → blau ‘синий’ → (пар.) **ПЛАВИТ**

* 10–11 янв. 1934. Стих. «Голубые глаза и горячая лобная кость...» [I, с. 206, вар. с. 535].

(1) в стр. «Часто пишется казнь, а читается правильно – песнь, // Может быть, простота – уязвимая смертью болезнь?»

(а) (=Y, =It) **КАЗНЬ** → («конс. паронимия») Gesang (=Y[gezank]), canzone ‘песня’ → **ПЕСНЬ**

(б) (=Y) **КАЗНЬ** = Todesstrafe (=Y[toyt-štrof]) → (эквиконс. T/D-Š/S-TR-F/P) **ПРОСТОТА**³⁶³

(в) **ПЕСНЬ** = Lied → (пар.) Leid(en) ‘болезнь’ → **БОЛЕЗНЬ**

(г) (=Y) **ПРОСТОТА** = (ПРОСТ) + (ТОТА) → (эквиконс. P/B-R-S/Š-T) (STERB-) + (ТОТЕ) ‘смерть, мертвый’ → **СМЕРТЬЮ**

(2) в стр. «Меж тобой и страной ледяная рождается связь – // Так лежи, молодежи и лежи, бесконечно прямая»

(=Y) **СТРАНОЙ** → Land ‘страна’ → (эквиконс. LDN) **ЛЕДЯНАЯ**

(3) в стр. (вариант) «Из горячего черепа льется и льется лазурь // И тревожит она литератора-Каина хмурь»

(а) G/R-парогр.: лат. написание A. Bel[yj] → Abel = Авель → (асс.) **Каина** → **ЛИТЕРАТОРА-КАИНА**

³⁶² Идишизм Y[vey] = ‘горе, несчастье’ здесь равновероятен.

³⁶³ Этот же консонантный набор работает в «Грифельной оде» (1923).

(б) **Pol** (=Yd, =Ukr) ЛАЗУРЬ → (асс. противопост.) «туча, облако» → *chmura* (Y[xmare], укр. *хмара*³⁶⁴) ‘туча’ → (пар.) (КАИ-НА) ХМУРЬ

* 16 янв. 1934. Стих. «10 января 1934» [I, с. 207].

(1) В стр. «Где плавкий ястребок на самом дне очей?
Где вежество? где горькая украдка?
Где ясный стан? Где прямизна речей,
Запутанных, как честные зигзаги
У конькобежца в пламень голубой, –
Морозный пух в железной крутят тяге,
С голуботвердой чокаясь рекой»

(а) ПЛАВКИЙ → (пар.) «плавать» + *blau* ‘голубой’ → смысл: «ястребок, плавающий в сосуде из голубого стекла (=Glas → «глаз, око»)» → смысл: «ястребок, плавающий на дне голубых очей» → ОЧЕЙ → (далее) (ПЛАМЕНЬ) ГОЛУБОЙ, С ГОЛУБОТВЕРДОЙ (РЕКОЙ)

(б) РЕЧЕЙ → *Reden* ‘речи’ → (пар.) *redlich* ‘честный, добросовестный, основательный, хорошо сделанный’ → ЧЕСТНЫЕ (ЗИГЗАГИ)

(в) ПЛАМЕНЬ = *Flamme* → (пар.) *Flaum* ‘пух’ → ПУХ³⁶⁵

(г) (=Y) ГОЛУБОТВЕРДОЙ → ‘глаз’ (ср. у Мандельштама в «восьмистишии #5» [I, с. 200]: «голуботвердый глаз») → *Glas* ‘стакан, рюмка’ (=Y[glos]) → ЧОКАЯСЬ

(2) в стр. «И вдруг открылась музыка в засаде, // <...> Лиясь для мышц и бьющихся висков»

(=Y) МУЗЫКА = *Musik* (=Y[muzik]) → (пар.) *Muskel* (=Y[muskl]) ‘мышца’ → МЫШЦ

* январь 1934. Стих. «А посреди толпы, задумчивый, брадатый...» [I, с. 209].

В стр. «А посреди толпы, задумчивый, брадатый, // Уже стоял гравер – друг меднохвойных доск»

³⁶⁴ Слова *хмура*, *хмара* в значении «темная туча» присутствует и в русск. диалектах (В. Даль).

³⁶⁵ Это еще один случай стяжения дифтонга [au] → [a] в немецком произношении Мандельштама.

- (а) (=Y) БРАДАТЫЙ → (эквиконс. BR-D/T-T) Brett (=Y[bret])
‘доска (в частности, мемориальная)’ → ДОСК
(б) Yd МЕДНО-ХВОЙНЫХ → (пар.) Mess-ing (=Y[meš]) ‘желтая
медь’ → (пар.) Y[emes] ‘истина’ → ИСТИНЫ³⁶⁶

* февр. 1934. Стих. «Мастерица виноватых взоров» [I, с. 209].

(1) в стр. «Мастерица виноватых взоров, // Маленьких держа-
тельница **встреч**³⁶⁷

(<Y) ДЕРЖАТЕЛЬНИЦА ВСТРЕЧ → Treff- ‘**встреча**, укол, по-
падание в цель, догадка’ → Y[holt-hobn-trefn] ‘любить: встре-
чать, метко попадать, наносить уколы, догадываться’ → смысл:
«любительница метких попаданий, уколов, догадок и т. п.»³⁶⁸

(2) в стр. «Ходят рыбы, рдея плавниками,

Раздувая жабры: на, возьми!

(*) Их, бесшумно охающих ртами,

(**) Полухлебом плоти накорми.

Мы не рыбы красно-золотые,

Наш обычай сестринский таков:

В теплом теле ребрышки худые...»

(а) (<Y) ВОЗЬМИ = Nimm ‘возьми’ ← «НЕМые» ← «рыбы
НЕМы» ←

← МЫ НЕ РЫБЫ³⁶⁹

(б) (=Y) Б-ЕСШУМНО О-ХАЮЩИХ РТ-АМИ → (акр.) (БОРТ)
→ (БРОТ) → Brot = «хлеб» → (пар.) Halb ‘половина’

(в) далее, «хлеб» + Halb → ПОЛУХЛЕБОМ

(г) одновременно: «хлеб» → Laib (=Y[labn]) ‘каравай хлеба’ →
(ом.) Leib ‘тело, плоть’ → ПЛОТИ³⁷⁰

³⁶⁶ См. также идишизмы в «10 января 1934» (1934) и к «Египетской марке», гл. VII.

³⁶⁷ ВСТРЕЧ (вместо ПЛЕЧ) – вариант в автографе, обнаруженном в 1979 г. (после смерти М. Петровых).

³⁶⁸ Ср. ровно тогда же (февраль 1934) написанное: «Только я Ахматовой **уко-
лы** // Двадцать три уже считаю года» (I, с. 361).

³⁶⁹ В подтексте здесь, конечно: «МЫ НЕ РЫБЫ – РЫБЫ НЕМЫ» ← «МЫ НЕ
РАБЫ – РАБЫ НЕ МЫ» – широко тиражировавшаяся формула кампании лик-
беза. Заметим, что идишизм Y[nem] ‘возьми’ – фонетически точнее.

³⁷⁰ Отсюда ясно, как строка (*) генерирует строку (**). См. G-сугг. к «Слово и
культура» (1921): «Слово плоть и хлеб. Оно разделяет участь хлеба и плоти» [II,
с. 170]. Поэтому, видимо, смысл строк (2) – (4): «накорми немых рыб хлебом слова».

(д) (=Y) РЫБЫ → (пар.) Rippe ‘ребро’ (= Y[rip]) → РЕБРЫШКИ

* начало 1934(?). Строки из неоконч. или утер. стихов [I, с. 437–438].

(1) В стр. «Убийца, преступная вишня, // Проклятая неженка, ма! // <...> дар вышний // Дар нежного счастья сама»

It МА! → ма ‘но, но и’ → смысл: «преступница, НО в то же время и дарящая счастье и т. д.»

(2) В стр. «Блеск стали меча самурайской // И вся первобытная тьма // Сольются в один самородок // Когда окаянной камней // Пленительный злой подбородок // У маленькой Мэри моей»

(а) **It** СОЛ-БЮТСЯ → solo ‘один’ → В ОДИН

(б) **Gr** СОЛЮТСЯ → (эквиконс. LTS) litos ‘камень’ → (асс.) САМОРОДОК, КАМНЕЙ

(в) **Gr** Петровых³⁷¹ → (пар.) petros ‘камень’ + форма мн. ч. → (асс.) КАМНЕЙ

(г) (=Y) ОКАЯННОЙ → (эквиконс.) Kinn ‘подбородок’ → ПОДБОРОДОК³⁷²

* весна 1934. Шут. стих. «На берегу эгейских вод...» [I, с. 361, вар. с. 605].

В стр. «На берегу эгейских вод // Живут архивяне. Народ // (вар.) Довольно древний. Всем на диво // Паршивый промысел его – // Начальству продавать архивы»

(= **Fr**) АРХИВЯНЕ, АРХИВЫ → Archiv [aršif] (фр. archives [aršiv]) → (пар.) П-АРШИВ-ЫЙ

* 1935. Статья «Адалис. “Власть”. Стихи.» [II, с. 312].

(1) стр. 313: «... на спинах выгнутых мостов...»

(=Y) СПИНАХ = Rücken (=YR[rikn]) → (пар.) Brücken (=Y[briken]) ‘мосты’ → МОСТОВ³⁷³

(2) стр. 314: «... стеклянные шары нагретого степного воздуха, радость волейбола, радость футбола ...»

³⁷¹ Фамилия «маленькой Мэри».

³⁷² Идишизм Y[kin] ‘подбородок’ здесь равновероятен.

³⁷³ См. эту же связь в G-сугг. к стих. «Ламарк» (1932).

(<Y) ШАРЫ → Ball (= Y[bol]) → (пар.) ВОЛЕЙ-БОЛА, ФУТ-БОЛА³⁷⁴

* Апрель 1935. Стих. «Чернозем» [I, с. 211].

(1) в стр. «Тысячехолмие распаханной молвы:»

(=Y) РАСПАХАННОЙ → (асс.) «земля» → Erde 'земля' → (конс. метатеза) Rede 'речь, молва' → МОЛВЫ. См. ниже (3)

(2) в стр. «И все-таки, земля – проруха и обух. // Не умолить ее, как в ноги ей ни бухай: // Гниющей флейтою настраживает слух...»

(а) Здесь в подтексте ряд строк (сочетаний) из стих. 11 и 12 «армянского цикла», мостиком к которым служит «германизм»
Buch:

(= Y) О-БУХ, БУХ-АЙ → (пар.) Buch (=Y[bux]) 'книга' → «книга» → (асс.) «земли пустотелую книгу», «книгой звонких глин», «книжной землей», «гниющей книгой» [I, с. 165] → ГНИЮЩЕЙ ФЛЕЙТОЮ

(б) (= Y) ГНИЮЩЕЙ → fault 'гниёт' → (пар.) Flöte 'флейта' → ФЛЕЙТОЮ

(3) в стр. «Ну, здравствуй, чернозем: будь мужествен, глазаст...
// Черноречивое молчание в работе»

(= Y) ЧЕРНОЗЕМ → «черная + земля» → «черная + Erde 'земля'» → (конс. метатеза) «черная + Rede 'речь'» → ЧЕРНО-РЕЧИВОЕ. См. выше (1)

* Апр.-июль 1935. Стих. «За Паганини длиннопалым...» [I, с. 213].

(1) в стр. «Утешь меня Шопеном чалым»

Pol ЧАЛЫМ → žal 'печаль, скорбь, жалость' → смысл: «утешь меня печальным Шопеном»³⁷⁵

(2) в стр. «И вальс из гроба в колыбель // Переливающей, как хмель»

³⁷⁴ Y-сугг. здесь точнее, см. выше инояз интерф. в ЕМ, гл. I: «мячи, полушария».

³⁷⁵ Эту связь рассматривает Б. Кац в комментариях 1991 г. Он пишет: «начиная с Листа, это слово неоднократно применялось для обозначения самой сердцевины шопеновской музыки» [192, с. 32].

(=Y) ВАЛЬС → walzen (=Y[valtsn]) ‘вальсировать; **перекачывать**’ → ПЕРЕЛИВАЮЩЕЙ

(3) в стр. «Играй же на разрыв аорты // <...> Последний чудный чорт в цвету»

Здесь контаминация G/Y –подтекстов.

(a) CONJ (+Y) РАЗРЫВ АОРТЫ → (асс.) «кровь» → Blut = YP[blit] ‘кровь’ → (ом.) Blüte = YP[blit] ‘цвет, цветение’ → Y[tsvet] = ‘цветение, цвет деревьев [104, с. 534]’ → В ЦВЕТУ

(б) (>Ukr, >Pol) В ЦВЕТУ → Blüte = ‘цветение, чудак, милый (чудный)³⁷⁶ → ЧУДНЫЙ³⁷⁷

* апрель-май 1935. Стих. «День стоял о пяти головах...» [I, с. 214].

(1) в стр. «День стоял о пяти головах, и, чумая от пляса, // Ехала конная, пешая шла черноверхая масса»

(=Y, =Fr) ПЛЯСА → (пар.) Platz ‘широкое место, пространство’ → смысл: «чумая от огромности пространства»³⁷⁸

(2) в стр. «Расширеньем аорты могущества в белых ночах – нет, в ножах...»

Yd АОРТЫ → Áder (Y[oder]) ‘жила, аорта’³⁷⁹ → (омоф.) Y[áder] ‘могучий’ → МОГУЩЕСТВА

* апрель-май 1935. Стих. «Кама, 3» [I, с. 216].

В стр. «И хотелось бы тут же вселиться, пойми, // В долговечный Урал, населенный людьми»

(a) (=Y) УРАЛ → (пар.) ural (= Y[uralte]) = ‘древний’ → ДОЛГОВЕЧНЫЙ

(б) УРАЛ → (ом.) Ural ‘вселенная’ → «вселяться, населять» → ВСЕЛИТЬСЯ, НАСЕЛЕННЫЙ

* апрель-май 1935. Стих. «Мне кажется, мы говорить должны...» [I, с. 308].

³⁷⁶ Напр. Du bist eine Blüte = ну и чудак же ты [111, с. 275].

³⁷⁷ Еще одна сем. асс. к В ЦВЕТУ. Стих. писалось в апреле, апрель = цветень в украинском; в польском w kwietniu = ‘в апреле’, kwitnasy = ‘цветущий’.

³⁷⁸ Ср. Platzangst ‘агорафобия, боязнь пространства’.

³⁷⁹ См. игру Y[oder] ‘жила’ еще выше в идишизмах к «Четвертой прозе», гл. 3. (1929–30).

В стр. «Мне кажется, мы говорить должны // О будущем советской старины, // Что ленинское-сталинское слово – // Воздушно-океанская подкова³⁸⁰»

Fr ЛЕНИНСКОЕ-СТАЛИНСКОЕ СЛОВО³⁸¹ → С-С-С-Р = «три подковы + [ЭР] = AIR ‘воздух’ → ВОЗДУШНО-ОКЕАНСКАЯ ПОДКОВА

* апрель–май 1935. Стих. «Мир начинался страшен и велик...» [I, с. 308].

В стр. «Пластами боли поднят большевик...»

БОЛЬШЕВИК → (де-акр) БОЛЬ + scheidig ‘ломтевидный, ломтиками, кружками, пластами’ → ПЛАСТАМИ БОЛИ³⁸²

* май 1935. Стих. «Да, я лежу в земле, губами шевеля...» [I, с. 308].

В стр. «На Красной площади всего круглей земля // <...> На Красной площади земля всего круглей»

(< Y) КРАСНОЙ → Kreis (= YP[kraz]) = ‘круг’ → КРУГЛЫЙ³⁸³

* 22 мая 1935. Стих. «Железо» [I, с. 309].

В стр. «Идут года железными полками // И воздух полн железными шарами»

(а) **Yd** (=Pol) (ЖЕЛЕЗНЫМИ) ПОЛКАМИ → (пар.) Y[pilke] (пол. pilka) ‘мяч’ → (ЖЕЛЕЗНЫМИ) ШАРАМИ³⁸⁴

(б) **Yd** ПОЛН ↔ (пар.) Y[boln] ‘мячи, шары’ ↔ ШАРАМИ

* май-июнь 1935. Стих. «Стансы» [I, с. 217].

(1) в стр. «Проклятый шов, нелепая затея // Нас разлучили, а теперь – пойми...»

³⁸⁰ Вариант посл. строки: «Войны и мира гнутая подкова».

³⁸¹ Заметим, что в предыдущей строке просвечивает выражение «советская страна» (← «советская старина»), о которой хочет говорить автор, после чего появление «слова» СССР неизбежно.

³⁸² Словари [117], [122] и [126], которыми реально мог пользоваться Мандельштам, дают Scheibe, как один из эквивалентов для русского «пласт».

³⁸³ YP-вариант фонетически точнее. См. еще G/Y-суггестии к «Дыханье вещь в стихах моих...» (1909).

³⁸⁴ См. еще иноязычные интерф. в «Египетской марке», гл. 1.

Здесь трудная для реконструкции контаминация G/Y-суггестии:

(+Y) ШОВ → (пар.) Schöps ‘кастр. баран, перен. «осел», простофиля [117, с. 1148]’ → смысл: «проклятый осел (я), нелепая затея (моя)»³⁸⁵.

Вариант вероятной G/Y-суггестии:

(= Y) ШОВ → (пар.) Schof(e)l ‘дрянь, жалкий, убогий и т. п.’ → смысл: «жалкая дрянь (я), нелепая затея (моя)»

(2) в стр. «И не ограблен я, и не надломлен...»

ОГРАБЛЕН → (пар.) Grabe ‘могила’ → смысл (более релевантный, чем «грабеж»): «я всё-таки жив, не положен в **могилу**, в **гроб**»

* июнь 1935, дек. 1936. Стих. «Возможна ли женщине мертвой хвала...» [I, с. 219].

(1) в стр. «И твердые ласточки круглых бровей // Из гроба ко мне прилетели // Сказать, что они отлежались в своей // Холодной стокгольмской постели»

Gr (= **Lat**) ЛАСТОЧКИ → χελιδών (= лат. chelidon) ‘ласточка’ →

³⁸⁵ Здесь, предположительно, имеет место соединение Y-фонетики и G-семантики. Идишизм Y[šof] ‘баран’ более точен фонетически, но G-семантика «простофиля» – частотна и отмечена во всех словарях. Присутствие переносного значения ‘дурак, осел, простофиля’ в Y[šof] очень вероятно, хотя бы потому, что соотв. немецкие когнаты Schaf ‘овца’ и Schöps ‘валух, кастрированный баран [117, с. 1148]’ имеют частотную разговорную коннотацию ‘дурак, осел, простофиля, глупец’. Ср. нем.: dumm wie ein Schaf ‘глупый, как баран’. Вероятно также использование немецкого диалектизма: см. [96, с. 101] о присутствии в немецких диалектах слова [šof] ‘овца’, происходящего из сред.-верхн.-нем. schaf = нов.-нем. Schaf. Напомним, что, по сообщению Н. Манделъштам [9, с. 288], начиная с 1930 г. О. Манделъштам читал тексты на средневерхненемецком. Напомним также пассаж в ЕМ, гл. IV: «Товарищи в школе дразнили его [Парнока = М] “**овцой**” <...> и другими ОБИДНЫМИ именами». Заметим, что в «школе» (в Тенишевском училище) учили немецкий. Еще в ЕМ пассаж про архетипически глупо-простодушного Парнока: «топтал... **овечьими** копытцами» [II, с. 64]. В набросках к ЕМ Парнока дразнят: «Эй, **овца** в лакированных копытах!» [72, т. 2, С. 568]. На самом деле, «овца», в конце 1890-х было, похоже, распространенным (среди молодежи?) обозначением глупого простофили, дурачка и т. п. Ср. запись в дневнике 19-летней девушки (1898 г.): «Боже мой, такая ничтожность, **овца**, ни на что не годная. И главное, еще меня ценят, говорят, что мировоззрение хорошо, что умна и т. д.» (*Шапорина Л. В. Дневник. М., 2012. С. 23*).

(эквиконс., пар.) ХОЛОДНОЙ³⁸⁶

(2) в стр. «И прадеда скрипкой гордился твой род, // От шейки её хорошея»

(а) **Yd, Pol** CONJ СКРИПКОЙ → (пар.) Y[kark] 'шея' → ШЕЙКИ³⁸⁷

(б) **Yd** ОТ ШЕЙКИ ЕЁ → (пар.) Y[šeynkayt] 'красота' → смысл: «от красоты её ХОРОШЕЯ»³⁸⁸

* весна-лето 1935, 30 мая 1936. Стих. «Не мучнистой бабочкою белой...» [I, с. 218].

В стр. «Позвоночное, обугленное тело, // Сознующее свою длину»

ОБУГЛЕННОЕ (ТЕЛО) → (эквиконс. + пар.) oblong 'продолговатый, вытянутый' → ДЛИНУ

* 3 июня 1935. Стих. «На мертвых ресницах Исакий замерз...» [I, с. 219].

(1) в стр. «На мертвых ресницах Исакий замерз // И барские улицы сини – // Шарманщика смерть, и медведицы ворс»

(а) (=Y) НА... РЕСНИЦАХ, ЗАМЕРЗ → (асс.) "Gefrorene Tränen" 'мерзлые слезы' – «название песни из "зимнего" вокального цикла **Шуберта**»³⁸⁹ → (асс.) Шуберт → (мет. ШТЕРБ) **Sterben** 'смерть' → МЕРТВЫХ, СМЕРТЬ

(б) (=Y) ШАРМАНЩИКА → «шарманщик из вокального цикла **Шуберта**» → (асс.) Шуберт → (мет. ШТЕРБ) **Sterben** 'смерть' → СМЕРТЬ³⁹⁰

(в) БАРСКИЕ → (асс.) «барин» → (пар.) *Värin* 'медведица' → МЕДВЕДИЦЫ

(2) в стр. «Площадками лестниц – разлад и туман, // Дыханье, дыханье и пенье, // И Шуберта в шубе застыл талисман – //

³⁸⁶ Эта же связь рассмотрена В. Топоровым в «Стихах о неизвестном солдате» (1937).

³⁸⁷ Y[kark] = польск. kark. См. ниже идишизмы в стих. «Я молю, как жалости и милости...» (1937).

³⁸⁸ См. выше идишизмы к «девической шейке» в «Египетской марке», гл. IV (1927).

³⁸⁹ Эта связь отмечена в работе: *Сошкин Е.* «Жил Александр Герцович»: материалы для комментария // «Сохрани мою речь...». Вып. 5/2. М., 2011. С. 450.

³⁹⁰ В комментариях М. Гаспарова: «в позднем списке – примечания: "шарманщика смерть – Шуберт"» [34, с. 798].

Движенье, движенье, движенье...»

- (а) ПЛОЩАДКАМИ ЛЕСТНИЦ → Mantel 'шуба, лестничная площадка' → В ШУБЕ
 (б) (=Y) В ШУБЕ ЗАСТЫЛ → Mantel 'шуба' + ЗАСТЫЛ → (эквиконс. MNTLS) ТАЛИСМАН
 (в) (=Y) И ТУМАН → (эквиконс.) Atmen (=Y[otemen]) 'дыхание' → ДЫХАНЬЕ, ДЫХАНЬЕ
 (г) ДВИЖЕНЬЕ, ДВИЖЕНЬЕ, ДВИЖЕНЬЕ ← (эквиритм.) das Wandern, das Wandern, das Wandern³⁹¹

* 27 июня – июль 1935. Стих. «Бежит волна-волной...» [I, с. 220].

(1) в стр. «Бежит волна-волной, волне хребет ломая, // Кидаясь на луну в невольничьей тоске...»

Yd ВОЛНА-ВОЛНОЙ ВОЛНЕ → (метатеза) Y[levone] = 'луна' → НА ЛУНУ³⁹²

(2) в стр. «Неусыпленная столица волновая, // Кривеет, мечется и роет ров в песке. // А через воздух сумрачно-хлопчатый, // Неначатой стены мерещатся зубцы»

(а) (=Y) ВОЛНА → (пар.) Willen 'воля' → «воля, самоволие» → ВОЛНОВАЯ («самовольная») → НЕУСЫПЛЕННАЯ («неспокойная, самовольная») ³⁹³

(б) (<Y) ВОЛНОВАЯ → Wall 'вал' → СТЕНЫ³⁹⁴

(в) КРИВЕЕТ ← (пар.) kurven 'закругляться, изгибаться [111]' → образ: «волна бежит, изгибаясь»

(г) (=Y) ВОЛНА, ВОЛНОВАЯ → (пар.) baumwollen 'хлопковый,

³⁹¹ das Wandern 'движение, путешествие и т. п.' – повторяющееся слово в вокальном цикле Шуберта *Die schöne Müllerin*. ДВИЖЕНЬЕ у Мандельштама – точный и «эквиритмичный» русский эквивалент этого слова. Это отметил Б. Кац в [192, с. 127]. До знакомства с оригиналом «Прекрасной мельничихи» я предполагал здесь «эквиритмичный» германизм Bewegung 'движение'. С какой-то вероятностью, Мандельштам, по разным причинам, мог «иметь в виду» оба этих немецких слова.

³⁹² Скорее всего, здесь имеет место Y-R контаминация: т. к. работает аллитерация [ЛН] → [ЛУНА]. Но Y-интерференция совершенно очевидна.

³⁹³ Y[villn] = 'воля' здесь равновероятно.

³⁹⁴ Здесь G-суггестия конкурирует с Y[val] = 'rampart, bulwark' [107, с. 163]. Но Wall в немецком – это «вал, насыпь» вообще, в то время как в Y – это, скорее, «крепостной вал, крепостная стена», что говорит здесь в пользу Y-суггестии.

хлопчатобумажный' → ХЛОПЧАТЫЙ

* декабрь 1936, январь 1937. Стих. «Рождение улыбки» [I, с. 221].

В стр. «На лапы из воды поднялся материк – // <...> Под легкий наигрыш хвалы и удивленья»

Yd (=Ukr) **НАИГРЫШ ХВАЛЫ** → Y[xvale] (укр. хвиля) 'волна' → (второй!) смысл: «наигрыш океанской волны»³⁹⁵

* 1936, 10–27 декабря. Стих. «Мой щегол, я голову закину...» [I, с. 223].

В стр. «Что за воздух у него в надлобье – // Черн и красен, желт и бел!»

(=Y, >Fr) **ВОЗДУХ** → Luft 'воздух, пространство' и/или фр. air 'воздух, вид, наружность' → смысл: «как выглядит у него пространство выше лба?»³⁹⁶

* после 8 дек. 1936. Стих. «Когда щегол в воздушной сдобе...» [I, с. 223].

В стр. «Клевещет жердочка и планка, // Клевещет клетка сотней спиц»

Yd **ЩЕГОЛ** = Y[štiglits] → (пар.) Y[štaygl] 'клетка (для птиц)' → **КЛЕТКА**

* 1936, 14 декабря. Стих. «Я в сердце века...» [I, с. 310].

В стр. «Я в сердце века – путь неясен»

(=Y) **ВЕКА** → (асс.) «век» → (омоф.) Weg 'путь' → **ПУТЬ**³⁹⁷

* 10–24 дек. 1936. Стих. «Внутри горы бездействует кумир...» [I, с. 224].

В стр. «Внутри горы бездействует кумир // В покоях бережных, безбрежных и счастливых, // А с шеи каплет ожерелий жир, // Оберегая сна приливы и отливы»

(=Y) **ГОРЫ** ↔ Berg (= Y[berg]) 'гора' → (пар.+ эквиконс.)

³⁹⁵ Ср. в ПА («Ашот Ованесьян»): «взбитые с **выхвалю** пряди».

³⁹⁶ Вероятная связь с фр. **AIR** здесь указана Л. Пановой [142, с. 194].

³⁹⁷ Эта же связь имеет место в очерке «Шуба» (1922), см.

БЕРЕЖ-НЫХ, БЕЗ-БРЕЖНЫХ, ОБЕРЕГ-АЯ

* 23–24 дек. 1936. Стих. «Эта область в темноводье...» [I, с. 226, вар. с. 412].

(1) в стр. «Трудодень земли знакомой», вариант: «Трудный рай земли знакомой»

ТРУДОДЕНЬ \leftrightarrow (де-акр., пар.) «труд» + Eden 'рай' \rightarrow ТРУД-НЫЙ РАЙ

(2) (=Y) в стр. «Степь беззимняя гола. // Это мачеха Кольцова, // Шутить: родина щегла!»

СТЕПЬ = Stepe \leftrightarrow (пар.) Stief (-mutter) 'мачеха' \rightarrow МАЧЕХА³⁹⁸

* 29–30 дек. 1936. Стих. «Как подарок запоздалый...» [I, с. 227].

(1) в стр. «Хороша она испугом, // Как начало грозных дел, – // Перед всем безлесным кругом // Даже ворон оробел»

(a) (=Y) ГРОЗНЫХ \rightarrow (пар.) Kreisen 'круги' \rightarrow КРУГОМ

(б) Pol (= Ukr) КРУГ-ОМ \rightarrow (пар.) kruk (укр. крук) 'ворон' \rightarrow ВОРОН

(в) (>Y) ВОРОН \rightarrow Rabe 'ворон' \rightarrow оРОБел³⁹⁹

(2) в стр. «Но сильнее всего непрочно- // Выпуклых голубизна – // Полукруглый лед височный, // Речек, баюющих без сна...»

(=Y) ВИСОЧНЫЙ \rightarrow СНА, потому что Schlafe 'висок' почти равно Schlaf 'сон'⁴⁰⁰

* 29–30 дек. 1936. Стих. «Оттого все неудачи...» [I, с. 227].

В стр. «Шароватых искр пиры»

(a) CONJ (=Y) ШАРОВАТЫХ \rightarrow (пар.) Schar 'множество, стая, толпа'

³⁹⁸ Та же связь, по-видимому, в «Неизвестном солдате»: «Слышишь, мачеха звездного табора, // Ночь...». Здесь дело в детерминированной ассоциации: **табор** \leftrightarrow **степь**.

³⁹⁹ Здесь возможна контаминация: с Y[rob] 'ворон'. Этот идишизм работает в стих. «Холодная весна, бесхлебный робкий Крым» (1933). G-суггестия представляется фонетически более вероятной: [oʁAbel], ведь Мандельштам «работал с голоса». Германизм Rabe и полонизм kruk здесь были отмечены А. Жолковским в [103, с. 173–174, 182].

⁴⁰⁰ Здесь еще возможна конкуренция YP[šlayf] 'висок' и YP[šluf] 'сон'.

(6) CONJ (=Y) ШАРОВАТЫХ → (пар.) scharf 'острый, колющий'
→ смысл: «пиры стай (толп) колючих искр»

* 2 янв. 1937. Стих. «Твой зрачок в небесной корке...» [I, с. 228,
вар. с. 554].

В стр. (вариант) «Серый, искренне-зеленый»
(=Y) ИСКРЕННЕ ↔ (пар. КРЕН) grün 'зеленый' ↔ ЗЕЛЕ-
НЫЙ⁴⁰¹

* 9 янв. 1937. Стих. «Улыбнись, ягненок гневный...» [I, с. 228].
В стр. «В легком воздухе свирели раствори жемчужин боль»
(=Y) ВОЗДУХЕ → Luft 'воздух' → (эквиконс. LFT) Flöte 'флейта'
→ СВИРЕЛИ

* 9 янв. 1937. Стих. «Когда в ветвях понурых...» [I, с. 229].
В стр. «Не хочет петь линючий // Ленивый богатырь – // И ма-
лый, и могучий // Зимующий снегирь»
(=Y) ПЕТЬ → Singer 'певец' → (эквиконс. SNGR) СНЕГИРЬ

* 12–18 янв. 1937. Стих. «Дрожжи мира дорогие...» [I, с. 230].
В стр. «Дрожжи мира дорогие: // Звуки, слезы и труды – // Уда-
ренья дождевые // Закипающей беды // И потери звуковые – //
Из какой вернуть руды?»
(=Y) ЗВУКИ, ЗВУКОВЫЕ → Klang (= Y[klang]) 'звук' → (экви-
конс. KLNG) Unglück (= Y[umglik]) 'беда' → БЕДЫ

* 16 янв. 1937. Стих. «В лицо морозу я гляжу один...»
[I, с. 231].
В стр. «А солнце щурится в крахмальной нищете...»
КРАХМАЛЬНОЙ → (пар.) Krachmandel 'миндаль в скорлупе'
→ смысл: «метафор. аллюзия на свое состояние»

* 18 янв. 1937. Стих. «Не сравнивай: живущий несравним»
[2, с. 149 – вариант].
(1) в стр. «Я соглашался с равенством равнин, // И неба круг мне
был недугом»

⁴⁰¹ Идишизм Y[grin] 'зеленый' здесь равновероятен.

- (а) (>Y) РАВЕНСТВО → Raben ‘вороны’ → «Воронеж, пребывание в Воронеже»⁴⁰²
- (б) РАВЕНСТВО РАВНИН → Ebene ‘равнина’, eben ‘ровный, равнинный’ → (метатеза) → НЕБА⁴⁰³
- (2) в стр. «И собирался в путь, и плавал по дуге»
 (=Y) ПУТЬ → Reise ‘путь, путешествие’ → (пар.) Kreisbogen ‘дуга’ → ПО ДУГЕ⁴⁰⁴

- * 21–22 янв. 1937. Стих. «Слышу, слышу ранний лед...» [I, с. 234].
 В стр. «Шелестящий под мостами, // Вспоминаю, как плывет // Светлый хмель над головами»
 (=Y) ШЕЛЕСТЯЩИЙ → rauschen ‘шелестеть’ → (пар.) Rausch ‘хмель (опьянение)’ → ХМЕЛЬ⁴⁰⁵

- * январь 1937. Стих. «Средь народного шума и сбега...» [I, с. 235].
 В стр. «И к нему, в его сердцевину // Я без пропуска в Кремль вошел...»
 СЕРДЦЕВИНУ = Mark ← → (эквиконс. MRK) КРЕМ-ЛЬ

- * янв.–февр. 1937. Стих. «<Ода>» и варианты [I, с. 311, 434].
 (1) в стр. «Художник, береги и охраняй бойца: // Лес человечества за ним поет, густея»
 (=Y) ХУДОЖНИК («поэт») = Dichter → (омонимия) → dichter ‘густой’ → (асс.) dichter Wald = ‘густой лес’ → ЛЕС + ГУСТЕЯ⁴⁰⁶
- (2) в стр. «Художник, береги и охраняй бойца: // В рост окружи его сырым и синим бором»

⁴⁰² Идишизм Y[robn] ‘вороны’ здесь возможен, но G-суггестия фонетически точнее. Гипотеза А. Жолковского [103, с. 173] об аллюзии здесь на «Ворона» (the Raven) Эдгара По выглядит (на фоне частого проявления этой G/Y-суггестии у М) усложненной и поэтому излишней.

⁴⁰³ Связь: «равнина, плоскогорье» – «небо, полет» см. еще в «А небо будущим беременно...» (1923).

⁴⁰⁴ Идишизмы Y[rayze] ‘путешествие’, Y[krayzboyn] ‘дуга’ – равновероятны здесь.

⁴⁰⁵ Идишизмы Y[royn] ‘шелестеть’, Y[baroyšung] ‘опьянение’ – равновероятны здесь. См. эту же связь в стих. «Холодок щекочет темя...» (1922).

⁴⁰⁶ Y-суггестия: Y[dixter] ‘поэт’, Y[gedixter] ‘густой’, Y[gedixter-vald] ‘густой лес’ – равновероятна здесь.

- (=Y) ХУДОЖНИК → БОРОМ (та же, что в п. (1), суггестия)
(3) в стр. «Он свесился с трибуны, как с горы, – // В бугры голов.
Должник сильнее иска. // <...> Уходят вдаль людских голов
бугры: // Я уменьшаюсь там. Меня уж не заметят. // <...> Вос-
кресну я сказать, как солнце светит»
(<Y) ГОРА = Berg → (эквиконс.) «БуГоР» → БУГРЫ → (экви-
конс.) Grab ‘могила’ + русск. «гроб» → ВОСКРЕСНУ Я⁴⁰⁷
(4) в стр. (вариант, см. I, с. 434) «...лошадей вдыхаю чалый пар...
[Подковой] речь звенит...»
(=Y) ЛОШАДЕЙ → Pferd ‘лошадь’ → (русск. пароним) «пар» +
Rede ‘речь’ → ПАР...РЕЧЬ

* 3–11 февр. 1937. Стих. «Обороняет сон мою донскую
сонь...» [I, с. 237].

В стр. «И в бой меня ведут понятные слова – // За оборону жиз-
ни, оборону // Страны-земли, где смерть уснет, как днем сова...
// Стекло Москвы горит меж ребрами гранеными. // Необори-
мые кремлевские слова // В них оборона обороны // И брони
боевой – и бровь, и голова // Вместе с глазами полюбовно со-
браны. // И слушает земля – другие страны – бой, // Из хоро-
вого падающий короба: // – Рабу не быть рабом, рабе не быть
рабой, – // И хор поет с часами рука об руку»

- (a) (=Y, +Fr) СЛОВА → Wörter (=Y[verter]) ‘слова’ → (де-акр.)
Wehr ‘оборона’ + terre⁴⁰⁸ ‘фр. земля’ → ОБОРОНУ, ОБОРО-
НА, ОБОРОНЫ, ЗЕМЛИ, ЗЕМЛЯ
(б) (=Y) СТЕКЛО → Glas (=Y[gloz/gluz]) ‘стекло’ → (пар.) «глаз»
→ С ГЛАЗАМИ → смысл: «глаза Москвы горят»
(в) (=Y) СОН, УСЧЕТ → schlafen (=Y[šlofn]) ‘спать’ → (пар.)
schleifen (=YР [šlafn]) ‘гранить’ → ГРАНЕНЫМИ⁴⁰⁹

⁴⁰⁷ Y-суггестия – Y[barg] ‘гора’, Y[grub/grib] ‘могила’ – здесь более вероятна, чем немецкая, хотя бы из-за семантического поля Y[grub/grib] и присутствия в Y лексемы [bergel] ‘бугор’. Связь бугор – могила встречается у Мандельштама еще в 1921 г. в переводе с грузинского: «...свежие бугры – // Твой и поэтов холм...», пер. стих. «Мариджан» И. Гришашвили [2, с. 332]. Ср. также слова Мандельштама, сказанные жене: «Почему, когда я думаю о нем <Сталине>, передо мной все головы – бугры голов? Что он делает с этими головами?» [I, с. 588].

⁴⁰⁸ Еще здесь вероятно участие слова Terra ‘земля’, заимствованного из Lat в G.

⁴⁰⁹ Ср. geschliffenes Glas (=Y[gešlifene-gloz/gluz]) ‘граненый стакан’. Эта же G/R-связь: сон – граненый – стекло присутствует в «Венецкой жизни» (1920):

(г) (=Y) СЛУШАЕТ → hör-t (=Y[her-t]) 'слушает' → (пар.) ХОР-ОВОГО

(д) ХОР-ОВО-ГО → Chor [kor] 'хор' → (пар.) КОР-ОБА

* 4 февр. 1937. Стих. «Как светотени мученик Рембрандт...» [I, с. 238].

В стр. «Как светотени мученик Рембрандт, // Я глубоко ушел в немеющее время, // И резкость моего горящего ребра...»

(а) р⁴¹⁰ (=Y) РЕМБРАНДТ → (эквиконс.+ пар.) Märtyrer 'мученик' + [ден]/[тен] → СВЕТОТЕНИ МУЧЕНИК

(б) (=Y) РЕМБРАНДТ → (де-акр.) РЕМБРА + БРАНДТ → (пар.) «ребра» + Brand (= Y[brant]) 'горение' → ГОРЯЩЕГО РЕБРА

* 1 февр. 1937. Стих. «Куда мне деться в этом январе?...» [I, с. 236].

(1) в стр. «И в яму, в бородавчатую темь // Скольжу к обледенелой водокачке // И спотыкаясь, мертвый воздух ем...»

ЕМ → (пар.) церк.-слав. емь 'схватив' → смысл: «падаю в яму, спотыкаясь и хватаясь за воздух руками», или: «задыхаясь и хватая воздух ртом»⁴¹¹

(2) в стр. «А я за ними ахаю, крича // В какой-то мерзлый деревянный короб: // Читателя! Советчика! Врача! // На лестнице ключей разговора б!»

Yd КОРОБ, НА ЛЕСТНИЦЕ ← → (пар.) Y[trep-korb] – 'лестничная клетка'⁴¹²

* 4 февр. 1937. Стих. «Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева...» [I, с. 238].

В стр. «Длинней органных фуг, горька морей трава – / Длинноволосая – и пахнет долгой ложью»

«Воздух твой **граненый**. В спальне тают горы голубого дряхлого стекла».

⁴¹⁰ Здесь происходит полная «разборка на запчасти» слова РЕМБРАНДТ – аналогичная процедура применялась к слову ЛЕРМОНТОВ в стих. «Дайте Тютчеву стрекозу...» (1932).

⁴¹¹ Ср. в церк.-слав. переводе еванг. (Мф. 18, 28): «И емь его...» = «И схватив его...». Заметим, что стар.-слав. емь лучше рифмуется с ТЕМЬ! Та же связь в цикле «Стихи о неизвестном солдате» (1937) в «свою голову ем...».

⁴¹² См. [104, с. 230].

- (а) **Yd** МОРЕЙ → (пар.) Y[more/mure] 'горький' → ГОРЬКА
(б) (=Y) ДЛИННЕЙ, ДОЛГОЙ → lang (= Y[lang]) 'длинный, дол-
гий' → (эквиконс. LNG) Lügen (= Y[lign]) 'ложь' → ЛОЖЬЮ
(в) ЛОЖЬЮ → (пар.) ЛОЖНОВОЛОСАЯ
-

* 8 февр. 1937. Стих. «Пою, когда гортань сыра, душа – суха...»
[I, с. 239].

(1) в стр. «И в горных ножнах слух, и голова глуха...»

(а) (>Y) ГОРНЫХ → (пар.) Hören (= Y[hern]) 'hearing, слух' →
СЛУХ

(б) **Arm** СЛУХ → (опер. «отрицания») ГЛУХА → [glux'] 'арм.
голова'⁴¹³ → ГОЛОВА

(2) в стр. «Песнь бескорыстная – сама себе хвала»

(=Y) БЕС-КОР-ЫСТНАЯ → (омоф. основы) Chor (= Y[kor])
'хор' → смысл: «бесХОРовая, одноголосая песня»⁴¹⁴

* 11 февр. 1937. Стих. «Как дерево и медь – Фаворского по-
лет...» [I, с. 240].

В стр. «И в кольцах сердится еще смола, сочась»

(<Y) СМОЛА → Harz 'смола' → (пар.) Herz (= Y[harz]) 'сердце'
→ «сердце» → (пар.) СЕРДИТСЯ⁴¹⁵

* 24 февр. 1937. Шут. стих. «О, эта Лена, эта Нора...» [I, с. 364].

В стр. «О, эта Этна – И. Т. Р. // Эфир, Эсфирь, Элеонора – // Дух
кисло-сладкий двух мегер»⁴¹⁶

Yd КИСЛО-СЛАДКИЙ → Y[zeer-ziser] 'кисло-сладкий' [104,
с. 202] → (перестановка основ) Y[zis-zeer] → Y[es-iz-zis-zeer]
'это – сладко-кислое' → (русск. омоф.) [es-es-eser] = 'СССР' →
смысл: «советский дух двух мегер»⁴¹⁷

⁴¹³ Здесь существенна даже не «реальная» фоника «голова» в армянском (древне-армянском?), а то, как эту фоническую себе представлял Мандельштам. В ПА («Ашот Ованесьян») он пишет: «Голова по-армянски **глух**, с коротким придыханием после "х" и мягким "л"... Тот же корень, что по-русски...».

⁴¹⁴ Далее в этом стихе: «Песнь **одноглазая**, ...**одноголосый** дар...».

⁴¹⁵ Заметим, что идишизм Y[harz] 'сердце' – полный омофон нем. Harz 'смола'.

⁴¹⁶ Вариант: «Дух кисло-сладких двух мегер» [2, с. 267].

⁴¹⁷ Заметим, что «советский дух» было частотным выражением 1920–30-х годов, присутствовавшее в речи самого Мандельштама. Здесь мы, по-видимому, имеем дело с намеренной шифровкой, первый шаг которой состоит уже в после-

* 1–15 марта 1937. «Стихи о неизвестном солдате» [I, с. 241, вар. с. 424, с. 561].

(1) в стр. 13–14, 17: «Будут люди холодные, хилые // Убивать, холодать, голодать <...> Научи меня, ласточка хилая»

Gr (= **Lat**) ЛЮДИ, ХОЛОДНЫЕ, ХИЛЫЕ, ХОЛОДАТЬ, ГОЛОДАТЬ \leftrightarrow (эквиконс., пар.) χελιδών (= лат. *chelidon*) ‘ласточка’ \rightarrow ЛАСТОЧКА ХИЛАЯ⁴¹⁸

довательности прописных Э, отсылающей к фонике (и даже графике!): ЭС-ЭС-ЭС-ЭР. Сочетание КИСЛО-СЛАДКИЙ, входящее в название распространённого еврейского блюда («кисло-сладкое мясо», которым, скорее всего, «мегеры» кормили Мандельштама), с одной стороны, маркирует «еврейскость» контекста (+ эксплицитно еврейское имя Эсфирь + лексема МЕГЕРА, частотная в городской евр. речи 1930-х годов и присутствующая с почти идентичным звучанием в Y: [megere], см. [104, с. 243]). С другой стороны, это же сочетание маскирует политический каламбур («СССР, советский = кисло-сладкий»), основанный на Y/R омофонии (см. идишизмы в стих. «Фаэтонщик» (1931) и, по-видимому, популярный в то время в еврейской среде. Известно, что в 1920-е годы в городском фольклоре имел место ряд шуток, обыгрывавших еврейско-идишистские фонетические связи аббревиатуры «СССР» (иногда с антисемитскими коннотациями), см. [118, с. 184]. Ср. популярный в начале 1990-х в значительно сузившейся среде владеющих идишем хотя бы пассивно, каламбур: СНГ = Y[essen-ge] = ‘есть дерьмо’. То, что КИСЛО-СЛАДКИЙ у Мандельштама – не столько обозначение «блюда», сколько резкий Y/R политический каламбур, доказывается присутствием этого сочетания в стих. «Фаэтонщик» (1931), где гастрономические аллюзии совершенно не уместны (см. выше). Тем самым, в обсуждаемом стихе КИСЛО-СЛАДКИЙ суггерирует одновременно «еврейскость» и «советскость» Лены и Норы («относивших себя к сливкам общества» – Н. Штемпель [66, с. 251]), т. е. маркирует их принадлежность к ненавистой для Мандельштама (еще с 1920-х годов, см. ЧП) этно-социальной группе «присовеченных» еврейских интеллигентов («О, эта Этна – И. Т. Р.»!). Интересно, что И. Бродский отмечает еще один способ шифровки понятия «СССР» у Мандельштама в эпиграмме на Сталина в строке «Как подкову, кует за указом указ...»: «...Мандельштам, когда говорит о подкове, имеет в виду такую чисто зрительную, графическую конфигурацию “одной шестой”, то есть СССР; она действительно выглядит, как подкова...» [119, с. 40]. Кстати, слово [podkove] присутствует в Y в том же значении, но мне представляется, что в эпиграмме слово ПОДКОВУ, скорее, шифрует не графику геогр. карты, а графику той самой последовательности прописных букв С в иероглифе «СССР», которые участвуют в «кисло-сладкой шифровке».

⁴¹⁸ Эта связь здесь была впервые рассмотрена В. Топоровым в [213, с. 120]. Эта же связь – в стих. «Возможна ли женщине мертвой хвала...» (1935).

- (2) в стр. 25–31: «Шевелящимися виноградинами // Угрожают нам эти миры // И висят городами украденными, // Золотыми обмолвками, ябедами, // Ядовитого холода ягодами – // Растяжимых созвездий шатры, // Золотые созвездий [вар.: «убийства»] жиры»
(= Fr) Gyrostat [zhiro-sta] ‘гиро-стат’ → (пар.) ГОРОДАМИ (-stat → Stadt ‘город’), ЖИРЫ (← [zhiro-])
- (3) в стр. 46–47 (вар.): «Средиземная ласточка щурится, // Вязнет чумный Египта песок»
(а) ЩУРИТСЯ ← → (пар.) schwirrt ‘летит со свистом, кружится’ → смысл: «ласточка летит»
(б) (=Y, = Fr) ЧУМНЫЙ → Pest (Y[pest], фр. peste) ‘чума’ → (пар.) ПЕСОК
- (4) в стр. 52–59: «Неподкупное небо окопное – // Небо крупных оптовых смертей, – // За тобой, от тебя, целокупное <...> // За воронки, за насыпи, осыпи, // По которым он медлил и мглил: // Развороченных – пасмурный, оспенный // И приниженный – гений могил»
(а) Lat ЦЕЛОКУПНОЕ → coelum ‘небо’ + «окопное» → НЕБО ОКОПНОЕ
(б)⁴¹⁹ Fr ГЕН-ИЙ МОГИЛ → (пар.) [ген-] + fosse ‘могила, выемка, яма’ → (пар.) [ген-] + [фос-] → (пар.) «фосген» (отравляющий газ)⁴²⁰
(5) в стр. 74–81: «Развивается череп от жизни // <...> Понимающим куполом яснится, // Мыслью пенится, сам себе снится, // Чаша чаш и отчизна отчизне, // Звездным рубчиком шитый чепец, // Чепчик счастья – Шекспира отец...»
(а) ЧЕРЕП → Pol czaszka ‘череп’ → (омоф.) чашка → ЧАША
(б) Yd ЧАША → Y[kufl] ‘чаша’ → (пар.) Kuppel ‘купол, округлая вершина горы’ → (пар.) КУПОЛОМ⁴²¹
(в) (=Y) ЧЕПЧИК СЧАСТЬЯ → Glückshaube ‘счастливы чепчик (новорожденного)’⁴²² → (оператор «оксюморонизации»)

⁴¹⁹ Эта связь впервые отмечена О. Роненом.

⁴²⁰ Связь «гения могил» с «фосгеном» подтверждается фонической суггестией в соседнем слове такого же отравляющего газа 1-й мировой – иприта: И-ПРИниженный → ипри-т.

⁴²¹ Заметим, что в стандартном немецком у слова Kuppel нет значения ‘чаша’!

⁴²² = «сорочка» из выражения mit der Glückshaube geboren sein = «в сорочке

смысл: «привнесение темы рождения в тему смерти (череп)»
 (г) (=Y) «череп» → Hirn-schale ‘череп, «чаша мозга»’ → (асс.)
 ЧАША

(6) в стр. 88–89: «И бороться за воздух прожиточный – // Эта
 слава другим не в пример»

ВОЗДУХ → Luft ‘воздух; зазор, люфт [111]’ → смысл: «бороться
 за жизненное **пространство**»⁴²³

(7) в стр. 92–93: «Я ль без выбора пью это варево, // Свою голо-
 ву ем под огнем?»

ЕМ → (пар.) церк.-слав. емь ‘схватив, взяв’ → смысл: «схва-
 тив свою голову», или: «пью варево, схватив свой *черепок-
 котелок*»⁴²⁴

(8) в стр. 105: «Год рожденья – с гурьбой и гуртом»

(=Y) ГОД РОЖДЕНЬЯ = Geburts-jahr → (эквиконс. GBRTSJ +
 пар.) С-ГУРЬБОЙ, И-ГУРТО-М

(9) в стр. 108–109: «Января в девяносто одном // Ненадежном
 году – и столетья»

(=Y) ОДНОМ → ein-e ‘один, «неопред. артикль»’ → «двойной
 смысл»: 1. числительное «в девяносто одном»; 2. «в **некоем не-
 надежном году**»⁴²⁵

* 3 марта 1937. Стих. «Я молю, как жалости и милости...»
 [I, с. 245].

(1) в стр. «Правды горлинок твоих и кривды карликовых // Ви-
 ноградарей в их разгородках марлевых»

Yd ГОРЛИНОК → Y[kark] ‘горло’ → (пар.) «карлик» → КАР-

родиться». Эта связь, а также связь в пункте (в) подробно анализируется в ра-
 боте: Литвина А., Успенский Ф. Калька или метафора? Опыт лингвокультурно-
 го комментария к «Стихам о неизвестном солдате» Осипа Мандельштама // Во-
 просы языкознания. – 2011. – № 6.

⁴²³ Ср. в ПА: «Между клумбами был неприкосновенный **воздух**...».

⁴²⁴ Ср. выражения «голова/котелок варит/не варит». Ср. в церк.-слав. пере-
 воде еванг. (Мф. 18, 28): «И емь его...» = «И схватив его...». Та же связь в стих.
 «Куда мне деться в этом январе» (1937). Ср. еще в стих. «Флейты греческой...»:
 «Он торопится быть бережливым, ЕМЛЕТ звуки – опрятен и скуп».

⁴²⁵ Здесь второй смысл «неопред. артикля» (без указания конкретной язы-
 ковой интерференции) отмечен Ю. Левиным, который пишет: «Каламбурный
 характер имеет и игра на двузначности слова “один” (числительное и неопре-
 деленный артикль)» [187, с. 126].

ЛИК-ОВЫХ⁴²⁶

(2) стр. «Наклони свою шею, безбожница // С золотыми глазами
козы // И кривыми картавыми ножницами // Купы скаред-
ных роз раздразни»

(а) (=Y) НАКЛОНИ → (пар.) Nacken (=Y[nakn]) 'шея' → ШЕЮ

(б) здесь в подтексте строчка из мандельштамовского перевода
с немецкого⁴²⁷: И КЛОНИТ (ПЛОД) БЕССТЫДСТВО ЗОЛО-
ТОЕ. Возникает «отображение» текста в текст, при котором:
КЛОНИТ ↔ НАКЛОНИ, ЗОЛОТОЕ ↔ ЗОЛОТЫМИ.
«БЕССТЫДСТВО» должно при этом отображении соответ-
ствовать БЕЗБОЖНИЦЕ. И, действительно, имеет место
связь:

Yd БЕССТЫДСТВО → «бесстыдница» → Y[bez-buš-nitse] 'бес-
стыдница' → (пар.) БЕЗ-БОЖ-НИЦА⁴²⁸

(в) Yd Y[bez-buš-nitse] 'бесстыдница' → (асс.) «курва» → (пар.)
КРИВЫМИ⁴²⁹

(г) (=Y) НОЖНИЦАМИ → Gartenschere 'садовые ножницы' →
(пар.) КАРТАВЫМИ

(д) Nacken 'шея' → (пар.) necken 'дразнить' → РАЗДРАЗНИ

* 6 марта 1937. Стих. «На доске малиновой, червонной...»
[I, с. 247].

(1) в стр. «На доске малиновой, червонной, // На кону горы кру-
топоклонной, – // <...> Высоко занесся санный, сонный //
Полу-город, полу-берег конный»

(а) (>Y) МАЛИНОВОЙ → (пар.) Malen 'писание красками, рас-
писывание, раскрашивание [117, с. 898]' → смысл: «на рас-
крашенной, расписной доске (икона/лубок)»⁴³⁰

(б) (>Y) ГОРЫ → Berg 'гора' → (пар.) БЕРЕГ⁴³¹

⁴²⁶ См. выше стих. «За Паганини длиннопалым...» (1935).

⁴²⁷ Перевод стихотв. «Телохранители» Рене Шикеле, см. [2, с. 377]

⁴²⁸ Аналогичное «рамочное» соответствие (но внутри одной словоформы) см.
в идишизмах к «Грифельной оде» (1923): «двурушник» → «двоедушник». Кроме
того, идентичная связь БЕЗБОЖНЫЙ ↔ БЕССТЫДНЫЙ встречается в «Пу-
тешествии в Армению», гл. «Москва» [II, с. 111].

⁴²⁹ Эта же связь (курва ↔ кривая) присутствует в стих. «Нет, не спрятать-
ся мне...» (1931).

⁴³⁰ Идишский синоним Y[moln] здесь возможен, но фонетически менее точен.

⁴³¹ Идишизм Y[barg] 'гора' здесь фонетически менее точен.

(2) в стр. «Не ищи в нем зимних масел рая, // Конькобежного голландского уклона»

МАСЕЛ РАЯ → (пар.) Öl Eden ‘масло (для росписи) рая’ → (пар.) Holland, holländer ‘голландский’ → ГОЛЛАНДСКОГО (УКЛОНА)⁴³²

* март 1937. Стих. «Нереиды мои, нереиды...» [I, с. 253].

В стр. «Нереиды мои, нереиды // Вам рыданья – еда и питье» (=Y) **НЕРЕИДЫ** → (пар.) Nahrung ‘еда, питание’ → **ЕДА**

* 18 марта 1937. Стих. «Чтоб, приятель и ветра и капель...» [I, с. 251].

(1) в стр. «Чтоб, приятель и ветра и капель»

(<Y) **ПРИЯТЕЛЬ** → (эквиконс. PRTL) tropfeln ‘капать’, Tropfen ‘капля, капли’ → **КАПЕЛЬ**⁴³³

(2) в стр. «Он разбойник небесного клира, // Рядом с ним не зазорно сидеть: // И пред самой кончиною мира // Будут жарворонки звенеть»

КЛИРА → (пар.) klirr ‘звук! дзинь!’, klirren ‘звенеть’ → **ЗВЕНЕТЬ**

* 21 марта 1937. Стих. «Кувшин» [I, с. 251].

(1) в стр. «На боках твоих пляшут козлята»

(=Y) **КОЗЛЯТА** → Воск ‘козёл’ → (пар.) **НА БОКАХ**

(2) в стр. «Что беда на твоём ободу»

(<Y) **КУВШИН** (название) → Krug ‘кувшин’ → (пар.) Y[krig] ‘кувшин, война’ → (асс.) «война» → смысл: «ощущение надвигающейся (на границе = **ОБОД**) войны = **БЕДА**»⁴³⁴

* 7 апр. 1937. Стих. «Флейты греческой тэта и йота...» [I, с. 254].
Здесь сложная контаминация G/Y-суггестии.

(1) в стр. «Флейты греческой тэта и йота – // Словно ей не хватало молвы – // Неизваянная, без отчета, // Зрела, маялась, шла через рвы»

⁴³² См. выше «трудный рай» в G-сугг. к «Эта область в темноводье...» (1936).

⁴³³ Здесь идишизм Y[tropf] = ‘капля’ фонетически несколько более вероятен.

⁴³⁴ Похоже, что здесь (польский) идишизм: вариант YP[krig] фонетически наиболее точен. См. эту же связь в стих. «Теннис» (1913) и «К немецкой речи» (1932).

- (а) (<Y) ФЛЕЙТЫ → (пар.) pleite⁴³⁵ gehen ‘исчезать, испаряться [111]’ + (конс. метатеза ФЛЕЙТЫ от другой основы) lüftige ‘ветренная, легкомысленная’ → ассоциация с «убегающим», неустойчивым, неудержимым, “ветренным” и поэтому опасным», поведением флейты-женщины⁴³⁶
- (б) Yd ФЛЕЙТЫ → Y[pleyte] ‘бегство’, Y[pleytexe] ‘ветреница’ [106, с. 58], (конс. метат.) YP[liftike] ‘ветренная, легкомысленная’⁴³⁷
- (2) в стр. «Из сиреневых вылепил глин... // Звонким шопотом честолюбивым»
- (=Y) ЗВОНКИМ → kling [klin] ‘дзинь’, kling-en [klin-en] ‘звенеть’ → (пар.) ГЛИН⁴³⁸
- (3) в стр. «И когда я наполнился морем – // Мором стала мне мера моя...»
- (а) МОРЕМ → Y[moyre/meyre] ‘страх, ужас’ + Y[more/mure] ‘горечь, печаль’ → МЕРА («ужас»)⁴³⁹
- (б) CONJ МОРОМ → Y[more/mure] ‘господин, Господь’, букв. ‘его господин’ [110, с. 189]⁴⁴⁰ → смысл: «моим господином стал страх»⁴⁴¹

* Зима 1937–38. Устный дискурс Мандельштама [9, с. 334].
«Вакс – ремонтнодышащий»⁴⁴².

⁴³⁵ Pleite ‘банкротство, бегство после банкротства’ – старое немецкое заимствование из Y (изначально – гебраизм).

⁴³⁶ Ср. в отрывке <Скрябин и христианство> Мандельштама: «Эллины боялись флейты и фригийского лада, считая его опасным и соблазнительным...» [II, с. 159]. Y-суггестия (ниже) здесь выглядит вероятнее.

⁴³⁷ Возникает ассоциация с «убегающим», неустойчивым, неудержимым, «ветренным» и поэтому опасным, поведением флейты/женщины. Ср. вышеприведенный отрывок из <Скрябин и христианство>.

⁴³⁸ Эта же связь выше в «армянском цикле», ст. 12 (1930).

⁴³⁹ Лексема Y[more/mure] выступает, обычно, в связанном виде, в частности, в Y фразеологизме [more-šxoуге] – ‘меланхолия’, букв. ‘черная горечь’, что в сумме продуцирует устойчивую негативную ассоциацию с R-сочетанием «черное море», ср. «...над морем черным и глухим», «...он Черномора пригубил питье».

⁴⁴⁰ В идише Y[more/mure] – омоним второй лексемы из п. (а).

⁴⁴¹ Разумеется, в этих строках, кроме прочего, обыгрывается общая для славянских и германских языков (хотя в Y соответствующие лексемы – семитские заимствования!) негативная семантика основы [mor/mur]. См. также идишизмы в стих. «Нет, не спрятаться мне от великой муры...» (1931).

⁴⁴² Шутливая характеристика Б. Вакса, постоянно обсуждавшего какой-то ремонт по коммунальному телефону.

Yd ВАКС → Y[vaks-en] 'рост' → «рост, тРОСТИнка» → «я **вы-рос тростинкой**, <...> запретную **жизнью дыша**»⁴⁴³ → «тро-стинка жизне-дышащая» → ВАКС – РЕМОНТНОДЫШАЩИЙ

⁴⁴³ Из стих. Мандельштама «Из омута злого и вязкого» (1910). Отметим, что, кроме этого стиха, высказывание про Вакса связано с пассажем из ПА, гл.: «Москва»: «**Растение** – это звук, извлеченный **палочкой терменвокса [ремонт + Вакс]**, воркующий в перенасыщенной волновыми процессами сфере».

Приложение 2

Магия текста: текст Мандельштама
vs радио-газетный советский новояз, он же язык
«Ленина-[Троцкого]-Сталина»,
он же «ленинское-сталинское слово»

Рождение политической жизни в России в начале XX века определили литераторы, <...> писатель выковывает из себя политика, работая в штольне со словом <...> Ленин оказал воздействие на весь мир именно своими текстами, своим словом <...> Рим – пространство долгого смысла.

З. Прилепин. Уроки русского

...в 1920-е годы советские культуртрегеры, так называемые, изобрели тоже так называемый новояз, полагая, что таким образом они созидают новое сознание и меняют ценностный ряд. И, как я уже говорил, такого наворотили, что до сих пор икается подчас.

*В. Путин. Выступление
в дискуссионном клубе «Валдай»*

Основной тезис: ряд системных феноменов «семантики М-текста»¹ сильно коррелируют/совпадают с соответствующими явлениями в тексте советского радио-газетного новояза 20–30х гг.

Аргументация.

1. В нескольких фрагментах М-текста просвечивает осознание этого феномена самим Мандельштамом.

²Рассмотрим два фрагмента М-текста (1930): фрагмент «Четвертой прозы» и фрагмент цикла «Армения».

¹ Здесь имеются в виду: механизмы генерации текста и порождения «нового смысла», «управляющие матрицы» и установки семантического процесса, черты «языковой картины мира» (ЯКМ) и т. п.

² Нижеследующий материал п. 1 впервые опубликован в монографии [88, с. 101–114].

А. Фрагмент ЧП.

«Кто же, братишки, по-вашему, больше филолог: Сталин, который проводит генеральную линию, большевики, которые друг друга **мучают из-за каждой буквочки**, заставляют отречься до десятых петухов³, – или Митька Благой с веревкой? По-моему – Сталин. По-моему – Ленин⁴. **Я люблю их язык. Он мой язык**»⁵.

Б. Фрагмент «Армении» (1930).

Как **люб мне язык** твой зловещий,
Твои молодые гроба,
Где **буквы** – кузнечные **клещи**⁶
И **каждое** слово – **скоба**.

Строим теперь отображение текстов А → Б. Отметим «триггеры» этого «реального»⁷ отображения:

СТАЛИН, КОТОРЫЙ ПРОВОДИТ (зловещую!) ГЕНЕРАЛЬНУЮ ЛИНИЮ → очевидно, проводит ее с помощью «зловеще-

³ Т. е. большевики: Ленин и Сталин – это современные «книжники» = «фарисеи» = «талмудисты», для которых сакральный Текст – это весь мир, а манипуляция миром – это манипуляция Текстом, ради которой они мучают друг друга, заставляют (как новозаветного Петра) признавать «правильный» текст или отречься от «неправильного» текста и т. д.

⁴ Сразу отметим очевидное «сияющее зияние» в этом месте – отсутствие Троцкого, который, кроме всего прочего, уж точно был «большим филологом», чем Ленин со Сталиным! Но в начале 1930 года упоминать Троцкого в таком позитивном ключе было совсем не комильфо.

⁵ Тем самым, язык «фарисеев-талмудистов» (т. е. язык еврейского **мидраша**, приписываемый Манделъштамом большевикам, независимо от их этничности, в частности, Ленину и Троцкому, см. обсуждение конца ЧП в [3, с. 59]), – это язык самого Манделъштама! Здесь четко просвечивает (не формулируемое вербально) восприятие Манделъштамом советского новояза как «языка Талмуда». См. об этом также здесь в п. 3. Фрагмент А, завершающий 8-ю главку ЧП, приводится А. Морозовым в его комментариях к изданию [64]. Устно Морозов сообщал, что он успел переписать этот отрывок с одного списка ЧП, находившегося у Н. Манделъштам, после чего этот кусок был (предположительно, ею же) оторван, и даже остались следы отрыва.

⁶ Отметим русско-немецкую паронимическую связь: Zunge 'ЯЗЫК, спусковой крючок (оружия)' ↔ Zange 'КЛЕЩИ'.

⁷ В смысле определений Главы 1.

го» манипулятивного языка → ЯЗЫК ТВОЙ ЗЛОВЕЩИЙ

МУЧАЮТ → КУЗНЕЧНЫЕ КЛЕЩИ (орудие пытки, мучений)

КАЖДОЙ → КАЖДОЕ

БУКВОЧКИ → БУКВЫ

Я ЛЮБЛЮ ИХ ЯЗЫК, ЭТО МОЙ ЯЗЫК → ЛЮБ МНЕ ЯЗЫК
ТВОЙ

Применяя технику НСО⁸, получаем, что, с большой вероятностью, при этом «реальном» отображении, прообраз слова СКОБА – это слово СТАЛИН, т. е. при этом отображении СТАЛИН → «Коба» → (пароним) С-КОБА.

Тем самым, образ Сталина (генератора «зловещего языка») как бы «вшифровывается» в ткань фрагмента Б.

2. Точки пересечения «языка Мандельштама» и советского радио-газетного новояза («языка Ленина-Троцкого-Сталина»). Пересечение соответствующих ЯКМ: попытка реконструкции.

2.1. Отметим сразу «идеологическую базу» «похожести» дискурсов Сталина⁹ и Мандельштама: это вера в «магию языка», в магию вербального текста¹⁰, в магию «научного дискурса»¹¹ – и

⁸ Т. е. «принцип непрерывности семантического отображения», см. Главу 3.

⁹ «Дискурс (язык) Сталина» здесь – метонимия «советского новояза». Сталин был лишь одним из его создателей, наряду с Лениным, Троцким и еще тысячу больших и малых «текстуальных демиургов/манипуляторов». Но «язык Сталина» гораздо лучше исследован, благодаря, прежде всего, работам М. Вайскопфа и Б. Илизарова.

¹⁰ Напомним «программные» высказывания Мандельштама: «Поэзия – это **власть**», «Поэтическая мысль **вещь страшная**, и её боятся», «Подлинная поэзия **перестраивает мир**, и её боятся», см. подробнее в [88, п. 2.1, с. 49–50]. Сталин на банкете с писателями 26 октября 1932 года произносит внутренне похожие формулы: «писатели – инженеры человеческих душ», «производство душ важнее производства танков», см. [25, с. 482].

¹¹ Ср. у современных авторов: «...наука – от дьявола, потому что она дает надежду на овладение миром <...> Мандельштам так или иначе прикасался дьявольщине. в <...> Он буквально с фаустовской страстью шел на сделку с ним. И Сталина [как и «демона революции» Троцкого! – Л. Г.], **воплощающего марксизм с его абсолютной верой в науку**, действительно можно считать Мефистофелем» [34, с. 636].

установка на «физическую» имплементацию этой веры¹².

Несколько заостряя, можно сказать, что Сталин, Троцкий и Мандельштам – «люди текста»¹³ *par excellence* и при этом блестящие «текстуальные манипуляторы/демиурги»¹⁴. По эффективности техники «вербального» манипулирования их можно сравнить разве что с самыми выдающимися «талмудистами» – генераторами традиционных еврейских текстов.

Отметим, забегая вперед, что Мандельштам, как и, наверное, все советские литераторы того времени¹⁵, разумеется, проштудировал книгу Троцкого «Литература и революция» (1923) и «апроприировал» (включил в свой «язык») ряд мемов и метафор из этого текста. При этом некоторые «установки», сформулированные Троцким, совпали с соответствующими «установками» Мандельштама, см. ниже. Это же относится к ряду текстов Сталина. Собственно, в «похожести» соответствующих ЯКМ и состоит главный смысл странного, на первый взгляд, высказывания Мандельштама про язык Сталина /Ленина/Троцкого: «мой язык».

Заметим в этой связи, что М. Вайскопф в своем исследовании «языка Сталина» утверждает, что дискурс Сталина подвергся массивированному влиянию системы образов и текстуальных матриц, усвоенных вождем в православной *семинарии*¹⁶.

Но не менее сильным было воздействие еврейского *хедера* и, главное, установок и механизмов еврейского **традиционного**

¹² Об общей «мифологичности» дискурсов Мандельштама и сталинского новояза см. п. 2.2.6.

¹³ Может быть, следует уточнить: «люди **устного** текста». См. об этом в п. 2.2.5.

¹⁴ См. [88, п. 2.1, с. 50].

¹⁵ Многие из которых тогда считали (или готовились считать) Троцкого (как потом Сталина) мудрым вождём-учителем. Ср. пассаж из книги Н. Евреинова «Театр у животных» (1924): «**И я бесконечно благодарен Льву Давидовичу Троцкому**, а вместе со мной **и все мои единомышленники** (вольные и невольные), за ту **исключительно ценную поддержку**, какую нашла идея театрализации жизни в его последних литературных трудах. <...> **тов. Л. Троцкий справедливо полагает и вместе с тем верно предсказывает...**».

¹⁶ *Вайскопф М.* Писатель Сталин. Москва, 2К.

дискурса (ЕТД)¹⁷ на великое множество его соратников по партии и по генерированию советского новояза (как орудия манипулирования «массами»), а через этих соратников¹⁸ – и на него самого.

Ср. высказывание современного исследователя о «языке Сталина»: «...соблазнительно вновь сослаться на церковное воспитание [Сталина] с его библейской догматикой. **Но методы церковного догматизма мало чем отличаются от принципов талмудизма, на котором в юности воспитывались его [Сталина] главные политические оппоненты.** Ничем не отличался от Сталина в этом отношении Зиновьев, написавший в том же догматично-цитатническом духе книгу “Ленинизм”, изданную в 1926 г. Книга антитроцкистская, но Сталин использовал ее против самого Зиновьева. При случае жонглировали цитатами и гораздо более одаренные Каменев и Бухарин. Троцкий, которому в принципе такой стиль идейного существования претил, вынужден был прибегать к нему, обращаясь к авторитету Ленина»¹⁹.

Тем самым, еврейские традиционные текстуальные установки мощно воздействовали и на «язык Сталина» – он же «мой язык» Мандельштама (в ЧП), он же русско-советский радио-газетный новояз.

2.2. Укажем теперь наиболее важные установки и принципы дискурса, общие для Мандельштама, Троцкого и Сталина²⁰, главного редактора «советского новояза»²¹.

¹⁷ Отметим еще раз, что ЕТД – это, в значительной степени, проекция дискурса Вавилонского Талмуда, это то, что В. Розанов назвал «странным шепотом Талмуда».

¹⁸ При этом en masse замечательно владевших «речевым аппаратом», техникой устного спора (еврейского традиционного *пильнуля*) – здесь ему было чему позавидовать и чему поучиться, но надо отдать Сталину должное: он любил учиться и был в полном смысле выдающимся учеником (тех же Ленина и Троцкого) и имитатором. Кстати, «установка на имитацию/подражание», кроме всего прочего, сблизала в представлении Мандельштама дискурсы (и ЯКМ) его самого и Сталина.

¹⁹ *Илизаров Б.* Сталин. Штрихи к портрету на фоне его библиотеки и архива // Новая и новейшая история. – 2000. – № 3, 4.

²⁰ Отметим, что приводимый список «пересечений» неполон хотя бы потому, что «язык Троцкого» и другие базовые составляющие советского новояза исследованы совершенно недостаточно.

²¹ Ср. замечательную метафору М. Вайскопфа: «огромная **редакторская** ра-

2.2.1. Интенсивная установка на **метафоричность** текста²².

Вот характерный фрагмент из книги Троцкого «Литература и революция» (ЛИР, 1923): «Мы по-прежнему солдаты на походе. У нас дневка. Надо выстирать рубаху, подстричь и причесать волосы и первым делом прочистить и смазать винтовку. Вся наша нынешняя хозяйственно-культурная работа есть не что иное, как приведение себя в некоторый порядок меж двух боев и походов. Главные бои впереди – и, может быть, не так уж далеко».

Интересно, что Мандельштам напрямую заимствовал у Сталина-Троцкого некоторые метафоры. Пример: метафора Троцкого в ЛИР: «Маяковский атлетствует на арене слова и сплошь и рядом делает поистине чудеса, но сплошь и рядом с героическим напряжением поднимает заведомо пустые гири» – порождает метафору Мандельштама в ЧП (1930): «[Безыменский:] силач, подымающий картонные гири»²³.

Можно также отметить ряд мемов, идиом, выражений, обших для дискурса Мандельштама и текста ЛИР, и, возможно, им из ЛИР заимствованных.

Примеры.

ЛИР: «Кто вне октябрьских перспектив, тот опустошен насквозь и безнадежно. Оттого-то такими **свищами** [свистунами. – Л. Г.] ходят мудрецы и поэты, которые с этим “не согласны” или которых это “не касается”. Им просто напросто нечего сказать». «В трупном разложении эмиграции довершился некий **полированный тип посвистывающего циника**».

бота [Сталина] <...> получившая поистине тотальный государственный размах. **Сталин отредактировал Советский Союз. Но он же создал и основной текст для своего государства**» [216, с. 7]. Но я всё же отнёс бы к «главредам СССР» и Льва Троцкого.

²² См. (в основном тексте) п. 7.2.6. об этой установке у Мандельштама. М. Алданов говорит, фактически, об этом свойстве дискурса Троцкого в своей книге «Современники». Вот фрагмент из книги Алданова: «От Троцкого останет-ся десять тысяч восклицаний, – всё больше образные. После покушения Доры Каплан он воскликнул: “Мы и прежде знали, что у товарища Ленина в груди металл!” Где-то на Волге, в Казани или в Саратове он в порыве энтузиазма прокричал “глухим голосом”: “Если буржуазия хочет взять для себя всё место под солнцем, мы потушим солнце!” Галерка редела от восторга», цит. по [216, с. 25–26].

²³ Это «заимствование» отмечено Л. Флейшманом, см. [216, с. 26].

М: «кто свистит²⁴, кто мяучит...» (Эпиграмма); «флейты свищут²⁵, клеветуют и злятся» (Кувшин).

ЛИР: «Червеобразный человек и писатель: извивающийся, скользкий, липкий, укорачивается и растягивается по мере нужды – и как червь, противен. Православную церковь Розанов бесцеремонно – разумеется, в своем кругу – называл навозной кучей. Но обрядности держался (из трусости и на всякий случай), а помирать пришлось, пять раз причащался, тоже... на всякий случай. Он и с небом своим **двурушничал**, как с издателем и читателем»; «вся вообще система **двойного** счета, земного и небесного, вытекающая из **двоедушия** религии».

М: «его толстые пальцы, как черви, жирны» (Эпиграмма); «двурушник я, с двойной душой» (Грифельная ода, 1923).

ЛИР: «Формальная школа есть **гелертерски** препарированный недоносок идеализма в применении к вопросам искусства».

М: «гелертер!» (нем. 'учёный!' – презрительная характеристика Л. Каменева как «немецкого профессора» после встречи в офисе Каменева, по мемуарам Э. Герштейн).

ЛИР: «Если угодно, **поэзия и есть репортаж**, только особого большого стиля».

М: в нескольких местах в РД фактически цитирует это очень важное для него высказывание Л. Троцкого, конечно, хорошо известное ему. См. об этом ниже в п. 3.

²⁴ Л. Видгоф упоминает в этой связи выражение из «троцкистского дискурса» конца 1920-х: «свищущие фашисты», см. *Видгоф Л.* Осип Мандельштам: от «симпатий к троцкизму» до «ненависти к фашизму» // Colta. 19.05.2020. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/24395-leonid-vidgof-o-stihotvorenii-my-zhivem-pod-soboyu-ne-chuya-strany>.

²⁵ Аллюзия на германскую военную музыку с ее характерным «флейтовым» компонентом и, соответственно, на немецкий фашизм, см. подробнее в Приложении 3. Кроме того, существенно, что в нем. flöten = 'играть на флейте, свистеть, чихать/плевать на что-то'.

Наконец, отметим, что Э. Герштейн в мемуарах фиксирует в дискурсе Мандельштама (в 1931 г.) выражения, очевидно, принятые (в 20-х и начале 30-х) в кругах симпатизантов Троцкого: «он [Сталин] не способен сам ничего придумать... – ... **воплощение нетворческого начала**... – ... тип паразита... – десятник, который заставлял в Египте работать евреев²⁶...» [7, с. 26].

Ср. уничижительные характеристики Сталина в книге Троцкого «Моя жизнь» (1930): «наиболее выдающаяся посредственность нашей партии», «упорный эмпирик, **лишенный творческого воображения**», «политический кругозор которого крайне узок», «теоретический уровень совершенно примитивен»²⁷.

2.2.2. Установка на науку, научный дискурс (реализуемый, в основном, в «научной» метафорике²⁸); установка на **талмудизацию всей страны**²⁹, т. е. на внедрение **во всём** «подлинного» научного подхода и на **постоянную** учебу **всех**³⁰. Об этом говорилось выше.

Ср. фрагменты из ЛИР: «**в наше время массы и скорости, действительно творящих новый мир...**», «мы ставим себе зада-

²⁶ Он же «начальник евреев» в «Канцоне» (1931).

²⁷ Цит. по: *Костырченко Г.* Тайная политика Сталина. М., 2003. С. 103.

²⁸ «Научная метафорика» – это, прежде всего, использование научных «рабочих метафор». Ср. высказывание Троцкого о фрейдизме в лекции/статье «Культура и социализм» (1926/27): «метод Фрейда <...> **Это рабочая гипотеза, которая может дать и несомненно дает выводы и догадки, идущие по линии материалистической психологии**».

²⁹ Так никто, конечно, не формулировал, внедрялась формула: «электрификация всей страны», но, на самом деле, происходила именно **виртуальная «талмудизация**».

³⁰ Ср. замечательное высказывание о троцкистах и Троцком современного политолога (с очевидными еврейскими корнями): «**троцкисты – начётчики** [= «талмудисты-начётчики!» – Л. Г.]. **Они постоянно читают всякие тексты, источники, все время обсуждают и спорят о них.** Схожие традиции есть у некоторых религиозных сект, которые в результате очень хорошо знают Писание. Если вы не теолог, а рядовой христианин любой деноминации, то вы, как правило, плохо знаете Библию. И обычные евреи ничего про Тору не знают, доверяя только раввинам. А хасиды сидят и Тору читают с утра до вечера. **Троцкистов в этом смысле часто сравнивают с сектантами**» (Б. Кагарлицкий, интервью // Взгляд. 20.08.2020. URL: <https://vz-ru.turbopages.org/vz.ru/s/society/2020/8/20/1055681.html>).

чей **ввести поголовную грамотность** к десятилетнему юбилею Советской власти», «...пролетариату, ибо его экономика, политика и культура могут строиться **только на творческой самодеятельности масс**», «В одном “Коммунистическом Манифесте” **больше подлинной науки**, чем в целых библиотеках исторических и историко-философских профессорских компиляций, спекуляций и фальсификаций».

Принципиальная важность этой установки для Мандельштама эксплицируется в тексте РД и в ряде других текстов: об этом много говорилось выше.

2.2.3. Установка на «динамику».

Ср. подчёркнутую частотность выражений из семантического поля концепта «**динамика**» в тексте ЛИР Троицкого: «**слышу динамику событий**, музыку бури», «**динамичность** революции», «**динамическое** равновесие», «**формы быта** приобретут **динамическую театральность**», «чем глубже проникнется она [литература] стремлением преобразовать жизнь, тем значительнее и **динамичнее** сумеет “изображать” ее».

О принципиальной важности этого концепта и этой установки в ЯКМ Мандельштама говорится, например, в п. 7.2.1 и 7.2.2 «основного текста», а также ниже в п. 3.2.1.

2.2.4. Установка на «диалектичность» (внедрение «диалектического» подхода)³¹, на «оксюморонизацию» текста, на частотное введение в текст т. н. «оксюморонных ситуаций», на «парадоксальность», на «двойничество», двойственность, «шизоидность», точнее, установка на **одновременное** присутствие, соединение и взаимодействие взаимоисключающих противоположностей, т. е. на «дополнительность» в смысле Бора.

Об этой установке у Мандельштама см. Главу 7, п. 7.2.3.

Что касается Сталина, то в рассмотренном выше фрагменте из «Армении» Мандельштам сам указывает на эту явно симпатичную ему особенность «языка Сталина»: «ТВОИ МОЛОДЫЕ

³¹ В советском новоязе это считали применением гегелевской диалектики, но, на самом деле, «мы диалектику учили не по Гегелю» (Маяковский), это была, ориентация на введение в рассмотрение «**дополнительных по Бору**» ситуаций, импортированная из Вавилонского Талмуда через посредство ЕТД.

ГРОБА». Дело в том, что пара (ЯЗЫК + ГРОБА) фонически суггестирует сочетание «язык грабар» = «древне-армянский язык» → смысл: «древность». Тем самым, эта строка суггестирует два «дополнительных по Бору» смысла: «молодость»/«старость», а всё выражение МОЛОДЫЕ ГРОБА – типичный оксюморон.

В частности, можно говорить о частотном «сталкивании» в дискурсе Сталина «дополнительных по Бору» метафор³². М. Вайскопф объясняет подобные же феномены в дискурсе Сталина «...его **общей установкой на раздвоение личности**»³³. Сталин, по мнению М. Вайскопфа, намеренно демонстрирует «**диалектическую** подвижность, сложность, извилистость своего политического пути».

Примеры³⁴:

«восходящая линия нарастающих провалов»;

«*рост их падает прежде всего на районы, где у нас поднимается промышленность*»;

«рабочие и крестьяне всего мира хотят сохранить Республику Советов как *стрелу*, пущенную верной рукой товарища Ленина в стан врагов, как *опору* своих надежд, как верный маяк, указывающий им путь освобождения»;

«наша партия *стояла как утес*, отражая бесчисленные удары врагов и *ведя* рабочий класс вперед, к победе»;

«*перед нами стоят две силы*. С одной стороны – наша партия <...> С другой стороны – оппозиция, *ковыляющая за нашей партией*».

В заключение этого рассмотрения приведу фрагмент из мемуаров Н. Я. М, из которого видно, что Мандельштам размышлял

³² Которые Вайскопф называет более узким термином «фундаментальные бинарные оппозиции». Он пишет: «тут правомерно говорить об определенной смысловой установке, явственно пробивающейся сквозь мутный стилиевой хаос. Я имею в виду отчетливую сталинскую тенденцию к соединению в рамках одного образа фундаментальных бинарных оппозиций».

³³ См. [216, с. 13–14]. В другом месте Вайскопф пишет: «Облюбованная им [Сталиным] система риторических вопросов, тяготеющая к несколько **шизофреническому внутреннему диалогу**...».

³⁴ Приводятся М. Вайскопфом в работе [216].

о технике³⁵ «семантической манипуляции» в советском новоязе 1920-х [9, с. 13]: «Люди искоряющей профессии придумали поговорку: “Был бы человек – дело найдется”. Впервые мы ее услышали в Ялте (1928) от Фурманова, брата писателя. Чекист, которому только что удалось спланировать в кинематографию, но через жену еще связанный с этим учреждением, он кое-что в этом понимал. В пансиончике, где большинство лечилось от туберкулеза, а Фурманов укреплял морским воздухом расшатанные нервы, жил добродушный и веселый нэпман. Он быстро сошелся с Фурмановым, и они оба придумали игру в “следствие”, которая своей реальностью щекотала им нервы. Фурманов, иллюстрируя поговорку про человека и дело, проводил допрос дрожащего нэпмана, и тот неизбежно запутывался в **сети хитроумных расширительных толкований каждого слова**.

<...> никто, кроме О.М., не обращал внимания на забавы бывшего следователя, и игра в кошки-мышки проходила незамеченной. Не заметила бы ее и я, если б О.М. не сказал мне: “Ты только послушай...” У меня ощущение, будто О.М. специально показывал мне все то, что он хотел, чтобы я запомнила... Фурмановская игра дала нам кое-какое первое понятие о судопроизводстве в нашем еще только становящемся государстве. В основе судопроизводства лежала **диалектика** и великая стабильная мысль: “Кто не с нами, тот против нас”».

2.2.5. Установка на «устность».

Важная (но почти не исследованная) общая черта дискурсов Мандельштама и Сталина – это их подчеркнутая ориентированность на УСТНОСТЬ, «аудиальность» дискурса (в какой степени это верно относительно Троцкого – требует отдельного рассмотрения).

Очевидна важность именно аудиальности (**устного** дискурсивного модуса) для Сталина: устные указания/указы, в частности, по телефону³⁶, дискурсивный («литературный», ориентированный на «вербализацию») театр, «радио-рупор» Сталина

³⁵ Которую через 20 лет описал Оруэлл в «1984», см. ниже о феномене doublethink.

³⁶ М. Macluhan бы сказал, наверное, что «цивилизация Сталина – это цивилизация **радио и телефона**»!

(Левитан) и т. д. Манделъштам сказал в ЧП: «Я один в России работаю с голоса». Нет, не один, так же работает еще Сталин.

Похоже, здесь дело в ощущении генераторов текста, что аудиальность более других модусов дискурса усиливает **магию** текста, его манипулятивное (перформативное) воздействие и т. д. Кроме того, для Манделъштама (и, по-видимому, для Троцкого) аудиальность связана со столь важной для него **динамикой** дискурса: «говорить – значит всегда находиться в дороге» (РД, гл. 2).

Сильно упрощая, можно утверждать, что аудиальность Манделъштама коренится в глубинной ашкеназской дискурсивной традиции, которая, в свою очередь, уходит корнями в Вавилонский Талмуд. Обсуждаемый феномен, разумеется, требует отдельного подробного рассмотрения с привлечением, в частности, результатов в области «когнитивистской» психологии и т. д.

Отметим, что Сталин был, так же как Манделъштам, склонен при генерации текста к «фонической (аудиальной) ассоциативности» (типа мидраша), см. подробнее ниже, п. 2.2.6. Вот простейший пример (в речи 22 апреля 1941 г.):

«Таджики – это настоящий народ – носитель короны». Здесь работает простейший СИ-оператор (русс.-араб. паронимии): «ТАДЖИ-ки» → араб. ТАДЖИ ‘коронный’ → (смысл): «коронный народ, **НОСИТЕЛЬ КОРОНЫ**»³⁷.

А вот пример из той же «бриколажной» (см. ниже п. 2.2.6) оперы у Троцкого (ЛИР): «[Розанов] **твердит зады и врет за двух**». Здесь первая часть высказывания порождает вторую с помощью СИ-оператора, переставляющего консонантный состав³⁸.

2.2.6. Установка на «мифологичность текста» и на «бриколаж».

«Ленину был чужд тот напряженный вездесущий и хитроумный вербальный фетишизм, **который отличал его наследни-**

³⁷ М. Вайскопф, приводя этот пример, почему-то игнорирует его очевидный семантический механизм и даёт беспомощное ad hoc объяснение этого пассажа Сталина. Он пишет: «...странный титул “носителя короны” <...> возник из самой сталинской поэтики, замкнутой, как мы помним, на ассоциациях по смежности. Ведь Иран был монархией, и **корону его носил “царь царей”** – шахиншах... Оттого-то, **чуть ли не автоматически** [! – Л. Г.], и проявился у Сталина этот ассоциативный ход».

³⁸ Это СИ-оператор «консонантной паронимии», см. Главу 4.

ка [Сталина] и во многом содействовал его успеху <...> таки[e] содержательны[e] компонент[ы] сталинщин[ы], как магизм, культ Ленина, русско-революционная или кавказско-фольклорная мифология, православие, язычество»³⁹.

Очень интересны в этом отношении проявления в дискурсе Сталина «мидрашного»⁴⁰ способа генерации текста (в точности, как у Мандельштама!), который М. Вайскопф называет «моторно-ассоциативной манерой»⁴¹. Отметим также риторику повторов (это связано, разумеется, и с установкой на устность) и применение притч.

Интересно в этой связи рассмотреть феномен бриколажа у Сталина⁴². Напомним удобное определение бриколажа, данное Вяч. Вс. Ивановым (по работам Леви-Стросса): способность соединять самые разнородные вещи, строя из них некое единое сооружение. Например, комплекс или «пучок значений» (смыслов) можно рассматривать как такое сооружение. Подробнее об этом феномене см. выше, в Главе 8, п. 8.4.1 и Главе 6, п. 6.4.

О мифологизме и бриколаже у Мандельштама см. там же.

* * *

Ниже приводится работа⁴³ об отношениях Мандельштама с советским газетным миром, демиургом которого, «главным-главным редактором» и «терминальным корректором» являлся (после падения Троцкого) Сталин.

³⁹ См. [38, с. 10].

⁴⁰ Я бы даже сказал: «бриколажного», см. выше, в Главе 8.

⁴¹ Например, М. Вайскопф упоминает сталинскую инвективу против западных социалистов: «Лидеры II интернационала **скачут и играют** [как Давид перед ковчегом Завета. – Л. Г.], уверяя рабочих в том, что <...> Лига Наций – **ковчег мира**» и пишет: «Ведь для его моторно-ассоциативной манеры очень характерно такое спонтанное смещение омонимов: от ковчега Завета к ковчегу Ноя, отождествленному со спасением и мирной жизнью, наступившей после потопа», [216, с. 259].

⁴² Простейший пример «семантического бриколажа» у Сталина – это приведенное выше в п. 2.2.5 высказывание о таджиках как о «коронном народе».

⁴³ Это, с **существенными изменениями**, текст, опубликованный в монографии [3, п. 1.6]. Журнальный (сокращенный) вариант был опубликован в «Вопросах литературы» в 2011 г.

3. У ZEITungen в плену: Осип Мандельштам и язык советской прессы. Манипулятивность М-текста. М-текст и «язык Сталина».

Сталин. <...> Ленин. Я люблю их язык.
Он мой язык.

О. Мандельштам. Четвертая проза

...борьба газетной темы и ямбического духа. Почти вся поэма в плену у газеты.

О. Мандельштам. Заметки о Шенье

Повышенный интерес Мандельштама к советской газете хорошо известен из его собственных текстов и записей мемуаристов.

В очерке «Холодное лето» (1923) он пишет: «А я люблю выбежать утром на омытую светлую улицу, через сад, где за ночь намело сугробы летнего снега, перины пуховых одуванчиков, – прямо в киоск, за “Правдой”».

Точно так же в конце 1937 г. в Калинин Мандельштам, по воспоминаниям его жены, каждый день «просматривал» “Правду”, которую выписывал хозяин, пытаясь извлечь информацию, в особенности, из высказываний и даже из фотографий Сталина.

«Читая, <...> О.М. часто говорил: “Мы погибли”... Впервые он это произнес, показывая мне отзыв Сталина на сказку Горького: “Эта штука сильнее “Фауста” Гете. Любовь побеждает смерть”... Он сказал еще “мы погибли”, увидав на обложке какого-то иллюстрированного журнала, как Сталин протягивает руку Ежову. <...> Однажды за столом у Татьяны Васильевны О.М. прочел речь Сталина <...>. Сталин пил за ту науку, которая нам нужна, а не за ту науку, которая нам не нужна... <...> О.М. сказал привычное: “Мы погибли”... Вот тут-то Татьяна Васильевна и ее муж разъярились: “Вам только бы гибнуть... еще накликаете... вы бы как жить подумали...”»⁴⁴.

Психологический феномен «газетной зависимости» был вполне распространен и «нормален» в советском «среднем клас-

⁴⁴ См. [9, с. 320, 323].

се». Но этот же феномен, по меньшей мере, странен и, наверное, уникален для большого поэта, принадлежащего к интеллектуальной элите общества.

Да, газеты читали все, кто хотел быть социально интегрированным, не остаться «на обочине» новой жизни. Для определенного слоя городского населения чтение центральных газет и/или подписка на них служили признаком лояльности советской власти и партии, неким ритуалом «текстуальной» социализации.

Но, тем не менее, трудно представить себе Пастернака, выбегающего утром за «Правдой». Или Ахматову, фиксирующую в стихотворных строках свои впечатления от прочтения свежего номера той же газеты:

Вот «Правды» первая страница, // Вот с приговором полоса.
<...>
Футбол для молодого баска, // Мадрида пламенная жизнь⁴⁵.

Для русско-советской научной и художественной элиты принятой нормой было презрение к газете, стремление как-то избежать ее чтения (булгаковский профессор говорит: «не читайте советских газет»), хотя совсем уйти от этого было невозможно.

Вообще трудно представить, что могло быть привлекательного для психически нормального интеллектуала в советской газете. Мандельштам и здесь выламывался из общего ряда.

В чем здесь дело?

3.1. Разумеется, «в дверях скучает» (по выражению Мандельштама) общее объяснение типа ярко выраженной у Мандельштама психологической установки на получение новой информации и на осуществление коммуникации: ведь газета в 20–30-х – это главная информационно-коммуникативная система, пусть дозирующая и деформирующая информацию, но все же...

Проще говоря, Мандельштам, вообще, ориентирован, настроен на абсорбирование новостей о происходящем вокруг него, пусть препарированных цензурой. При этом он, конечно, должен был максимально использовать главные на данный

⁴⁵ См. «Стансы», июль 1937.

момент коммуникационные системы, т. е. газету и, в меньшей степени, радио.

В Воронеже Мандельштам, кроме ежедневного чтения центральных и местных газет, регулярно слушает «московские» новости по радио («Наушнички... Ну, как метро?...»).

Вполне естественно представить, что, если бы Мандельштам через «щель в хронотопе» пролез в сегодняшний день, он часы и дни проводил бы в сети, впитывая всевозможную, совершенно не обязательно практически нужную, информацию из сети.

Тексты Мандельштама показывают, что он был «настроен» на использование любой информации, которую можно получить из газеты. Мандельштам – «продвинутый юзер» газеты: он использует эту инфо-систему целиком, со всеми ее опциями, вплоть до отдела личных объявлений⁴⁶. Газетный текст у него идет в дело (т. е. отражается в генерируемых им текстах) **весь**: от политических передовиц до спортивных сообщений («футбол для молодого баска»), рекламы кинотеатров⁴⁷ и т. п.

Заметим теперь, что все сказанное выше относится к тексту любого вида (даже не обязательно вербальному), поступающему «на вход» сознания Мандельштама. Ему интересен и экзистенциально важен ЛЮБОЙ печатный текст («листаю книги в глыбках подворотнях, и не живу, и все-таки живу»), а уж тем более тот, который имеет, по его ощущению, непосредственное отношение к его жизни (типа вышеупомянутых сообщений в «Правде» в конце 1937 г. о готовящихся процессах и т. п.).

Уже говорилось⁴⁸, что Мандельштам, следуя глубинной иудайской (талмудической) традиции, воспринимал мир как

⁴⁶ См. скан объявления Мандельштама о съеме комнаты в «Вечерней Москве» от 1 октября 1929 г., [3, п. 1.6].

⁴⁷ См. там же скан кинорекламы в Правде от 1 декабря 1930 г., предположительно давшей странных «голубых песцов» в стих. «Волк» (начало 1931 г.) Была, конечно, и «наружная кинореклама», но напомним, что Мандельштам «сканировал» центральные газеты от первой до последней полосы **каждый** день, поэтому газетный источник «вероятнее».

⁴⁸ О «ключевой идее» «мира как текста» у Мандельштама см. например, [88], «Идеологическое предисловие».

вербальный Текст, а текстуальное описание мира – как результат работы некоторой системы передачи информации (миру и людям).

Ср.: «Нам уже трудно себе представить, <...> — каким образом вся библейская космогония с ее христианскими придатками могла восприниматься тогдашними образованными людьми буквально как **свежая газета, как настоящий экстренный выпуск**»⁴⁹.

Резюмирующая метафора: можно сказать, что Мандельштам – это мощная интеллектуальная машина (по выражению С. Рудакова – «механизм») для переработки чужих и своих (более ранних) текстов. При этом мы видим, что чтение газеты для Мандельштама – это важнейший текстуальный контакт с окружающим Миром, который и сам по себе есть Текст.

Но, почему всё же именно газетный текст так привлекателен («Я люблю их язык») и явно чем-то позитивно маркирован для Мандельштама? Просто «информативности» газетного текста недостаточно для ответа на этот вопрос.

3.2. Дело, по-видимому, в том, что, кроме вышерассмотренной «инфо-метафизики», есть какая-то конкретная физика текста, делающая для Мандельштама газету привлекательной *per se*, без какой бы то ни было сиюминутной функциональности.

Это – язык газеты в широком смысле. Это **наиболее** комфортный и близкий для Мандельштама⁵⁰ мир текста, мощно резонировавший с его собственным «мировым текстом», в отличие от, скажем, мира текста «конвенциональной» нарративной литературы.

Близкий для него в чем? Что может быть общего у дискурса гениального поэта и предельно, часто до идиотизма, стандартизированного языка советской газеты?

Представляется, что дело здесь в следующих психолингвистических феноменах:

⁴⁹ РД, гл. 6.

⁵⁰ Ср. вынесенное в эпиграф высказывание Мандельштама из ЧП про язык Сталина, одного из главных генераторов русского газетного новояза: «Он мой язык». Для Мандельштама, по-видимому, «язык Сталина» = «советский газетный язык». См. ниже более подробное обсуждение этого пассажа из ЧП.

3.2.1. Динамика текста → семантический взрыв. Мандельштама привлекала доведенная до предела динамика репортажного текста, установка репортажного текста на частотный семантический «взрыв» (в смысле Лотмана), установка на «клиповость» структуры текста и его рецепции. В «пределе» – это семантический взрыв (например, врезка семантического клипа, blow-up, и т. п.) в каждой точке текста⁵¹.

О присутствии у Мандельштама установки на «репортажность» текста он сам прямо говорит во 2-й и 6-й главах «Разговора о Данте» (РД)⁵²: «И вот, читая песни Данта, мы получаем как бы **информационные сводки** с поля военных действий...». «И если мы с этой точки зрения подойдем к Данту, то окажется, что в предании он видел не столько священную его, ослепляющую сторону, сколько предмет, обыгрываемый при помощи **горячего репортажа**⁵³ и страстного экспериментирования. В двадцать шестой песни “Paradiso” Дант дорывается до личного разговора с Адамом, до подлинного **интервью**. Ему ассистирует Иоанн Богослов — автор Апокалипсиса».

Контекст репортажа симпатичен Мандельштаму, и его привлекают акторы газетно-репортажной ситуации: «Я к воробьям пойду и к репортерам». Здесь «воробьи» – это «газетные воробьи» – тогдашнее прозвище мальчишек-газетчиков.

3.2.2. Предельная коммуникативность текста. В языке советской газеты это свойство текста очевидно. Что касается Мандельштама, то Ю. Левин отмечал в работах 1970-х гг. нарастающую ориентированность его текста «на процесс коммуникации. «Усиливается апеллятивность, как глобальная (стихотворение в целом – обращение к кому-то или чему-то, будь то даже щегол, заводской гудок или кувшин), так и локальная, с частой сменой локальных адресатов (см., например, “К не-

⁵¹ О текстуальной идеологии семантического «взрыва» у Мандельштама подробно и с массой примеров говорится в Главе 7, п. 7.1.1.

⁵² Где, как обычно в РД, Дант = alter ego самого Мандельштама.

⁵³ Напомним, что здесь и еще в нескольких местах Мандельштам фактически цитирует высказывание Л. Троцкого (в книге «Литература и революция (1923)), конечно, известное ему «Если угодно, **поэзия и есть репортаж**, только особого большого стиля». Это было указано в п. 2.

мецкой речи”). Очень часты вопросы, императивы, обращения (в том числе, что особенно характерно, своеобразные “приветствия” типа “Ну здравствуй, чернозем”). Но дело не только в количественном росте “коммуникативных элементов” в тексте, но и, главное, в актуализации коммуникативности⁵⁴.

3.2.3. Ориентация на «репортаж участника» → перформативность текста. В языке газеты (в особенности, советской газеты), вообще, присутствует установка на «репортаж участника», который «в пределе» переходит в *перформативность*, т. е. в ситуацию, когда текст каузирует некоторые действия или сам является тем «событием», которое он стремится выразить.

Примеры перформативных ситуаций в советской прессе: «призывы», «клятвы», даже названия газет («Призыв», «Правда») и т. п.

Этот же феномен характерен для текста Мандельштама, на что указал он сам в РД (гл. 4), см. ниже. Это же свойство М-текста отмечал Ю. Левин в работах 1970-х гг.:

«У позднего Мандельштама стихотворение из условного знака коммуникативного акта превращается в как бы непосредственно – здесь и теперь – происходящее общение, из знака события само превращается в событие, из литературного факта – в факт жизни. Такие стихи, как “Куда как страшно...”, “Мы с тобой на кухне посидим...”, “Нет, не спрятаться мне...” и мн. др. дают не описание ситуации, а актуальное ее присутствие, предполагающее не фиктивный, а реальный контакт»⁵⁵.

Ю. Левин утверждает, что для позднего Мандельштама «наиболее характерен случай как “личностного”, так и пространственно-временного совпадения Н [наблюдателя] и Г [говорящего], <...> причем этот Н-Г локализован и темпорализован внутри события, – тип “репортажа участника”⁵⁶, (характерный пример – “Стихи о неизвестном солдате” с их сочетанием апокалиптичности и **репортажности**). Крайним частным случаем является

⁵⁴ Левин Ю. О некоторых особенностях поэтики позднего Мандельштама // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Сб. ст. Воронеж, 1990. С. 412.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Ср. вышеприведенный пассаж из 6-й главы РД: «Дант дорывается до личного разговора с Адамом, до подлинного **интервью**».

перформативный текст, когда стихотворение само является тем актом, который оно выражает (автореферентность). Такие тексты максимально ситуативны, особенно глубоко укоренены в действительности, в них Н и Г слиты до неразличимости, поскольку «повествование здесь само является событием». Многие стихи позднего Мандельштама тяготеют к перформативности, что проявляется, в частности, в употреблении конструкций типа «Я скажу это начерно, шопотом...», «Я скажу тебе с последней прямотой...», «Я шепчу обескровленным ртом...», за которыми следует «говоримый» текст (означаемое таких конструкций – сам факт говорения здесь и теперь, т. е. совпадает с означающим)⁵⁷.

«Дописывая» работу Левина, можно сказать, что к этой же системе феноменов относится, по-видимому, частотная «мидрашная» ситуация, когда текст Мандельштама «изучает сам себя».

Ср. пассаж в РД: «непрерывное превращение материально-поэтического субстрата, сохраняющего свое единство и стремящегося проникнуть внутрь себя самого».

Существенно здесь отметить, что французский философ А. Бергсон, под влиянием которого находился Мандельштам, считал «внутреннее наблюдение», «интроспекцию» (погружение в сознание) эффективным методом познания. Усилим «интроспекции» человек может понять связь действительности и своей экзистенции, т. е. совместить Н и Г и стать «участником события, дающим репортаж». Газета *per se* и есть такой «участник события» – это и привлекает Мандельштама в газете.

3.2.4. Установка на «игру слов» и на «оксюморонизацию». Манипулирование семантикой. Для советского газетного языка частотно использование «игры слов», «каламбуров»: это бросается в глаза, например, в заголовках статей.

Эти техники – частные проявления общей ориентации на семантическое манипулирование, т. е. наполнение концептов, концептуальных метафор и т. п. русского языка модифицированным содержанием для достижения некоей «целевой семантической функции» текста.

⁵⁷ Левин Ю. О некоторых особенностях поэтики позднего Мандельштама // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Сб. ст. Воронеж, 1990. С. 412–413.

Интересно, что и в дискурсе Сталина «каламбуры» – рутинное явление. М. Вайскопф в своем исследовании языка Сталина приводит ряд примеров – в частности, он пишет: «стоит заново взглянуть на его [Сталина] первый публицистический псевдоним, составленный на **каламбурно-двуязычной** основе [Бесошвили = сын беса]» [216, с. 196].

В той же работе Вайскопф приводит ряд примеров частотного присутствия в дискурсе Сталина **оксюморонных текстуальных ситуаций**, которые он, следуя советской и общеевропейской традиции, называет «сталинской **диалектикой**»⁵⁸.

Соответственно, в текстах Мандельштама феномен игры «на каламбурно-двуязычной основе» и феномен оксюморонных ситуаций типа «сухой влажности» абсолютно рутинны и массовидны: подробно об этом см. в [3] и в Главах 4–8 данной монографии. Там же говорится о мандельштамовских техниках семантического манипулирования.

3.2.5. Некоторые выводы и одна гипотеза.

Проанализировав вышесказанное, можно высказать утверждение, что «точки совпадения» языка Мандельштама и советского газетного языка напоминают ряд черт и текстуальных установок еврейского традиционного дискурса, т. е. мидраша, идиш-дискурса и т. п. В этом легко убедиться, просмотрев работу, исследующую «пересечения» текста Мандельштама и еврейского традиционного текста⁵⁹.

⁵⁸ Несколько огрубляя, можно сказать, что и Сталин (и Троцкий), и Мандельштам «диалектику учили не по Гегелю», а, скорее, по Талмуду, точнее, по ЕТД. Феномен «талмудической диалектики» в советском новоязе 1920–30-х гг., удивительно точно описанный Оруэллом в виде *doublethink* в «1984», должен быть рассмотрен отдельно. Здесь лишь отметим, что оруэлловский *doublethink* – это частный случай автоманипуляционной техники работы с «протосмыслом ситуации», где протосмысл – это «квантовый объект», введенный в рассмотрение в Главе 1.

⁵⁹ *Городецкий Л.* Текст Мандельштама в сопоставлении с традиционным еврейским дискурсом // Вестник Пермского университета: Серия «Российская и зарубежная филология». Август 2010. № 4 (10). Стр. 145–155. Материал этой статьи в расширенном виде содержится также в монографии [3], п. 1.2.3, а также в данной работе в Главе 6, п. 7.2.3.

Текст Мандельштама по своему «устройству» часто совершенно удивительным образом напоминает традиционный еврейский текст, т. е. Талмуд, или Мидраш, или традиционный идиш-дискурс. Это выражается, прежде всего, в системном совпадении некоторых принципов «генерирования» текста. При этом Мандельштам «идеологически совпадает» с традиционными еврейскими авторами в своем отношении к концепту и реальности «Текста».

Он сам сказал про феномен своего отношения к «тексту» в рассмотренном выше пассаже в ЧП (1929/30): «Кто же, братишки, по-вашему, больше филолог: Сталин, который проводит генеральную линию, большевики, которые друг друга **мучают из-за каждой буквочки**, заставляют отречься до десятых петухов, – или Митька Благой с веревкой? По-моему – Сталин. По-моему – Ленин. **Я люблю их язык. Он мой язык.**»

И далее, в конце ЧП: «Ленин и Троцкий ходят в обнимку... Ходят два еврея..., и один **все спрашивает**, все спрашивает, а другой **все крутит**, все крутит, и никак им не разойтись».

Уместно сравнить с этими высказываниями широко известную инвективу Лютера против «извращенной экзегетики талмудистов⁶⁰», которые «versuchen, drehen, deuten, martern fast alle Wort», т. е. «**испытывают, крутят, толкуют, мучают** почти каждое слово»⁶¹.

* * *

В языке советской газеты в период 1917–1937 (и далее, с постепенным «затуханием») массово проявлялись системные механизмы и «семантические установки» еврейского традиционного дискурса (ЕТД), иными словами, «талмудического дискурса». Именно это, прежде всего прочего, было (возможно, неосознанно) аттрактивным для Мандельштама, который сам был, в некотором смысле, фокусом матриц еврейской культурно-цивилизационной системы (ЕЦ)⁶².

⁶⁰ Т. е. тех же фарисеев, толкующих букву Св. Писания.

⁶¹ Цит. по: Еврейская Энциклопедия. СПб., 1905–1912. Т. X, кол. 445. Заметим, что там слово versuchen неточно (для данного контекста) переведено как «исследуют».

⁶² Последнее утверждение подробно обосновывается в монографии [200].

Главной причиной такого рода «талмудизации» языка советской прессы (и, следовательно, всего русского новояза) рассматриваемого периода был, разумеется, массовый приток в журналистику и в управленческую элиту (с ее выступлениями в СМИ), начиная с 1917 года, «кадров», подвергшихся воздействию ЕЦ и ЕТД, например, получивших, хотя бы частично, в детстве и юности еврейское традиционное образование и т. п.

Приложение 3

Примеры семантического анализа текстов, в которых используются вышеизложенные техники:

- (I) «Из гнезда упавший щегол» в поле столкновения цивилизаций: тексты 1922–1923 гг.;
(II) «Канцона»; (III) «Довольно кукситься...»;
(IV) «Стансы (1935)»

I. «Из гнезда упавший щегол» в поле «столкновения цивилизаций». Осип Мандельштам в 1922–1923 гг.: процесс самоидентификации.

Кто я? Не каменщик прямой,
Не кровельщик, не корабельщик:
Двурушник я, с двойной душой,
Я ночи друг, я дня застрельщик.

Грифельная ода (1923)

В 1917-м конфликт между ЕЦ (еврейской цивилизацией) и РЦ (русской цивилизацией), развивавшийся где-то с конца XIX века, перерос в горячее «столкновение цивилизаций» (clash по Хантингтону), продолжавшееся почти до конца 1930-х годов.

Стержневой смысл рассматриваемой группы М-текстов 1922–23 гг. – мучительная рефлексия, интенсивный поиск идентификации человеком, находящимся в зоне «столкновения цивилизаций»: кто я, к какой «культурно-цивилизационной системе (КЦС)» я отношусь?

Эта рефлексия отражена, прежде всего, в группе «симультаных»¹ (и потому требующих **одновременного** рассмотрения) текстов 1922 г.: «Я не знаю, с каких пор...», «Я по лесенке приставной...», «Век мой, зверь мой...».

В «идентификационном» смысловом ракурсе группу «симультаных» текстов 1922 г. естественно рассматривать как

¹ Т. е. таких, «процессы создания» которых пересекаются и взаимовоздействуют в «сознании» генератора этих текстов.

«простые пре-сонатины» к «могучим сонатам» «Грифельной оды» (1923)² и «1 января 1924».

В сознании автора этих текстов «сталкиваются», прежде всего, две КЦС:

(а) еврейская

Ее символы и маркеры в текстах:

- «лестница в небо» = «восхождение души» в 7 концентрических небесных дворцов в евр. мистической традиции, они же «семь плавающих сфер» в <Записках к РД>, соответствующие «7 дням творения»;
- «всклоченный сеновал», «сеновала древний (иудейский) хаос», сено = труха звезд (= бессмысленный «хаос иудейский»);
- «колтун пространства» – неевклидова (неориентируемая) геометрия «еврейского пространства» в представлении Мандельштама³;
- «распряженный воз», который «торчит поперек вселенной» – это Большая Медведица (созвездие, обозначаемое ивр. 'агала 'телега' в Талмуде и в идише)⁴;
- «щеглы»⁵;
- тмин;
- «родной (немецко-еврейский) звукоряд».

(б) греческая (= русская)

Ее символы и маркеры:

- удлинённых звучаний рой;
- эолийский чудесный строй;
- горящие (= горячие = греческие) ряды.

² Подробно о соответствующем кластере смыслов «Грифельной оды» см. в монографии [3], п. 3.2.

³ См. ниже. Существенно, что повлиявшая на геометрию ЯКМ Мандельштама брошюра П. Флоренского «Мнимости в геометрии» вышла в 1922 г.

⁴ Отметим здесь же, что это созвездие обозначается как «воз, повозка» и в ряде европейских и азиатских культур, в частности, у Гомера в «Одиссее», в Вавилонии и т. д.

⁵ См. подробнее ниже: здесь просматривается связь с «Грифельной одой», см. [3], п. 3.2.

И еврейская, и греческая (= русская) цивилизации и сам автор находятся под постоянно растущей угрозой со стороны (условной) Ассирии: НАБУХАЕТ, ЗВЕНИТ ТЕМЬ И РАСТЕТ И ЗВЕНИТ ОПЯТЬ.

Автор предвидит для себя «возвращение» (ивр. trad. *тешу-ва*) к еврейству («щеглов... приносят назад»), но не через религию и/или древнюю традицию, которые для него – «сено» (нем. Heu, Y[hey], голл. Ноoi) – насмешливая метафора мелкости, нерелевантности, древнего непонятного хаоса иудейства и т. п. Скорее, это «возвращение» через фоннику (фоносемантическую ткань) стиха (родной звукоряд) назад, к семантическим техникам традиционного ашкеназского дискурса, восходящим к Талмуду!

Это возвращение к корням «по крови», типа традиционной модельной ситуации возвращения «пленного (и подвергшегося чуждому воздействию) ребенка» (ивр. *тинок ше-нишба*).

* * *

«Я не знаю, с каких пор...»

Я не знаю, с каких пор
Эта песенка началась, –
Не по ней ли шуршит вор,
Комариный звенит князь?

Я хотел бы ни о чем
Еще раз поговорить,
Прошуршать спичкой, плечом
Растолкать ночь, разбудить;

Раскидать бы за стогом стог,
Шапку воздуха, что томит;
Распороть, разорвать мешок,
В котором тмин зашит⁶.

Чтобы розовой крови связь,
Этих сухоньких трав звон,

⁶ Вариант последнего двустушия: «Перетряхнуть мешок, // В котором тмин зашит».

Уворованная нашлась
Через век, сеновал, сон.

Это стихотворение – размышление о своей жизни, об отношениях с иудейским «мешком», в котором заключено детство и еврейская традиция.

Комариный князь (ПЕСЕНКА → нем. *Gesang* ‘песня’ → (эквивалент.) КНЯЗЬ), который ЗВЕНИТ, немедленно отсылает к «песне комарика»⁷ в ЕМ, гл. 8: «**Комарик** звенел:

– Глядите, что случилось со мной: я последний египтянин – я плакальщик, пестун, пластун – я маленький **князь**-раскоряка – я нищий Рамзес-**кровопийца** – я на севере стал **ничем**⁸ [→ Я ХОТЕЛ БЫ НИ О ЧЁМ], – от меня так мало осталось – извиняюсь!.. Я **князь** невезенья – коллежский асессор из города Фив... Всё такой же – ничуть не изменился – ой, страшно мне здесь – извиняюсь... Я – безделица. Я – **ничего**. Вот попрошу у холерных гранитов на копейку – египетской каши, на копейку – девической шейки⁹. Я **ничего** – заплачу – извиняюсь».

«Дополнительный» (в смысле «дополнительности» Бора) к «еврейскому» смысл «комариного князя» (= «комарика» в ЕМ) – это символ развалившейся ДЕРЖАВЫ, восходящий, по простой паронимической ассоциации, к **державинскому** комару¹⁰. Это стёбная метафора в очередной раз обнулившейся русской государственности, «державности», этого «сдувшегося гигантского Египта»¹¹ («я – последний египтянин, Рамзес-кровопийца»), который в своё время «уворовал крови связь», т. е. «выпил **кровную связь**» ребенка-Иосифа с еврейством и заменил её связью с дер-

⁷ Этот пассаж в ЕМ – явно «еврейское» место: в монографии [3] показано, что здесь имеют место плотные идиш-интерференции.

⁸ Здесь «ничто, ничего» – метонимия еврейства, в другом М-тексте: «народец мелкий».

⁹ Здесь вероятная отсылка к высказыванию Пушкина в «Капитанской дочке»: «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка».

¹⁰ *Державин Г.* Похвала глупости.

¹¹ Ср. у Анненского («Петербург»): «В темных лаврах гигант на скале, // – Завтра станет ребячьей забавой».

жавным миром, с «Египтом» («С миром державным я был лишь ребячески связан... я не стоял под египетским портиком банка»).

Параллельная «державному комару» метафора – «державный орел» в «Феодосии»: «больного орла, жалкого, слепого, с перебитыми лапами, — орла Добровольческой армии. В одном углу его жилища как бы незримо копошился (= ШУРШАЛ) под шипенье примуса эмблематический орел».

**Я ХОТЕЛ БЫ НИ О ЧЕМ
ЕЩЕ РАЗ ПОГОВОРИТЬ,
ПРОШУРШАТЬ СПИФЧКОЙ, ПЛЕЧОМ
РАСТОЛКАТЬ НОЧЬ, РАЗБУДИТЬ**

НИ О ЧЁМ – это о себе (или о еврейском народе), ведь «я – ничего» (Песня комарика в ЕМ).

Т. е. я хотел бы разобраться в своём происхождении и жизни в еврейском МЕШКЕ, РАСТОЛКАТЬ «иудейскую ночь» («ночь иудейская сгущалась над ним... Ерусалима ночь»), РАЗБУДИТЬ от «иудейского сна»¹².

**РАСКИДАТЬ БЫ ЗА СТОГОМ СТОГ,
ШАПКУ ВОЗДУХА, ЧТО ТОМИТ**¹³

«Стог» → «стог сена» – метафора никчемности¹⁴, пустоты мира, прежде всего, «русско-еврейского» мира, частью которого (на СТЫКЕ ←→ СТОГ ↔ нем. Stiege ‘копна, стог’) он, в сущности, является, воздухом которой он дышит. Одновременно, это никчемность старого еврейского мира, мира «людей воздуха», давление которого его ТОМИТ.

**РАСПОРОТЬ, РАЗОРВАТЬ МЕШОК,
В КОТОРОМ ТМИН ЗАШИТ**

¹² Понятно, что «ночь иудейская», «Ерусалима ночь» – это прозрачные метафоры «спящей», «стагнирующей» традиционной ЕЦ.

¹³ Вариант: «Приподнять, как душный стог, воздух, что шапкой томит».

¹⁴ Здесь немецкая семантическая интерференция: Heu ‘сено’ имеет в немецком (и в нидерландском) коннотацию «никчемности, ерунды», сравнимую с русск. «солома», см. ниже комментарии к «СЕНОВАЛУ».

О геометрической метафоре этого двустипа (связанного с метафорикой «взрыва») говорилось в Главе 7, п. 7.1.1.

Тмин – маркер иудейского¹⁵ «мешка»¹⁶. Тмин щекочет ноздри, и его запах возвращает «реальность» прошлого. ЕМ, гл. 8: «Прошлое стало потрясающе реальным и щекотало ноздри...».

Мешок с тмином – метафора «внутреннего я» Мандельштама. Ср. РД, гл. 2: «Дант обволакивает её [свою скульптуру, своё «я»] сурдинкой... упрячивает на самое ДНО ТУМАННОГО [→ ТМИН! – Л. Г.] ЗВУКОВОГО МЕШКА». Ср. также пассажи у Толстого, конечно, известные Мандельштаму: «то, что **томило его** и не выходило из **мешка**» («Смерть Ивана Ильича») и «двери» умирающего князя Андрея («Война и мир»).

Вернуться в детство, в еврейство, но выйти из старой **диспоральной** еврейской традиции (в НОВУЮ-ДРЕВНЮЮ)?¹⁷

ЧТОБЫ РОЗОВОЙ КРОВИ СВЯЗЬ, ЭТИХ СУХОНЫКХ ТРАВ ЗВОН, УВОРОВАННАЯ НАШЛАСЬ ЧЕРЕЗ ВЕК, СЕНОВАЛ, СОН

Автор хочет восстановить (на каком-то новом уровне) свою «кровную» связь с еврейством, «уворованную» (выпитую) у него «державным» комаром-кровопийцей.

Гипотезу о семантике строки «этих сухоньких трав звон», а также о смысле слова «сон» в последней строке – см. ниже в анализе стихотворения «Я по лесенке приставной...».

¹⁵ Ср. фрагмент о квартире «еврейского портного» в ЕМ (гл. 7): «Визитка Парнока погрелась у него на вешалке недолго – часа два, – подышала **родным тминным** воздухом».

¹⁶ Ср. в еврейской мистической традиции: стремление «разорвать *клиппот*» (ивр. 'оболочки')».

¹⁷ Осторожная гипотеза: нет ли тут влияния идей сионизма (через Якова Блюмкина)? В любом случае, здесь релевантен пассаж в письме Мандельштама к отцу (середина мая 1935 г.): «Вчерашнего дня больше нет, а есть только **очень древнее и будущее**». Разумеется, не прошли мимо Мандельштама и «сионистские пароходы», отплывавшие в 1919–1920 гг. из Одессы-Феодосии-Батума в Палестину. Эти события отразились в «Где ночь бросает якоря» в форме психотической реакции на **организованный** (отнюдь не являющийся бегством, и этим вызывающий раздражение у остающихся) еврейский (и врангелевский из Крыма) Исход.

* * *

«Я по лесенке приставной...»¹⁸

Я по лесенке приставной
Лез на включенный сеновал, –
Я дышал звезд млечных трухой,
Колтуном пространства дышал.

И подумал: зачем будить
Удлиненных звучаний рой,
В этой вечной склоке ловить
Эолийский чудесный строй?

Звезд в ковше медведицы семь.
Добрых чувств на земле пять.
Набухает, звенит темь
И растет и звенит опять.

Распряженный огромный воз
Поперек вселенной торчит.
Сеновала древний хаос
Защекочет, запорошит...

Не своей чешуей шуршим,
Против шерсти мира поем.
Лиру строим, словно спешим
Обрасти косматым руном¹⁹.
Из гнезда упавших щеглов
Косари приносят назад, –
Из горящих вырвусь рядов
И вернусь в родной звукоряд.

Чтобы розовой крови связь
И травы сухорукий звон

¹⁸ Первая публикация стих. «Я не знаю, с каких пор...» и «Я по лесенке приставной...» – в «Гостиница для путешественников в прекрасном» № 1 (ноябрь 1922).

¹⁹ Вариант последнего двустишия: «Это лира, словно корма, // Обрастет косматым руном».

Распростились: одна – скрепясь,
А другая – в заумный сон.

Я ПО ЛЕСЕНКЕ ПРИСТАВНОЙ ЛЕЗ НА ВСКЛОЧЕННЫЙ СЕНОВАЛ

Смысл 1. ВСКЛОЧЕННЫЙ СЕНОВАЛ = «иудейский хаос, иудаизм, еврейство», – тогда залезание на сеновал это то, что в еврейской мистической традиции называется «восхождение души (→ ЛЕЗ и ДЫШАЛ) человека» в божественный мир небесных чертогов (ивр. *hexallot*).

Этих чертогов – СЕМЬ, все стены седьмого чертога полны глаз → «с высокой сетки птичьей от лазурных влажных глыб»; «Чешуёй из влажных глаз»; «глаза вечности = стёкла (ГЛАЗ ↔ Glass) вечности»; «как чешуя, многоочитое».

Еврейские мистики называли себя «восходящие на колесницу (→ пароним П-ОЛЕСЕНКЕ)» – на колесницу Давида или Ильи, которые отвозят души праведников в рай. Поэтому ниже возникает ОГРОМНЫЙ ВОЗ (= колесница!) Большой МЕДВЕДИЦЫ²⁰. Достичь «седьмого чертога» удаётся лишь тому, кому по силам увидеть «скрытое значение слов».

Смысл 2. Здесь просвечивает иконическая метафора «мира» на картине И. Босха (Bosch) «Воз сена»²¹. Отметим, что в немецкой фонике фамилия Bosch произносится как [bos]²².

«Мир – это воз сена: каждый старается отхватить от него, сколько сможет», – нидерландская поговорка. В одной из старинных нидерландских песен (около 1470 г.) рассказывается, что Бог сложил вместе все блага мира, подобно тому, как сгребают сено в копну, и предназначил их для всех людей поровну. Но каждый человек стремится забрать себе побольше. Припев этой песни: «в конечном счете всё обернется hooi!»

²⁰ Образ Большой Медведицы как «колесницы/воза» есть и в ряде европейских культур.

²¹ Кажется, это впервые отметил Р. Тименчик.

²² Отметим, что в энциклопедии Брокгауза эта фамилия записывается как **Бос**, но картина «Воз сена» не упоминается, лишь указано, что картины этого художника «переполнены всякой дьявольщиной».

Нидерландское *hooi* = нем. *Heu* ‘сено’ имело во времена Босха (и позже) коннотации: «ничто»²³, «обман» и т. п. Выражение «отвезти сена кому-либо» означало «высмеять»/«надуть».

В религиозных шествиях по улицам Антверпена за груженной сеном повозкой шли люди, разбрасывая сено по мостовой в знак того, что мирские блага – ничто. Бессмысленность стремления к обладанию всеми благами мира символизируют и возы с сеном на фламандских гравюрах XIX в.

На картине Босха к возу приставлена лесенка. Лестница – символ познания в алхимии и полового акта. Наверху воза двое занимаются сексом, а рядом с ними музицирует синий чёртик (синий – традиционный цвет обмана, вранья: ср. нем. *blau reden* ‘врать’, *blau anlaufen lassen* ‘обманывать, надувать’, *blauen Dunst vormachen* ‘втирать кому-то очки’ *das Blaue vom Himmel herunterluegen* ‘рассказывать небылицы’).

Я ДЫШАЛ ЗВЕЗД МЛЕЧНЫХ ТРУХОЙ

Вероятная отсылка к своему же стихотворению «Нет, не луна...»: «чем я виноват, что слабых звезд я ощущаю МЛЕЧНОСТЬ» → реминисценция своего участия в борьбе «символизм contra акмеизм»²⁴, которая представляется ему сейчас бессмысленным «сеном» = ТРУ-ХОЙ (→ нем. *Heu* ‘сено’!).

И ПОДУМАЛ: ЗАЧЕМ БУДИТЬ УДЛИНЕННЫХ ЗВУЧАНИЙ РОЙ, В ЭТОЙ ВЕЧНОЙ СКЛОКЕ ЛОВИТЬ ЭОЛИЙСКИЙ ЧУДЕСНЫЙ СТРОЙ

УДЛИНЕННЫХ ЗВУЧАНИЙ → отображение этого фрагмента во фрагмент стихотворения «Равноденствие»: «гласных **долго-та** в **тонических** стихах единственная мера <...> разлита в природе **длительность**, как в **метрике Гомера** <...> трудные **дли-ноты**» → аллюзия на греческую «фоническую» культуру.

²³ Похоже на деррогативные коннотации русск. «солома».

²⁴ «Стихи: “Нет, не луна, а светлый циферблат...” – были его литературным покаянием [в “символистической ереси”. – Л. Г.], см. [22, с. 20–21].

ЛОВИТЬ ЭОЛИЙСКИЙ ЧУДЕСНЫЙ СТРОЙ. Немецкая семантическая интерференция: Schwarm 'рой, страсть, увлечение, мечта' → смысл: «будить увлечение греческим чудесным строем», который принято отождествлять с русской культурой²⁵.

ВЕЧНАЯ СКЛОКА – между «еврейской» и «греческой» цивилизациями.

ЛОВИТЬ ЭОЛИЙСКИЙ ЧУДЕСНЫЙ СТРОЙ. По А. Лосеву, «эолийский лад» «символизировал нечто глубокое, песенное, выражающее **чувства любви**»²⁶ – в противоположность «вечной склоке» → смысл строки: «нащупать способ примирить конфликтующие культуры».

ЗВЕЗД В КОВШЕ МЕДВЕДИЦЫ СЕМЬ, ДОБРЫХ ЧУВСТВ НА ЗЕМЛЕ ПЯТЬ

Семь звёзд «в ковше Медведицы» соответствуют семи «небесным чертогам» (см. выше) и «семи плавающим сферам бытия», как бы содержащим геном реального мира²⁷.

Злых звезд (метафора «реального мира») больше, чем «добрых чувств», хотя известное высказывание в Талмуде гласит: «Будущий мир – весь ДОБРО».

НАБУХАЕТ, ЗВЕНИТ ТЕМЬ И РАСТЁТ И ЗВЕНИТ ОПЯТЬ

НАБУХАЕТ → «Набукко»²⁸ и тема «плена» → Навуходоносор²⁹ → наступление чужой «ассирийско-вавилонской» цивилизации, плен → «Иван III <...> переселяет, на манер Сеннахериба

²⁵ Ср. высказывание П. Флоренского: «Лавра – это русские Афины, новая Эллада».

²⁶ Цит. по [192, с. 134].

²⁷ Ср. в заметках <Вокруг «Разговора о Данте»> (1933): «Семь прочих подвижных сфер имеют внутри себя уже качественно расчлененное бытие, которое служит стимулом к многообразному происхождению конкретной действительности».

²⁸ Опера Верди и известный «хор **пленных иудеев**» там.

²⁹ фр. Nabuchodonosor [nabuko-donosor], нем. Nebukadnezar.

[**сено!** – Л. Г.] или Навуходоносора, **пленных** ливонцев в глубь Московии»³⁰.

ЗВЕНИТ → нем. Kling-Klang ‘дзинь-дзинь’ → (пар.) **клинопись** → акцентирование «ассирийско-вавилонской» темы.

...ТЕМЬ И РАСТЁТ И ЗВЕНИТ ОПЯТЬ → «уж над Евфратом ночь: бегите...» → акцентирование нарастания «ассирийско-вавилонской» угрозы.

Отметим, наконец, что здесь интерферирует очередная отсылка к В. Хлебникову. Ср. «Пусть человек, отдохнув от станка, идет читать **клинопись** [Kling = ‘дзинь!’ → ЗВЕНИТ] созвездий. Понять волю **звезд** <...> Они висят над нами слишком **чёрной ночью**»³¹.

**РАСПРЯЖЕННЫЙ ОГРОМНЫЙ ВОЗ
ПОПЕРЁК ВСЕЛЕННОЙ ТОРЧИТ,
СЕНОВАЛА ДРЕВНИЙ ХАОС
ЗАЩЕКОЧЕТ, ЗАПОРОШИТ**

ТОРЧИТ → (караимская интерференция) кар. *торачи* ‘знарок Торы’ → «Тора, Пятикнижие» → ивр. *берешит* – ‘книга Бытия’, букв. ‘в начале’ → (пар.) ЗАПОРОШИТ.

Здесь насмешливая аллюзия на библейско-эротический «винегрет» Пастернака в «Степи»³²: «**в начале** <...> волчцы по чулкам **торчали** <...> закрой их, любимая, **запорошит**»; «**миром** (= ВСЕЛЕННОЙ) объята»; «плач **комариный**», «стог», «млечный путь», «звезды», «степь»³³.

³⁰ Фрагмент из хорошо знакомой Мандельштаму книжки Р. Виппера «Иван Грозный» (вышедшей в Москве в том же 1922 г.), с. 44. Этот фрагмент «отображается» во фрагмент стих. «Век» (см. ниже): «Чтобы вырвать **век из плена**...». См. ниже комментарии к «Веку».

³¹ См. Хлебников В. Наша основа // Собр. соч. 1928–1933. Т. 5. С. 242, где указано, что это текст 1920 г.

³² Это стихотворение в сб. «Сестра моя жизнь», который был републикован весной 1922 г. в изд. Гржебина.

³³ Связано с МАЧЕХА ЗВЕЗДНОГО ТАБОРА в М-тексте.

**НЕ СВОЕЙ ЧЕШУЁЙ ШУРШИМ,
ПРОТИВ ШЕРСТИ МИРА ПОЁМ,
ЛИРУ СТРОИМ, БУДТО СПЕШИМ
ОБРАСТИ КОСМАТЫМ РУНОМ**

Констатируется неудача попытки интеграции в «русский мир» в эллинской оболочке.

Сначала (1914–1921), «скифская шуба» для Мандельштама – это «позитивная» метафора русской культуры, унаследовавшей, по его тогдашним представлениям, «эллинский дух» и как бы согревшей, даже спасшей, прикрывшей своим скифским звериным³⁴ защитным покровом.

Но в рассматриваемом тексте 1922 г.³⁵ возникает негативный образ этой эллинско-русской оболочки: «не своей чешуёй шуршим, <...> спешим обрасти косматым руном», т. е. «греческой» чешуей, чужой, враждебной³⁶ оболочкой, от которой надо избавиться, **ВЫРВАТЬСЯ** и вернуться в свое ГНЕЗДО, как *тинок-ше-нишба*³⁷ – устойчивый образ в еврейской цивилизационной системе.

Вероятно, на появление здесь образа «чешуи» повлиял текст Хлебникова (1916)³⁸ о словах с Ч: «значение Ч – одно тело, законное пустотой другого; это пустые, полые тела»³⁹.

ПРОТИВ ШЕРСТИ МИРА ПОЁМ. Попытка понимания: здесь идиш-интерференция: **МИРА** → (пар.) Y[mir ‘мы’]; тем самым,

³⁴ Ср. «дворники в тяжелых **шубах** <...> **звериная** зевота напомнила твой образ, скиф» → метафора скифа, согревшего звериной шкурой зябнущего Овидия (1920).

³⁵ Под несомненным воздействием актуализации у Мандельштама еврейской ЯКМ и «идентификационной рефлексии».

³⁶ Ср. в идише слово [klire]: изначальный смысл (из ивр.) – «оболочка», производное значение – «**злой демон**» (часто в виде женщины).

³⁷ Букв. ивр. «ребёнок, попавший в плен» и поэтому невольно подвергшийся воздействию **чуждой** культуры. См. также выше.

³⁸ Хлебников В. <Рычаг чаши> // Собр. соч. 1928–1933. Т. 6. С. 126–130.

³⁹ Эта гипотеза «правдоподобна», потому что влияние текстов Хлебникова прослеживается в ряде мест этого стихотворения, начиная со строки «я дышал звезд млечных трухой» (воздействие хлебниковского «звездного языка»?); См. ниже еще о влиянии Хлебникова.

«шерсть мира» – это наша «родная» шерсть, шерсть «нашего собственного (еврейского) мира». Тем самым, эта строка семантически «параллельна» предыдущей строке о «чужой чешуе».

Еще вариант понимания строки: здесь семантическая игра на паронимии: нем. Wolle 'шерсть' → нем. пар. Wohl 'благо, добро, «гармония»' → греч. пар. ЭОЛ → русск. пар. «воля». Тем самым, «против шерсти мира поём» получает смысл: «поём не о благе мира, добре, гармонии, воле, а о «военной грозе»! В этом случае, здесь отсылка к еще одному симультанному М-тексту 1922 г.: «Ветер нам утешенье принес», в котором главным актором/героем является Азраил⁴⁰.

«Дополнительная» попытка понимания этой тёмной строки: здесь неявно присутствует Велимир Хлебников⁴¹. Дело в том, что здесь вероятна русск.-лат. интерференция: ШЕРСТИ МИРА → (пар.) velli 'ковш. пад. от лат. vellus 'снятая шерсть, руно, овчина' → (пар.) Вели-мира.

СПЕШИМ ОБРАСТИ КОСМАТЫМ РУНОМ⁴². Т. е. стремимся поскорее врасти в греческий «КОСМОС», противостоящий «еврейскому ДРЕВНЕМУ ХАОСУ (нем. произн. [kaos]); спешим за греческим руном, за греческой КОСМической «эолийской гармонией» и т. п.

ИЗ ГНЕЗДА УПАВШИХ ЩЕГЛОВ КОСАРИ ПРИНОСЯТ НАЗАД, – ИЗ ГОРЯЩИХ ВЫРВУСЬ РЯДОВ И ВЕРНУСЬ В РОДНОЙ ЗВУКОРЯД

ЩЕГОЛ – это сам автор⁴³, выпавший из «гнезда» еврейства. Это

⁴⁰ «В чешуе искалеченных крыл // Под высокую руку берёт // Победённую твердь Азраил». Азраил – «ангел смерти» в ряде традиций, он покрыт глазами и языками.

⁴¹ Точнее, расхождение с ним, которое проявится еще в последней строфе.

⁴² «Обрасти косматым руном» – по-видимому, цитата их текста И. Эренбурга («Раздумья», 1921): «Лиру разбил о камень севера, // Косматым руном оброс, <...> Варвар смеется, Забытый младенец (→ тинок ше-нишба?) кричит, // Бьёт крылами вспугнутая птица (→ щегол?)».

⁴³ Ср. в мемуарах П. Лукницкого: «Он вдавливался, как птенец, в глубокий диван».

метафора (упоминавшегося выше) еврейского традиционного топоса «пленного ребенка» (ивр. *тинок ше-нишба*)⁴⁴.

Здесь нем./идиш интерференция: ЩЕГОЛ → Stieglitz⁴⁵ 'щегол' → (пар.) Stigma 'стига, знак, пятно'. Этот же «еврейский щегол» возникает в воронежских стихах (1937): «и нагрудник **красным** шит». Т. е. щегол – птица, «стигматизованная» красным (еврейским!) знаком⁴⁶ на груди.

ИЗ ГОРЯЩИХ ВЫРВУСЬ РЯДОВ. Здесь ГОРЯЩИХ = (пароним) «греческих» (горящих «греческим огнем») звукорядов.

Тем самым, «щегол» вырвется из чужих греческих (они же русские)⁴⁷ звуковых гармонических рядов⁴⁸ и вернется в РОДНОЙ звукоряд, который «упрятан на дне туманного (немецко-еврейского) мешка»⁴⁹.

К «горящим рядам» относятся и «ряды чуждого (для *тинок ше-нишба!*) поколения». Ср. пассаж в «Шуме времени»: «Как много мне тут помогли дневники и письма Надсона: все время литературная страда, **свечи**, рукоплесканья, **горящие** лица; **кольцо поколенья** и в середине – алтарь – столик теща со стаканом воды. Как летние насекомые под накаленным ламповым стеклом, так все поколение **обугливалось и обжигалось на огне**

⁴⁴ Про которого Мандельштам говорит в другом месте: «Тянуться с нежностью бессмысленно к **чужому**, // И шарить в **пустоте** [→ «арбузная **пустота** России»], и терпеливо ждать».

⁴⁵ Отметим паронимическую связь (нем.-ид. слов) «щегла» с «лесенкой»: Stieg-el 'лесенка' ↔ Slieglitz 'щегол'.

⁴⁶ Это известный еще со средних веков еврейский «отличительный знак» – красный кружок на груди.

⁴⁷ Ср. «[Вячеслав Иванов] справедливо видел в Византии и Элладе культурные истоки русской поэзии» (Бура и натиск, 1923).

⁴⁸ Ср. в «Грифельной оде»: «Чужих гармоний водоросли». Вяч. Вс. Иванов пишет о резкой перемене стиля Мандельштама в начале 1920-х: «на поэте была тогда **эллинистическая маска**... теперь она сорвана», см. [207, т. 1, с. 28].

⁴⁹ Видимо, это внутреннее стремление Мандельштама «вырваться» из русской культурно-цивилизационной парадигмы чувствовал В. Гиппиус, записывая о нем в дневнике 1932 г.: «...он – словоблуд. Стихи его мне **чужды**. **Не русского, а еврейского, что ли звучания (?) <крещеного> Еврея**», цит. по [217, с. 32]. А в тексте 1918 г. Гиппиус писал о поэзии Мандельштама: «Стихи его часто производят впечатление не подлинной поэзии, а поэтических **препаратов**», цит. по [180, с. 553].

литературных праздников с гирляндами показательных роз, причем сборища носили характер культа и искупительной жертвы за поколение. Сюда шел тот, кто хотел разделить судьбу поколения вплоть до гибели, – высокомерные оставались в стороне с Тютчевым и Фетом».

И ВЕРНУСЬ В РОДНОЙ ЗВУКОРЯД. Здесь вероятная немецко/идишская интерференция: ЗВУКО-РЯД → ЗВУКО + (пар.) У[рейд/райд] ‘речь’ → «звуко-речь» → смысл: «вернусь в родную фоно-семантику».

Приведём фрагмент стиха Быт. 28, 21, наверняка известного Мандельштаму: «И я в мире ВЕРНУСЬ в дом отца моего». Отметим, наконец, что ЗВУКОРЯД – частотное слово в работе В. Хлебникова «Наша основа» (1920).

**ЧТОБЫ РОЗОВОЙ КРОВИ СВЯЗЬ
И ТРАВЫ СУХОРУКИЙ ЗВОН
РАСПРОСТИЛИСЬ: ОДНА – СКРЕПЯСЬ,
А ДРУГАЯ – В ЗАУМНЫЙ СОН**

РОЗОВОЙ КРОВИ СВЯЗЬ – «кровная» связь с еврейством.

ТРАВЫ СУХОРУКИЙ ЗВОН – русская культурно-цивилизационная система в лице, например, И. Анненского.

Ср. в статье Мандельштама «О природе слова»: «Неспособность Анненского служить каким бы то ни было влияниям, быть посредником, переводчиком, прямо поразительна. <...> И орел его поэзии, когтивший Еврипида, Малларме, Леконта де Лиля, ничего не приносил нам в своих лапах, кроме **горсти сухих трав**».

Интересное в этой связи свидетельство Н. Мандельштам: «Когда-то О.М. сказал Харджиеву, что считает себя последним христианско-эллиническим поэтом в России»⁵⁰.

РАСПРОСТИЛИСЬ – и вот сейчас он со всем этим собирается распротиться: с эллинско-христианской русскоязычной культурой, с её символами – Анненским, Хлебниковым и т. д.

⁵⁰ [9, с. 241].

ОДНА – СКРЕПЯСЬ, т. е. «укрепясь»: о крепнущей СВЯЗИ с еврейством; второй смысл: «молча, скрепя сердце, уйдя в себя» и т. п.

А ДРУГАЯ – (русская культура – уходит) В ЗАУМНЫЙ СОН. Это прозрачная отсылка к «заумному языку» Хлебникова⁵¹. Некоторые комментаторы (М. Лотман, Вяч. Вс. Иванов) видят в этих двух стихотворениях аллюзию на Хлебникова и в корневом чередовании СЕН-овал – СОН, ЗАУМ-ный СОН⁵².

* * *

Век⁵³

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?

Кровь-строительница хлещет
Горлом из земных вещей,
Захребетник лишь трепещет
На пороге новых дней.

Тварь, покуда жизнь хватает,
Донести хребет должна,
И невидимым играет
Позвоночником волна.

Словно нежный хрящ ребенка
Век младенческой земли –

⁵¹ См. В. Хлебников, «Наша основа» (1920), пар. «Заумный язык»: «Заумный язык – значит, находящийся за пределами разума, <...> заумный язык есть грядущий мировой язык в зародыше. Только он может соединить людей. Умные языки уже разъединяют».

⁵² Кроме того, по Иванову, «его [Мандельштама] собственная **песенка**, начавшись под звездным небом, прощается с другой частью сочиненного и отправляется в **заумный сон**» [207, т. 1, с. 20].

⁵³ Напечатано в журн. «Россия», № 4 (декабрь 1922). Есть автограф от 19 октября 1922 г.

Снова в жертву, как ягненка,
Темя жизни принесли.

Чтобы вырвать век из плена,
Чтобы новый мир начать,
Узловатых дней колена
Нужно флейтою связать.

Это век волну колышет
Человеческой тоской,
И в траве гадюка дышит
Мерой века золотой.

И еще набухнут почки,
Брызнет зелени побег,
Но разбит твой позвоночник,
Мой прекрасный жалкий век!

И с бессмысленной улыбкой
Вспять глядишь, жесток и слаб,
Словно зверь когда-то гибкий,
На следы своих же лап.

Кровь-строительница хлещет
Горлом из земных вещей,
И горящей рыбой мещет
В берег теплый хрящ морей.

И с высокой сетки птичьей,
От лазурных влажных глыб
Льется, льется безразличье
На смертельный твой ушиб.

Центральная тема стихотворения – интенсивная рефлексия автора, оказавшегося в зоне «цивилизационного Армагеддона», о будущем «своего» века и себя.

С целью что-то в этом понять (и «вырвать век из плена» и «новый мир начать») используются библейские метафоры и от-

сылки к эсхатологическим текстам Библии, прежде всего, к «Третьей книге Ездры», в которой частотен образ «века»⁵⁴.

Вот несколько фрагментов из (синодального перевода) «Третьей книги Ездры», нашедших отражение в «Веке» (а также в «Я по лесенке...»):

«и с дерева будет капать кровь» – **КРОВЬ-СТРОИТЕЛЬНИЦА ХЛЕЩЕТ... ИЗ ЗЕМНЫХ ВЕЩЕЙ**

«птицы перелетят в другие места» – **И С ВЫСОКОЙ СЕТКИ ПТИЧЬЕЙ... ЛЬЁТСЯ БЕЗРАЗЛИЧЬЕ**

«море Содомское извергнет рыб» (в стихе 5, 49) – **И ГОРЯШЕЙ РЫБОЙ МЕЩЕТ В БЕРЕГ ТЁПЛЫЙ ХРЯЩ МОРЕЙ**

«Как младенец ..., так Я устроил созданный Мною **век**» – **СЛОВНО НЕЖНЫЙ ХРЯЩ РЕБЁНКА ВЕК МЛАДЕНЧЕСКОЙ ЗЕМЛИ**

«душа моя томилась... тьма облегла вокруг» – **ШАПКУ ВОЗДУХА, ЧТО ТОМИТ... НАБУХАЕТ, ЗВЕНИТ ТЕМЬ**

«конец вашего **века**» – **НО РАЗБИТ... МОЙ ПРЕКРАСНЫЙ ЖАЛКИЙ ВЕК**

* * *

Уместно здесь же посмотреть на несколько загадочное последнее четверостишие:

**И С ВЫСОКОЙ СЕТКИ ПТИЧЬЕЙ,
ОТ ЛАЗУРНЫХ ВЛАЖНЫХ ГЛЫБ
ЛЬЁТСЯ, ЛЬЁТСЯ БЕЗРАЗЛИЧЬЕ
НА СМЕРТЕЛЬНЫЙ ТВОЙ УШИБ**

Смысл **ВЫСОКОЙ СЕТКИ ПТИЧЬЕЙ** – вероятная отсылка к римским (и этрусским) **авгурам**, предсказывавшим судьбу и события по перемещениям птиц, ибо птицы считались «посланцами богов». Для этого авгуры делили всё небо на **шест-**

⁵⁴ Отметим, что «Третья книга Ездры» – это как бы «еврейский апокалипсис», в отличие от «Откровения от Иоанна», более позднего «греческо-христианского» апокалипсиса.

надцать равных частей (СЕТКА НЕБА). Авгур фиксировал сектор «сетки», в котором появились птицы, интерпретировал их перемещение и выдавал предсказания.

Смысл ЛАЗУРНЫХ ВЛАЖНЫХ ГЛЫБ – «глаза неба», «глаза богов», «глаза вечности».

Вероятная лат. интерференция: *lituus* 'жезл авгура, сигнал, знак' → ЛЬЁТСЯ (БЕЗРАЗЛИЧЬЕ) → смысл: «демонстрируется равнодушие».

Общий смысл: голубые глаза ВЕЧности БЕЗРАЗЛИЧНО смотрят на умирание ВЕКА».

* * *

Загадочная «гадючья строфа» в этом стихотворении⁵⁵. Рассмотрим вторую половину 3-го восьмистишия:

**ЭТО ВЕК ВОЛНУ КОЛЫШЕТ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ТОСКОЙ,
И В ТРАВЕ ГАДЮКА ДЫШИТ
МЕРОЙ ВЕКА ЗОЛОТОЙ**

Смысл ТОСКИ извлекается из очевидного отображения первых двух строк в строки воронежского стихотворения «Бежит волна...»: БЕЖИТ ВОЛНА-ВОЛНОЙ, ВОЛНЕ ХРЕБЕТ ЛОМАЯ, КИДАЯСЬ НА ЛУНУ В НЕВОЛЬНИЧЬЕЙ ТОСКЕ.

По «принципу НСО», семантика второго фрагмента (невольничье происхождение ТОСКИ) перетягивается в семантику первого фрагмента, в «**невольничью тоску века**», что немедленно подтверждается в другой строке тем, что ВЕК находится в «плелу» (ЧТОБЫ ВЫРВАТЬ ВЕК ИЗ ПЛЕНА...).

Смысл ЗОЛОТОЙ МЕРЫ ВЕКА (у которой ВЕК, видимо, находится в плену!) можно извлечь из других текстов Мандельштама (что мы и сделаем ниже), но при чем тут «гадюка в траве», да еще дышащая чем-то валютно-финансовым, остается совершенно непонятным.

Применим «интерференционный ключ».

⁵⁵ Ниже приводится в значительно расширенном варианте материал из монографии [3, с. 201–209].

Первый шаг.

Приведем вспомогательную информацию о «просвечивающем» в ряде текстов Мандельштама «идишизме» $Y[\text{groz, grozn}] =$ 'трава (травянистое растение), травы'. Это один из относительно немногих «чистых»⁵⁶ идишизмов у Мандельштама.

Вот примеры проявления этой Y -интерференции в его текстах:

(а) стих. «К немецкой речи» (1932):

Поэзия, тебе полезны **грозы!**
Я **вспоминаю** немца-офицера,
И за эфес его цеплялись розы,
И на губах его была **Церера...**

В этой строфе имеются следующие суггестивно-ассоциативные связи:

ГРОЗЫ \leftrightarrow $Y[\text{groz}]$ 'трава, растение' \rightarrow (второй) смысл: «тебе полезны травы, растения...»⁵⁷.

ГРОЗЫ \leftrightarrow $Y[\text{groz}]$ 'трава, растение' \rightarrow «растение, рост» \rightarrow (асс.)⁵⁸ «узнавание, вспоминание» \rightarrow (асс.) ВСПОМИНАЮ.

(б) «Путешествие в Армению» (1931–1932), гл. «Москва»: «**Растение...** Оно – посланник живой **грозы**»; «**грозовое** явление турнира <...> Фигуры шахмат **растут** <...> процесс **узнавания**, увенчанный победой усилия памяти, удивительно схож с феноменом **роста**. И здесь и там – **росток**, зачаток...»⁵⁹.

(в) <Вокруг «Путешествия в Армению»> (1931–1932), гл. «Французы»: «Роскошные плотные сирени Иль-де-Франс, <...> сложившиеся в **грозную** лепестковую **массу** <...> горели на

⁵⁶ Из приводимых ниже примеров очевидно, что соответствующая немецкая лексема *Gras/Gräser* 'трава (злак, травяное растение), травы (злаки, травяные растения)' – фонетически значительно менее вероятна.

⁵⁷ Например, те полезные «ночные травы», которые Мандельштам собирал «для племени чужого» в стих. «1 января 1924». Существенно, что далее в обсуждаемой строфе присутствуют «растительные» образы: «цеплялись розы» и «была Церера» (Церера – богиня растительности).

⁵⁸ Ситуация «вспоминания = узнавания» у Мандельштама связана с концептом «роста»/ «растения». Ср. в ПА: «...ведь процесс **узнавания**, увенчанный **победой усилия памяти** [т. е. вспоминанием. – Л. Г.], удивительно схож с феноменом **роста**». Эта же связь в 4-м восьмистишии стих. «Век»: «И еще набухнут почки, брызнет **зелени** побег...».

⁵⁹ [72, т. 3, с. 194–195].

стене [тысячеглазой] **самодышащей** купиной»⁶⁰.

- (г) «Эта область в темноводье...» (1936): «Хляби хлеба, **гроз** ведро⁶¹ <...> Солнц подсолнечника **грозных**...»⁶². Очевидно, что здесь тот же образ, что и в предыдущем пункте: **грозная** плотная **дышащая масса** (лепестков, семян подсолнуха и т. п.).
- (г) «Если б меня наши враги взяли...» (1937): «Прошелестит спелой **грозой** Ленин». Здесь слова **прошелестит**, **спелой** немедленно вызывают ассоциацию с **растением** (злаком)⁶³.

Второй шаг.

В 1922 г. московское издательство «Дельфин» выпустило книгу профессора Московского университета, известного историка Роберта Виппера «Иван Грозный». Эта небольшая «научно-популярная» книжка привлекала внимание нетрадиционной трактовкой личности и деятельности Грозного, точнее, «разоблачением мифа» об Иване Грозном, которого западноевропейские и русские «либеральные» историки (и вообще, «либеральная» интеллигенция) привыкли изображать в виде «театрального тирана» (Гл. 8), какого-то «исчадия ада» в русской и всемирной истории.

Автор аргументирует совершенно противоположное представление о Грозном как о «монархе-народолюбце», «сближавшемся с низшими классами», как о «**гениальном**» политике, дипломате и полководце, «**гениальном организаторе и вожде** крупнейшей державы своего времени»⁶⁴ (с. 21).

Книжка, производящая, при достаточной доле академичности, впечатление «заказанной» кем-то из советских вождей⁶⁵, неизбежно должна была привлечь внимание Мандель-

⁶⁰ Там же. С. 384.

⁶¹ Здесь, разумеется, «рутинный» для Мандельштама двойной смысл: (1) оксюморон **гроза/вёдро**, (2) ведро как символ большого количества (**массы**) чего-то **растительного** – зерна («хляби хлеба»), подсолнухов, просто травы и т. п.

⁶² [72, т. 3, с. 105].

⁶³ Даже слово **Ленин** по русско-немецкой паронимии (Lein, leinen = 'лён, льняной') суггестирует растение (лён). Отметим, что в предыдущих строках этого стихотворения задается контекст «жатвы»: «Я **запрягу** десять волов... И поведу руку во тьме **плугом**... Я упаду тяжестью всей **жатвы**, **Сжатостью** всей...».

⁶⁴ Здесь и далее в кавычках с указанием страниц – цитаты по изданию: *Виппер Р. Иван Грозный*. М.: Дельфин, 1922.

⁶⁵ Вот только кем? Если бы дата выхода книги была на несколько лет позже,

штама⁶⁶ – хотя бы потому, что, как уже говорилось, именно в период 1922–1923 гг. Мандельштам особенно интенсивно (часто даже мучительно) рефлексировал на тему своей идентичности: социо-политической, культурно-цивилизационной, национальной и т. п.⁶⁷

Держа (по вышеуказанным причинам) в «оперативной памяти» текст Виппера, Мандельштам «вшифровывает» фамилию автора и название книги в создаваемый им в этот момент текст, т. е. в стихотворение «Век». Посмотрим подробнее:

- (а) ГАДЮКА = Viper⁶⁸ ‘гадюка’ \leftrightarrow (пар.) Виппер
(б) И В ТРАВЕ \rightarrow Y[grozn] ‘травы’ \rightarrow (пар.) **Ив-ан Грозный**
(в) МЕРОЙ ВЕК-А (Mass ‘мера, мерило’ \leftrightarrow Masse ‘масса’). Если подставить в сочетание МЕРОЙ ВЕК-А вместо слова (МЕРОЙ) основу (**масс-**), то суггестируются слово МАССО-ВИК и сочетание ЧЕЛО-ВЕК-МАССА (= нем. Masse-Mensch), ис-

ответ был бы однозначен: И. Сталин. Но Сталин в 1922 г. был еще не у власти и вряд ли мог делать подобные заказы. Он, конечно, обратил внимание на книжку и запомнил автора. После присоединения Латвии к СССР, Р. Виппера переводят из Риги (куда он почему-то переместился в 1924 г.) в Москву, выбирают в академики, а его книжку в 1944 г. переиздают с соответствующими добавлениями и делают «каноническим» трудом по Ивану Грозному.

Но в 1922 г. на роль «гениального вождя, полководца и дипломата», наследующего Ленину, реальнее всех претендовал Л. Троцкий. Поэтому рискну высказать гипотезу, что «заказчиком» реабилитирующего Ивана Грозного академического труда был именно Троцкий, точнее, его аппарат: скорее всего, Я. Блюмкин, который именно в это время был чем-то вроде PR-медиа-менеджера Троцкого. Кроме того, Блюмкин интересовался историей, с 1921 г. был членом Исторической секции Дома Печати и делал доклады по истории общественного движения в России. Вообще, треугольник Троцкий-Блюмкин-Мандельштам требует отдельного рассмотрения.

⁶⁶ Мы можем с достаточной уверенностью считать, что Мандельштам успел познакомиться с трудом Р. Виппера: стихотворение «Век» создавалось в октябре-ноябре 1922 г.

⁶⁷ К соотв. поэтическим текстам относятся почти все стихотворения 1922 года, включая «Век». Об этом говорилось в статье: *Городецкий Л.* «Двурушник я с двойной душой...» // Вопросы литературы. – № 5. – 2009, и в монографии [3, п. 3.2].

⁶⁸ Здесь могут «играть» и фр. vipère и лат. vipera (прародительница «гадюк» во всех зап.-евр. языках). Но немецкая «гадюка», по совокупности причин, значительно более вероятна.

пользованные Мандельштамом в статье «Революционер в театре»⁶⁹, которая, что существенно, также писалась в конце 1922 г. В этой статье Мандельштам пишет⁷⁰: «Протагонист драмы, так называемый Безымянный, он же “Masse-Mensch”, или МАССОВИК...». Далее в этой же статье: «Он [Толлер. – Л. Г.] с необычайной силой столкнул два начала: лучшее, что есть у старого мира – гуманизм и, **преодолевший гуманизм ради действия, новый коллективистический императив**».

Из этих рассмотрений ясно, что МЕРА ВЕКА здесь – это «пульс толпы», соотнесение всего с «массовиком, человеком толпы». Этот «массовик» опасен, **грозен** – ср. вышеупомянутые сирени, «сложившиеся в **грозную** лепестковую **массу**», которые «горели на стене <...> **самодышащей** купиной»⁷¹ (Первый шаг, пункт «в»).

(г) МЕРОЙ ВЕКА ЗОЛОТОЙ – в предисловии 1923/1924 г. к пьесе Ж. Ромэна «Кромдейр-старый» Мандельштам пишет об унаимистах (см. ниже): «...героическая ласка к человеку толпы <...> правильный путь: здоровая раса труда <...> **“Кто-нибудь”, “один из многих” стал мерой вещей, золотой мерой века, источником ритма и силы**»⁷². В этом же тексте Мандельштам пишет о французской литературной школе унаимистов: «Раскрыв смысл французского наименования школы⁷³, получим: поэзия **массового дыхания**, поэзия **коллективной души**»⁷⁴.

С другой стороны, в статье «Гуманизм и современность» (январь 1923) Мандельштам пишет: «Гуманистические ценности <...> как **золотой запас** <...> обеспечивают всё идейное обращение современной Европы»⁷⁵.

(д) Еще один смысл строки «Мерой века золотой»: «золотое

⁶⁹ [72, т. 2, с. 283–285].

⁷⁰ О пьесе Эрнста Толлера «Masse-Mensch» («Человек-масса»), которую Мандельштам перевел в 1922 г.

⁷¹ Этот отрезок текста, а также следующий пункт (Первый шаг, пункт «г» с образом «**грозных** подсолнухов») ясно показывает, что в ЯКМ Мандельштама концепт **массы** был связан с концептом **угрозы** и с образом Ивана **Грозного**.

⁷² [72, т. 2, с. 416–417].

⁷³ *upa* = лат. 'вместе, одна', *anima* = лат. 'дыхание, душа'.

⁷⁴ [72, т. 2, с. 415].

⁷⁵ Там же. С. 288.

сечение» → **пентаграмма** (главный символ наступившего «**советского века**»)⁷⁶. Получается, что «гадюка дышит советской символикой»!

Суммируя рассмотрения (а) – (д), мы видим, что в «гадючью строку» вставлены историософские размышления Мандельштама о «пульсе толпы», о «человеке массы», о конфликте «коллектив vs. индивидуум», о конфликте идеологом «преодоление гуманизма ради действия, новый **коллективистический императив**» и «**золотой запас** гуманистических идей, обеспечивающий идейное обращение современной Европы» и т.д.

Тем самым, дешифрующий «перевод гадючьей строки на обычный язык» выглядит так:

Работа историка Виппера «Иван Грозный» пронизана идеологией «коллективистического императива» («преодоления гуманизма ради действия») в её советском (пентаграмма!) варианте.

Некоторую более сложную вариацию этого смысла можно попытаться уловить, рассмотрев пассаж из уже упоминавшегося предисловия Мандельштама к пьесе Ж. Ромэна «Кромдейр-старый»⁷⁷: «Всего меньше современная Франция оставляет места для **народнических** иллюзий. Исторический характер французского крестьянства способен служить пугалом для **социалистически настроенного горожанина**⁷⁸».

Но «человек толпы» у Ромэна – это не совсем **французский** крестьянин, и Мандельштам продолжает: «он [Ромэн] придумывает для него [места действия пьесы] этнографию <...> столь же фантастическую, как этнография шекспировской Польши или **Московии**».

Появление в этом месте мандельштамовского текста выра-

⁷⁶ Эта связь восходит к Пифагору, который утверждал, что пентаграмма содержит в себе **золотое сечение**, ибо лучи пентаграммы делят друг друга в соотношении «золотого сечения» (~ как точка 0,62 делит отрезок [0, 1]).

⁷⁷ Там же. С. 417.

⁷⁸ Не себя ли имеет здесь в виду Мандельштам, «**социалист-революционер**» и «горожанин и друг горожан»?

жения «этнография шекспировской Московии» (а ведь эта «этнография» есть не что иное, как русский крестьянин при ИВАНЕ ГРОЗНОМ) можно объяснить только актуальностью образа Грозного для Мандельштама в это время⁷⁹ и тем, что в его представлении в момент создания текста, образы Ивана-крестьянина и Ивана-царя «склеены». Получается, что ИВАН ГРОЗНЫЙ, которого все боятся, – это не царь, а грозный русский Иван = французский Jean le Terrible = крестьянин, враг города, пугало для социалистически настроенного горожанина и **одновременно** человек народной толпы, «человек-масса».

Поэтому упомянутая вариация «перевода гадючьей строки на обычный язык» выглядит так:

Работа историка Виппера «Иван Грозный», пронизанная идеологией «коллективистического императива», дышит уГРОЗой со стороны человека толпы, страхом перед ним и страхом перед наступлением «века Ивана Грозного», века «отСЕЧЕНИЯ голов».

Для полноты картины приведем еще несколько интересных историософских «точек совпадения» книги Виппера и размышлений Мандельштама в 1922 г. Виппер сравнивает Россию Грозного с **Ассирией** и другими древневосточными империями:

«Военные громады, управляемые **гениальными** вождями вроде Чингис-хана и Тимура, перенимали технику и уставы старинных **вавилонских** царей <...>. В Москве XV–XVI веков нас поражает еще одна черта государственной техники, напоминающая приемы древневосточных держав. Подобно завоевателям **ассирийским** и персидским, московские строители имели обыкновение готовить занятие новой территории постройкой **грозной крепости** на краю границы. <...> обычаи Востока <...> беспощадно истребляли правящие государи своих ближайших

⁷⁹ Еще одно свидетельство актуальности образа Грозного для Мандельштама в это время находим в его очерке «Сухаревка» (1923): «...площадь пустеет с той истерической поспешностью, с какой пустели бревенчатые мосты, когда по ним проходила **колючая метла страха**» – явно подразумеваются опричники Грозного.

родственников (с. 15–16). <...> В Москве старались закреплять акты государственной жизни подробными и точными протоколами <...>. Как всё это **напоминает практику древнеперсидского государства!** (с. 25) <...> Параграф о вдовых боярынях напоминает <...> статью судебного **Хаммураби** (с. 39). <...> Иван III <...> переселяет, на манер **Сеннахериба** или **Навуходоносора**, пленных ливонцев в глубь Московии (с. 44)⁸⁰.

Мандельштам, с большой вероятностью, был с этими пассажирами знаком. В статье «Девятнадцатый век»⁸¹ он пишет: «В жилах нашего столетия течет тяжелая кровь чрезвычайно отдаленных **монументальных** [ср. «кровь-строительница» в «Веке». – Л. Г.] культуры, быть может, египетской или **ассирийской**...».

Далее в тексте этой же статьи Мандельштама содержится скрытая аллюзия на Грозного: «В отношении к этому новому веку, ОГРОМНОМУ⁸² и жестоковьюному, мы являемся колонизаторами...». Через два месяца (январь 1923) поэт использует ту же связь в уже упоминавшейся статье «Гуманизм и современность»: «ассирийские пленники <...> под ногами ОГРОМНОГО⁸³ царя».

В октябре-ноябре 1922 г. Мандельштам пишет известные строки: «Ветер нам утешенье принес, // И в лазури почуяли мы // **Ассирийские** крылья стрекоз, // Переборы коленчатой [ср. «дней колена» в «Веке». – Л. Г.] тьмы».

Но не только в Ассирии дело. Текст Виппера насыщен идеологией «счета пульса толпы»⁸⁴ (разумеется, пульса, хорошо ощущаемого «гениальным вождем!»). Это резко резонирует с внутренними ощущениями Мандельштама в то время, – в 1928 г. он пишет, отвечая на журнальную анкету: «Октябрьская революция <...> отняла у меня <...> ощущение личной значимости»⁸⁵.

⁸⁰ Похоже, что Мандельштам именно в 1921–1922 гг., рассматривая себя как «выпавшего из ливонского гнезда щегла», хотел «вернуться» в свою «Ливонию», см. подробнее в монографии [88, с. 29–30].

⁸¹ [72, т. 2, с. 264]. Время написания статьи: конец лета – октябрь 1922 г.

⁸² gross ‘огромный’, grass ‘ужасный’ → (пар.) Грозный.

⁸³ снова gross → Грозный.

⁸⁴ Мандельштам напишет через 11 лет: «считали пульс толпы и верили толпе...».

⁸⁵ [72, т. 2, с. 496].

Виппер говорит о «демократической монархии», «монархе-народолюбце», «сближении носителя верховной власти с низшими классами»⁸⁶, о «тирании одного-единственного» (с. 12).

Виппер отмечает, что «положение государя, который решился бы устремиться в **народническую** политику, крайне рискованно. Чтобы вступить на такой путь, нужен человек **гениальной дерзости**⁸⁷; предприятие его будет по неизбежности граничить с преступлением <...> тирания “народолюбца” должна направиться в первую очередь на дворянство, на завоеванную и закрепленную им конституционную свободу <...> публицистам, защищающим закон и право, нетрудно будет осудить его, представить исчадием ада...». Виппер называет Грозного «**гениальным организатором и вождем** крупнейшей державы своего времени».

Виппер высказывает удивительные оценки реформ Грозного: «...решено произвести обмен земель и **уравнять** поместья <...>, а излишки разделить неимущим <...>. Нас поражают **самодержавно-коммунистические выражения**, которые применяет летописец <...> (с. 50). Это <...> старинная уверенная **система просвещенной восточной монархии** <...> **народнический характер** Московской военной монархии» (с. 81). Виппер также говорит о том, что раньше историки говорили про **права человека**, но надо вспомнить об исторической полезности, о **политической гениальности** Грозного.

Лексика поразительно напоминает более поздние тексты «сталинского» времени: «встает во весь рост **могучая фигура повелителя народов**» (с. 52), «мощная и передовая **светская** власть <...> опричина – военная реформа, вызванная опытом труднейшей войны» (с. 53), «**оппозиционеру-изменнику** [Курбскому] Иван Грозный с искусством демагога [т. е. народного вождя. – Л. Г.] противопоставляет **народническое** направление» (с. 58), «**совет всей земли**, <...> **совет** высшей иерархии, <...> **всенародный** характер собрания...» (с. 61), «сознавая в себе ма-

⁸⁶ На стр. 36 у Виппера: «демократизм, внимание к простому люду, к низшим слоям народа».

⁸⁷ Ср. у Мандельштама в стих. «Сумерки свободы» (1918): «Прославим роковое бремя, // Которое в слезах **народный вождь** берет. // Прославим власти сумрачное бремя, // Ее невыносимый гнет».

стера <...> правительственного дела...» (с. 72), «...гениальный дипломатический ход» (с. 101).

Но ведь это еще только 1922 год!

Отметим, наконец, что, кроме Мандельштама, еще, по крайней мере, два известных человека внимательно читали труд Виппера. Это Л. Троцкий и И. Сталин⁸⁸.

* * *

Грифельная ода⁸⁹

Звезда с звездой – могучий **стык**,
Кремнистый путь из старой песни,
Кремня и воздуха язык,
Кремень с водой, с подковой перстень.

<...>

Кто я? Не каменщик прямой,
Не кровельщик, не корабельщик,
Двурушник я, с двойной душой,
Я ночи друг, я дня застрельщик.

<...>

И я теперь учу язык,
Который клекота короче,
И я ловлю могучий стык
Видений дня, видений ночи.
И никому нельзя сказать –
Еще не время: после, после, –
Какая мука выжимать
Чужих гармоний водоросли⁹⁰.

И я теперь учу дневник
Царапин грифельного лета,
Кремня и воздуха язык;
С прослойкой тьмы, с прослойкой света;
И я хочу вложить персты

⁸⁸ Историк Б. Илизаров, занимавшийся «библиотекой Сталина», сообщает о присутствии его пометок в книге Виппера.

⁸⁹ Варианты стихотворения рассматриваются как единый текст.

⁹⁰ Завершающая строфа стихотворения в первой редакции (1923).

В кремнистый путь из старой песни,
 Как в язву, заключая в стык –
 Кремень с водой, с подковой перстень⁹¹.

Смыслы «увертюры» и «коды»⁹² «Грифельной оды»: в этом стихотворении эксплицируется интенсивная и даже мучительная (КАКАЯ МУКА!) рефлексия о своем месте в зоне «столкновения» (СТЫКА) несовместных⁹³ (как КРЕМЕНЬ И ВОЗДУХ или КРЕМЕНЬ С ВОДОЙ) цивилизаций⁹⁴, о самоидентификации (КТО Я?), о попытке «совмещения несовместимого» внутри себя (ДВУРУШНИК Я, С ДВОЙНОЙ ДУШОЙ).

В последнем восьмистишии неожиданно мажорная кода: попытка увидеть «позитивный» результат «столкновения-СТЫКА цивилизаций» (УЧУ ДНЕВНИК ЦАРАПИН), попытка почувствовать, как новозаветный Фома, ощутить (И Я ХОЧУ ВЛОЖИТЬ ПЕРСТЫ) этот СТЫК (КАК В ЯЗВУ, ЗАКЛЮЧАЯ В СТЫК), результатом которого стало **создание СССР** (С ПОДКОВОЙ ПЕРСТЕНЬ)⁹⁵.

Зафиксируем более формально межъязыковые интерференции в последнем четверостишии: «И я хочу вложить персты // В кремнистый путь из старой песни, // Как в язву, заключая в стык – // Кремень с водой, с подковой перстень».

- (а) (=Y) ПУТЬ → Stieg (Steig) ‘путь, тропа (в горах), крутой подъем’ → (пар.) СТЫК⁹⁶ ↔ (пар.) Stig-ma ‘язва (колотая рана)’
 (б) Stieg, СТЫК ↔ (пар.) Stig-ma ‘язва (колотая рана)⁹⁷’ → ЯЗВУ

⁹¹ Завершающая строфа стихотворения в последней редакции (1937).

⁹² Здесь «кода» – это две последние приведенные строфы.

⁹³ Точнее, «дополнительных по Бору».

⁹⁴ Условной «еврейско-германской» и условной «русско-греческой».

⁹⁵ Здесь зашифрованный иероглиф «СССР»: три подковы + перстень! Напомним, что СССР был создан в самом конце 1922-го.

⁹⁶ Эта же связь имеет место в строках 1–2.

⁹⁷ Т. е. раны от гвоздей на теле Иисуса в греческом и латинском тексте Нового Завета (Галат. 6, 17), в которые апостол Фома хочет вложить персты с целью верификации воскресения Иисуса. Здесь тонкость в том, что в немецком слово Stigma не имеет прямого значения «рана, язва» – поэтому здесь более вероятна лат.-греческая интерференция, чем немецкая.

II. Канцона (май 1931)⁹⁸

Неужели я увижу завтра –
Слева сердце бьется, слава, бейся! –
Вас, банкиры горного ландшафта,
Вас, держатели могучих акций гнейса?

Там зрачок профессорский орлиный, –
Египтологи и нумизматы –
Это птицы сумрачно-хохлатые
С жестким мясом и широкою грудиной.

То Зевес подкручивает с толком
Золотыми пальцами краснодеревца
Замечательные луковицы-стёкла –
Прозорливцу дар от псалмопевца.

Он глядит в бинокль прекрасный Цейса –
Дорогой подарок царь-Давида, –
Замечает все морщины гнейсовые,
Где сосна иль деревушка-гнида.

Я покину край гипербореев,
Чтобы зреньем напитать судьбы развязку,
Я скажу «села» начальнику евреев
За его малиновую ласку.

Край небритых гор еще неясен,
Мелколесья колетса щетина,
И свежа, как вымытая басня,
До оскомины зеленая долина.

Я люблю военные бинокли
С ростовщической силой зренья.

⁹⁸ Это значительное расширение анализа Канцона в [88, с. 120–123].

Две лишь краски в мире не поблекли:
В желтой – зависть, в красной – нетерпенье.

* * *

Эскиз реконструкции стержневого смысла этого загадочного текста: это рефлексия Мастера о глубинном смысле своего «географического»⁹⁹ перемещения из Ленинграда в Москву¹⁰⁰, о вариантах своего поведения:

- подготовка к теракту в БО-стиле («слава, бейся!»),
- или попытка «выяснить отношения», «договориться» со Сталиным, как с «равным» себе текстуальным демиургом¹⁰¹, потому что только этот «равный» может дать реальную «развязку» его судьбе: например, убить («и меня только равный убьет»), «запахать в шубу сибирских степей»,
- или, наконец, попытка подчиниться «судьбе», как «козел отпущения»¹⁰², искупающий своей жизнью коллективные грехи народа и т. п.

Для этого «окончательного решения личного вопроса» Мастер собирается (может быть, не по своей воле, а по «воле судьбы»!) переместиться из «края ГИПЕРБОРЕЕВ» (ПЕТЕРБУРГ/Ленинград) в «край небритых гор» (Москва, Кремль = «малый Крым»¹⁰³), чтобы увидеть Кремль и «начальника евреев» Сталина и «зреньем напитать»¹⁰⁴ судьбы развязку.

Этот «край <...> гор ещё неясен», но, с большой вероятностью, это тот самый смертельный край горы, с которого полагается сбросить «козла отпущения» в конце его путешествия «в землю непроходимую»¹⁰⁵. Тем самым, «край гор» – это будущий

⁹⁹ Авторский вариант подзаголовка текста: «География».

¹⁰⁰ Просвечивает традиционный ЕЦ-смысл: ивр. *мешанне-маком* – *мешанне-мазаль* = «меняешь локацию – меняешь судьбу».

¹⁰¹ Ср. «и ленинское-сталинское слово», «я люблю их язык, это мой язык».

¹⁰² Ивр. *са'ир-ла-изазель*, см. Книга Левит, гл. 16.

¹⁰³ Здесь в «языковом сознании» Мандельштама работает стандартная «германская интерференция»: КРЕМЛЬ → (пар.) *krim-el* → (-el = диминутив в ю.-нем. диал. и в идише) «маленький Крым».

¹⁰⁴ Т. е. «запросить, испросить, инициировать», см. ниже.

¹⁰⁵ Лев. 16, 22: «И понесет козел на себе все беззакония их [евреев] в **землю непроходимую** [ивр. *'эрец-гезера* – один из принятых в традиции смыслов: «очень крутая гора»; второй смысл: «отрезанная» земля, «край» земли – Л.Г.] и пустит он козла в пустыню».

«эшафот для казни» автора¹⁰⁶. Это ощущение надвигающейся казни, конца (Канцона!) проявляется в образе «свежей зеленой долины» в конце строфы: здесь «долина» = могила¹⁰⁷, аргументацию см. в Приложении 1, в блоке «межъязыковых интерференций» в Канцоне.

Рассмотрим теперь подробнее строфу: «Я покину край гипербореев, // Чтобы зреньем напитать судьбы развязку, // Я скажу «села» начальнику евреев // За его малиновую ласку».

(а) Напомним, что в Главе 3, п. 3.2.6.2 показывается, что МАЛИНОВАЯ ЛАСКА в этой строфе имеет смысл: «малиновый лоскут, лоскуток» и т. п. Это снова отсылает к «географическому перемещению» и казни «козла отпущения», которому перед тем, как сбросить его со скалы, на рога повязывали багряный (= малиновый) лоскут¹⁰⁸. Употребление слова «малиновый» (а не «багряный», не «красный»!) отсылает к «театральному» «смыслу» малинового цвета в ЯКМ Мандельштама и, немедленно за этим, к текстам Николая Евреинова, в частности, «Эшафот как театр»¹⁰⁹.

(б) НАПИТАТЬ → (пар.) польск. *rytanie* (укр. *питання*) ‘вопрос’, *parutać* ‘накликать, навлечь на себя’ → смысл 1: «чтобы зреньем “запросить”: какая будет развязка?»; смысл 2: «чтобы использовать зрение как орудие “терминации” для навлечения (реализации) развязки, жизненного финала»¹¹⁰.

¹⁰⁶ Здесь просвечивает влияние идеологии Н. Евреинова, см. ниже.

¹⁰⁷ А «свежая зеленая могила» – это, вероятнее всего, могила Хлебникова.

¹⁰⁸ См. Вавилонский Талмуд, тр. Йома, гл. 6, мишна 6. Русский перевод этой мишны (в известном издании Н. Переферковича) выглядел так: «...он [исполнитель казни козла отпущения] разделял багряную ленту: одну половину он привязывал к скале, а другую – к рогам козла и толкал его, опрокидывая назад; козел скатывался вниз и не достигал половины горы, как превращался в куски». Отметим, что Н. Евреинов в своих текстах часто ссылался на перевод 6-й главы тр. Йома Вавилонского Талмуда (в частичном) переводе на русский Н. Переферковича (издание 1899 г.).

¹⁰⁹ См. об этом также в монографии [88, с. 68] в связи со строкой в «Эпиграмме»: «Что ни казнь у него, то малина».

¹¹⁰ Здесь, разумеется, работает характерное для Мандельштама (и для ряда древних культур) «архаическое сознание»: понимание «зрения» как активного воздействия на обозреваемый объект и, соответственно, глаза (бинокля) как инструмента (орудия) этого воздействия.

- (в) «СЕЛА»¹¹¹ → (пар.) нем. *séla*¹¹² ‘кончено! договорились!’, фр. *scéllât* ‘да будет запечатано (= закончено, договорено и т.п.)’¹¹³ → смысл всей строки: автор хочет «**покончить** с прошлой жизнью, с неким этапом судьбы, начать какую-то новую жизнь»¹¹⁴, «**окончательно** договориться», «выяснить отношения» с «начальником евреев».
- (г) НАЧАЛЬНИК ЕВРЕЕВ – это, прежде всего, Сталин¹¹⁵. Но это и Николай Евреинов, чью идеологему «театральной казни» Мандельштам вынужденно принимает: ведь имя Николай – это греч. «повелитель/победитель народа»!

III. «Довольно кукситься...» (июнь 1931)

Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем!

Я нынче славным бесом обуян,
Как будто в корень голову шампунем
Мне вымыл парикмахер Франсуа.

Держу пари, что я еще не умер,
И, как жокей, ручаюсь головой,
Что я еще могу набедокурить
На рысистой дорожке беговой.

¹¹¹ Приводится **наиболее вероятная** часть широкого семантического спектра слова СЕЛА в «Канцоне».

¹¹² Этимология этого немецкого слова неясна: скорее всего, это заимствование из идиша, восходящее к ивритскому СЕЛА (שלא), библейскому маркеру конца псалма Давида, при этом реальный смысл этого слова в тексте Библии неясен.

¹¹³ Дополнительную аргументацию этого смысла слова СЕЛА в «Канцоне» можно получить с помощью техники НСО, см. Главу 6, п. 6.1.

¹¹⁴ Ср. в письме Мандельштама к отцу, написанном одновременно с «Канцонной» (середина мая 1931 г.): «кто не в ладах со своей современностью, кто прячется от нее, тот и людям ничего не даст, и не найдет мира с самим собой. Старого больше нет [= СЕЛА, кончено! – Л. Г.], и ты это понял так поздно и так хорошо. Вчерашнего дня больше нет, а есть только очень древнее и будущее» [15, с. 140].

¹¹⁵ Отметим, что Вайман и Рувин в своей книге (разбирая стих. «Сохрани мою речь», созданное почти одновременно с «Канцонной», и строку «Оды»: «Художник, береги и охраняй бойца»), утверждают, что Мандельштам с начала 1930-х гг. стремится заключить нечто вроде фаустовской «сделки с дьяволом», на роль которого, естественно, назначается Сталин, см. [34, с. 554].

Держу в уме, что нынче тридцать первый
Прекрасный год в черемухах цветет,
Что возмужали дождевые черви
И вся Москва на яликах плывет.

Не волноваться. Нетерпенье – роскошь,
Я постепенно скорость разовью –
Холодным шагом выйдем на дорожку –
Я сохранил дистанцию мою.

Мантра (санскр.) – «орудие осуществления психического акта», «стих», «заклинание», – священный текст, требующий точного фонического воспроизведения.

Википедия

Реконструкция смысла: психологическая самоподготовка, мантра, аутоотренинг перед терактом.

Это текст, в котором особенно громко звучит «общественно-политическая» тема¹¹⁶.

1. Рассмотрим «смыслы» в первых двух строфах этого стихотворения (межъязыковые интерференции здесь почти все – французские):

(а) ДОВОЛЬНО...! = barbe! → (пар.) barbier ‘парикмахер’ → ПАРИКМАХЕР;

(б) СЛАВНЫМ БЕСОМ ОБУЯН → “vom Ehrenteufel gepackt” → смысл: «бесом славы обуян»¹¹⁷;

(в) barbier ‘парикмахер’ → (омоф.) Барбье¹¹⁸ → (асс.) стихи Огю-

¹¹⁶ Излагаемые ниже рассуждения – это, mutatis mutandis, материал п. 3.4.3 в монографии [3] и сс. 123–127 в монографии [88].

¹¹⁷ Стандартный для М-текста «германизм», основанный на посессивном смысле немецких «сложных» лексем (здесь «восстанавливается» слово типа Ehren-teufel). Ср. в другом месте «сонные казни» = «казни сна» → смысл: «воображаемые казни» (2-я глава РД) и т. п.

¹¹⁸ А. Barbier – франц. поэт, стихи которого о революционном Париже лета 1830 г. Мандельштам переводил в 1920-х гг. Связь ДК с Барбье подчеркивается еще и тем, что ДК написано пятистопным **ямбом** – а «главный» цикл сти-

- ста Барбье → (асс.) картинка революционного Парижа лета¹¹⁹ 1830 г.;
- (г) ШАМПУНЕМ → (пар.) Champs-(Elysée) = «Елисейские поля» в Париже;
- (д) ПАРИ-КМАХЕР ФРАНСУА → (пар.) Paris [pari] = Пари-ж, Фран-ция;
- (е) ФРАНСУА → (мет. + асс.) **frisson nouveau**¹²⁰ ‘новый трепет, дрожь’ → смысл: «я почувствовал дрожь от наступления чего-то нового, неведомого»¹²¹;
- (ж) ФРАН-СУА → (пар.) frein soit! ‘да будет узда!’ → (асс. → под-текст) «Вся поэтика гражданской поэзии – искание узды, frein»¹²² → смысл: «я ищущу узду → я должен писать гражданские стихи!»;

хов Барбье (частично переведившийся Мандельштамом) называется «**Ямбы**». «Гражданская» ангажированность Барбье (и Данта!) крайне актуализирована для Мандельштама в момент создания «Довольно кукушаться...». Первые строки ДК (и **ритм ямба**) явно отсылают к статье Мандельштама «Огюст Барбье» (лето 1923), в которой он пишет: «“Собачья склака” была напечатана в газете <...>; еще не высохла типографская краска, как имя поэта было у всех на устах. **Слава** [→ “бесом славы обуян”. – Л. Г.] пришла одним ударом, одним стихотворением. Какими способами <...> достиг Барбье ошеломляющего впечатления на современников? Во-первых, он взял **мужественный стих ямбов** – как это раньше сделал Шенье, стих, стесненный размером, с энергичными ударениями, приспособленный для могучей ораторской речи, для **выражения гражданской ненависти и страсти**. <...> Силе поэтических образов Барбье учился непосредственно у Данта, ревностным почитателем которого он был, а не следует забывать, что “Божественная комедия” была для своего времени величайшим **политическим памфлетом**». Из этого следует важный вывод: ДК для самого Мандельштама есть подготовка к написанию «ошеломляющего политического памфлета», что и было сделано через два года.

¹¹⁹ Имя Огюст (Август) – дает дополнительную ассоциацию с «революционным Парижем» лета 1830 г. Ср. еще в стих. «Я молю, как жалости и милости» (1937): «Где бурлила, королей смывая, // Улица **июльская кривая**».

¹²⁰ “frisson nouveau” = «новый трепет» – известное высказывание Гюго в письме Бодлеру: “Vous dotez le ciel de l’art d’on ne sait quel rayon macabre, vous créez un frisson nouveau”.

¹²¹ Ср. с написанным близко по времени (1931–1932): «я почувствовал **дрожь новизны**, как будто меня окликнули по имени» (ПА, гл. «Москва»).

¹²² «Вся поэтика гражданской поэзии – искание узды, frein» – пассаж из мандельштамовских «Заметок о Шенье». Тем самым, здесь поэт «подтекстирует» свой собственный текст, как и в ряде других мест.

- (з)¹²³ Fr ОБУЯН → (пар.) «Ан-ту-ан» → (пар.) âne ‘осёл’ → ОСЁЛ
НА УХО НАСТУПИЛ!
(и) ДЕРЖУ ПАРИ, ЧТО [париш-то] → (пар.) Paris [pari] = Па-
риж;
(к) НАБЕДО-КУРИ-ТЬ → (пар.) courir ‘бежать’ → БЕГОВОЙ¹²⁴;
(л) БЕГОВОЙ → (асс.) «бега, скачки» = courses → (омогр. RSES)
РЫСИС-ТОЙ¹²⁵.

2. Рассмотрим теперь «смыслы» в третьей строфе этого стихотворения:

- (а) В ЧЕРЕМУХАХ → фр. bourdaine, putiet, putier¹²⁶ ‘черемуха’,
нем. falsche Faulbaum¹²⁷ ‘черемуха’ → смысл: «1931 год – во
лжи, фальши, гниении и т. п.»;
(б) ЦВЕТЕТ → нем. blüht ‘цветет’, Blüte ‘цвет (растений)’ → (пар.)
Blut ‘кровь’ → смысл: «1931 год проходит во лжи, фальши,
гниении, крови¹²⁸»;
(в) ДОЖДЕВЫЕ → (асс.) «дождь» = pluie → (пар.) ПЛЫВЕ-Т;

¹²³ Эта французская интерференция в речи Мандельштама «просвечивает» в воспоминаниях С. Липкина о том, как летом 1932 г. в разговоре на Тверском бульваре он предложил вместо «Обуян – Франсуа» более подходящую, на его взгляд, рифму «Обуян – Антуан». Реакция Мандельштама: «... – у него не только нет разума, у него нет и слуха! “Антуан-обуян!” Чуть! Осёл на ухо наступил!», см. Липкин С. Квадрига. М., 1997, с. 391. Здесь еще очень вероятна интерференция французской поговорки: → laver la tête d'un âne on perd sa lessive = ‘мыть голову ослу – потерянная стирка’.

¹²⁴ Ср. в созданном тогда же стих. (лето 1931): «Сегодня можно снять декалькомани...»: «А между тем нельзя повременить <...> И рождены для наслаждения бегом // Лишь сердце человека и коня». Смысл: «десять лет назад я заморозил свое время, а сейчас – бег, бег!».

¹²⁵ Представляется, что здесь еще задействована фамилия Рысс: это известный эсер-бомбист, см. подробнее в [88, с. 41].

¹²⁶ Эти франц. слова «паронимичны» словам bourde ‘враньё, обман’, pute ‘шлюха’.

¹²⁷ Это нем. слово буквально означает «фальшивое, гнилое дерево». Этот «буквальный» смысл обыгрывается в ряде текстов Мандельштама, где участвует образ «черемухи».

¹²⁸ Ср. тогда же написанное в «Отрывках из уничтоженных стихов»: «в Москве черемухи да телефоны, // И казнями там имениты дни», «из раковин кухонных хлещет кровь». Существенно еще, что связь «цветение» ↔ «кровь» работает и в другом М-тексте, так же связанном с Барбье: в переводе стих. Барбье «Наполеоновская Франция» (1923), см. [3], Приложение.

- (г) ЧЕРВИ → (пар.) Pol czerwies ‘июнь’, Ukr червень ‘июнь’ → аллюзия на время написания текста (начало **июня**);
- (д) ВОЗМУЖАЛИ ДОЖДЕВЫЕ ЧЕРВИ → (подтекст): «Дарвинизм, может быть сам того не сознавая, привлек биологию в сферу политической деятельности. Некоторая демократическая суетливость проникла в гипотетическую первичную слизь, и **борьба дождевых червей за существование служит добрым примером для двуногих**» → дешифровка смысла: «сейчас время созрело для политической/гражданской деятельности»¹²⁹;
- (е) ДОЖДЕВЫЕ ЧЕРВИ → (подтекст) «два или три наблюдательных дождевика написали на песке число 6 три раза подряд <...> “Масих-аль-Деджаль”»¹³⁰ → (пар.) Mosoch¹³¹ + all ‘нем. весь, вся’ + die Jolle ‘нем. ялик’¹³² → (пар.) ВСЯ МОСКВА НА ЯЛИКАХ → смысл: «в Москву пришел и захватил её Антихрист = лже-Мессия и т. д.».

3. В монографии [3, п. 3.4.3] рассматривается ряд соответствий между текстом «Довольно кукситься...» и эпилогом «Египетской марки». Почему эти тексты «соответствуют» друг другу, в чем причина явно возникающего здесь «семантического отображения»?

Общая объединяющая тема – это тема приближения смерти, катастрофы, наступления «конца времени», попытки остановить надвигающуюся катастрофу¹³³ и т. д. Она переходит в тему «Ан-

¹²⁹ Этот пассаж содержится в конце 2 главы «Заката Европы» О. Шпенглера.

¹³⁰ Это аллюзия на фрагмент повести «Ка» В. Хлебникова, в котором «**дождевики**» («дождевые черви») замечают, как в воде **плавает** «лже-Мессия» (парабки: *Масих-аль-Деджаль*), он же Антихрист [32, т. 4, с. 54]. Повесть была опубликована в 1930 г., и Мандельштам, безусловно, это издание и весь текст «Ка» внимательно читал. Отметим здесь же, что «К. Ко», «К. Като», «Коба», «Коба Иванович» (с общей начальной К) – известные псевдонимы Сталина в статьях до 1917 г.

¹³¹ **Mosoch** (в Vulgata), он же **Мешех** сын Яфета в Быт. 10, 2 и Иез. 38, 3 – по распространенному мифу, предок «**моско-витов**».

¹³² В рамках нашей реконструкции Мандельштам произносит нем. die Jolle «по-французски»: [di-žole]! Отметим, наконец, что араб. корень [DŽL] имеет семантику «обмана, фальши», что хорошо коррелирует с только что возникшим образом «черемухи».

¹³³ В 8 главе ЕМ: «он объяснится с ротмистром [= rote Meister = «красный Хозяин» = дьявол] Кржижановским, он ему покажет. Вот только одна беда – ро-

тихриста», или, другими словами, в эквивалентную тему «дьявола в Москве», популярную в 1920–30-х гг.¹³⁴

Этот лже-Мессия (Антихрист) есть центральный стержень «смыслового соответствия» между рассмотренными текстами.

IV. Стансы (май-июнь 1935)

Я не хочу среди юношей тепличных
Разменивать последний грош души,
Но, как в колхоз идет единоличник,
Я в мир вхожу – и люди хороши.

Люблю шинель красноармейской складки –
Длину до пят, рукав простой и гладкий
И волжской туче родственный покров,
Чтоб, на спине и на груди лопатясь,
Она лежала, на запас не тратясь,
И скатывалась летнею порой.

Проклятый шов, нелепая затея,
Нас разлучили, а теперь – пойми:
Я должен жить, дыша и большевея
И перед смертью хорошея –
Еще побыть и поиграть с людьми!

Подумаешь, как в Чердыни-голубе,
Где пахнет Обью и Тобол в раструбе,
В семивершковой я метался кутерьме!
Клевещущих козлов не досмотрел я драки:
Как петушок в прозрачной летней тьме –

дословной у него нет». В ДК: вся последняя строфа: «Не волноваться <...> Холодным шагом выйдем на дорожку...».

¹³⁴ Заметим, что есть сюжетные соответствия между ЕМ и булгаковской «Дьяволиадой» (1925): например, «погоня» Парнока за Кржижановским соответствует погоне Короткова за Кальсонером у Булгакова и т. п. Подробное исследование мандельштамовской «дьяволиады» (и её сопоставление с текстами Булгакова) должно быть проведено в другом месте.

Харчи да харк, да что-нибудь, да враки –
Стук дятла сбросил с плеч. Прыжок. И я в уме.

И ты, Москва, сестра моя, легка,
Когда встречаешь в самолете брата
До первого трамвайного звонка:
Нежнее моря, путаней салата —
Из дерева, стекла и молока...

Моя страна со мною говорила,
Мирволила, журила, не прочла,
Но возмужавшего меня, как очевидца,
Заметила и вдруг, как чечевица,
Адмиралтейским лучиком зажгла.

Я должен жить, дыша и большевея,
Работать речь, не слушаясь – сам-друг, –
Я слышу в Арктике машин советских стук,
Я помню все: немецких братьев шеи
И что лиловым гребнем Лорелеи
Садовник и палач наполнил свой досуг.

И не ограблен я, и не надломлен,
Но только что всего переогромлен...
Как Слово о Полку, струна моя туга,
И в голосе моем после удушья
Звучит земля – последнее оружие –
Сухая влажность черноземных га!

* * *

Реконструкция смысла: «перековка» (перестройка) сознания
Мандельштама после попытки теракта, ареста, ожидания казни
и помилования.

Россия, Кама, Лорелея: к дешифровке «темных мест» в воронежских «Стансах» (1935)¹³⁵

Die schönste Jungfrau sitzt
dort oben wunderbar,
ihr gold'nes Geschmeide blitzet,
sie kämmt ihr goldenes Haar.
Sie kämmt es mit goldenem Kamme
und singt ein Lied dabei,
das hat eine wundersame,
gewaltige Melodei.

Над страшной высотой
Девушка дивной красоты
Одеждой горит золотою,
Играет златом косы.
Золотым убирает гребнем
И песню поет она;
В её чудесное пенье
Тревога затаена.

H. Heine «Die Loreley» (перевод А. Блока)

1. В начале лета 1935 г. высланный в Воронеж Мандельштам написал стихотворение из восьми строф, которое он назвал «Стансы», с прозрачной отсылкой к итальянскому STANZA, с его коннотациями 'строфа, комната, жилье, местожительство, местопребывание', и к русскому парониму СТАНЦИЯ = «временная остановка в пути», суггестируемому итальянской фоникой.

Как и полагается по жанру, содержание «Стансов» – «медиативное»: автор пытается осмыслить происшедшее с ним за последний год: попытка теракта против Сталина, арест, «помилование», новое местопребывание («станция»). Автор раскаивается – точнее, считает своей ошибкой и даже ругает себя за «затею» с эпиграммой на Сталина («проклятый осел, нелепая затея»)¹³⁶, и программирует свое примирение с окружающей

¹³⁵ Приводится (с существенными изменениями и дополнениями) работа о смысле «Стансов», опубликованная в монографии [3], п. 3.7.

¹³⁶ Здесь с большой вероятностью имеет место русско-немецко-идишская паронимическая связь ШОВ → Y[šof] 'овца, баран', Schöps 'кастр. баран → перен. «осел», простофиля' → смысл строки: «проклятый осел (я), нелепая затея (моя)». Предположительно, здесь имеет место соединение идиш-фонки и немецкой семантики. Идишизм Y[šof] 'баран' более точен фонетически, но немецкая семантика «простофиля» – частотна. Равновероятно также использование немецкого диалектизма [šof] 'овца' ← (сред.-верхн.-нем. schaf = нов.-нем. Schaf). Ср. новонемецкое: dumm wie ein Schaf 'глупый как баран'. Ср. в Египетской Марке, гл. IV, про Парнока и самого Мандельштама: «Товарищи в школе дразнили его «овцой», <...> и другими обидными именами». Заметим, что в этой школе (в Тенишевском училище) учили немецкий. Напомним, наконец, что, по сообщению в мемуарах Н. Мандельштам, начиная с 1930 г. Мандельштам читал тексты на средневерхнемецком.

действительностью во всех её ипостасях: страна, государственный строй, армия, города, колхозные села, освоение Арктики, природа, люди и т. д.

Автор призывает сам себя, воспроизводя при этом набор мантр в стиле «вставшего на путь исправления каналаармейца»¹³⁷: «люб[ить] шинель красноармейской складки», честно и продуктивно работать в своей области («я должен <...> работать речь <...> сам-друг») и быть политически лояльным и согласным с большинством («я должен жить, дыша и большевеея»)¹³⁸.

2. Несмотря на столь ясные общие «сквозные» смыслы, текст все же содержит несколько «темных мест».

Выше была рассмотрена «правдоподобная гипотеза» о смысле «**проклятого шва**» в 3-й строфе. Посмотрим теперь 4-ю строфу: что это за «дерущиеся» и одновременно «клевещущие» «козлы»? Гипотеза: это политические ссыльные – эсеры, эсдеки и прочие, повседневную жизнь которых Мандельштам наблюдал в Чердыни. Косвенно это подтверждается воспоминаниями Э. Герштейн – в том месте, где сообщается о разговорах с Маргаритой, бывшей «зечкой»: «она так мало говорила о перенесенных ею страданиях, что только из одной её случайной реплики я узнала, что она успела отбыть какой-то срок в лагере. <...> Теперь, в 30-х годах, Маргарита нередко рассказывала о том, как жили **осужденные эсеры. В тюрьме они сидели по двое в камерах. Они так надоедали друг другу, что подавали просьбы о переводе в одиночку**» [7, гл. 9].

Рассмотрим теперь 7-ю строфу «Стансов», содержащую «темные места», связанные с образом Лорелеи:

¹³⁷ «Каналаармеец» (→ з/к = «заключенный каналаармеец»), «вставший на путь перековки, исправления и т. п.» – газетные штампы 1934–1935 гг.

¹³⁸ Н. Мандельштам вспоминает о периоде 1934/35 гг. в Воронеже: «он [М] говорил, что хочет быть со всеми и боится остаться вне революции, пропустить по близорукости то грандиозное, что совершается на наших глазах» [4, с. 118]. В другом месте мемуаров она использует выражение «**антииндивидуалистическое сознание Мандельштама**» [28, т. 2, с. 259].

Я должен жить, дыша и большевея,
Работать речь, не слушаясь – сам-друг, –
Я слышу в Арктике машин советских стук,
Я помню все: немецких братьев шеи
И что лиловым гребнем Лорелеи¹³⁹
Садовник и палач наполнил свой досуг.

В 5-й строке 7-й строфы непонятно, при чем тут Лорелея и, в особенности, почему её гребень (которым она, по легенде, все время чешется) лилового цвета? В 6-й строке той же строфы непонятен «садовник и палач». Вроде бы, Гитлер... но, как к известной фигуре из «Мертвых душ» – присмотришься попристальнее... Ой, Сталин!

То, что на роль «садовника и палача» есть два главных претендента, ощущалось и фиксировалось комментаторами давно. Еще в работе 1991 г. И. Месс-Бейер указывала на трафаретность образа Сталина как вождя-садовника в советской прессе 1934–35 гг.¹⁴⁰ Рассмотрим аргументы в пользу каждого из двух претендентов.

За Гитлера:

- (а) «немецких братьев шеи» → какие-то казни в фашистской Германии → Гитлер.
(б) «палач», который то ли рубит «немецких братьев шеи»¹⁴¹, то ли вешает их «за шею», а затем, отдыхая от этой работы, на-

¹³⁹ Вариант строк 4–5: «Я помню все: германских братьев шеи // И что проклятым гребнем Лорелеи...».

¹⁴⁰ Месс-Бейер И. Эзопов язык в поэзии Манделъштама // Russian Literature. 1991. Vol. 29. No. 1. P. 245–393. Но еще задолго до 1991 г. московский поэт и переводчик М. Каждан указывал в устных обсуждениях «Стансов», что здесь «садовник» – это именно Сталин. Этот факт, как и многие другие, показывает, что «смыслы» Манделъштама – это некий кусок ноосферы (или, может быть, «Устного Учения», в еврейских традиционных терминах), не укладывающийся в рамки «упорядоченного научного дискурса».

¹⁴¹ Д. Лахути в [38] напоминает, что после прихода Гитлера к власти в Германии была восстановлена смертная казнь через отсечение головы, и приводит сообщения об этих казнях в советской центральной прессе в 1934 г. и в первой половине 1935 г. В частности, он цитирует «Комсомольскую правду» (от 5 июля 1934 г.): «1 августа 1933 года в Гамбурге **топор палача** опустился на головы Лютенга и его товарищей» [38, с. 132].

полняет СВОЙ ДОСУГ, как национально ориентированный немец, чем-то эксплицитно «германским» (Лорелей с её аксессуарам), – это именно главный «германский» палач, т. е. Гитлер.

Остается непонятным: зачем Гитлеру «на досуге» именно ГРЕБЕНЬ Лорелей? Еще неясно, почему САДОВНИК? Гитлера садовником не называли: правда, САДОВНИК паронимически суггестирует **де Сада** → **садиста**, и это коррелирует с семантическим спектром ПАЛАЧА.

Но главное, непонятно, почему для **самого автора** существенно ПОМНИТЬ, что Гитлер на досуге развлекается не, скажем, черепами и/или скелетами казненных «братьев», а каким-то гребнем для расчесывания волос?

За Сталина:

(а) именно он одновременно и ПАЛАЧ, и САДОВНИК. Дело в том, что именно к Сталину (а не к Гитлеру)¹⁴² применялось в прессе первой половины 1930-х клише «садовник» и широко цитировались «садоводческие» метафоры из его речей¹⁴³;

¹⁴² Стандартных сравнений Гитлера с садовником или указаний на увлечение его садоводством в немецкой (и советской) прессе первой половины 1930-х не зафиксировано. Это отмечает (со ссылкой на работу И. Месс-Бейер 1991 г.) в своих исследованиях Д. Лахути, см. [38].

¹⁴³ Например, 29 декабря 1934 г. «Правда» опубликовала выступление Сталина на «приеме металлургов», в котором содержалась ставшая известной формула: «Людей надо внимательно и заботливо выращивать, как **садовник выращивает** облобованное плодовое дерево», цит. по [41, с. 299–300]. Д. Лахути указывает, что эти слова Сталина «появляются как “шапка” – большими, плакатными буквами во всю ширину над второй страницей “Правды” от 29 апреля 1935 г.» [38, с. 136]. Тогда же распространились шутки типа: «Сталин – великий садовник, потому что он всё садит и садит», см. [41, с. 300]. Отметим, что в 1937 г. вышла книга Е. Полонской «Новые стихи 1932–1936», о которой Б. Фрезинский пишет во вступительной статье к сб. «Елизавета Полонская: стихотворения и поэмы» (СПб., 2010): «Новые стихи» закрывались стихотворением “**Садовник**”, и читатели мгновенно догадывались, о каком заботливом садовнике идет речь в этом многословном сочинении: “Мудрым глазом следит за ростком неустанный садовник, // Он дает ему воду и тень, и в мороз закрывает рогожей, // Охраняет от птиц и мальчишек худых молодые побеги, // Против жадных червей известковые смеси готовит // И вредителей сада преследует сам беспощадно... // От зари до заката хлопочет садовник, и ночью не спит он, // Все-то думает: как там в саду? Как растет деревцо молодое?”. Нельзя не привести в этой связи также стих. «Садовник», шедевр садоводческой метафорики, создан-

(б) в мандельштамовской ситуации естественно «помнить» действия именно Сталина, а не далекого Гитлера, пусть тоже ПАЛАЧА. Любое действие, любой шаг Сталина в сознании Мандельштама этого периода наполняется гипертрофированно огромным символическим содержанием: Мандельштам «в высшей мере» «всего переогромен», выражаясь его же словами в последней строфе.

Остается непонятным **главное**: зачем Сталину ГРЕБЕНЬ какой-то немецкой Лорелеи: к тому же эта Лорелея (явная германская шпионка и троцкистская двурушница) дезориентировала судоводителей своим провокационным пением и публичным чесанием волос, что приводило к авариям и кораблекрушениям, – т. е. занималась вредительством на речном транспорте. Еще остается неясным: почему акцентируется ЛИЛОВЫЙ цвет её гребня?

Баланс аргументаций – нулевой. Как выражается в подобном случае Талмуд, техника дискурса которого имеет непосредственное отношение к комментированию текста Мандельштама (см. [3], п. 1.2.3): «вопрос стоИт», т. е. остается нерешенным. Неизбежно возникает желание считать образы Гитлера/Сталина «мигающими», как в некоторых других текстах Мандельшта-

ный В. Лебедевым-Кумачом в 1938 г. Будучи напечатанными позднее «Стансов», тексты Лебедева-Кумача и Полонской всё же вполне релевантны здесь, потому что авторы были талантливыми «уловителями» общепринятых, «обще-симпатичных» на данный момент (середина 1930-х гг.) общественно-политических концептуальных метафор: *«Вся страна весенним утром, // Как огромный сад, стоит, // И глядит садовник мудрый // На работу рук своих. // Радость бабочкой веселой // Пролетает по кустам, // Вьются песни, точно пчелы // По лазоревым цветам. // Цепи яблонь протянулись // Там, где были пустыри... // Садовод глядит прищурясь // И тихонько говорит: // – Не напрасно люди наши // Проливали пот и кровь, – // Что ни день – светлей и краше // Выходит радостная новь! // День и ночь с веселым шумом // Сад невиданный растет, // День и ночь трудам и думам // Отдается садовод. // Все ему проверить надо // Взором пристальным своим, // Чтобы каждый корень сада // Был по-своему любим. // Он помощников расспросит, // Не проник ли вор тайком. // Сорняки, где надо, скосит, // Даст работу всем кругом. // Пар идет от чернозема, // Блещут капельки росы... // Всем родной и всем знакомый // Улыбается в усы».*

ма, и объяснять это, скажем, общей установкой мандельштамовского текста на «оксюморонность» и т. д. Само устройство текста Мандельштама¹⁴⁴ **провоцирует** генерирование «дурной бесконечности» такого рода «общих» комментариев.

3. Я все-таки хочу попытаться «решить» эту проблему, т. е. положить решающую гирию на чашу весов «за Сталина».

Основной тезис: **в последней строке рассматриваемой строфы слово СВОЙ является «маскирующим словом» для должествующего здесь быть слова МОЙ.**

Конструкция «эквиритмичной маски» совершенно не является необычной для «позднего» Мандельштама, – скорее, это рутинная техника¹⁴⁵. Важно в каждом случае уметь аргументировать присутствие «маски».

Аргументацию построим сначала в виде «реконструкции» процесса появления интересующих нас образов «в сознании» Мандельштама. Итак, в начале июня 1934 года Мандельштам плывет вверх по Каме на пароходе из Соликамска в Чердынь¹⁴⁶. Плывет с женой и спецконвоем из 3 человек. Путешествие это было необычно комфортным, – благоволивший к чете Мандельштамов старший конвоир разрешил (и даже посоветовал) им взять отдельную каюту: «Пусть твой отдохнет!»¹⁴⁷.

«Отдыхающий» Мандельштам НА ДОСУГЕ рассматривает высокий, поросший лесом БЕРЕГ (ГРЕБЕНЬ¹⁴⁸) Камы. «Гер-

¹⁴⁴ Похожее на «устройство» и техники порождения еврейского традиционного текста (мидраш). См. об этом статью «Текст Мандельштама в сопоставлении с традиционным еврейским дискурсом» // Вестник Пермского университета. Росс. и заруб. филология. 2010, вып. 4(10). Основной материал статьи содержится в монографии [3], п. 1.2.3.

¹⁴⁵ Вот очевидный пример из мандельштамовских «Стихов о русской поэзии»: «В треуголках **НОСАЧИ**». Здесь НОСАЧ – это прозрачная эквиритмичная «маска» для «**усача**», всем известного прозвища Сталина.

¹⁴⁶ Через две недели, в середине июня, Мандельштамы проделывают обратный путь на пароходе по бассейну Камы: из Чердыни в Казань через Пермь – уже без конвоя. Наша аргументация относится одновременно к этим двум плаваниям.

¹⁴⁷ См. [6, с. 58].

¹⁴⁸ Необходимо здесь отметить уже упоминавшийся «сквозной» для «Стансов» **неупорядоченный** трехконсонантный набор [BRG], присутствующий в «камских» стихах в явных и суггестируемых русских и немецких словах: БЕРЕГ,

манский монитор»¹⁴⁹, почти всегда работающий в его сознании, подсказывает ему простую русско-немецкую паронимическую связь Кама ↔ Камм 'гребень, гребенка'¹⁵⁰.

Существенно здесь же отметить, что фоническая интерференция немецкого Камм в русском тексте Мандельштама происходила и раньше. Например, в стих. «Квартира» (1933) в строках «И я, как дурак, на гребенке // Обязан кому-то играть»: ГРЕБЕНКЕ ↔ [КАМ-уто]¹⁵¹.

Далее, немецкое слово Камм¹⁵² + русские слова «гребенка», Кама + «речной пейзаж с высоким берегом» + указанная фоническая связь в «Квартире» вместе суггестируют ситуацию «**игры на гребенке на высоком берегу (гребне) реки**», которая немедленно (и вполне рутинно для семантического процесса Мандельштама) тянет за собой активизацию более раннего мандельштамовского текста, а именно, пассажа из 4-й главы «Египетской марки» (ЕМ), содержащего образ Лорелеи:

«Вот и Фонтанка – Ундина барахольщиков и голодных студентов с длинными сальными патлами, **Лорелея** вареных раков, **играющая на гребенке с недостающими зубьями; река** – по-

ГРЕБЕНЬ, О-ГРАБ-ЛЕН, BERG-EN 'горы'. Этот «набор» работает и в других текстах Мандельштама.

¹⁴⁹ «Германский монитор» у Мандельштама – процесс отслеживания русско-немецких (и русско-идишских) омофонических, паронимических и т. п. связей. Подробнее см. [3], п. 1.4.5.

¹⁵⁰ Строка из баллады Г. Гейне “Die Loreley”: “Sie kämmt es mit goldenem Kamme” (разумеется, «активизированная» в этот момент у Мандельштама) содержит слово Kamme («гребнем»), еще более паронимичное слову «Кама». Еще одна строка “Die Loreley”, способствовавшая активизации этого стиха Гейне у Мандельштама в это время – это строка: “Ein Märchen aus **uralten** Zeiten das **kommt** mir nicht aus dem Sinn”, в которой слово **uralten** 'древний', разумеется, фонически связывалось с «Уралом». Ср. «долговечный Урал» в стих. «Кама, 3» (апрель-май 1935), см. подробнее [3], Приложение.

¹⁵¹ Для «подкрепления» этой связи, укажем на еще одну связь этого места в «Квартире» с «гребнем». Дело в том, что в варианте «Стансов» (в Принстонском архиве) – «**проклятым** гребнем Лорелеи», что немедленно дает «правдоподобную гипотезу» о существовании семантического отображения между отрезками текста и, тем самым, позволяет применить НСО-принцип: [А стены ПРОКЛЯТЫЕ ... И я, как дурак, НА ГРЕБЕНКЕ обязан КАМУ-то] ↔ [ПРОКЛЯТЫМ ГРЕБНЕМ + смысл: «Кама»].

¹⁵² Оно же идишское с теми же значениями.

кровительница плюгавого Малого театра, с его облезлой, лысой, похожей на **ведьму**¹⁵³, надушенную пачулями, Мельпоменой».

Заметим, что в этом пассаже ЕМ Лорелея отождествляется с рекой (Фонтанкой).

Итак, вот и возникла Лорелея, играющая на дефектной «зубчатой» гребенке на высоком берегу Камы-реки¹⁵⁴. Автор как бы говорит: «И этой роскошной природой, этим “гребнем”, т. е. гребнем Лорелеи и гребнем реки, и, наконец, самой рекой-**Камой**, заботливый садовник и палач Сталин наполнил мой досуг, – вместо того, чтобы просто казнить меня, – за что ему спасибо».

Заметим здесь же, что «зубчатая гребенка» и способность Камы «наполнить досуг» просвечивают в более позднем воронежском «ностальгическом» стихотворении о Каме, в котором образ реки «склеивается» с неким привлекательным женским образом, более «выносимым» для Мандельштама, чем воронежская «убитость равнин», по которым, к тому же, «медленно ползет» какой-то кошмарный «народов будущих Иуда»:

Уж лучше б вынес я песка слоистый нрав
На берегах зубчатых Камы:
 Я б удержал её застенчивый рукав,
 Ее круги, края и ямы.

В завершение доказательства того, что в рассматриваемой строфе слово СВОЙ «маскирует» слово «мой», приведем еще одно соображение в пользу того, что «гребнем Лорелеи» наполнился досуг именно Мандельштама, а не «палача». Сохранился отрывок стихотворного текста, написанный Мандельштамом в 1935 г. – похоже, в мае – т. е. тогда же, когда создавались «Стансы»:

¹⁵³ В «дискурсе о Лорелее» её часто называют «ведьмой».

¹⁵⁴ Еще одна простая причина возникновения образа Лорелеи в сознании Мандельштама, наблюдающего с борта парохода мощную **природу** Прикамыя – это активизация (разумеется, известного ему) высказывания А. Белого о природе в статье о символизме: «**Видимая природа... – волшебница Лорелея**, отвлекающая меня от подлинной жизни к жизни видимой», см. *Белый А. Символизм. Публичная лекция // Весы. – 1908. – № 12. С. 37.*

Это я. Это Рейн. Браток, помоги.
Празднуют первое мая враги.
Лорелеиным гребнем я жив, я теку
Виноградные жилы разрезать в соку¹⁵⁵.

Дело в том, что при порождении текста Мандельштам обычно отождествляет себя с «объектом дискурса», т. е. в данном случае с «Рейном». Поэтому слова ЛОРЕЛЕИНЫМ ГРЕБНЕМ Я ЖИВ – не в меньшей степени прямая речь автора, чем «Рейна». Тем самым, автор как бы говорит: «палач наполнил МОЙ досуг гребнем Лорелеи, и этот гребень есть сейчас нечто жизненно важное для меня».

Но здесь зашифо еще одно свидетельство «жизненного значения» Лорелеинового гребня для Мандельштама в этот момент. Чтобы это увидеть, надо чуть поглубже «разрезать жилы» текста. Дело в том, что в этой точке суггестируется следующая ассоциативно-паронимическая цепочка: Г-РЕБНЕ-М → (пар.) Reben ‘виноград (лоза)’ → эпитафия из Э. Клейста к стих. Мандельштама «К немецкой речи» (1932)¹⁵⁶, содержащий слова:

Reben ↔ ВИНОГРАДНЫЕ,
Freund ‘друг’ ↔ БРАТОК,
Saft ‘сок’ ↔ В СОКУ,
leben ‘жить’ ↔ Я ЖИВ,
fliehn ‘убегать, «утекать»’ ↔ Я ТЕКУ.

В результате реконструируется четкая связь:

ГРЕБНЕМ → набор объектов [«ВИНО-градная лоза», «ВИНО-градный сок»] → «текущая из ВЕНЫ ВЕНО-зная кровь» → ЖИЛЫ [вены!] РАЗРЕЗАТЬ → «вскрыть вены = покончить самоубийством»¹⁵⁷. Но слово ТЕКУ в тексте суггестирует второе (переносное) значение «соответствующего» ему немецко-

¹⁵⁵ «Строки из уничтоженных или утерянных стихотворений» [23, с. 365].

¹⁵⁶ Вот этот эпитафия (как обычно, «усвоенный → присвоенный» Мандельштамом): “**Freund!** Versäume nicht zu **leben**: // Denn die Jahre **fliehn**, // Und es wird der **Saft** der **Reben** // Uns nicht lange glühn”.

¹⁵⁷ В более раннем шуточном стихе Мандельштама «Помпоныч, римский гражданин...» (1920-е) обыгрывается ситуация вскрытия **вен**: «И сам себе **разрезал** скукожьля, // Скукожьил и дух по ванной испустил».

го fliehn, т. е. «утекать» = «убегать». Окончательно получается смысл: «гребень Лорелеи есть сейчас нечто жизненно важное для меня: благодаря ему, я избегаю самоубийства».

4. Итак, Сталин наполнил досуг Мандельштама гребнем Лорелеи, ставшим для поэта «жизненно важным». Но почему этот гребень **ЛИЛОВЫЙ**?

Гребень Лорелеи ЛИЛОВЫЙ, потому что:

(а) Лорелея = Сирена¹⁵⁸ → «сиреневый цвет» = «лиловый цвет».

Заметим, что из германского контекста, который постоянно присутствует здесь, возникает русско-немецкая паронимическая связь: «сиреневый» → lila 'сиреневый' → (пар.) ЛИЛОВЫМ. Заметим еще, что Лорелея в немецких балладах, например, в упоминавшемся стихотворении Гейне, устраивает свои вредительские перформансы вечером, на заходе солнца¹⁵⁹, т. е. как бы при наступлении «сиреневых сумерек».

Запишем более формально полученную цепочку:

ГРЕБНЕМ ЛОРЕЛЕИ → ГРЕБНЕМ «сирены» → сиреневым ГРЕБНЕМ = Lila-kamme → (пар.) «лиловой Камой» → ЛИЛОВЫМ ГРЕБНЕМ¹⁶⁰.

Собственно, сказанного в п. (а), по-видимому, достаточно для демонстрации **связи** Лорелея ↔ лиловый. Но почему акцентируется лиловый цвет именно «гребня», а не какого-то другого аксессуара Лорелеи?

¹⁵⁸ Образ «сирены» уже возникал у Мандельштама в статье <Скрябин и христианство>: «Бессловесный, странно немолчаливый ХОР “Прометея” – все та же опасная, **соблазнительная СИРЕНА**». В приведенном выше пассаже из ЕМ Мандельштам издается над «соблазнительностью» «Лорелеи вареных раков», «покровительницы плюгавого Малого театра» с его «похожей на ведьму Мельпоменой».

¹⁵⁹ У Гейне: “Die Luft ist kuhl und **es dunkelt** <...> im abendsonnenschein”. В переводе А. Блока: «Прохладой **сумерки** веют, // И Рейна тих простор; // **В черных лучах алеют // Вершины далеких гор**».

¹⁶⁰ Отметим еще одно место у Мандельштама, в котором просвечивает связь: Лорелея ↔ «сиреневый». Это фрагмент наброска к гл. «Французы» из «ПА»: «...Роскошные плотные сирени Иль-де-Франс <...> горели на стене <...> [и были чувственней, лукавей и опасней огненных женщин] более сложные и чувственные, чем женщины». Тем самым, Лорелея (= германский архетип «чувственной, лукавой, **опасной** женщины) связывается с «сиренью» и отсюда с сиреневым цветом.

Нижеприведенные п. (б) – (е) отвечают на этот вопрос, давая попутно интересное описание «работы» лилового цвета в воронежской «картине мира» Мандельштама.

(б) В представлении Мандельштама, высокий берег (гребень) Камы-Вишеры зарос ельником: «Жгучий **ельник** бежит, молодея в воде»¹⁶¹. В то же время, по другим воронежским текстам видно, что «речной ельник» = «еловый лес у реки» связывается у поэта с **лиловым** цветом, напоминающим цвет чернил¹⁶²: «Близкой кажется **река**. // И какой **там лес** – **еловый**? // **Не еловый, а лиловый**, – // И какая там береза, // Не скажу наверняка – // Лишь **чернил** воздушных [= **лиловых**. – Л. Г.] проза // Неразборчива, легка»¹⁶³. Отсюда получается связь: «Гребень Камы» = «гребень Лорелеи» ↔ «лиловый (фиолетовый) цвет»¹⁶⁴.

(в) В другом представлении Мандельштама почему-то возникает «гастрономическая» метафора¹⁶⁵: высокий берег (гребень) Камы предстает большим куском мяса или рыбы¹⁶⁶ на кости («костер» ← «кострец»), который можно съесть, предварительно посолив: «И хотелось бы гору с костром отслоить, // Да едва успеваешь леса посолить»¹⁶⁷. Гребень горы, гора с костром = мясо, ХВОЙНОЕ МЯСО. [САЛИ-КАМ-ск] → [ЛИСА-ПА-САЛИ-ТЬ, АТ-СЛАИ-ТЬ]. По-видимому, цве-

¹⁶¹ Стих. «Кама» (апрель–май, 1935).

¹⁶² Ср. в стих. «Еще мы жизнью полны в высшей мере»: «И пишут <...> толковые **лиловые чернила**». Это стих. написано 24 мая 1935 г., т. е. на том же временном пятачке, что и «Стансы».

¹⁶³ Стих. «Вехи дальние обоза...» (декабрь 1936 г.).

¹⁶⁴ Приведем наблюдение берега на закате солнца («сплавщиком» по Каме-Вишере: «Берег по цвету <...> вечером ближе к **синему** <...>. Под закат, естественно, **рыжевато-оранжевый**» (сообщено проф. Н. Бочкаревой, Пермь). Если эти краски на палитре смешать, то как раз и получится то, что на немецком называется общим словом **lila**, т. е. фиолетово-сиренево-лиловая гамма. Связь: нем. **lila** → (пар.) **ЛИЛОВЫЙ** здесь вполне релевантна, потому что у Мандельштама при генерировании рассматриваемого текста, как уже отмечалось, «включен» «германский монитор».

¹⁶⁵ По-видимому, это метафора, индуцированная названием СОЛИ-КАМ-ск (исходный пункт плавания по Каме).

¹⁶⁶ Ср. в варианте стих. «День стоял о пяти головах...» (1935, апрель–май): «... **Горой пообедав, поезд ужинал лесом** <...>. Глаз превращался в **хвойное мясо**».

¹⁶⁷ Стих. «Кама» (апрель–май, 1935).

товая гамма куска мяса на «мозговой» кости представляется Мандельштаму **синева-лиловой**¹⁶⁸.

(г) В стих. 1937 г. Мандельштам несколько ностальгически вспоминает свое путешествие 1934 г. по Каме: «А на деле-то было тихо, // Только шел пароход по реке [Каме!], // Да за кедром¹⁶⁹ ЦВЕЛА ГРЕЧИХА...»¹⁷⁰. Поле цветущей гречихи имеет **розово-фиолетовый** (= лиловый) цвет. Связь в представлении Мандельштама «цветущей гречихи» с фиолетово-лиловой расцветкой, т. е. с цветовой гаммой «венозной крови», подтверждается строкой в мандельштамовском переводе (с французского) одного из стихотворений О. Барбье: «война цветет, как море гречи»¹⁷¹ → аллюзия на связь **цвета крови** с цветом поля цветущей гречихи¹⁷² (к тому же слова «война» и «вена» – паронимы).

(д) Еще один «лиловый» компонент гребня Лорелеи, которым «садовник и палач» наполнил досуг Мандельштама, – это воронежский чернозем. В стих. «Чернозем», почти совпадающем по времени создания со «Стансами», Мандельштам пишет о воронежской земле: «Переуважена, **перечерна**, вся в холе, <...> В дни ранней пахоты **черна до синевы...**»¹⁷³. Видно, что суггестируемая цветовая гамма здесь – фиолетово-лиловая.

Находясь в семантическом поле «чернозема», приведем еще одну цепочку «со-ображений» (т. е. сопоставлений образов): в уже рассмотренном в п. (а) отрывке из «Скрябина» некий «бессловесный **хор** Прометея» отождествляется с «**сиреной**». Но в других воронежских стихах Мандельштам «солидаризируется»

¹⁶⁸ Ср. в «Импрессионизме»: «Его запекшееся лето **лиловым мозгом** разогрето», «А тень-то тень все **лиловой**, <...> Ты скажешь: повара на кухне **готовят жирных голубей**».

¹⁶⁹ Т. е. на высоком берегу, на ГРЕБНЕ.

¹⁷⁰ Стих. «Средь народного шума и сбега» (январь 1937 г.).

¹⁷¹ См. [3], Приложение: 1923. Переводы из Огюста Барбье. «Наполеоновская Франция». Заметим, что во французском оригинале у Барбье никакой «гречихи» нет и в помине.

¹⁷² Запишем более формально паронимические связи здесь: ЦВЕТЕТ → blüht 'цветет', Blüte 'цвет (растений)' → (пар.) Blut 'кровь' → (асс.) «поле, залитое кровью».

¹⁷³ Стих. «Чернозем» (апрель 1935 г.).

с «пригвожденным к скале» [→ скала Лорелеи!] Прометеем¹⁷⁴. Тем самым, имеется связь: «хор Прометея» ↔ «хор Мандельштама», откуда имеем связь: «хор Мандельштама» ↔ «сирена». Но в стих. «Чернозем» говорится про воронежскую землю (= «чернозем»): «Вся рассыпаючись, вся образуя **хор**¹⁷⁵, – // Комочки влажные моей земли и воли». Отсюда «хор Мандельштама» = «чернозем» ↔ «сирена». Поэтому «чернозем» – сиреневый = **лиловый** и т. д.

(е) В завершение вернемся к приведенному в конце п. 3 отрывку 1935 г.: «Это я. Это Рейн. Браток, помоги. // Празднуют первое мая враги. // Лорелеиным гребнем я жив, я теку // Виноградные жилы разрезать в соку».

Напомним, что в конце п. 3 была продемонстрирована связь «Лорелеина гребня» с «текущей **венозной** кровью». Эта связь подкрепляется в этом же фрагменте связью «Лорелеина гребня» с «виноградом в соку», ведь последний суггестирует фрагмент «И, кровью набухнув венозной, Предзимние розы цветут» («Армения») ¹⁷⁶ и, тем самым, снова тянет «венозную кровь». Тем самым, «гребень» устойчиво связывается с «темно-красно-**лиловой**» цветовой гаммой венозной крови, что и придает ему **лиловую** окраску.

5. О смыслах последней (8-й) строфы «Стансов».

И не ограблен я и не надломлен,
Но только что всего переогромлен...
Как Слово о Полку, струна моя туга,
И в голосе моем после удушья
Звучит земля – последнее оружие –
Сухая влажность черноземных га!

¹⁷⁴ «Где связанный и пригвожденный стон, // Где Прометей – скалы подспорье и пособие?» (1937).

¹⁷⁵ Необходимо здесь отметить высоковероятную побочную (хотя это оксюморон) омофоническую связь: РАССЫПАЮЧИСЬ, ХОР → идиш [hor] 'волосы' (= нем. Наг, присутствует в тексте Гейне, см. эпиграф) → «рассыпающиеся волосы» → роскошные **рассыпающиеся по плечам волосы** Лорелеи, которые она и расчесывает своим ГРЕБНЕМ.

¹⁷⁶ Дело в том, что здесь работает русс.-нем. связь: РОЗЫ = Rosen 'розы' → (пар.) Rosine(n) 'изюм, сухой виноград' → (асс.) «виноград».

Боян бо вещей, аще кому хотяше песнь
творити...

Слово о полку Игореве

5.1. Посмотрим «попристальнее» на начало 8-й строфы: «И не о-**ГРАБ**-лен я...». Здесь рутинная для Мандельштама семантическая обработка консонантного набора [GRB] дает более релевантный, чем «грабеж», смысл: «я все-таки жив, не положен в **гроб**, в **могилу** (нем. **Grab** = ‘могила’)».

5.2. Вся строфа является очевидной стёбной «ответкой» на пафосную строфу из поэмы Л. Длигача «**Слово о деревне**», опубликованной чуть ранее в февральском номере «Нового мира», которую Мандельштам, видимо, воспринял как нападение на себя:

Я вижу: в миллионы **га**
Расчерчена страна.
Я в **песне** познаю врага –
Его **последняя струна** –
Еще **туга**¹⁷⁷.

Скрытая насмешка в «ответке»¹⁷⁸ связана со специфическим отношением четы Мандельштамов к Длигачу, с которым они были хорошо знакомы еще по Москве и которого (как можно понять из мемуарных текстов) презирали и опасались, считая его, видимо, одним из многочисленных трусливых и склонных к доносу комсомольских графоманов типа «картонного гиревика» Безыменского и т. д.

¹⁷⁷ Соответствие этих строф подробно разбирает Д. Лахути в [38, с. 143–146]. Мне представляется, что Д. Лахути всё же слишком «мрачно» воспринял этот, в общем, достаточно оптимистический пассаж.

¹⁷⁸ Чего стоит одно только стёбное сравнение своего творчества со «Словом о полку»! Отметим здесь же, что «струна туга» суггестивует использование «струны» в качестве детали оружия типа тетивы лука и немедленно отсылает к известной метафоре А. Белого: «Мы должны – “струны лиры натянуть на лук тетивой”», см. напр.: *Белый А.* Начало века, М., 1933 (конец главки «Вячеслав Иванов»).

Мандельштам как бы говорит здесь Длигачу (и всем длигачам): ты меня считаешь врагом? Да, я твой враг, бойся меня, я «аудиальный» террорист, мое оружие – голос (устное слово, песня), и в нем звучит «террор», потому что в нем звучит ЗЕМЛЯ (= TERRA!) и ВОЛЯ¹⁷⁹, «черный (ЧЕРНОЗЕМНЫЙ) передел»¹⁸⁰ и даже продолжает звучать «ТУГАЯ СТРУНА БО»¹⁸¹!

¹⁷⁹ «Комочки влажные моей земли и воли».

¹⁸⁰ «Измеряй меня, край, **перекраивай**».

¹⁸¹ Как в начале «Слова о полку», см. эпиграф к п. 5.

Библиография

- [1] *Мандельштам О.* Сочинения. В 2 т. / Сост. П. М. Нерлер. М., 1990.
- [2] *Мандельштам О.* Собр. произв.: Стихотворения / Сост. С. В. Василенко, Ю. М. Фрейдин. М., 1992.
- [3] *Городецкий Л.* Квантовые смыслы Осипа Мандельштама: семантика взрыва и аппарат иноязычных интерференций. М., 2012.
- [4] *Горнфельд А.* Русское слово и еврейское творчество // Еврейский альманах. М.; Петроград, 1923.
- [5] *Тименчик Р.* Еврейские подтексты в «Египетской марке» Осипа Мандельштама // *Jews and Slavs.* Jerusalem; St. Petersburg, 1993. Vol. 1.
- [6] *Пауль Целан.* Материалы, исследования, воспоминания. М.; Иерусалим, 2004. Т. 1.
- [7] *Мандельштам Н.* Вторая книга. М., 1999.
- [8] *Герштейн Э.* Мемуары. СПб., 1998.
- [9] *Мандельштам Н.* Воспоминания. М., 1989.
- [10] *Селищев А.* Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). 2-е изд. М., 2003.
- [11] *Кнут Д.* Собр. соч. в 2 т. / Сост. В. Хазан. Иерусалим, 1998.
- [12] *Гладков А.* Поздние вечера. М., 1986.
- [13] *Эйхенбаум Б.* О литературе / Коммент. Е. Тоддеса. М., 1987.
- [14] *Компанеец А.* Что такое квантовая механика? М., 1977.
- [15] *Лекаш Б.* Радан великолепный / Пер. с фр. и предисл. О. Мандельштама. Прилож. Д. Сегала. М.; Иерусалим, 2004.
- [16] *Городецкий Л.* Немецкий язык в дискурсе Осипа Мандельштама // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 4/1. М., 2008.
- [17] *Жирмунский В.* Поэтика русской поэзии. СПб., 2к.
- [18] *Городецкий Л.* Идиш в дискурсе Осипа Мандельштама // *Judaica Rossica:* Сб. ст. Вып. 4. М., 2006.
- [19] *Одоевцева И.* На берегах Невы. М., 1988.
- [20] *Мусатов В.* Лирика Осипа Мандельштама. Киев, 2000.
- [21] *Аверинцев С.* Так почему же все-таки Мандельштам? // Новый мир. – 1998. – № 6.

- [22] *Гинзбург Л.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2К.
- [23] *Заславский Д.* Современные немецкие писатели-евреи // Еврейская летопись. Сб. третий. Л.; М., 1924.
- [24] *Заславский Д.* Евреи в русской литературе // Еврейская летопись. Сб. первый. Петроград, 1922.
- [25] *Андреев В.* Возвращение в жизнь // Звезда. – 1969. – № 5.
- [26] *Гаспаров М.* О русской поэзии. СПб., 2к.
- [27] *Волошина М.* О Максе, о Коктебеле, о себе. Феодосия; М., 2003.
- [28] *Горнфельд А.* Научная глоссология // Муки слова: Сб. статей автора. М.; Л., 1927. (перепечатка с дополнениями статьи 1922 г.).
- [29] *Ронен О.* Лексический повтор, подтекст и смысл в поэтике Осипа Мандельштама // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 3/1. М., 2000.
- [30] *Иванов Г.* Мемуары. Литературная критика // Собр. соч. в 3 т. М., 1994. Т. 3.
- [31] *Шиндин С.* О некоторых смысловых составляющих мотива полета в художественном мире Мандельштама // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
- [32] *Mittelman H.* Jüdische Expressionisten: Identität im Aufbruch – Leben “im Aufschub” // Jüdische Selbstwahrnehmung. Tübingen, 1997.
- [33] *Чуковский К.* Дневник. М., 1994. Т. 2.
- [34] *Мандельштам О.* Стихотворения. Проза // Коммент. М. Гаспарова. М., 2к.
- [35] *Видгоф Л.* Москва. Материалы к Мандельштамовской энциклопедии // Параллели. М., 2003.
- [36] *Каганская М.* Осип Мандельштам – поэт иудейский // Сион. – 1977. – № 20.
- [37] *Рашковский Е.* К метапоэтике еврейского анекдота в России // Параллели. М., 2003.
- [38] *Катаев В.* Алмазный мой венец; Повести. М., 1981.
- [39] *Спивак Р.* Смеющийся еврей в русской литературе XIX в. // Праздник – обряд – ритуал в славянской и еврейской культурной традиции: Сб. ст. М., 2004.
- [40] *Тынянов Ю.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

- [41] *Седых А.* Далекие, близкие. М., 1995.
- [42] *Петрова Н.* Семантика черемухи в поэзии О. Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта. М., 2к.
- [43] *Топоров В.* К исследованию анаграмматических структур (анализы) // Исследования по структуре текста. М., 1987.
- [44] *Гиля Лоран Voila:* Антология жанра. М.; Тверь, 2004.
- [45] Мандельштам – победитель истории (беседа с Ярославом Рымкевичем) // Русская мысль. – 1985. – 12 июля (№ 3557).
- [46] *Пахольский А.* Чтение в метро «Буасьер – Анвер» // Новая Польша. – 2004. – № 7–8.
- [47] *Фромм Э.* Библейская концепция человека. Пер. с англ. // Таргум. СПб., 1991.
- [48] *Хазанов О.* Установка на реализацию в еврейском религиозно-историческом сознании // Мат. 8-й ежегод. междунар. междисц. конф. по иудаике. М., 2к. Ч. 2.
- [49] *Шихова И.* Идишская литература как часть мировой карнавальской культуры: от Шолом-Алейхема до Шрайбмана // Мат. 8-ой ежегод. междунар. междисц. конф. по иудаике. М., 2к. Ч. 2.
- [50] Переписка В. В. Розанова с М. О. Гершензоном. 1908–1918 // Таргум. СПб., 1991.
- [51] *Мандельштам О.* Собр. соч. в 4 т. / Под ред. Г. Струве и Б. Филиппова. М., 1991.
- [52] *Гервер Л.* Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов. М., 2к.
- [53] *Huntington, Samuel P.* The Clash of Civilizations // Foreign Affairs. Summer 1993. Vol. 72. No. 3.
- [54] *Гумилев Л.* Русь и великая степь. М., 1989.
- [55] *Клепикова Г.* Семантика карпато-балканского StrIg- в свете характеристики некоторых мифологических персонажей («компонент движение») // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
- [56] *Вознесенский А.* Слово – это Бог // Известия. – 1991. – 15 января.
- [57] *Лукницкая В.* Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990.
- [58] *Kogos, F.* 1k Yiddish Proverbs. Secaucus, N. J., 1974.
- [59] Воспоминания о серебряном веке / Сост. В. Крейд. М., 1993.

- [60] Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
- [61] *Dutli, R. Meine Zeit, mein Tier. Ossip Mandelstam. Eine Biographie.* Zurich, 2003.
- [62] *Мандельштам О.* Египетская марка. Неизданные фрагменты / Публ. и текстолог. обработка С. Василенко и Ю. Фрейдина // Наше наследие. – 1991. – № 1.
- [63] *Ковельман А.* Фарс в Талмуде // Библейские исследования. Еврейская мысль: Мат. 6-ой ежегод. междунар. междисц. конф. по иудаике. М., 1999. Ч. 1.
- [64] *Мандельштам О.* Шум времени / Подгот. текста С. Василенко, А. Морозова; коммент. А. Морозова. М., 2К.
- [65] Копия письма А. Куприна к Д. Батюшкову от 18.03.1909. РО Ин-та русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. Ф. № 20. Ед. хр. 15125.
- [66] Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / Сост. О. Фигурнова, М. Фигурнова. М., 2К.
- [67] Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Виленкин, В. Черных. М., 1991.
- [68] *Герштейн Э.* Мемуары. М., 2К.
- [69] *Бубер М.* Избранные произведения. Иерусалим, 1979.
- [70] *Слезкин Ю.* Эра Меркурия: Евреи в современном мире. М., 2005.
- [71] Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Сб. ст. Воронеж, 1990.
- [72] *Мандельштам О.* Собр. соч. в 4 т. / Сост. П. Нерлер и др. М., 1993–1997. Т. 1–4.
- [73] *Ларин Ю.* Евреи и антисемитизм в СССР. М.; Л., 1929.
- [74] *Свеницкая И.* Тайные писания первых христиан. М., 1981.
- [75] *Вайскопф М.* Птица-тройка и колесница души. М., 2003.
- [76] *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия. М., 2004.
- [77] *Топоров В.* Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверхэмпирическом смысле глагола «стоять» ... // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
- [78] *Weinreich M.* History of the Yiddish Language. Chicago and London, 1980.
- [79] *Николаева Т.* Единицы текста и теория текста // Исследования по структуре текста. М., 1987.

- [80] *Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
- [81] *Бергсон А.* Творческая эволюция. М., 2006.
- [82] *Левин Ю., Сегал Д., Тименчик Р., Топоров В., Цивьян Т.* Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // *Смерть и бессмертие поэта.* М., 2к.
- [83] *Чуковский К.* О том, что видел. М., 2005.
- [84] *Жолковский А.* Избранные статьи о русской поэзии. М., 2005.
- [85] *Спивак М. О. Э.* Мандельштам и П. Н. Зайцев (к вопросу об истории, текстологии и прочтении стихотворного цикла «Памяти Андрея Белого») // *Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 4/1.* М., 2008.
- [86] *Белый А.* В начале века / Предисл. Л. М. Каменева. М.; Л., 1933 (репринт: М., 1990).
- [87] *Амелин Г., Мордерер В.* Миры и столкновенья Осипа Мандельштама. М., 2к.
- [88] *Городецкий Л.* Пульса ди-нура Осипа Мандельштама: последний террорист БО. М., 2018.
- [89] *Розенталь Л.* Мандельштам. Бородатый Мандельштам (мемуары) // *Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 1.* М., 1991.
- [90] *Гыдов В. О.* Мандельштам и воронежские писатели // *Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 2.* М., 1993.
- [91] *Волошин М.* Путник по вселенным. М., 1990.
- [92] *Krech E.-M. und and.* Wörterbuch der deutschen Aussprache. Leipzig, 1974.
- [93] *Эренбург И.* Портреты русских поэтов. Берлин, 1922.
- [94] *Лекманов О.* Осип Мандельштам. М., 2004.
- [95] *Осип Мандельштам.* Последние творческие годы // *Новый мир.* – 1987. – № 10.
- [96] *Жирмунский В.* История немецкого языка. М., 1948.
- [97] *Городецкий Л.* «Германский монитор», черемуха и комментирование текстов Мандельштама // *Эдиционная практика и проблемы текстологии: Сб. ст. М., 2006.*
- [98] *Топоров В.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995.
- [99] *Хлебников В.* Собр. соч. в 6 т. Т. 6. Книга вторая. М., 2006.
- [100] *Левинтон Г.* Поэтический билингвизм и межъязыковые явления (Язык как подтекст) // *Вторичные моделирующие системы: Сб. ст. Тарту, 1979.*

- [101] *Лотман М.* Манделъштам и Пастернак (попытка контрастивной поэтики). Таллин, 1996–1997.
- [102] *Успенский Б.* Поэтика композиции. СПб., 2000.
- [103] *Жолковский А.* Клавишные прогулки без подорожной // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 3/1. М., 2000.
- [104] Русско-еврейский (идиш) словарь / Под ред. М. Шапино и др. М., 1984.
- [105] *Harkavy A.* Yiddish-English-Hebrew Dictionary. N.Y., 1988.
- [106] *Лифшиц О.* Русско-новоеврейский словарь. Житомир, 1869.
- [107] *Weinreich U.* Modern English-Yiddish & Yiddish-English Dictionary. N. Y., 1977.
- [108] *Найман А.* Рассказы об Анне Ахматовой. М., 1999.
- [109] *Черных П.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994.
- [110] Dictionnaire des mots d'origine hébraïque et araméenne en usage dans la langue Yiddish (compilé par Yitskhok Niborski). Paris, 1999 (идиш, иврит).
- [111] Большой немецко-русский словарь / Под ред. О. Москальской. М., 1998.
- [112] *Wasserzieher E.* Ableitendes Wörterbuch der Deutschen Sprache. Berlin; Bonn, 1930.
- [113] *Менский М.* Концепция сознания в контексте квантовой механики // Успехи физических наук. – 2005. – Т. 175 (Вып. 4).
- [114] *Аверинцев С.* Страх как инициация: одна тематическая константа поэзии Манделъштама // Смерть и бессмертие поэта. М., 2к.
- [115] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996.
- [116] *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Strassburg, 1910.
- [117] Немецко-русский словарь / Сост. И. Павловский. Рига, 1902.
- [118] *Любченко В.* Евреи в городском политическом фольклоре Украины 1920-х годов // Тирош: Сб. ст. Вып. 6. М., 2003.
- [119] *Нерлер П.* Манделъштамовская конференция в Лондоне // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 3/2. М., 2000.

- [120] *Перцов Н.* Игроки (Пары истолкованья Осипа Мандельштама) // Вопросы литературы. – 2к. – № 6.
- [121] *Mandelstam O.* Die beiden Trams / Russ. übertr. von Ralph Dutli. Zürich, 2000.
- [122] Русско-немецкий словарь / Сост. И. Павловский. Рига, 1900.
- [123] Полный русско-новоеврейский словарь / Сост. И. Дрейзин. Варшава, 1913.
- [124] *Сегал Д.* Еще один неизвестный текст Мандельштама? // SLAVICA HIEROSOLYMITANA. Vol. III. The Hebrew Univ., Jerusalem, 1978.
- [125] *Paul H.* Deutsches Wörterbuch. Halle, 1960.
- [126] Полный русско-немецкий словарь / Сост. Н. Макаров, В. Шеерер. СПб., 1911.
- [127] *Горнфельд А.* Жаргонная литература на русском книжном рынке // Еврейский мир: Ежемесячник. Январь. СПб., 1909.
- [128] *Birnbaum S.* Yiddish. A Survey and a Grammar. Toronto, 1979.
- [129] *Соколова Н.* Кое-что вокруг Мандельштама // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 3/2. М., 2000.
- [130] *Эпштейн М., Юркина Е.* Образы детства // Новый мир. – 1979. – № 12.
- [131] *Маковский С.* Портреты современников. М., 2000.
- [132] *Миндлин Э.* Необыкновенные собеседники. М., 1979.
- [133] *Pollak N.* Mandelstam the Reader. Baltimore; London, 1995.
- [134] *Апресян Ю.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 35. М., 1997.
- [135] *Эйхенбаум Б.* Конспект речи о Мандельштаме // «Мой современник»...: художественная проза и избранные статьи 20–30-х годов. СПб., 2к.
- [136] *Эйхенбаум Б.* Мой современник // «Мой современник»...: художественная проза и избранные статьи 20–30-х годов. СПб., 2к.
- [137] *Ганицфрид С.* Киццур шульхан арух. М., 2006.
- [138] *Шпенглер О.* Закат Европы. Новосибирск, 1993.
- [139] *Флоренский П.* Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М., 2004.

- [140] *Флоренский П.* Имена. М., 2003.
- [141] *Сошкин Е.* Горенко и Мандельштам. М., 2005.
- [142] *Панова Л.* «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. М., 2003.
- [143] *Видгоф Л.* Москва Мандельштама: книга-экскурсия. М., 2006.
- [144] О. Э. Мандельштам, его предшественники и современники: Сб. материалов к Мандельштамовской энциклопедии / Сост. И. Делекторская, Дж. Мамедова, П. Нерлер, И. Ряховская, Ю. Фрейдин. М., 2007.
- [145] *Бугаев Б. (Белый А.)* На перевале. XIV. Штемпелеванная культура // Весы: Ежемесячник. – 1909. – № 9.
- [146] *Поляновский Э.* Гибель Осипа Мандельштама. Петербург; Париж, 1993.
- [147] *Белый А.* Серебряный голубь. М., 1990.
- [148] *Хазан В.* Довид Кнут: судьба и творчество. Лион, 2000.
- [149] *Эпштейн М.* Хасид и талмудист: сравнительный опыт о Пастернаке и Мандельштаме // Звезда. – 2000. – № 4.
- [150] *Мец А.* Осип Мандельштам и его время: анализ текстов. СПб., 2005.
- [151] *Лихачев Д., Панченко А.* «Смеховой мир» древней Руси. Л., 1976.
- [152] *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1983.
- [153] *Мельчук И.* Курс общей морфологии. М.; Вена, 1997. Т. 1.
- [154] *Вежбицка А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- [155] *Болтянский В., Ефремович В.* Очерк основных идей топологии // Математическое просвещение: Сб. ст. Вып. 2. М., 1957.
- [156] *Ямпольский М.* Сообщество одиночек: Арендт, Беньямин, Шолем, Кафка // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 67.
- [157] *Зинченко В., Зусман В., Кириозе З.* Межкультурная коммуникация: системный подход. Н.-Новгород, 2003.
- [158] *The Purim Anthology / Ed. by P. Goodman.* Philadelphia, 1973.
- [159] *Мандельштам Н.* Об Ахматовой / Сост. П. Нерлер. М., 2007.

- [160] *Хазанов О.* Установка на инновацию в еврейском религиозно-историческом сознании // Мат. 9-ой ежегод. междунар. междисц. конф. по иудаике. М., 2К. Ч. 2.
- [161] *Топоров В.* Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М., 1987.
- [162] *Горнунг Б.* Поход времени. В 2 кн. Кн. 1: Стихи и переводы. М., 2к.
- [163] *Копылкова Е.* Еврейский анекдот как материал для анализа семейных отношений // Тирош: Сб. ст. Вып. 7. М., 2005.
- [164] *Зеленина Г.* От скипетра Иуды к жезлу шута: придворные евреи в средневековой Испании. М., 2007.
- [165] *Бубер М.* Два образа веры. М., 1995.
- [166] *Белова О., Петрухин. В.* «Еврейский миф» в славянской культуре. М., 2008.
- [167] *Берковский Н.* Текущая литература: статьи критические и теоретические. М., 1930.
- [168] *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя: морфология, идеология, контекст. М., 2К.
- [169] *Святополк-Мирский Д.* История русской литературы. Новосибирск, 2005.
- [170] *Белова О.* Евреи и нечистая сила // Дьявол и евреи. М., 1998.
- [171] *Гильдебрандт-Арбенина О.* Девочка, катящая серсо... М., 2007.
- [172] *Пастернак Л.* Полн. собр. соч. в 11 т. М., 2003–2005.
- [173] *Брюсов В.* Среди стихов // Печать и революция. М., 1923. – Книга шестая.
- [174] *Киришаум Г.* «Органный голос масс» (Мандельштам – переводчик немецкой революционной поэзии) // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 4/1. М., 2008.
- [175] *Колкер М.* «Ушастый троцкист» // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 4/1. М., 2008.
- [176] *Галушкин А.* Из разысканий об О. Э. Мандельштаме // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 4/1. М., 2008.
- [177] «Я всегда Вас помнила...» (Письма Н. Я. Мандельштам к Н. Я. Берковскому) // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 4/1. М., 2008.

- [178] «В споре о Бродском» (Письма Надежды Мандельштам Александру Гладкову) // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 4/1. М., 2008.
- [179] *Громова Н.* Узел. Поэты: дружбы и разрывы (Из литературного быта конца 20-х – 30-х годов). М., 2006.
- [180] *Тименчик Р.* Что вдруг: статьи о русской литературе прошлого века. М., 2008.
- [181] *Мандельштам О. Э.* Начало перевода сказки Э. Т. А. Гофмана «Золотой горшок» // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 4/1. М., 2008.
- [182] *Левченко Я.* «Грифельная ода» О. Мандельштама как сверхметатекст.
- [183] Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона / Сост. Д. Балдаев и др. Одинцово, 1992.
- [184] *Мандельштам О.* Камень / Сост., статьи, коммент. Л. Я. Гинзбург, А. Г. Меца, С. В. Василенко, Ю. Л. Фрейдина Л., 1990.
- [185] Введение в Талмуд: Сб. ст. Тель-Авив – Нью-Йорк, 1985. Ч. 1.
- [186] *Шенталинский В.* Рабы свободы: документальные повести. М., 2009.
- [187] *Левин Ю.* Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998.
- [188] *Лотман Ю.* Культура и взрыв. М., 1992.
- [189] *Скляревская Г.* Метафора в системе языка. СПб., 2004.
- [190] *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2007.
- [191] *Эйхенбаум Б.* Анна Ахматова: опыт анализа. Петербург, 1923.
- [192] *Мандельштам О.* «Полон музыки, музы и муки...»: Стихи и проза / Сост., вступ. ст. и комм. Б. Каца. Л., 1991.
- [193] *Старкина С.* Велимир Хлебников. М., 2007.
- [194] *Хлебников В.* Собр. произведений в 5 т. Т. 5. Л., 1933.
- [195] *Киришаум Г.* «Валгаллы белое вино...»: немецкая тема в поэзии О. Мандельштама. М., 2010.
- [196] *Нерлер П.* Слово и «дело» Осипа Мандельштама. М., 2010.
- [197] *Иванов Вяч. Вс.* Дуальные структуры в антропологии: курс лекций. М., 2008.

- [198] *Иванов Вяч. Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том I. М., 1998.
- [199] *Лахути Д.* Образ Сталина в стихах и прозе Мандельштама. М., 2008.
- [200] *Городецкий Л.* Текст и мир на листе Мёбиуса: языковая геометрия Осипа Мандельштама vs. еврейская цивилизация. М., 2008.
- [201] *Амелин Г., Мордерер В.* Письма о русской поэзии. М., 2009.
- [202] *Пелипенко А.* Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. М., 2007.
- [203] *Хлебников В.* Собр. произведений в 5 т. Т. 4. Л., 1930.
- [204] *Багратион-Мухранели И.* О некоторых источниках исторической концепции «Египетской марки»: Мандельштам, Толстой и масонство // «Отдай меня, Воронеж...». Третьи междунар. Мандельштамовские чтения: Сб. ст. Воронеж, 1995.
- [205] *Липкин С.* Квадрига. М., 1997.
- [206] *Панова Л.* «Друг Данте и Петрарки друг». Статья 1. Мандельштамовское освоение «Божественной комедии» и судьбы Данте // «Миры Осипа Мандельштама». IV Мандельштамовские чтения: Сб. ст. Пермь, 2009.
- [207] *Мандельштам О.* Полн. собр. соч. и писем в 3 т. / Сост. А. М. Мец, 2009–2011. Т. 1–3.
- [208] *Флоренский П.* Мнимости в геометрии. М., 2008.
- [209] *Лотман Ю.* Текст как динамическая система // Тезисы симпозиума «Структура текста – 81». М., 1981.
- [210] Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. Материалы об О. Э. Мандельштаме». СПб., 1997.
- [211] *Постон Т., Стюарт И.* Теория катастроф и ее приложения. М., 1980.
- [212] *Хлыстова А.* Магия поэтики О. Мандельштама. М., 2009.
- [213] *Топоров В.* Из исследований в области анаграмм // Тезисы симпозиума «Структура текста – 81». М., 1981.
- [214] *Успенский Ф.* «Ублюдок старых лет». Из наблюдений над поэтической лексикой О. Э. Мандельштама // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 5/2. М., 2011.
- [215] *Манин Ю.* Математика как метафора. М., 2008.
- [216] *Вайскопф М.* Писатель Сталин. М., 2К.

- [217] *Лекманов О.* Ворованный воздух. М., 2016.
- [218] *Мандельштам Н.* Третья книга. М., 2006.
- [219] *Рикёр П.* Живая метафора // Теория метафоры: Сб. ст. М., 1990.
- [220] *Успенский П., Файнберг В.* Поэтический язык О. Мандельштама: идиоматика и семантика. М., 2020.
- [221] *Гейзенберг В.* Физика и философия. М., 1963.
- [222] *Кронгауз М.* Семантика. М., 2005.

Городецкий Лев Рафаилович

ДИНАМИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ТЕКСТА
И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА
ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

Редактор *Н. Заикина*
Компьютерная верстка *И. Пичугин*

Отзывы на книгу можно присылать по адресу:
levgorod22@yandex.ru